Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ НА ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНЕ

СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ И СТАТЕЙ

ИЗДАНИЕ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ИСТПАРТА И ОКРУЖНОЙ КОМИССИИ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ 10-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ НА ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНЕ

СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ И СТАТЕЙ

ИЗДАНИЕ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ИСТПАРТА И ОКРУЖНОЙ КОМИССИИ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ 10-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1927

Дніпропетровське, друк. ім. 25-річчя ВКП Поліграфтресту № 5516-3000. Окрліт № 4078 з 26/IX 1927 року.

Предисловие

Настоящий сборник не претендует на то, чтобы дать исчерпывающий материал по истории Октябрьской революции на Екатеринославщине.

Перегруженность текущей работой непосредственных участников переворота, гибель за годы войны и эвакуации значительной части партийного и советского архива, гибель многих товарищей, которые могли бы быть полезными в восстановлении событий, участниками которых они были, а также сравнительно короткий период, в течение которого было приступлено к разработке истории Октябрьской Революции,— все это не могло не отразиться на сборнике.

Но и то, что удалось до сих пор собрать, является настолько интересным и ценным по истории Октября на Екатеринославщине, что Истпарт считает необходимым к 10-й годовщине Октябрьской Революции этот материал издать.

Иллюстрация первых двух лет героической борьбы за диктатуру пролетариата послужит лишним доказательством правильности большевистской тактики, с помощью которой наша партия, вместе с рабочими и крестьянами, успешно вступает в полосу второго десятилетия пролетарской диктатуры.

Перед лицом стоящих перед нами трудностей мы будем бодрость черпать не только в наших достижениях на сегодняшний день, но и в героических страницах нашего прошлого.

Днепропетровск — крупный пролетарский и индустриальный центр. Роль днепропетровских рабочих, как и рабочих всей б. России, в свержении русских помещиков и капиталистов—велика.

Через освещаемые в сборнике первые два года революции, как и на протяжении всего периода существования ВКП, красной нитью проходит близость масс и ее доверие к своему авангарду.

Рабочие и крестьяне в грозные дни борьбы за власть на конкретных уроках борьбы убедились в том, что только под руководством ВКП они победили, побеждали и будут побеждать.

А авангард побеждал своей связью с массами и сплоченностью своих рядов.

В настоящий сборник помещены разные моменты в истории борьбы трудящихся Днепропетровщины за Октябрь. В сборник вошли наиболее ценные из воспоминаний, собранных в Днепропетровске, а также в Москве, группой содействия Истпарту.

Некоторые из затрагиваемых в сборнике моментов уже освещались в истпартовской литературе (ст. тт. Гопнер, Жуковского), но мы сочли необходимым поместить их, в интересах сохранения цельности сборника.

Сборник снабжен также тремя статьями, имеющими целью, по мере возможности, обобщить и скрепить материал, разбросанный в отдельных воспоминаниях, чтобы ввести читателя в курс событий и помочь ему увязать в памяти разрозненный фактический материал.

Несмотря на то, что материал подвергался тщательной проверке, мы все же в праве требовать от старых большевиков, от участников описываемого периода, от читателя—указаний, своих поправок по поводу помещенных в сборнике статей.

Днепропетровский Истпарт
при Окружкоме КП(б)У

Введение

Февральская революция в Екатеринослав „пришла по телеграфу"— говорила т. Гопнер на апрельской конференции большевиков. В этом дана характеристика мирного перехода к послефевральским отношениям в Екатеринославе, не сопровождавшегося боевыми выступлениями революционных масс. Старый порядок, после падения в основных политических центрах страны, не мог, естественно, сопротивляться и на периферии. Екатеринослав, как важнейший пролетарский центр, насчитывавший вместе с Каменским до 75 тысяч рабочих, — не нуждался ни в воздействии извне, ни в физической помощи. Достаточно было сообщения по телеграфу, чтобы революция вышла на улицу и стала фактом. Растерянные фигуры городовых и не менее беспомощная фигура губернатора, запоздало ставящего вопрос рабочим о доверии на собрании демократических организаций, являет собою яркие иллюстрации бессилия старой власти, одновременно свидетельствуя, что даже ее представители понимали, кто делается хозяином положения в Екатеринославе на другой день после революции. В течение нескольких дней происходила лихорадочная работа по самоорганизации различных классов, групп, партий. 2, 3 и 4 марта где стихийно, а где по инициативе „Временной Комиссии", созданной меньшевиками из представителей больничных касс, кооперативов, профорганизаций и заводов, происходят митинги и выборы в Совет рабочих депутатов, находившийся первое время под руководством меньшевиков и эс-эров. „Разве для Екатеринослава не действовали закономерно те причины, которые вызвали такую же картину" и в Петрограде, и в Москве и по всей России, „когда рабочие массы после мрачнейших дней реакции и военной диктатуры не сразу оценили положение, пожалуй, первые дни переживали и сомнение в окончательной победе над царизмом, когда перед ними еще неотвязно стоял призрак разбитой революции 1905 г., когда главной заботой масс было не разорвать фронта с солдатской массой в то время, когда эта солдатская масса еще полностью находилась во власти политического угара, — словом, когда мелкобуржуазная стихия захлестывала собою, как щепку, сознательный пролетарский авангард" [1]).

Работа меньшевиков и эсеров, оформлявших эти настроения, приводила зачастую к враждебному отношению со стороны части рабочих к большевикам. В том же направлении действовала и атмосфера лжи и провокации, созданная вокруг партии большевиков.

„Уходите с вашей газетой, — говорили иногда товарищам, распространявшим „Звезду", — от нее несет шпионажем; привезли Ленина в запломбированном вагоне, да и нас хотите одурачить" [2]).

Все же тактика „терпеливого раз'яснения" массам содержания происходящих событий, ясность, внесенная в большевистскую агитацию

[1]) Гопнер.
[2]) Ризоль.

с приездом т. Ленина, на фоне таких „раз'ясняющих" событий, как нота Милюкова, наступление на фронте и проч., давала свои результаты. Лозунг „вся власть советам" делается достоянием широких масс. В это время (конец апреля) большевистская организация окрепла и организационно, хотя количественная слабость не давала возможности удовлетворять все возроставший спрос на большевистское руководство. Несмотря на вопли меньшевиков о том, что большевики своей агитацией раскалывают единый фронт „революционной демократии", массы все больше и теснее стали сплачиваться вокруг большевистской организации и ее лозунгов. К концу апреля колебания по вопросу о слиянии с меньшевиками, имевшиеся кое-где (Амур-Н.-Днепровск), были изжиты. В переговорах, происходивших в мае, по вопросу о выборах в Городскую Думу отношение к меньшевикам было заострено настолько, что даже техническое соглашение с ними было признано невозможным.

В июне месяце поднимается в Екатеринославе волна стачечного движения, вызванная локаутом, который организовали заводчики под покровом общего промышленного кризиса, как ответ на стихийно введенный 8-часовый рабочий день и как начало знаменитого плана удушения революции „костлявой рукой голода".

Меньшевики, потерявшие к этому времени свое влияние на массы, остановить начавшегося движения были не в состоянии. Понадобилась прямая угроза в виде приезда черноморских моряков во главе с Баткиным, которые „приехали сюда для того, чтобы проверить слухи, что рабочие местных заводов недостаточно напряженно работают". [1]) Начиная с Брянского завода, влияние большевиков начинает охватывать один завод за другим. После Всеросийского с'езда советов Амур-Нижнеднепровские мастерские, где раньше сильно было влияние эс-эров, принимают резолюцию с требованием передачи всей власти Советам и посылают приветственную телеграмму Ц. К. большевиков. Темп полевения масс был настолько стремителен, что каждое новое событие, каждый новый факт общественно-политической жизни страны поднимал все новые слои пролетариата до уровня сознательности его авангарда. Там же, в Амур-Нижнеднепровских мастерских, перевыборы Совета дали победу эс-эрам, но когда через несколько дней принимали наказ, выбранные эс-эры в недоумении спрашивали большевиков: „как же тут быть, не можем же мы проводить ваш наказ", потому что наказ был принят уже большевистский. Все же Совет Р. Д. оставался в июне—июле в руках меньшевиков и эс-эров. На заседании 24-го июня Совет постановил в целях борьбы с контр-революцией провести митинг протеста и послать делегацию в Петроград и Севастополь. Большевистская резолюция,—требовавшая радикальных мер в борьбе с разрухой, в виде контроля над банками, синдикатами и торг.-промышлен. предприятиями, перехода всего производственного дела и распределения в руки Совета, смещения контр-революционных начальников и об'единения всех сил революции вокруг Советов для превращения их в полновластные органы власти,— Советом была отвергнута. Давление масс заставляло Совет ставить и обсуждать вопросы борьбы с контр-революцией, но отдавало еще руководство этой борьбой в руки меньшевиков и эс-эров.

4-го июля Совет осуждает питерские события 3—5-го июля, как попытку одной части „революционной демократии" навязать свою волю

[1]) Аверин.

большинству. Льются меньшевистские слезы по поводу „вероломства“ кадетов, вышедших из министерства. Иначе оценивала создавшийся кризис большевистская „Звезда“. Указывая источник кризиса в противоречивости интересов представленных в правительстве классов, осуждая попытки ЦИК'овского большинства „примирить непримиримое“,—„Звезда“ звала к использованию кризиса „для доведения революции до конца, до перехода власти в руки революционного класса“.

Но, несмотря на слабость позиции в Совете, несмотря на атмосферу травли и погромной агитации, окружавшую большевиков после июльских дней, их авторитет в низах был так велик, что на более агрессивные действия по отношению к ним меньшевики так и не решились, хотя погромные призывы слышались в самом Совете.

От побед на митингах, от проведения своих резолюций большевики шли к организационному закреплению своего влияния, овладевая профорганизациями, фабрично-заводскими комитетами. Значительный сдвиг в сторону большевиков был заметен и среди гарнизона. Помешать этому не могли ни попытки отдельных начальников изолировать солдатскую массу от большевиков, ни процессы, которые пытались создать против отдельных товарищей, как, например, против Г. И. Петровского, обвинявшегося в разложении гарнизона. К августу роли меньшевиков и большевиков переменились. В мае еще можно было толпой оголтелых мелких буржуа травить товарища Бека (большевика); теперь уже меньшевики вынуждены спасаться от гнева солдатской массы на митингах, и спасаться только благодаря авторитету и влиянию большевиков [1]). Корниловский мятеж наносит последний удар влиянию меньшевиков. В ночь, когда было получено сообщение об этом, они ищут большевиков, не решаясь сами обратиться к массам. На солдатском митинге они уже не выступали. Недавние „властители дум“, они теперь просто боятся масс. Эта боязнь сказалась и в выступлениях меньшевиков на конференции завкомов, полковых комитетов, правлений союзов и политических партий, происходившей 1-го сентября. По мнению докладчика Альтера (бундовца), виноватыми в корниловщине оказывались и реакционные стремления буржуазии, и попустительство командному составу со стороны Вр. Пр-ва, и рознь в среде демократии (кивок в сторону большевиков). Вместе с тем, по мнению Альтера, нельзя утверждать, что корниловский заговор имел целью реставрацию. Как ни боялись Корнилова меньшевики, самое страшное было не это. „Возмущение низов, с которым мы не можем справиться,—говорил Альтер,—куда пострашнее, а поэтому нужно кончить войну, вызывавшую разруху и это самое „возмущение низов“.

На это выступление „левого“ бундовца Альтера, рассуждавшего как умный буржуа, ставившего марксизм на службу капиталистическому строю, „низы“ ответили вынесением большевистских резолюций. Завод Гантке, Сириус, Брянский, Трубопрокатные—клеймят выступление Корнилова, как контр-революционное, отказывают в своей поддержке Керенскому и призывают покончить с заговорщицкой кликой передачей власти Советам. Конкретные требования, направленные к „Комитету Спасения Революции“, сводились к вооружению рабочих, реквизиции типографий буржуазной прессы и т. д. Массы, раскачавшись, забирают теперь даже

[1]) Аверин.

левее своих вождей. По словам тов. Аверина, руководящая часть партии в период от корниловских дней до Октября большей частью отставала от настроения рабочих. Под'ем не был использован для нанесения окончательного удара соглашательским партиям.

Поэтому к Октябрю в Екатеринославе существовала следующая расстановка сил: заводы и гарнизон были на стороне большевиков, Совет и правления союзов продолжают удерживать в своих руках меньшевики и эс-эры. Получилось такое положение, что в зависимости от того, собирался ли Совет вместе с завкомами или без них, и резолюции проходили большевистские или меньшевистские. Существовала еще Городская Дума, где господствовали мелко-буржуазные партии, смыкаясь в ней с представителями крупной буржуазии. Небольшая фракция большевиков (22 чел.) решающего влияния на линию этого „демократического“ учреждения оказать не могла. В своей политике дума отражала коалиционную чехарду, происходившую в центре.

В ночь с 25 на 26 октября было получено телеграфное сообщение о перевороте в Петрограде.

На экстренном совещании Исполкома с представителями политических партий большевики и укр. с.-д. вносят предложение об'явить единственной властью Совет, пополнив его представителями городского самоуправления, союзов, завкомов, „Селянськоï Спілки“ и Губ. Совета крестьянских депутатов. В виду несогласия остальных фракций было решено перенести вопрос о власти и об отношении к событиям в Петрограде на пленум Совета с участием завкомов и полковых комитетов.

Днем 26-го в городе царит необычайное возбуждение, Совет осаждается толпами желающих получить последние известия из центра. В полках и на заводах небывалый под'ем, происходят митинги.

Эти настроения приносят с собою на пленум Совета представители завкомов и полков. Предложенная большевиками вместе с укр. с.-д. резолюция, заявлявшая о присоединении к Питерскому восстанию и переходу всей власти в руки Исполнительного Комитета, пополненного представителями всех революционных организаций, принимается большинством 445 против 223. Пленум Совета краевой властью признал выделенный Центральной Радой Революционный Комитет [1]).

Резолюции, принятые на заводах и в полках носили более решительный характер. „Звезда“ от 28/X сообщала, что 271 пех. полк высказался за вооруженную поддержку Петроградского восстания, потребовав, чтобы Екатеринославский Совет об'явил себя единственной властью. „Рабочие никакой другой власти, в том числе Центральной Рады, знать не хотели. Они признавали единственной властью Сов.

[1]) Последний пункт был принят по настоянию укр. с.-д. Неясным остается, о каком революционном к-те идет речь. Большевистско-лево-эсеровский „Военно-революц. К-т“ был выбран на заседании Киевского Совета только 8-го ноября, т.-е. в день, когда происходило и описываемое нами заседание Ек-го Совета. Очевидно, речь идет о К-те Охраны Революции“, созданном Центр. Радой вместе с большевиками 7/IX, откуда большевики вышли на другой же день. Правда, и позже, до декабря, в Киеве не были потеряны надежды овладеть Ц. Р. изнутри, путем переизбрания ее на с'езде Советов. Но эта линия диктовалась слабостью большевиков в Киеве (екатеринославская обстановка была иной). Овладение Центр. Радой через перевыборы ее на с'езде Советов могло произойти только в результате полного подчинения большевистскому руководству Советов на местах, сопровождающемуся соответствующей критикой Ц. Р. С этой точки зрения принятая поправка, укреплявшая Ц.Р., может быть об'яснена только трудностью обстановки и исключительным темпом развертывания событий.

Раб., Солд. и Крест. Депутатов". Но от „резолюции до осуществления Советской власти дистанция огромного размера". Рядом с Советом и Револ. Комитетом продолжает существовать Городская Дума, которая отныне делается организационным центром всех контр-революционных сил. В декабре на одном из заседаний Думы гласный Анисимов во внеочередном заявлении по поводу начатых Совнаркомом переговоров с немцами предложил обратиться с воззванием к населению, где бы „разоблачался этот изменнический ход узурпаторов". „Пока Ленин и Троцкий у власти—для России нет спасения", говорил Анисимов и указывал на необходимость призвать население к борьбе против Совласти и к саботажу. В том, что контр-революционная Дума продолжала существовать, виновата не одна „мягкость". У Совета к этому времени появился сильный конкурент на власть—„Губернияльна Рада". Сила ее заключалась в отборных украинских полках, появившихся в Екатеринославе (правда, эти полки не всегда оказывались петлюровскими, как, напр., полк атамана Орлика, принимавший большевистские резолюции). Еще важнее этого было то, что недостаточное проникновение большевистского влияния на село, случайность работы среди крестьянства и игнорирование национального момента, отмечаемое т. Гопнер, отдавали руководство крестьянством в руки У. С.-Д. и эс-эров.

Тов. Ризоль, называя заднепровских активистов Укр. С.-Д., как Сайгадачного, Костыленка, Томиленко и др., говорит, что, теснимые большевистской агитацией в ж.-д. мастерских, они фактически перенесли всю работу на село. В результате город оказался окруженным кольцом „вильных козацких" отрядов, сформированных в ближайших селах, как, напр., Игрень, Кайдаки и пр. Городская Дума, естественно, старалась изо всех сил поддержать „Губернияльную Раду".

Такое двоевластие продолжалось в Екатеринославе до декабря месяца. Уже в ноябре взаимоотношения между Советом и Губ. Радой обострились настолько, что явилась необходимость в вооружении рабочих. Борьба начинается за захват оружия, привезенного т. Ройзенманом по наряду из Москвы. Украинское командование попыталось захватить это оружие, но воспользовалось только частью его. Остальное было отбито рабочими и увезено на Брянский завод. В ночь на 25-е декабря рабочие захватили гайдамацкий броневик. 27-го командование войск. Центр. Рады пред'являет ультиматум о сдаче оружия, угрожая бомбардировкой Брянского завода. Когда, вместо сдачи, на Брянском заводе большевиками Авериным, Квирингом и др. был сформирован оперативный штаб по борьбе с гайдамаками,—обстрел действительно начался. В 2 часа дня раздались тревожные сигналы и массы рабочих наводнили заводские дворы. „Начали растаскивать винтовки, стали тащить патроны и понемногу постреливать". Вооруженная борьба за „Екатеринославский Октябрь" началась.

Ночью при посредничестве Гор. Думы завязуются переговоры. Делегация из советского штаба едет в город и там арестовывается радовцами. Когда она была освобождена (на другой день), в переговорах нужды уже не было.

Подошедшие со стороны Синельниково советские части дали перевес рабочим. Еще несколько часов ожесточенной борьбы—и гайдамаки сдались. Соотношение сил изменилось резко в пользу Советов. Исполком, покинутый меньшевиками и эсэрами, целиком в руках боль-

шевиков. Хуже дело обстояло с крестьянством. Крестьянский с'езд, заседавший 13—15 января, проходил под руководством укр. эс-эров. С'езд избирает комиссию для расследования декабрьських событий, выдвинув против большевиков обвинение в жестокой расправе с захваченными гайдамацкими офицерами. В своей резолюции с'езд признавал единственной властью Центральную Раду, квалифицировав Советскую власть, как насильническую. На II-м с'езде, созванном Исполкомом Совета кр. депутатов 29/I ст. ст., картина была уже иная. Состоя в большей своей части из представителей бедняцкого селянства, с'езд заклеймил Центр. Раду, как буржуазную, одобрил разгон Учредительного Собрания и заявил о полной поддержке Соввласти и ее центрального органа—ЦИК'а Украины. Власть в губернии передавалась Исполнительному Комитету, образованному из слияния Исполкома Совета Р. и С. Д. с избранным на с'езде Губ. Исполкомом Крестьянских Депутатов. Собранный в феврале уездный с'езд был целиком советский. Это было первым настоящим закреплением союза с крестьянством.

Но начавшаяся борьба с Калединым, а потом—с немцами уничтожила условия для мирной творческой работы Советской властя в Екатеринославе. Над Екатеринославом нависла угроза немецкой оккупации; большие внутренние трудности выросли и в связи с хозяйственной разрухой. Среди пролетариев Ек-ва развиваются упадочные настроения Влияние большевиков на массы ослабляется, вследствие ухода большинства членов партии и лучшей части рабочих на Калединский и немецкий фронты. Наверх выплывают групповые интересы. Раздаются протесты против эвакуации заводского и ж.-д. имущества, а печатники из тех же мотивов борются против закрытия „Приднепровского Края" и меньшевистской газеты „Борьба". Меньшевики усиливаются, подымает голову контр-революция всех мастей. Начинается разгул различных анархо-бандитских групп. Характерной для ек-ских настроений этого периода является картинка, переданная в воспоминаниях т. Гопнер. Перед уходом Сов. власти каждый день к Совету собиралась толпа инвалидов с тем, чтобы не выпустить денег, имевшихся в Совете. Интерес потребительский, шкурный, желание „сорвать" что-нибудь в последнюю минуту господствует среди обывательской массы, передаваясь части рабочих. В этих условиях, не поддержанная крестьянством, ограничившим свое участие в обороне Екатеринослава несколькими десятками добровольцев, боролась горсть красногвардейцев, многочисленности, выучке и технике австро-германцев и гайдамаков противопоставляя свой беззаветный героизм. Борьба закончилась сдачей Ек-ва. Последний его защитник,—Мариупольский отряд красной гвардии,—благодаря саботажу железнодорожников, попал в плен и весь был расстрелян гайдамацким атаманом Горобцом.

4-го апреля гайдамаки и немцы вступили в город. Центральная Рада победила, но победа досталась ей дорого. Договор с немцами, по которому кучка политиков „Кобелякского масштаба" получила немецкую поддержку, заключал в себе такое противоречие интересов „самостийной Украины" с интересами пролетариата и крестьянства, что только путем жесточайшей капиталистической диктатуры Ц. Р. может держаться у власти Место „демократизма" занимает политика террора и репрессий. Происходят массовые аресты и травля рабочей печати. Под прикрытием гайдамацкого террора владельцы заводов и фабрик развивают наступление на

экономические завоевания рабочих: 8-час. рабочий день, колдогоры, зав. комитеты и проч. В марте об'является о закрытии Трубопрокатных заводов; заводоуправление „Сириуса“ отказалось выплачивать заработок назначенным к расчету рабочим, признавать колдоговор, заявило о нежелании разговаривать с профсоюзами, как с представителями рабочих. Заводоуправления „Ланге“ и Эстампажного пытаются ввести 10-час. раб. день. Днепровский завод из 14 тысяч рабочих оставляет только 3 тысячи. Попытки рабочих бороться посредством забастовок приводили к репрессиям со стороны власти и немецкого командования. Специальным приказом окружного комиссара воспрещалось подстрекательство и принуждение к забастовкам, что являлось равносильным запрещению забастовок вообще. И ко всему этому, меньшевики, овладевшие теперь профорганизациями, завкомами и советом, призывали „не поддаваться провокации“, угашали революционный дух пролетариата, подменяя борьбу обиванием порогов начальства.

Усмиренный руками кулачества и немцев город, казалось, сдался. Но в это время начало подниматься село. Существование Ц. Р., считавшей себя выразительницей интересов крестьянства, нисколько не мешало помещикам, опираясь на немцев, сразу же приступить к реставрации старых порядков на селе. В Екатеринославскую Земскую Управу является представитель Сурско-Литовской волости и сообщает о крестьянских волнениях в связи с действиями помещиков и немцев-колонистов. 13-го апреля немецкие войска окружают д. Тритузную, где помещики Фрейцин и Пепштат захватывают и расстреливают 7 человек. О подобных же фактах сообщают из Новомосковского уезда и ряда других мест. Наступление на крестьянство, начавшись, как террор против революционной, беднейшей части крестьянства, разворачивалось вокруг из'ятия инвентаря и приводило к фактической невозможности для крестьянства пользоваться помещичьей землей. Это затронуло интересы всей массы крестьянства. Выбором гетмана на с'езде хлеборобов и восстановлением собственности на землю помещики, перешагнув через Ц. Р., просто узаконили юридически то, к чему во многих местах пришли, опираясь на немцев, и до этого. Стремлениям помещиков и крупного землевладения шло навстречу немецкое командование, думавшее через восстановление старого эксплоататорского аппарата на селе обеспечить себе поставку хлеба.

Село ответило на гетманский переворот ростом повстанческого движения. 18 мая немцам приходится усмирять с. Чаплино, где они пытаются из'ять оружие. В последних числах мая собравшиеся на ярмарке в селе Котовке крестьяне выгоняют немцев из села.

В Верхнеднепровском, Новомосковском и Александровском уездах орудуют крупные отряды повстанцев. В ряде мест разоружается варта и фактически ликвидируется гетманская власть. К октябрю 18 года крестьянство выступает всей массой, и немцы оказываются фактически осажденными в городах. Село посылает ходоков на фабрики и заводы в поисках пролетарского большевистского руководства. Начинает оживать и город. В атмосфере исключительного сочувствия налаживает свою работу подпольная организация. Еще в апреле вышел первый номер большевистской газеты „Молот“. Правда, в ней проводилась точка зрения использования легальных возможностей путем работы в Думе и других общественных организациях. На собрании организации усилиями

группы большевиков Брянского завода эта линия была выправлена. Решено было центр тяжести всей работы перенести в рабочие организации. Там же был избран партийный комитет. Гетманский переворот, с одной стороны, и начавшееся повстанческое движение — с другой, фактически снимали вопрос об использовании „легальных возможностей“. Настоятельно необходимым являлось усиление работы среди крестьянства. Вопрос ставится на заседании Чечелевского районного комитета, где из доклада тов. Серикова выяснилось, что к нему являлась специальная делегация от крестьян Новомосковского уезда. Выделяется для связи с крестьянством тов. Золотов. В июне, с приездом из Ц. К. тт. Сиволапа, Майорова и Лаврентьева, происходит собрание Екатеринославской организации, устанавливается связь с Гришино, Бахмутом, Юзовкой и другими городами. Происходят выборы на I с‘езд КП(б)У. Также на с‘езде оформился временный Областной Комитет Донецко-Криворожского округа. Начинается лихорадочная организационная работа, создаются парткомы, закладываются ячейки на селе, выделяются Ревкомы. Происходившая в июле Всеукраинская ж.-д. забастовка показала, что время растерянности и упадка настроений прошло, что пролетариат в самой толще своей готов к решительному выступлению. Тщетными были усилия меньшевиков свести дело только к экономической борьбе. Вся обстановка военной диктатуры заостряла борьбу вокруг вопроса о власти. Приказ № 1 застал Екатеринославскую организацию в самый разгар работы. Много уже было сделано, но недавно организованные ячейки и Ревкомы на селах не имели еще оружия, связей, не обросли еще достаточно толстым слоем готовых к выступлению селян. Екатеринославская организация считала, что не имеется еще всех условий для победоносного выступления, и потому, по примеру киевских „левых“, также не выступила. К октябрю положение изменилось. Из‘ятие хлеба накалило атмосферу на селе до последней степени. Окрепшие ревкомы в селах и уездах требуют выступлений. Картину высокой организованности и революционного настроения кр-н рисует в своих воспоминаниях тов. Амосов, проводивший конференцию сельских ячеек в Павлоградском уезде. Такие же конференции происходили и в других местах.

К Октябрьской годовщине кое-где происходят взрывы; Ревкомы, провоцированные эс-эрами, выступают. Состояние немецких оккупационных войск, разлагавшихся в атмосфере повстанчества и агитации в городах, было таким, что революционные организации могли покупать у них оружие. Немецкий солдат созрел если не настолько, чтобы стать на сторону революции, то, во всяком случае, не имел особой охоты выступать против нее. Революция в Германии вбивала последний гвоздь в сопротивляемость немецких войск.

Выступления начались повсеместно. Если можно говорить, что „правое“ руководство ЦК КП(б)У в украинском масштабе, не дооценивая крестьянскую повстанческую стихию, не было готово организационно охватить движение, то о ек-славцах этого сказать нельзя. Непосредственная близость этой стихии понудила екатеринославцев к вниманию и уделению достаточных сил для работы на селе. Поэтому повстанчество на Ек-щине развивается, главным образом, под большевистским влиянием. Повстанчество петлюровской окраски было слабо. Рядом развивается численно сильное движение под руководством Махно. К концу ноября и началу декабря в руках большевиков были Новомосковск, Александровск,

Каменское, Павлоград и левый берег Днепра с Петриковкой, Елизаветовкой, Паньковкой, Чаплинкой и Амур-Нижнеднепровск. Екатеринослав 1-го декабря занимается так называемыми республиканскими — петлюровскими войсками. Город был разбит на сферы влияния: на Кайдаках и Чечелевке — Советские войска, петлюровцы удерживают центр — от Чечелевки до Садовой улицы и вокзал. Нагорная часть (Соборная площадь до дач)—в руках офицерского 8-го корпуса. Попытка командования войск директории достичь соглашения с 8 корпусом для борьбы с Совластью срывается, вследствие явных симпатий петлюровских солдат к большевикам. В такой обстановке совершенно правильным было решение городского партактива, отвергнувшего предложение некоторых товарищей выступить сначала против 8-го корпуса (который к тому же имел численный перевес над Советскими вооруженными силами). Настроение петлюровских солдат неизбежно толкало украинское командование на конфликт с 8-м корпусом.

5-го декабря петлюровским командованием 8-му корпусу и немцам был пред'явлен ультиматум сдать оружие, и был начат обстрел казарм. В результате 8-й корпус покинул город и отступил на юг. 19-го декабря, после уличного боя, сдались немцы. В поисках опоры республиканское командование созывает на 23 декабря крестьянский с'езд, который, в большинстве своем, поддержал петлюровцев. В тот же день разгромом партийного комитета и экспедиции на второй Чечелевке начато наступление на большевиков. 25-го ведется открытое наступление на фабрику и Горяиново. Советские части отступают к Каменскому, переправляются за Днепр, где присоединяются к нижнеднепровцам. Подошедшие войска Махно, с которым Советский штаб вступает в соглашение, удачным налетом помогают захватить Екатеринослав 27-го декабря. В городе бой продолжался еще несколько дней. Поражению петлюровцев способствовала сдача артиллерии во главе с Мартыненко. Численное превосходство делало махновцев хозяевами города. Звание командующего Сов. войсками, которое имел Махно, не спасло город от „разгрузки“ махновцами. Налетевшие части республиканского атамана Самокиша без труда выбили из города слабые советские части и отяжелевших от добычи махновцев, которые и не имели особой охоты защищать Екатеринослав. И только с приходом войска Дыбенко Сов. власть твердо укрепилась в Екатеринославе.

Так сквозь туман меньшевистской фразеологии, сквозь шовинистический угар пролетариат и крестьянство Ек-щины шли к окончательному торжеству Октябрьской революции. Налетевший шквал Деникинского наступления в 19-м году застал уже такую обстановку, когда многие иллюзии уже были изжиты. Углубившаяся политическая дифференциация и опыт предыдущих лет революционной борьбы обрекали генеральское наступление на неудачу, несмотря на блеск временных побед.

А. Г.

ПУТЬ К ОКТЯБРЮ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНА НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ.

Война и Екатеринославская организация Р. С.-Д. Р. П. (большевиков)

(Канун февральской революции).

Первая половина 1914 года—канун войны—была для Екатеринославской с.-д. организации периодом нового оживления работы после разгромов 12—13 годов. Организация быстро возродилась и начала развивать работу и вширь, и вглубь. К началу лета партийные кружки настолько выросли, что была опасность провалов их на собраниях из-за их величины, а для новых кружков недоставало интеллигентных руководителей, пропагандистов. На массовках, несмотря на непрерывные об'езды всех укромных уголков, где можно было собираться, конной полицией, собиралось все же порой 50, 100 и более человек. Это полугодие было еще замечательно и тем, что борьба за большевизацию входивших в организацию рабочих, борьба за влияние на них большевиков, которая велась с меньшевиками-партийцами на протяжении всех трех лет возрождения после почти полного прекращения из-за репрессий партийной работы в 1909—10 г.г., окончилась победой большевиков и оформлением организации, как большевистской. В начале весны был принят регламент, который определял организацию, как принадлежащую к типу так наз. „большевистских организаций". В заводских районах, впрочем, коллективы и ранее все время были большевистские. Это констатировали и сами меньшевики-ликвидаторы, пытавшиеся проникнуть в рабочую среду и организовать на легальной почве заводских рабочих.

Им это удавалось тогда, когда на заводе отсутствовали руководители-большевики. „Нами была организована группа на Брянском заводе из старых работников",—писал ликвидатор Давыдов в Питер Кранихфельду в январе 1912 г.,—„по несчастью, все почти—большевики. Пока стояли вопросы о работе, связанной с легализацией союза „металлистов", все было гладко, и мы имели в виду на этой почве остаться друзьями, но... как только „не по инициативе ликвидаторов" был поставлен вопрос о строительстве.... „за большевистскую резолюцию голосовало 11 реш. и 1 сов. голос, за нашу (т.-е. ликвидаторскую. *Б.*)—1 реш. и 2 сов.; кроме того, два большевика воздержались от голосования. Последнее мы все же ставим себе в заслугу". Это же констатировали и „агентурные сведения" жандармов. После разгрома организации в октябре 1912 г. „руководящее начало в местной работе принял на себя Заводской Комитет Брянского завода",—отмечал начальник жандармского управления в своем постановлении об арестованных в январе 1913 г. работниках соц.-демократах,—„который

после ряда совещаний, извергнув из своей среды сторонников „ликвидаторов“, принял яркую партийную окраску большевистского направления“.

Это „извергнув“ было довольно характерно для заводских районов. В городском районе чистые ликвидаторы тоже не пользовались влиянием, но большевизации мешали меньшевики-партийцы, имевшие за собою большинство членов городской организации. В начале 1914 г. и городской коллектив принял большевистскую окраску. Ему принадлежала и инициатива выработки большевистского устава.

Влияние меньшевиков чрезвычайно упало, у них не было даже оформленной организации,— они занялись главным образом легальной работой в больничных кассах. Положение в кассах — единственных в то время легальных рабочих организациях — было в кратких чертах таково: страховая кампания дала в Брянской кассе победу большевикам: рабочая часть правления кассы была в большинстве большевистская, в Трубной, состоявшей только из рабочей части,— меньшевикам. В других кассах был более пестрый состав. Центр страховой работы — губернская страховая рабочая группа — находился в руках большевиков. В партийной работе большевики имели преимущественное влияние на рабочий класс, но связи между отдельными районами — брянским, городским и заднепровским—были недостаточно крепкими, и, несмотря на преимущественное влияние, на довольно большой размах работы, широкое распространение рабочих газет, частые массовки, интеллигентных сил для обслуживания всей рабочей массы было недостаточно и организовать большое выступление пролетариата ни на экономической, ни на политической почве не удавалось. Полиция и жандармы узнавали о них раньше, нежели могла развернуться широкая агитационная работа, и в корне пресекали всякую попытку к выступлению.

Не удалось выступление в день 1-го мая, несмотря на обсуждение вопроса на массовках группами в 20—30 человек в Брянском районе и меньшими группами по квартирам в городе. Попытка призвать к забастовке на Брянском заводе окончилась арестом т. Рябцева и друг. Расставленная во всех цехах полиция зорко следила за всеми „подозрительными“ рабочими и не дала им возможности выступить. Брянцы сумели только заранее ночью вывесить на доменной трубе красный флаг и доставить этим полиции не мало хлопот по приисканию смельчака-городового, который согласился бы рисковать полезть на трубу и снять развевавшийся флаг. Бастовал только один завод Щепанкевича — на Рабочей улице, поплатившись арестом на 3 месяца Нежелева, Бондаренко и Кустова.

Сорвалась попытка организовать обще-городскую экономическую забастовку булочников. 16-го мая в Шляховском лесу были задержаны на сходке 28 человек пекарей, отобраны выработанные ими требования и сами они подвергнуты арестам в административном порядке.

3-го июля арестовали заместителя председателя Больничной кассы Брянского завода т. Аверина „за распространение среди рабочих Брянского завода об‘явлений с приглашением устроить собрание уполномоченных по больничной кассе для обсуждения действий представителя местной полиции“. Так мотивировался его арест официально. На самом деле, повидимому, не только это служило поводом его ареста. Полиции стало известно, что в конце июня где-то в Диевке состоялось совещание наиболее влиятельных рабочих из цехов Брянского завода, постановивших готовиться к забастовке и связаться для этой цели с городом.

Из'ять наиболее влиятельного и опасного большевика требовала, очевидно, и угроза этой забастовки.

7-го июля группа рабочих Брянского завода в 43 человека механического, железопрокатного и доменного цехов бросила работу, но ушли из завода только они, за ними не пошли остальные. Полиция, заранее об этом осведомленная, выставила достаточно сильную охрану, чтобы помешать агитации в самом заводе и забастовке. Все 43 побывали в полиции, пять было арестовано на более долгий срок.

Такое положение вещей было характерным не только для Екатеринослава. Вся Екатеринославская губерния фактически была окружена плотным кольцом полицейской охраны, все заводы были наполнены шпиками. Полиция и охранка узнавали заранее о намерениях партийных организаций, вылавливали партийных работников и наполняли тюрьмы рабочими. Подготовлявшаяся исподволь, но начавшаяся несколько преждевременно, стихийно, забастовка на Петровских заводах в Енакиево, грозившая к 1-му мая вылиться во всеобщую во всем каменноугольном бассейне, на 16-й день окончилась полным разгромом рабочих, арестами как на Петровских заводах, так и по Бахмутскому и Славяносербскому уезду соц.-демократов и усилением полиции и шпионажа во всех рабочих районах. Достаточно учесть, что в 18 случаях забастовок по губернии, из которых только одна была политическая, в 1914 г. было 133 ареста, не считая, независимо от этого, разгромов соц.-демократических организаций, чтобы понять, как трудна была борьба рабочих.

Таково было положение накануне войны.

17-го июля была об'явлена мобилизация. Екатеринославский комитет большевиков реагировал на нее выпуском гектографированной прокламации „Ко всем рабочим, ко всему трудящемуся люду г. Екатеринослава“ с горячим призывом вступать в ряды соц.-дем. организации и готовиться к протестам против войны: „Товарищи! Пришла пора проснуться и нам. Будет покорно гнуть пролетарскую спину. Довольно терпеливо сносить всякие придирки и оскорбления. Надо и нам заявить себя людьми и присоединить свой голос к мощному хору пролетариев России. Знайте, что без организации никакая борьба немыслима. Спешите вступить в ряды возродившейся социал-демократической организации... устраивайте митинги, массовки, проводите кружки и собрания. Читайте и обсуждайте вместе события времени. Организуйте сборы на свою рабочую печать, на усиление средств своих нелегальных организаций, на отправку своих делегатов в Вену на международный социалистический конгресс. Теперь, когда аппетиты хищников-капиталистов и обанкротившегося царского правительства вновь готовы втянуть Россию, а то, быть может, и всю Европу в новую неслыханную ужасную войну, голос пролетариата должен раздаться особенно громко:—Долой войну!“—вот как четко ставила вопрос большевистская прокламация.

Но листовка эта вышла в незначительном количестве экземпляров, не охватив всей рабочей массы. Даже многие партийцы ее не читали. Техника организации была слишком слаба, аппарат партии невелик, организация мало приспособлена к широкому массовому обслуживанию. По этой ли или по другим причинам рабочие Екатеринослава, всегда шедшие за лозунгами с.-дем., не выступили с активным протестом против войны.

Барабанный бой буржуазной печати, читаемой в это время нарасхват всеми рабочими, за отсутствием рабочей прессы, для того, чтобы

хоть что-нибудь узнать, не создал, однако, патриотического настроения в рабочей среде. И когда 18 июля на сборный пункт, куда мирно пришли мобилизованные рабочие, явился союзник Мартынов с национальным флагом, окруженный своими друзьями и под охраной полиции, и запел „боже, царя храни", в ответ ему было гробовое молчание. Когда же он, не сконфузившись, попытался создать патриотическое настроение речью, группа мобилизованных не выдержала и изломала древко флага о спину непрошенного вдохновителя и намяла ему бока. Бросившейся ему на помощь полиции также порядком досталось, в особенности околоточному. С подкреплением явился пристав и стал разгонять толпу. В него полетели камни. По команде пристава полиция произвела выстрелы вверх. Мобилизованные отхлынули, но затем вновь стали окружать полицию. Новые выстрелы были направлены прямо в толпу. На поле битвы осталось несколько тяжело раненых. Мобилизованные отступили. Тяжело раненых подобрала карета; получившие легкие ранения предпочли не заявлять об этом полиции.

Настроение мобилизованных было довольно ярко обрисовано в письме из Екатеринослава к О. Дилевской в Москву. „Начну с настроения русских доблестных войск или, вернее, мобилизованных рабочих и крестьян. Об энтузиазме речи быть, конечно, не может, даже прыткие корреспонденты и сотрудники „Русского Слова" черпают свой энтузиазм скорее в редакционных комнатах, чем от общения с воспылавшей патриотическим гневом толпой. Какой уж там энтузиазм! За все время мобилизации, шатаясь по городу, могу сказать, что не видел не только энтузиазма, но даже не встречал просто веселой физиономии. Если бы была возможность опрашивать всю эту разношерстную публику, то, наверное, мы получили бы курьезнейшие ответы относительно причин войны; полная апатия по отношению к личности и намерениям внешнего врага и очень осмысленное и ярко враждебное отношение к внутреннему врагу, в первую очередь — к полиции. Полицию всюду встречали камнями и кошачьими концертами. Здесь полицейских сняли со многих постов, дабы не возбуждать запасных. В первый день мобилизации здесь было крупное столкновение запасных со стражниками. Убито было 3 и ранено 3. Дней пять тому назад вышло распоряжение о запрещении запасным ездить бесплатно на трамваях. Для поддержания порядка поставили городовых на каждый трамвай. Запасные взяли штурмом вагоны, повыкидывали городовых и навели панику на полицию. Вызвали солдат и вооруженных стражников, приехал губернатор, который обещал на другой день пустить несколько вагонов специально для запасных, а на всякий случай пригрозил, что в случае повторения беспорядков стражники будут стрелять. Запасные очень резонно отвечали, что теперь и у них есть патроны (рота вызванных солдат состояла из запасных). Здешнего председателя союза русского народа запасные два раза били за патриотические речи и манифестации"...

Столкновения с полицией были и в ряде мест в губернии — в Луганске, в Бахмуте и Бахмутском уезде, но там они, под влиянием темных элементов, шедших часто с национальными флагами, превратились в разгромы винных лавок и пивных.

Социал-демократические организации были слишком слабы, чтобы направить недовольство масс по революционному руслу.

Жандармы, регулярно осведомляемые „агентурой“ о работе и составе Екатеринославской организации и главнейших работниках ее, узнали и о выпуске воззвания. В ночь на 20 июля организация была разгромлена и 11 человек: Бася Перельман, Иуда Берлин, Нисен Рыбников, Лея Полонская, Тамара Левинская, Бася Гершанок, Лейба Маликин, Илья Альтшулер, Михаил Копылов, Митрофан Андреев, Исаак Иванов были арестованы. Некоторых не оказалось в городе, и они были арестованы позднее. Т. Рыбников и Перельман поплатились ссылкой на вечное поселение, Копылова и Андреева, которым вменялась в вину, помимо участия в социал-демократической организации, попытка поднять к забастовке рабочих Брянского и Трубного заводов в начале июля, Иванова, Левинскую, Полонскую и позднее арестованных Геншафта, Марцыновского и Цукермана выслали из пределов Екатеринославской губернии. Подлежавший аресту тов. М. Рабинович не был разыскан.

При этой жандармской операции более всего пострадал городской район. Из заводского района были арестованы только трое: Копылов, б. одним из руководителей, Андреев и Иванов; руководители Брянского коллектива, кроме Аверина и Рябцева, арестованных ранее, Дубовый, Лагутенко, Светличный, Ковьмин, Карташев, Гудков, Панов, Коненко, Безенко, Данилкин, Бондарев и друг. сохранились; не пострадал и Амур-Нижнеднепровский район, где работали Лебедь, Воронцов и др.

Массовый призыв в войска наиболее здоровой, наиболее сильной части рабочих вырвал из рабочей среды немало партийцев. С заводов было призвано в войска более 20 проц. рабочих, с Брянского, имевшего десять тысяч, — 2500, с Днепровского в Каменском — около 2 тысяч и т. д.

Меньшевики в момент об‘явления войны не успели еще выявить своего отношения к войне.

„Стоящему в стороне промышленному центру Юга России—Екатеринославу“, — вспоминает об этом времени т. Валявка („Летопись Револ.“ № 2 за 1923 г.), „потребовалось почти 6 месяцев для того, чтобы более или менее выявить свое отношение к происходящим событиям, а также отношение различных социалистических партий к самому факту войны. Твердой и вполне ясной, определенной линии поведения по отношению к войне не было ни у меньшевиков, ни у с.-р. Меньшевики в Екатеринославе не выступали ни за, ни против войны и обходили этот вопрос красноречивым молчанием... Большевики определенно отрицательно относились к войне“.

Впрочем, некоторые уже высказывали свое отношение к войне. В уже цитированном письме Дилевской в Москву автор письма спрашивал: „Как относятся к войне“—и отвечал: „Очень много „марксистов“, преимущественно из „правдистов“, решили бойкотировать войну, т.-е. призывать запасных к стачке резервистов. Правда, кампания эта им не удалась, потому что провокатор, который у них, видимо, работал уже месяца два, счел момент очень удобным и посадил их всех с документами. Села с ними и Берта“. „Другая публика стоит на той точке зрения, что-де на нас нападают, мы защищаем свою культуру и что, мол, на этой точке зрения стоял Бебель в предвидении войны с Россией (в случае нападения последней). При отсутствии организации и относительно слабой сознательности нашего пролетариата войну, особенно оборонительную, мы предотвратить не могли. Мы стоим перед фактом

стихийно развивающихся событий. Милитаризм достиг высшей точки развития. Он стянул на поле современной битвы народов десятки миллионов людей, он создал стройные организации, привлек к делу войны лучшие демократические силы страны; железной дисциплиной и драконовскими законами выжжен дух индивидуальности в каждом. Внешне проходит пока все стройно, если не считать отдельных столкновений офицеров с солдатами, но эта стройность скомкается очень скоро в процессе военных действий, где страх перед чудовищными законами современной войны сломит боязнь перед военно-полевыми судами. Милитаризм организовал и вооружил демократию — он сам пожнет плоды своих трудов".

Письмо датировано 5-м августа ст. ст. Очевидно, к тому времени уже выявлялись и в Екатеринославе и сторонники, и противники войны, и середняки.

По воспоминаниям т. Лебедя в „Летописи Революции", № 2 за 1923 г., в заседании Исполнительной Комиссии Заднепровья выявлялись как противники войны, так и оправдывающие точку зрения Плеханова.

Разгром Екатеринославской организации, а по жандармским документам и „мирное настроение екатеринославских рабочих во время происходивших летом 1914 г. крупных забастовок в других городах", иначе говоря, сравнительная слабость Екатеринославской большевистской организации, поставили перед питерским центром и большевистской фракцией думы вопрос о направлении в Екатеринослав более сильных работников. В августе приехал в Екатеринослав т. Глебов-Авилов.

„Приехал сюда (в Екатеринослав),— писал он 31-го августа в Уфу: — понятно, по явке; мне ужасно обрадовались и берегут, не пускают, не знакомят ни с кем".

Происшедший провал вполне естественно заставлял екатеринославцев оберегать присланного руководителя. Однако, уже в сентябре месяце Екатеринославское Жандармское Управление зарегистрировало Авилова, как „большевика с.-д., присланного в Екатеринослав в качестве опытного пропагандиста для поднятия самосознания и энергии среди местных рабочих масс". За Авиловым, конечно, был установлен надзор.

Характеристикой взглядов екатеринославских большевиков того времени на войну отчасти может служить письмо т. Глебова-Авилова. Связанный с наиболее видными рабочими с.-д. и, следовательно, влиявший на них в смысле проведения определенных взглядов на войну в массы, т. Глебов-Авилов писал в Уфу: „Мы об'ясняем эту войну порождением капиталистического строя и считаем ее миазмом и вскрываем, не подчиняемся, а боремся, используем положение солдата и народа против тех, кто погнал народ друг на друга... Следовательно, реагировать нужно не „пятаком", а всею мощью нашего влияния, чтобы война кончилась волею народа, ибо только мир обеспечит пролетариату свободу"... Таково же фактически было мнение и большинства Екатеринославской организации.

16-го ноября секретарь больничной кассы завода Гантке, Авилов, был арестован и выслан в Сибирь. На квартире у него во время обыска застали прибывшего также для партийной работы бухгалтера Каменской больничной кассы т. Шмидта, который еще не был заподозрен и потому освобожден по удостоверении личности. Вскоре приехал т. Квиринг, вначале устроившийся в Каменской больничной кассе счетоводом

и затем проведенный в секретари Брянской больничной кассы на место арестованного большевика Чучина, и А. В. Каменский, Бек, Воронский.

„К моменту моего приезда",— пишет т. Квиринг в своих воспоминаниях („Лет. Рев." за 1923 г., № 2),—„Екатеринославская организация начала оправляться от очередного разгрома. Главный удар на этот раз пришелся на город, а не на рабочий район, но он тем самым разорвал связи"...

„Городской район и после этих арестов не остался бездеятельным. Здесь работала группа человек в 15 20, из которых я помню наиболее деятельных: т.т. Шустер, Лившиц, Энтин Зяма, Василий (сапожник [1]), Михаил Геншафт". Эта группа работала среди городских ремесленников и приказчиков. Большого влияния на рабочие массы она оказывать не могла, тем более, что в ее среде не было выдающихся организаторов.

„В Брянском районе, или, вернее, Чечелевско-Кайдакском, в это время работала группа крепких рабочих-большевиков, из которых нужно прежде всего указать на т. Василия Аверина, который после ареста Михаила Копылова стал руководителем всей работы в районе. ...Работа Аверина в Каменском (куда он переехал после освобождения из тюрьмы) еще больше усиливала связь Днепровского завода с городом и облегчала об'единение работы. Из других работников я помню Яшина Петра, Быченко, Новикова Арсения (в Трубной кассе), Лагутенко, Лаврушина, Тихона Бондарева, Амосова, затем с Амура — Петра Воронцова (погиб на нелегальной работе в 19 году), Власенко, Скворчевского"...

„В начале 1915 г. составился Екатеринославский Комитет по принципу представительства районов, но я не могу сказать, что эти представители были выбраны своими районами (группами). Я помню, что от Амура входил П. Воронцов, от городского — Лившиц, от Брянского — не могу вспомнить, входил ли кто-либо из рабочих помимо меня, с Каменским держали связь через Шмидта и Аверина. Работа в это время велась почти исключительно организационно-агитационная. Организационная — по закреплению низовых групп и об'единению их действий; была неплохая (по нелегальным временам) библиотека. Находилась она в городском районе и бездействовала — не было квартиры. Пользуясь восстановленными связями с районами, мы решили передать ее на Амур в квартиру т. Клочко. Библиотека была приведена в порядок и начала функционировать".

„Но нужна была литература современная. Мы выпустили листовку к 1-му мая, гектографированную. Тоска по рабочей газете была сильнейшая... но о легальной печати, разумеется, нечего было и думать; поэтому начали думать о нелегальной. Подумали, поговорили и решили организовать нелегальную типографию".

Типография была организована и в начале июня перевезена в Каменское. Предполагалось выпускать нелегальную газету „Южный Рабочий"— по словам т. Аверина, „Южную Правду"— по памяти т. Квиринга. Однако, выпустить газету не удалось. 3-го июля произошли аресты, из'яли Квиринга, Каменского, Аверина, Шустера, Тюленева, Лившица, Власова,Ваймана, Тормовкина, Чубина Дмитрия; т. Шмидт успел скрыться; скрылся от ареста и т. Лаврушин, у которого в квартире было найдено фунтов 10 шрифта. Арестованные были высланы в Сибирь.

[1]) Михенцев.

Удар был сильный. Связи между районами порвались, но в районах остались все же работники, принявшие на себя руководство работой. Заднепровье даже сумело выпускать листовки. Брянский район больше пострадал, так как арестованные тт. Квиринг, Каменский, Шмидт работали в Брянской кассе, сносились постоянно с членами Правления кассы — большевиками и уже в силу этого были ближе к этому району.

По воспоминаниям т. Амосова, после арестов на Брянском заводе оставалось около 150 членов организации. Потребность в организационном центре была большая; наиболее ответственные решили провести выборы от членов организации по цехам и на собрании цеховых представителей вырешить все организационные вопросы. Собраться этим представителям удалось только глубокой осенью.

„На собрании этом,—рассказывает т. Амосов (см. „Лет Рев.“, № 1 за 1927 год),—присутствовали: Бондарев от литейного цеха, Переславский — от мартеновского, Карташев и Лукашенко — от доменного, Коненко — от силового хозяйства, Лагутенко и Дербасов — от мостового, Алдошин — от строительного, Шалухин и, кажется, Сериков—от механического, Рухман и Рыков — от железопрокатного, Амосов, Андреев, Гонтарь и Быченко — от рельсопрокатного. Кто был от электрического цеха — я не помню. Председательствовал Бондарев“.

На собрании обсуждались вопросы: об оформлении коллектива, о выборах президиума или бюро, о боевой дружине и о плане работ. Бюро наметили из 3 человек. По вопросу о функциях бюро постановили, что председатель, за отсутствием общегородского комитета, должен связаться с Петроградом и с Ц. К. Заместитель председателя должен был не выявлять себя до поры-до времени, так как он, в случае ареста председателя, должен был заменить его. Третьим членом был казначей, который должен был организовать правильную финансовую отчетность, сбор членских взносов, пожертвований и т. д.

Голосование было принято тайное, результатов решено было не оглашать, подсчет производил председатель собрания, который и сообщил каждому избранному, куда он избран.

Председателем коллектива был избран тов. Бондарев, заместителем Амосов, казначеем Переславский. В боевую дружину вошли: Бондарев, как руководитель, Гонтарь, Дербасов, Лагутенко, Алдошин и Лукашенко. Впоследствии был привлечен также т. Кураженко. Президиуму было поручено организовать библиотеку, выработать план выдачи книг и брошюр, стремясь к закреплению этим путем своего влияния, приобрести возможно больше фотографических карточек депутатов, выпустить финансовый отчет, чтобы рабочие знали, куда идет каждая их копейка, приобрести гектограф для печатания отчета и на случай выпуска прокламаций.

После образования коллектива работа начала медленно планомерно расти.

Жандармский покой, как это видно из жандармских документов, был нарушен уже в сентябре. На Днепровском заводе в Каменском были расклеены прокламации „Южной Правды“ (Изд. Областной организации Южного района). Полиции удалось поймать с поличным военно-пленного Карабца, читавшего прокламации, и отобрать у него еще несколько экземпляров. Взятый в переплет Карабец показал, что он получил прокламации от тов. Лихоманова, служившего весовщиком на заводе.

У Лихоманова, кроме значительного количества с.-д. литературы 1904—1905 годов, ничего не нашли. Карабец и Лихоманов были арестованы.

Одновременно в г. Екатеринославе было отмечено появление гектографированных прокламаций, ходивших по рукам у партийных работников Брянского и Трубного заводов, и найдена одна такая прокламация на Базарной площади в городе. Приводим текст этой прокламации.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Товарищи рабочие! Пятнадцать месяцев длится кровавая оргия. Миллионы наших товарищей уже погибли в этой невиданной бойне и еще миллионы молодых и здоровых крестьян и рабочих сгоняются убивать друг друга в угоду продажного царского правительства и ненасытных капиталистов. Во все время бойни народные паразиты неустанно стремились закрепить свою власть и набивали карманы за счет народной крови.

Еще в начале войны правительство задушило всякое проявление самодеятельности рабочих масс, профессиональные союзы и рабочая печать были разрушены, тысячи борцов за рабочее дело упрятаны в тюрьмы. Пять рабочих депутатов сосланы в далекую сибирскую тайгу за то, что они открыто указали на преступность затеянной бойни. На ряду с этим свора прогнившего трона—жандармерия и полиция гнусно расправляются с оставшимися рабочими, расстреливая и избивая нагайками, как это было в Костроме и Иваново-Вознесенске. И это происходит в то самое время, когда с трибуны Государственной Думы верные слуги буржуазии Милюков и К·о заигрывают с рабочим классом, призывая рабочих об'единиться с продажным правительством. Но пролетариат России в этот трудный момент остался верен своим лозунгам. Правительство, получив субсидию и новую армию солдат, разогнало Думу, дабы уничтожить и эту последнюю возможность раскрывать и обличать творимую провокацию в армии и чинимый произвол в стране агентами Николая II. Товарищи! Пора заставить пресытившихся тунеядцев прекратить мировую бойню. Пора заставить признать за рабочим классом условия человеческого существования. Пора заставить кучку авантюристов перестать распоряжаться жизнью миллионов пролетариата и крестьянства. Организация Р. С. Д. Р. партии призывает рабочих Южного района присоединиться к протестам петербургских и московских товарищей, сплотившись вокруг единой и сильной организации, дабы стойко и смело встретить грядущий день второй Российской революции. Долой позорную войну! Да здравствует международная солидарность рабочих! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия! Орг. Ю. Р. С.-Д. Р. П. Сентябрь 1915 г.“

Розыски типографии, где печаталась „Южная Правда“, оказались безрезультатными. Жандармское Отделение пришло к заключению, что прокламации „Южной Правды“ были привозные, гектографированные же были изготовлены „двумя—тремя строго законспирированными марксистами“.

1915 год, как известно, ознаменовался резким ростом дороговизны. Заработная плата уже в начале года значительно отставала от дороговизны продуктов первой необходимости. По всей Екатеринославской губернии началось пред'явление предпринимателям экономических требований. Началась агитация и в Екатеринославе. В сентябре было пред'явлено требование в железнодорожных мастерских, но администрация не спешила с рассмотрением просьбы рабочих. В октябре агентура жандармов донесла об агитации на экономической почве среди рабочих зав. Гантке и жел.-дор. мастерских и указала на агитаторов тт. П. И. Медведева, П. А. Воронцова, А. И. Андронова, М. Т. Рысина, С. П. Степаненко и рабочего „некоего Лебедева“, т.-е. товарищей, работающих в Амур-Нижнеднепровском районе.

Кратковременная забастовка ж.-д. мастерских произошла в ноябре месяце. Администрация об'явила о прибавке на 10%. Рабочие заявили через старост, что не удовлетворены прибавкой, и пред'явили требования об увеличении зар. платы на 50% получающим до 60 руб., 30%—до

100 руб. и 15%—свыше 100 рублей. Администрация изменила свое решение и вывесила об'явление о прибавке по 3 коп. в час взрослому и по 2 коп. подростку.

Рабочие послали министру путей сообщения телеграмму с просьбой увеличить выдачу пособия на дороговизну соответственно вздорожанию жизни. Требование это удовлетворено не было.

Виновниками этих волнений были названы: Соловьев, Ткачев, Джевинский, Медведев, П. И. Буслов, Харута, Шабранский, Котков, Башмаков, Лебедев, Д. З. Густарев, Суханов, Клочко Митрофан, Логаш, Будовский, Ломанов, Левченко, Цвикла, Бардзинский, Гуменюк, Вржесинский и Рузевич.

Попытка к забастовке была и на Брянском заводе. По рассказам т. Амосова, одну ночь стоял почти весь завод, представители цехов ходили для переговоров к директору, но были не организованы и излагали свои требования беспорядочно. Выслушав рабочих, директор вначале стал доказывать, что Брянское О-во и так еле сводит концы с концами и что прибавка невозможна, а затем, воспользовавшись тем, что ему позвонили по телефону, ушел, оставив представителей рабочих фактически без ответа. По цехам решено было на следующий день созвать в заводе актив и наметить требования, но на следующий день весь завод был наполнен полицией, и забастовка сорвалась. Заводоуправление вывесило об'явление о копеечных прибавках.

18 ноября вновь были обнаружены гектографированные прокламации „Южного Горнопромышленного района к товарищам рабочим“, опять против войны. На этот раз они были найдены в вагоне ремонтируемого санитарного поезда в Нижнеднепровских мастерских (сверток в 25 штук) на станке там же и вблизи зав. Сириус на Амуре.

Эти прокламации, повидимому, были выпущены Амур-Нижнеднепровским районом.

Из жизни амур нижнеднепровцев этого периода нельзя не отметить переговоров об об'единении работы с украинскими с.-д. Последние в 1915 г. развили довольно большую анти-военную работу, прокламации их распространялись довольно широко; главной ареной их деятельности были ж.-д. служащие и рабочие. В нижнеднепровских мастерских сталкивались и русские большевики, и украинские с.-д. Возник вопрос о совместной работе. Украинцы условием совместной работы ставили признание национальных принципов организаций, т.-е. признание за украинскими с.-д. права представительствовать украинский пролетариат, оставляя за русскими большевиками право представительствовать русский пролетариат Екатеринославского района, и ряд других условий. Судя по отобранным жандармами при арестах укр. с.-д. документам, соглашение состоялось на об'единенном заседании 15 ноября в селе Каменке и было зафиксировано в договоре. Приводим текст этого договора, опубликованного в № 1 „Археографічного Збірника“ за 1926 год, стр. 337:

„Для более успешного развития классового пролетарского движения и классовой борьбы пролетариата, ведущие работу в Екатеринославском районе организации русской и украинской социал-демократических партий, не признавая за собой компетенции войти в программное об'единение, без согласия высших партийных учреждений и организаций других районов, приняли постановление об'единяться в очередной общепрактической работе на следующих основаниях:

1) Организации признаются взаимно равноправными представительницами—украинская—украинского, а русская—русского пролетариата Екатеринославского района.

2) Интересы пролетариата других наций, которые не имеют своих организаций в Екатеринославском районе, обязуются отстаивать совместно и наравне с интересами украинского и русского пролетариата.

3) В общих бюро и иных органах имеют равное представительство.

4) Во внутренней агитационной и организационной работе самостоятельны.

5) Русская с.-д. организация признает принцип национальных организаций пролетариата и выставление Украинской социал демократией своих программных требований, в том числе автономии Украины и всех государственных наций".

На собрании в Каменке 15 ноября, донесла агентура, были от укр. с.-д. Дубовый Ф. Е., Новохатный Т. И., Грунтенко В. А., „Бохонько" И. Ф. (Романченко), Сторубель Ф. Ф., Герасимов Г. Г., от Р. С.-Д. Р. П. больш. Медведев П. И., Власенко Степан, некий „Юрба" и др., фамилии и клички которых не были установлены.

Фактически договор, если только он был заключен, не был проведен в жизнь, 26—27 ноября Екатеринославская организация УСДРП была разгромлена.

Тов. Лебедь в своих воспоминаниях пишет: „Помню, что с их участием (т.-е. интеллигентов Носенко, Драчева и др. *Б.*) прошло лишь одно заседание по вопросу об'единения с укр. с.-д., не приведшее ни к каким результатам". („Лет. Рев.", № 2 за 1923 г.).

Переговоры эти, как отмечает „Ликвидационная записка" жандармов, продолжались и в декабре 1916 г., когда вновь ставился вопрос об об'единении.

Приближалось рождество. Среди патриотов всех лагерей началась агитация за отчисления на подарки для армии. По заводам начали выноситься постановления отработать определенные дни. Большевики повели агитацию против подарков и усилили агитацию против войны. Заводские администраторы охотно шли навстречу такому, по их терминологии, „благому пожеланию рабочих" и об'являли, когда, какой цех должен отработать на подарки.

Агитация против все же имела иногда успех. Листопрокатный цех Трубного завода „А" не вышел на работу в назначенный для работы на подарки день. То же было и на заводе Шодуар. Полиция начала деятельно искать агитаторов. 23 декабря 1915 года по ее требованию были уволены с завода Шодуар тт. Татько, Блинов, Журбин, Асмоловский и Шрайтер. Рабочие об'явили забастовку, но, пробастовав два дня, вынуждены были стать на работу, не добившись положительных результатов. Уволенные были представлены жандармами к высылке из Екатеринославской губернии.

Неимоверный рост дороговизны, спекуляция, продовольственная разруха, колоссальные барыши промышленников, полное несоответствие этому заработной платы, чрезвычайное ухудшение всех условий труда и репрессии, самые жестокие, за всякую попытку рабочих пред'явить требование об улучшении этих условий, — таково было положение со второй половины 1915 г. Расстрел рабочих в Костроме, в Иваново-Вознесенске в 1915 г., Николаевская, Путиловская забастовка в 1916 году, волна забастовок по всей России.

„До первых чисел минувшего марта,—констатировал начальник Екат. жандармского управления в своем донесении Департаменту поли-

ции о настроении в Екатеринославской губернии, — настроение рабочих было совершенно спокойное, а с этого времени наблюдалось некоторое возбуждение и затем в настоящее время (апрель 1916 года) настроение тревожное“... Причинами такого положения вещей, по мнению жандарма, было: „возрастающая с каждым днем дороговизна... не хватает заработка рабочим на жизнь“. Второй причиной было—„большая неосторожность в разрешении печатать о забастовках и происходящих эксцессах на Путиловском заводе, ликвидации и отобрании завода в казну“... газетам разрешено было оповестить о том, что военный министр генерал от инфантерии Шуваев нашел, что большинство частных промышленных предприятий, работая на оборону страны, получают на этом деле до 400%, а некоторые 800%, 1200% и даже 2400% прибылей. „Газеты с указанными заметками брались и читались нарасхват, не было никакой необходимости в агитации партийного элемента“.

В Екатеринославской губернии действительно было тревожно. С 5-го по 9-е января бастовал Днепровский завод в Каменском — 9000 раб. До апреля был ряд мелких забастовок, с 15 по 30 апреля бастовало свыше 12000 человек на рудниках Веровском, Софиевском, Голубовском, Горловском, Александровском, Рутченковских, Нелеповском, на Петровских заводах и более 7000 на Днепровском заводе в Каменском. Последняя забастовка длилась 27 дней, окончилась 28 апреля. На Днепровском заводе было арестовано 11, отправлено на фронт около 300 рабочих.

В Горловском районе при попытке рабочих освободить арестованных 200 человек ротой 25 зап. пех. полка, под командой поручика Лосиевского, был дан по толпе залп в 21 выстрел — убито четверо, тяжело ранено двое. Задержанные рабочие были отправлены на фронт, 13 человек — в тюрьму.

В Екатеринославе также наступило оживление. Еще с осени 1915 г. начал будироваться меньшевиками-оборонцами вопрос об участии в военно-промышленных комитетах. Екатеринославский Военно-Промышленный Комитет возбудил перед генерал-губернатором ходатайство о разрешении созвать собрание рабочих для выборов, вероятно, заранее сговорившись с наиболее видными меньшевиками, но генерал-губернатор собрания не разрешил.

В марте 16-го года вопрос этот вновь был поставлен перед екатеринославскими рабочими. Большевики повели агитацию против участия в военно-пром. комитетах. 25-го марта вблизи зав. Гантке в Нижнеднепровске состоялась массовка рабочих, на которую собралось 60—70 человек. С речами выступали: большевик Власенко, с.-р. Соломченко, м-к Непомнящий. Решено было выборы производить, но на собрании выборных — отказаться от участия в работах комитета.

27-го марта такая же массовка была в Брянском районе вблизи Новотрубного завода. Там были т.т. Валявка, Бондарев Тихон, Фишкин, ряд меньшевиков и много рабочих, всего человек до 200. Едва успели высказаться т. Валявка и Непомнящий, как нагрянула полиция. Массовка разбежалась; 20 человек были задержаны и в административном порядке посажены на три месяца. Губернатор возбудил ходатайство о высылке всех годных к работам в окопы в Бессарабскую губернию, а неспособных — в Иркутскую.

Развернувшаяся забастовочная волна, чрезвычайные массовые репрессии, сыпавшиеся на забастовавших, поставили перед организацией

вопрос о поддержке и материальной, и забастовками тт. других мест. Кампания об оказании помощи николаевцам была проведена еще в начале марта. Из Николаева приезжал представитель с.-д. коллектива. Доклад его о героической борьбе навальцев вызвал огромный энтузиазм. „Сердца екатеринославских большевиков", говорит об этом времени тов. Валявка, „бились в унисон со всей партией, и поэтому героизм навальцев в их борьбе имел для нас гораздо большее значение, чем все остальное, так как эта искра борьбы могла разгореться в пожар революции". („Л. Р." № 2 за 1923 г.). Были собраны деньги и отвезены в Николаев.

Забастовка на Днепровском заводе, начавшиеся там аресты и отправка на фронт выдвинули перед организацией вопрос о поддержке протестом и одновременно о пред'явлении по заводам требований. Протест организовать не удалось, требования были пред'явлены на ряде предприятий.

Требования пред'являлись и ранее. Еще в начале февраля городским районом была проведена забастовка в мастерской дамских нарядов Гуревича. В марте бастовали полдня подростки в болтовом цеху на эстампажном заводе. 30-го марта пред'явили требования доменщики Брянского завода, в конце марта—рабочие листопрокатного цеха зав. Шодуар.

В апреле, в связи с решением организации повести кампанию за пред'явление требований, они были пред'явлены в нескольких местах. 19-го апреля на заводе Гантке заводоуправление в тот же день об'явило о 10% прибавке и повышении военного пособия на дороговизну; 22-го апреля—в Екатеринославских ж.-д. мастерских и на заводе Шодуар. Главный директор трубных заводов Кравцов 23-го декабря, при переговорах, отказался удовлетворить огульную прибавку в 30% зарабатывающим до 100 р. и 20% получающим более 100 рублей, но обещал устранить неравномерность в заработной плате и прибавить малополучающим.

Приподнятое настроение рабочих, агитация, начавшееся пред'явление требований были учтены жандармами. 26-го апреля из рабочей среды были из'яты тт. Валявка В. А., Медведев П. И., Яшин П. С., Власенко С. Н., застигнутый у него на квартире каменьчанин, видный работник Арсеничев И. А., Корецкий Д. С. и с.-р. Соломченко Ф. И. Почти у всех были найдены заметки и переписка, давшие подтверждение собранным жандармами агентурным сведениям. Кроме того, произведены были обыски у Берещанского, Бондарева, Дорожко, Сочинского, Воронского, Кузнецова, известных жандармам за с.-д. пораженцев, у ликвидаторов Фирсова и Боголюбовой и связанных с ними по работе рабочих Примаченко, Жмуркина, Данилина, Фокина, Каратаева, Савкина, Аксельрода, Холодкова, Рабиновича, Левкина и Апше. Власенко, Валявка, Соломченко и Арсеничев были сосланы в Иркутскую губернию, Медведев и Яшин — в Тургайскую область, Корецкий — за пределы губернии.

Массовые обыски и аресты, однако, не испугали рабочих. 27 апреля рабочие зав. Шодуар вновь пред'явили требования, присоединив к ним требование освобождения арестованных с завода товарищей, и все, за исключением снарядного цеха, бросили работу, заявив, что немедленно приступят к работам, если их товарищи будут освобождены. Заводоуправление, раньше отказавшееся дать огульную прибавку, немедленно реагировало. 28-го было об'явлено об установлении чернорабочим-муж-

чинам поденной платы в 1 р. 20 к., женщинам — в 1 руб. и о прибавке в 30% получающим до 3 руб., 20% — получающим от 3 руб. до 5 руб. и получающим свыше 5 р. — 10%. Экономические требования таким образом были удовлетворены почти полностью. Рабочие вышли на работу.

Произведенные аресты не были неожиданностью для организации. Слежка накануне их была чрезвычайная, организация была готова к ним и поэтому, несмотря на из'ятие руководителей организации, каким, напр., был тов Валявка для Брянского района, работа приостановилась только на время, в целях не дать возможности жандармам выловить новых работников. Связи с центром к этому времени укрепились, получалась и литература.

23-го мая утром с кипой литературы — более ста экземпляров „Соц. Демократа“ разных номеров, с брошюрами Ленина и Зиновьева „Социализм и война“, „Война и дороговизна в России — ЦК РСДРП“, листовками: „Пролетарский Голос“, Центр. Комитета и т. д. — был арестован на Амуре сходивший с поезда тов. Гудима.

В июне 1916 г. возвратилась в Екатеринослав из-за границы покинувшая его в 1910 г. тов. С. И. Гопнер[1]).

„На меня набросились, — рассказывает она в своих воспоминаниях („Лет. Рев.“, № 2 за 1923 г.), — как „на белую ворону“ из интеллигенции, могущую не только прочитать доклад по программным вопросам, но и информировать обо всех заграничных делах, в особенности же осветить положение дел во 2-м Интернационале и изложить принципиальную точку зрения нашей партии“.

И, действительно, после арестов в 1915 г. интеллигенты-большевики были для Екатеринослава „белыми воронами“. Единственными интеллигентами, принимавшими участие в работе и игравшими руководящую роль, были служащие больничных касс, гл. образом секретари. В Брянской кассе тов. Квиринга сменила Боголюбова З. Г. — прекрасный работник, но ярая меньшевичка-плехановка, по характеристике С. И. Гопнер. Тов. Воронский, работавший в Эстампажной кассе, был отрезан от Екатеринослава, более связан с Амуром и вскоре после обысков и арестов в апреле уехал из Екатеринослава.

„Я прочитала несколько докладов в заводском и железнодорожном районах, и собрания эти мне показались гораздо многочисленнее тех, которые я посещала в самые ужасные годы реакции в 1909 и 1910 годах. На собрания 1916 года летом приходило от 20 до 40 — 50 чел.“ (С. И. Гопнер. „1916 г. в Екатеринославе“)

После временной отлучки из Екатеринослава с целью замести слежку, С. И. возвратилась опять в Екатеринослав, была устроена на службе в Брянской кассе и вступила в работу в коллектив Брянского

[1]) О С. И. Гопнер еще 6-го февраля 1916 г. Департамент полиции сообщал жандармским офицерам на пограничных пунктах и Екатеринославскому жандармскому отделению, что:

„По полученным сведениям в ближайшем времени из-за границы намерена прибыть в Россию для революционной пропаганды в армии, под видом сестры милосердия, херсонская мещанка, учительница Серафима — Сима-Двойра Иоселева-Ильинишна Гопнер, имеющая следущие приметы: малого роста, светлая шатенка, полное широкое красивое лицо, короткая шея, звонкий голос, протяжный выговор, одевается всегда просто в черное“ и предлагал „подвергнуть ее тщательному таможенному осмотру и сопровождать наблюдением до передачи ее ближайшему розыскному органу“. Дело № 125 Е. Г. Ж. У. за 1916 год.

з
авода, где из приезжих работал уже тов. Н. В. Копылов, бежавший от ареста из Питера.

„Главным штабом организации фактически был коллектив Брянского завода, состоявший в момент моего приезда из 11-ти человек... Бондарева Тихона, Переславского Мирона (Мирон Брянский), Амосова, Рыкова, Коненко, Кураженко, Яшина и других, имен которых я тогда не знала. Этот коллектив был связан с другими заводами, с городским районом, а также со всеми окрестностями. Фактическими руководителями организации этого времени сделалась тройка: Копылов, я и Кураженко“ (С. И. Гопнер. „1916-й год в Екатеринославе“—„Лет. Револ.“ № 2 за 1923 г.).

По жандармским документам, попытки возобновления работы организации стали проявляться в особенности сильно с июля месяца. Главным деятелем был не арестованный 26-го апреля, ради слежки за ним и установления таким образом других членов и связей организации, тов. Бондарев Тихон, — особенно выделился своей энергией в партийной работе рабочий Брянского завода И. Д. Кураженков.

„Стараниями этих лиц на Брянском заводе была организована партийная касса и стали производиться сборы денег для помощи высланным членам группы. Этими же лицами делались также неоднократно попытки организовать на Брянском заводе партийные группы“. До конца октября месяца указанные попытки не приводили к намеченной цели, но, однако, к концу октября месяца Кураженко занял главенствующее положение среди партийных рабочих названного завода. К этому же времени и, в особенности, с открытием сессии Гос. Думы от агентуры стали поступать сведения о том, что, вообще, среди рабочих, а среди партийных в особенности, заметно возрос интерес к внутренней политике государства и что Кураженкову удалось-таки сорганизовать среди брянцев партийную социал-демократическую группу (Ликвид. Зап. ж. о. от 12 февраля 1917 года).

Как видно из этого, жандармы уже в октябре нащупали одного из руководителей организации, т. Кураженко.

„В первых числах декабря месяца агентура указала, что в группу Брянского района, кроме вышеназванных Кураженкова и Бондарева, вошли мастеровой силового цеха Брянского завода, под партийной кличкой „Егорка“, и некая „Сима“ (оказались Григорий Быченков и Сима Гопнер) (там же).“ В декабре, таким образом, была взята жандармами на учет и второй член тройки руководителей С. И. Гопнер.

„Кураженко настаивал на необходимости связать его группу с группой рабочих, образовавшейся в пос. Амур-Нижнеднепровск“. Одновременно с этим „агентура указала на образование групп РСДРП и на других прилегающих к г. Екатеринославу заводах; так, кроме названной Амурской, в 20-х числах ноября среди рабочих железнодорожных мастерских станции Нижнеднепровск стало обрисовываться стремление партийных лиц об'единиться в группы, каковую задачу принял на себя в числе других и рабочий этих мастерских „Дмитрий“ (оказался Дмитрием Лебедем). Группа эта в конце ноября прошлого года и была сорганизована“ (Там же).

Тов. Лебедь (см. его воспомин. в „Лет. Рев.“, № 2 за 1923 г.) освободился временно от военной службы в августе 1916 г. и сейчас же

вошел в Заднепровскую организацию, в район которой входили и Нижнеднепровские мастерские.

„На секвестрованном Нижнеднепровском зав. Акц. Анон. О-ва Русских Пром., бывш. Гантке, также сорганизовалась группа рабочих, принадлежащих к РСДРП. Организатором ее был рабочий Григорий Головко. В группу эту вошли, главным образом, старые партийные работники“. (Там же).

Григорий Головко был большевиком-примиренцем и работал в Больничной кассе зав. б. Гантке. В состав этой группы входили его единомышленники.

О городской группе стало известно жандармам только в январе 1917 г. Время ее организации и начала оживления ее работы жандармы не узнали.

Еще в первый свой приезд в Ек-в, летом 1916 г., тов. С. И. Гопнер встретилась в городе с тов. Кагановичем. „Весною и летом,— пишет она в своих воспоминаниях,— руководящую партийную работу, распространяющуюся и на город, и на заводы, вел тов. Каганович (нынешний генеральный секретарь ЦК КП(б)У), под кличкой „Борис“. После провала, вызванного провокацией рабочего Зайцева, ряд товарищей, среди которых были Каганович и я, должны были скрыться“. К октябрю, когда организацию стали возглавлять тт. Гопнер и Копылов, группа была уже связана с Брянским коллективом. Оживление работы проявилось по всем районам. Проявилось оно в закреплении связей между районами, в более частом устройстве докладов и в выпуске целого ряда прокламаций против войны в декабре — январе. Экономическое забастовочное движение, как в этот период, так и за весь 1916 год, в Екатеринославе было слабо. В августе бастовали механический и прессовый цеха зав. Гантке. Директор Граaф пригрозил расчетом и отправкой на фронт. Это было новым явлением в самом Екатеринославе,— до того времени администраторы заводов воздерживались от подобных угроз. Очевидно, опыт других мест был учтен и в Екатеринославе.

Так же неудачно в сентябре бастовали проволочный завод „Тоболовский и К°“ и завод Старр; забастовки привели к частичному удовлетворению требований рабочих. Проведен был ряд усиленных забастовок ремесленников в городе, под руководством городского района. С 10-го октября начались временные остановки некоторых заводов из-за отсутствия угля и сырья. Центр тяжести работы организации был перенесен на организационное закрепление и политическую агитацию. Из работы организации за октябрь следует отметить проведение кампании за отказ участвовать в работе Военно-Промышленного Комитета. В марте, как мы видели, на массовках решено было выборы проводить и использовать их для агитации против войны, но от участия в самой работе Военно-Промышленного Комитета отказаться. В октябре выборы были произведены. 30-го октября было назначено собрание уполномоченных от рабочих для выборов представителей в Военно-Промышленный Комитет. На собрание явилось 31 человек, пришел и непременный член всех легальных рабочих собраний того периода — полицейский чин, помощник полицеймейстера. Состав явившихся выборщиков был колеблющийся,— таков, что большинство могло оказаться за выборы. Большевиками был поставлен вопрос, можно ли в присутствии представителя полиции с достаточной полнотой обсуждать вопросы, связанные с выбо-

рами представителей в военно-промышленный комитет и, если собрание признает это невозможным, то разойтись. 15 человек собравшихся высказалось отрицательно, 11 чел. признавали возможным обсуждать вопросы и в присутствии полицейского чина, остальные воздержались. Голосовавшие за невозможность покинули собрание, сторонники обсуждения вопроса и в присутствии полицейского подали в воен.-промышлен. комитет заявление о желательности второго собрания с привлечением всех, кто к тому времени будет доизбран; но так до революции выборы и не были произведены.

Отмечая оживление в работе екатеринославских большевиков, ликвидационная записка жандармов приводит и агентурные сведения о состоявшихся совещаниях и собраниях организации и о принятых ею решениях. В г. Екатеринославе „примерно около 8—10 минувшего ноября состоялось собрание „пораженцев" из представителей от рабочих местных заводов, но без участия иногородных делегатов, каковое собрание решило назвать себя „местной конференцией большевиков Донецкого бассейна". На этом собрании конференции присутствовали упомянутые Кураженков, ныне выбывший из гор. Екатеринослава неизвестно куда, Бондарев, Головко и Лебедев, а также и другие, известные агентуре лицо в лицо. Всего на собрании конференции присутствовало 11 человек. Резолюция конференции: создать в возможно непродолжительном времени в городе Екатеринославе организацию большевиков-пораженцев".

По словам участников того времени, конференции предшествовало предварительное совещание районов. После закрепления связей с районами созваны были представители районов и руководящие работники. Речь шла об оформлении организации в общегородском масштабе, созыве общегородской и, если окажется возможным, и областной конференции с привлечением представителей и из Донецкого бассейна. Был избран Врем. Исполнит. Комитет, которому поручено было провести всю организационную работу по созыву конференции. Комитетом был послан в об'езд в Донецкий бассейн один из его членов, повидимому, тов. Кураженко.

Донским жандармским управлением было сообщено Екатеринославскому Ж. О., что „в воскресенье, 30-го октября, по поручению Донецкой группы большевиков, заезжал в Макеевку, Донской Области, к Соломону Телия представитель этой группы из Екатеринослава от Брянского района, об'езжающий районные коллективы этой группы, и предложил Соломону Телия войти в эту Донецкую организацию „большевиков" на основании Циммервальдской конференции и просил обсудить приемлемость этого предложения в заводских и рудничных группах рабочих с.-д. на началах районного коллектива Макеевского горного округа; при этом приезжий передал Соломону Телия ограниченное число экземпляров прокламаций возмутительного содержания Екатеринославского Комитета РСДРП с мастичной печатью: „Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия, Комитет, Орг. Брянского района". Как видно, рабочие Макеевского горного района высказались, однако, против этого об'единения. Личность же приезжего выяснить не удалось; возможно, что это был вышеупомянутый Кураженков" („Ликв. Зап. ж. о." от 12/II, 172).

Екатеринославский представитель просто попал не по адресу. Соломон Телия был меньшевик, не стоявший даже на Циммервальдской платформе,— отсюда и отказ против об'единения.

Брянским районом еще до об'единительного собрания и переименования во Врем. Исп. Ком. Екатерин. Орг. РСДРП была выпущена прокламация (см. в приложении).

Конференция состоялась в с. Диевке в кв. т. Страхова. Присутствовало всего 15 человек; 9 представителей от заводов Брянского, двух трубных заводов, Рузского, Сириус, один представитель от городского района и один от Днепровского завода в Каменском. Председателем конференции был тов. Захареев. В порядке дня стояли вопросы: 1) Интернационал и война. 2) Война и задачи с.-демократии. 3) Доклады представителей о состоянии работы на местах. 4) Доклад по организационному вопросу и 5) Резолюции и постановления. Докладчиками были т. т. Гопнер и Копылов.

Приводим протокол этой конференции. [1])

„После первого доклада участники конференции обменялись мнениями, причем остановились особенно подробно на вопросах об отношении к войне, о поведении социалистов других стран и о будущем Интернационале. Второй доклад вызвал также обмен взглядов, причем особенное внимание было уделено вопросам о военнопромышленных комитетах, о необходимости развития нелегальной печати и способах борьбы с ликвидаторской печатью. Доклады с мест показали, что на всех представленных заводах существуют партийные ячейки, вокруг которых группируются больше 300 товарищей, аккуратно платящих членские взносы. Что же касается настроения широкой рабочей массы, все докладчики утверждали, что оно крайне напряженное, что ясно чувствуется еле удерживаемое недовольство, раздражение, стихийное и бессознательное. В связи с этим подчеркивалась необходимость со стороны передовых товарищей активного вмешательства, ставящего своей целью об'единение распыленной рабочей массы вокруг организованных кружков и групп.

„Четвертый доклад (по организационному вопросу) закончился прениями о практической работе и дальнейшем развитии организации. В результате всего было вынесено следующее решение: конференция призывает всех сознательных передовых товарищей к скорейшему созданию на заводах цеховых кружков, заводских коллективов, районных организаций и к ускорению созыва общегородского собрания для об'единения работы и выборов исполнительного комитета. Дальнейшим шагом нужно считать постановку областного комитета и присоединение к Ц. К. Р. С.-Д. Р. П."

После утверждения докладов была единогласно принята следующая резолюция:

Причина войны.

„Настоящая война является неизбежным следствием капиталистического способа производства, при котором незначительная группа капиталистов-собственников бесконтрольно распоряжается продуктом труда множества пролетариев. Этот строй ведет к самым гибельным последствиям, с одной стороны, оставляя неудовлетворенными насущные потребности многомиллионной массы пролетариев, с другой — создавая

[1]) Смотри Шляпников «Канун 1917 года». Г. И. З. Москва 1920 год, страница 271—275.

ряд непрерывных конфликтов и вооруженных столкновений за право навязать товары более слабым и отсталым странам. Дальнейшее сохранение капиталистического строя поведет к еще более страшным катастрофам, к новым войнам за колонии и рынки, к разгромлению и уничтожению всех слабых народов, к дальнейшему укреплению международных трестов и к новым неисчислимым бедствиям для всех трудящихся.

Удары, наносимые войной международному пролетариату; массовое истребление молодежи на фронте, милитаризация пролетариата в тылу, чудовищная дороговизна и недостаток многих необходимых продуктов и происходящее отсюда недоедание, вымирание и вырождение рабочих масс, разгром рабочих организаций и рабочей печати — вот удары, поразившие с первых дней войны международный пролетариат. Война, служащая интересам командующих классов, бросила народы друг на друга, внесла разлад в ряды организованного Интернационала, и каждый день ее продолжения приносит нашим классовым врагам новую победу над пролетариатом и над социализмом.

Ввиду вышесказанного, в этой войне, затеянной не нами, а против нас, мы, сознательные рабочие, не видим иных задач, кроме одной: использование созданного войной экономического и политического кризиса для борьбы с капиталистическим строем, уничтожение которого единственно в состоянии убить причины империалистических войн. Война, создавая неслыханные страдания масс, изнывающих под бременем нескончаемых убийств, несказанной дороговизны, гнета военного и полицейского, озлобляет эти массы и стихийно толкает их на борьбу с войной. Нашей обязанностью должно быть об'яснение широким массам истинных причин войны, указывание на ее истинных виновников и освещение того пути, который должны избрать эти массы. Не скрывая, а раскрывая все те бедствия, которых не избегнуть им после заключения мира, мы считаем долгом своим предупредить эти массы, что мир, заключенный дипломатами—агентами господствующих классов, ляжет новой тяжестью на те же массы и что лишь организованный революционный натиск народных масс может привести к такому миру, который не свалит все бедственные результаты войны на трудящихся и создаст право каждому народу свободно устраивать свою жизнь. Война, явившись бичем для всей европейской демократии, особенно губительно отразилась на судьбе российских рабочих и крестьянских масс, которым приходится выносить войну в исключительно варварских условиях полицейско-азиатского режима. Российская буржуазия, несмотря на полную хозяйственную разруху и на явную безысходность настоящей войны для России, всецело слилась с хозяйничающим в стране союзом крупных землевладельцев, правящей кликой, в лозунге „все для войны, все для победы". Интересы российской буржуазии пользуются при современном полицейско-дворянском режиме преимущественным вниманием, и, ввиду этого, нельзя ждать с ее стороны активного выступления в пользу изменения политического строя России, а потому никакие соглашения с нею, имеющие целью найти выход из создавшегося тупика, недопустимы, так как ужасающая дороговизна жизни является прямым результатом войны. Полное устранение ее возможно лишь с прекращением войны и сокрушением всего режима, породившего ее. Принимая во внимание, что „твердые цены", как и всевозможные продовольствен-

ные совещания созданы тем, кто непосредственно создает дороговизну, недопустимо никакое участие наше в подобных организациях. На все растущую дороговизну рабочий должен ответить требованием о повышении своей заработной платы на столько процентов, на сколько возрасли цены на продукты. Не отказываясь от частичного улучшения положения рабочих, признавая необходимым наше участие в организациях классового характера — профсоюзах и кооперативах, мы в то же время высказываемся против участия в военнопромышленных комитетах и др. организациях, имеющих целью оказывать содействие более успешному ходу войны, тем или иным образом связанных с тылом и фронтом армии. Не имея с этими организациями никаких общих задач и считая самой главной задачей проповедь и подготовку массовых выступлений против войны, за свержение царского правительства и установление в России демократической республики, а также подготовку к социальной революции, мы рекомендуем работать и строить организации только в союзе с элементами, не изменившими нашему старому знамени, оказавшимися верными партийным постановлениям, не развращенными проповедью сбившихся слуг социализма—социал-патриотами. Так как дружными усилиями правящей бюрократии и всей воинствующей клики рабочие России, с первых дней войны поднявшие свой голос против нее, были сразу лишены представительства в Г. Думе и приведены к молчанию полным разгромом рабочих организаций и рабочей печати,—Конференция признает насущной и неотложной необходимостью созыв Всероссийского совещания с.-д. и широкого развития подпольной печати. Считая, что с самого начала войны не было никаких общих целей с ее виновниками, мы с негодованием осуждаем тех „социалистов", заграничных и отечественных, которые, заключив гражданский мир с буржуазией голосованием за военные кредиты, участием в министерстве, воспеванием войны в парламентских речах и печати, как войны последней и освободительной, покинули точку зрения классовой борьбы, которая была главной основой нашей международной организации, этим посеяли смуту в наших пролетарских рядах и присоединились к тому обману, который послужил могучим орудием мировой буржуазии против пролетариата всех стран. Под видом „защиты отечества" эти мирные социалисты защищают каждый свою отечественную буржуазию, укрепляя каждый день ее господство и уверяя при этом, что это есть настоящая защита социализма и интернационализма. Мы видим причину этого беспримерного предательства самых видных представителей II-го Интернационала в том, что в нем до войны господствовало оппортунистическое течение, по существу своему буржуазное. Оно и показало свою природу при первом крупном испытании. Как ни велико бедствие краха нашей интернациональной опоры, мы не считаем возможным прикрашивать его, а, наоборот, думаем, что беспощадным разоблачением мнимых друзей социализма ему вернее всего служим. Поэтому об'являем всех явных и скрытых социал-патриотов своими врагами и в разоблачении прежде всего наших отечественных ренегатов перед массами видим свой интернациональный долг.

Мы протягиваем братскую руку тем нашим заграничным товарищам из Германии, Франции, Англии, Сербии и Италии, которые в небывало тяжелых условиях остались верными их старому знамени, отказались подчиняться вождям, заключающим перемирие с буржуазией,

продолжают борьбу против войны и своих правительств. Познакомившись с работами двух конференций в Циммервальде (осенью 1915 г.) и в Кинтале (весною 1916 г.), мы шлем приветствие товарищам-интернационалистам, собравшимся для борьбы с войной и для восстановления прервавшейся связи между пролетариями разных стран. Особенно же приветствуем левую Циммервальда, последовательно поставившую вопросы о нашем отношении к миру, о социальной революции и о кризисе в Интернационале".

Литературная деятельность организации после конференции повысилась. Прокламации распространялись в большом числе и по всем районам. Все они были посвящены войне. 4-го декабря вышла прокламация к рабочим, 15-го декабря — вторая, 7-го января — „К солдатам", 9-го января — денежный отчет и прокламация о 9-м январе (см. в приложении).

Насколько широко разбрасывались прокламации, видно хотя бы из того, что 9-го января были найдены полицией прокламации на Полевой улице, на ст. Нижнеднепровск, расклеенные на Брянской улице по дороге к заводу на столбах и афишных тумбах, на Первозвановской, на Старогородней, на заводе Гантке, в Нижнеднепровских ж.-д. мастерских, в пос. Султановке, на печном заводе, на Александровской улице, на Караимской, на Трамвайной, на Клубной, в Кайдаках, на Вокзальной, в Нижнеднепровске, даже в театре „Модерн" накануне вечером. Все заводы, весь город был покрыт ими. Виновники обнаружены не были.

Влияние этих прокламаций было огромно. Екатеринославский уездный исправник в своем донесении от 16-го декабря сооообщал один эпизод. На Базарной площади, у стены, где была наклеена прокламация, собралось человек 17, в их числе около десяти солдат, и внимательно слушали чтение прокламации. Подошедший стражник сорвэл прокламацию. Один из штатских, не разобрав, что это стражник, сказал ему вслед: „Э, солдат, разве тебе не нужно?" Солдаты, разобрав, что это стражник, стали кричать: „это — крючок, бей его!" и заставили стражника поспешить уходом.

В конце января 17-го года агентурные сведения указали, что 3 февраля, по случаю призыва новобранцев, местные организации РСДРП предполагают устроить в Екатеринославе уличную демонстрацию с выкинутием красного флага и распространением прокламаций против войны". (Ликв. зап.).

На основании этого в ночь на 2-е февраля организация была подвергнута основательному разгрому. По всем районам были произведены обыски. 20 человек арестовано. Из членов организации попали в тюрьму Перепечко, Лебедь, Бондарев, Переславский, Быченко, Машлетов, Гопнер, Головко, Бикасов; кроме того, были арестованы Варшавский, Каплунов, Шапиро, Бальвак, Кудрявцев и меньшевики разных оттенков: Фирсов, Примаченко, Новиков, Боголюбова, Гонтаренко, Шимшелевич.

Большинство меньшевиков были освобождены. О них ликвидационная записка сообщала, что „деятельность указанной группы меньшевиков до сего времени ничем существенным себя не проявила. Являясь крайне малочисленной по своему составу, она симпатиями со стороны рабочих не пользуется".

Освобождены были и т. т. Переславский, Быченко, Головко, Бикасов; Лебедь же, Гопнер и Бондарев были освобождены 4-го марта, когда на улицах уже происходили митинги, а на заводах шли выборы в Совет рабочих Депутатов.

Б.

Приложения к статье Б. „Война и Ек-ская организация большевиков“.

Воззвание Екатеринославского Комитета РСДРП к рабочим.

Российская социал-демократическая рабочая партия.
„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Товарищи рабочие!

Товарищи, третий год бушует пожар мировой войны.

Третий год льются потоки человеческой крови, нагромождаются груды тел, тратятся миллионы народных денег и разоряются миллионы населения. Полчища варваров, своей жестокостью превзошедшие древнего Атиллу и Чингис-Хана, превратили цветущие ранее города и селения в пустые развалины, опустошили целые области и страны и продолжают уничтожать плоды созданной культуры целых тысячелетий. Десятки миллионов трудового населения впали в состояние полного обнищания. У миллионов детей убиты и искалечены отцы, у матерей отняты последние сыновья и брошены в пасть ненасытному кровавому богу войны. Дороговизна достигла безумных размеров и угрожает гибелью миллионов пролетариата, еще не брошенных под расстрел пулеметов и пушек. Третий год продолжается бессмысленная оргия безумия, третий год стая шакалов и гиен справляют свой кровавый пир. В дни народных страданий, когда все залито кровью и слезами, только ничтожная кучка хищников, зажегшая в своих интересах пламя народной междоусобицы, пожинает плоды отвратительной войны наживой колоссальных барышей от военных заказов и взвинчиванием цен на все необходимые продукты, подкупив продажную печать и задушив всякое проявление свободной мысли, свора жадных гиен во главе с Николаем Кровавым, продолжают нагло обманывать народные массы и уверять, что война ведется во имя интересов „всего“ народа и что в происходящей ужасной резне заинтересован весь народ. Эта ложь давно разоблачена и лучшим ответом на нее является та героическая борьба, которую ведет в разных концах обширной России организованный пролетариат. Царское правительство ошиблось, когда думало сдавить страну железным кольцом произвола, закрыв и уничтожив все легальные рабочие организации, в то же время окончательно задушив свободную мысль и рабочую печать.

Пролетариат поднял знамя второй российской революции, и уже бушует и волнуется народное море, от берегов Балтийского до Черного моря и Тихого Океана и Северного Ледовитого Океана.

Гремят раскаты народного девятого вала народной бури, которая понесется с ревом по всей Европе и уничтожит весь старый истлевший и никуда негодный кровавый строй царизма и буржуазно-либеральные правления Франции, Англии и пр...

Товарищи рабочие! Ваш долг не оставаться безучастными свидетелями происходящей борьбы. Ваш долг сомкнуться в мощные организации под старым испытанным боевым знаменем российской социал-демократической рабочей партии. Только подняв всеобщее вооруженное восстание от края до края, только разрушив окончательно дряхлую деспотию Николая II и учредив на ее развалинах демократическую республику, мы можем предохранить себя от возможности повторения ужасов человеческой бойни; везде и всюду создавайте кружки и группы, об'единяйте их в заводские, районные, городские, областные союзы и создавайте, таким путем, несокрушимый союз российского пролетариата. В ответ на все растущую дороговизну об'являйте стачечную борьбу за повышение заработной платы. Пусть наша борьба будет единой, всеобщей, ибо в единении—сила.

Долой войну и преступную шайку авантюристов, палачей. Да здравствует вторая российская революция и борьба за демократическую республику, конфискацию помещичьих земель и 8-ми часовый рабочий день.

Да здравствует российская С.-Д. Р. П.!

Екатеринослав. Комитет Российской С. Д. Р. П.

М. П.

Российск. соц.-дем. раб. партии
комитет орган. (неразборчиво района) Брянск.

Листовка против войны, выпущенная Екатерин. Комитетом РСДРП к солдатам.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи солдаты!

Уж третий год, как стонут рабочие и крестьяне под тяжелым бременем войны, затеянной царским правительством и капиталистами всех воюющих стран с целью расширения своего господства на мировом рынке и еще большего порабощения рабочих и крестьянских масс. Эта кровопролитная бойня, которой не виден конец, захватила всю Европу. Этой шайке царей и паразитов-богачей мало слез матерей, вдов и сирот; мало бедствий и нищеты трудящегося народа, и без того порабощенного; им нужна наша кровь, им нужно золото и роскошь, дворцы и замки;, им, этим грабителям народа, веками порабощающим нас и выжимающим из нас молодые силы и обрекающим нас под старость на голод и нищету; им, этим трусливым паразитам, прячущимся за нашими спинами, им нужна война, несущая нашу преждевременную гибель. Они—это ненасытная шайка богачей—дворян, помещиков, богатеющих на наших трупах. Доколе же, товарищи, мы будем терпеть насилие этой кучки паразитов, захватившей всю власть в свои руки. Опомнись, солдат, не пора ли тебе положить конец всем этим издевательствам и насилиям!.. С нами обращаются, как со скотами: нас унижают, секут розгами, заставляя силой наших же штыков защищать наших врагов. Тов. солдаты! Мы не должны верить лживой буржуазной печати, которая твердит, что война эта—освободительная и должна

быть доведена до конца, Мы должны положить конец этой страшной бойне, обратить наши же штыки против наших истинных врагов—царей и капиталистов.

Мы дожны поднять знамя революции. Долой позорную войну!

Долой царскую монархию! Долой паразитов-богачей!

Да здравствует революционная армия! Да здравствует революция!

Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Социализм!

Листовка Ек-ского К-та РСДРП к 12-й годовщине 9 января 1905 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие!

Сегодня исполняется 12 лет „Кровавому воскресенью", когда петербургские рабочие и с ними весь пролетариат получил незабываемый и стоющий урок. 12 лет тому назад, в самый разгар Русско-Японской войны, очутившись в невыносимо тяжелых условиях жизни, наши столичные товарищи решили заявить о своих нуждах тому царю, слуги которого лгали о его любви к трудящемуся народу, призывая его проливать кровь в далекой Манджурии. С хоругвями и царскими портретами в руках, со слепой верой в душе десятки тысяч рабочих отправились к Зимнему дворцу не с угрозами, не с оружием в руках, не с ненавистью в сердце, а с просьбой на устах и с покорно склоненной головой они хотели встретить того, кого считали своим покровителем. Как же встретил их „царь-батюшка"? Какой ответ дал он мирной толпе? Еще не успели непрошенные гости подойти к его роскошному дворцу, как угощение было выслано навстречу. Об'ятый страхом за свою жизнь и престол, он выслал своих опричников принять просителей, и град пуль из ружей и пулеметов посыпались на безоружные ряды. Кровавое пиршество разыгралось на улицах столицы, сотнями просители полегли с тем, чтобы больше не вставать....

Ответ царя был ясен и понятен, и сразу поняли рабочие всей России, на каком языке нужно разговаривать с царем и его слугами. 9-го января 1905 года рабочие узнали, что самодержавное царское правительство—их злейший враг, что в своей борьбе с эксплоататорами-капиталистами они могут надеяться только на самих себя, что ни на шаг не подвинется их борьба за лучшее будущее, пока они не уберут с пути гнусную шайку палачей, называющую себя правительством.

Дорого заплатил рабочий класс за этот урок, но и душителям народным он обошелся не дешево. Семена гнева и возмущения рассеялись по всей стране от края до края.

Волна рабочего движения подымалась все выше и выше, и скоро враги народные увидели перед собой не толпу просителей, а дружные ряды организованных борцов, с оружием в руках поднявшихся за свои права. Забастовки, митинги, уличные демонстрации широко разлились повсюду. На все заигрывания и ложные обещания испугавшегося правительства рабочие отвечают новым усилением своих организаций, новыми революционными выступлениями. Едва проходит полгода со дня „Кровавого воскресенья", как во всех городах вспыхивают протесты, органи-

зовывается железнодорожный пролетариат, происходит грандиозное восстание на „Потемкине“... Еще проходит несколько недель, и восставшие рабочие диктуют свою волю, требуя свержения самодержавия, созыва учредительного собрания, установления в России демократической республики, конфискации помещичьих земель, 8-ми часового рабочего дня. Под напором этой могучей силы самодержавие идет на уступки: спешно заключает мир с Японией, издает закон о Государственной Думе и, наконец, в октябре, когда вся жизнь замирает, благодаря всеобщей забастовке, издает манифест с обещанием гражданских свобод и реформ для рабочих.

Рабочие не поверили этим лицемерным посулам и ответили на них новым усилением боевой готовности. Московское декабрьское восстание и целый ряд других, таких же геройских, были раздавлены царскими войсками, но не с тем, чтобы заглохнуть навсегда.

Знамя, которое защищали наши товарищи в 1905—6 годах, снова развернулось широко незадолго до настоящей войны. Громко раздавался голос рабочего со столбцов рабочей печати, росло единение и сознание. Снова волна возмущения и негодования стала угрожать престолу и его слугам. И вот, чтобы задавить эту силу, спасти себя и дворян-помещиков, обогатить капиталистов, правящая клика вмешалась в европейскую войну при дружной поддержке буржуазии. Реками полилась рабочая и крестьянская кровь и вот два с половиной года она не перестает литься. Кровь, голод, болезни, смерть, тяжелые поборы, гнет и притеснения,—вот что выиграла рабочая масса в этой войне.

Долго ли это будет продолжаться? Не пора ли приняться за дело, не пора ли пойти силе против силы? Не пора ли помянуть как следует 1905 г.? Кто еще кроме рабочих может прекратить приготовление пушек и снарядов и прекратить войну? Кто еще может высоко поднять славное знамя Российской Революции?

Торопитесь же, товарищи, время не ждет. Сомкнитесь в ряды, собирайтесь и обсуждайте, как победить своего царского врага, как спасти себя и свой класс от гибели. Стройте свои организации и присоедините голос к голосу пролетариев других стран, об‘явивших войну своим правительствам и требующих мира, сделайте скорее выбор: умереть в траншеях от пуль, погибнуть ли в тылу от голода или приступить к славной борьбе за лучшее будущее ваше и ваших детей. Пусть же громче раздается об‘единенный голос российского пролетариата!

Долой царя и его правительство!

Долой ненужную войну!

Да здравствует великая Российская Революция!

Да здравствует братство народов всех стран!

Екатеринославский комитет Р. С.-Д. Р. П.

9-го января 1917 года.

ОТЧЕТ

С 1-го мая по 31 декабря респрессивных сборов за 1916 год.

	Приход	Р.	К.	Расход	Р.	К.
V	За май	95	05	Выдано сем. ар.	73	71
VI	„ июнь	132	50	Куп. бел. один аз.	155	80
VII	„ июль	67	50	Высл. аз., и сем	78	53
VIII	„ август	63	60	Выс. сем. и выд. аз.	87	73
IX	„ сентябрь	114	78	Выс. сем.	87	57
X	„ октябрь	—	—	Выд. сем.	—	—
XI	„ ноябрь	—	—	Выс. в Сиб.	—	—
XII	„ декабрь	135	91	Выд. Сем.	292	70
	Всего приход	608	93	Всего расход	776	4
	Всего расход	777	4			
	Итого перерасх.	167	89			

Отчет членских взносов.

За 1916 г. с 1 января по 31 декабря

Приход	Р.	К.	Расход	Р.	К.
С января по май	28	10	С января по май	—	—
» май	19	70	» на дорогу товарищу	10	—
» июнь	30	10	» по организации	18	10
» июль	72	80	» май	11	43
» август	116	44	» июнь	18	62
» сентябрь	72	23	» июль	25	54
» октябрь	—	—	» август	95	56
» ноябрь	105	43	» сентябрь	90	25
» декабрь	—	—	» октябрь	—	—
Всего прихода	442	80	» ноябрь	72	87
			» декабрь	—	—
			Расход всего	342	73
			Всего прих.	442	80
			Всего расх.	342	37
			Осталось на 1917 г. Всего	100	43

Врем. Испол. Ком. гор. Екатеринослава Р.С.-Д.Р.П.

Брянский завод накануне революции.

Избранный после арестов в июле Квиринга, Аверина и др. организацией Брянского района в 1915 г. коллектив приступил к плановой партийной работе. Организована была финансовая часть, которой ведал Переславский; в его же ведении была и работа по Красному кресту; литературной частью ведал тов. Кураженков, боевой дружиной—Бондарев и Кураженков, Амосову была поручена библиотека, Андрееву—квартирная часть.

Дороговизна жизни увеличивалась, заработная плата не могла покрыть самых насущных нужд рабочих, охраны труда не было никакой, от рабочих требовали только усиленной работы и строго наблюдали за тем, чтобы хождений из цеха в цех и сходок даже в 3—4 человека в свободное время не было. Перед каждым неповинующимся, как угроза, стоял расчет и отправка на фронт. Это соответствовало усилению общей реакции, белым столбцам в газетах и т. д. Настроение рабочих в отношении войны, не говоря уже об отношении к правительству, становилось все более и более отрицательным; из-под влияния оборонцев освобождались и те рабочие, которые в начале были за меньшевиков-оборонцев. Почва для нашей работы была весьма благоприятна. Мы стремились всячески дать рабочим понять, что в рамках царского правительства экономическая борьба даст очень мало, что ближайшей задачей рабочего класса должно быть свержение царского правительства. Коллектив заседал очень часто, почти каждый праздник, по квартирам, иногда в оврагах, даже в Городском саду, делясь опытом своей работы и впечатлениями о настроениях масс. В порядке дня у нас стоял вопрос об организации демонстрации против войны, но учет наших сил показал нам, что она была бы преждевременной и повела бы к полному нашему разгрому. Поэтому мы от нее отказались.

Если в 1915 г. нашей организации удалось 9-го января вывесить на трубах электрических котлов красное знамя с лозунгами 9-го января то в 1916 г. этот день прошел у нас без этого. За несколько дней до годовщины собралось нас на Кайдаках человек 30 для обсуждения вопроса о праздновании и других, но не успели открыть собрание, как мать хозяина квартиры заявила нам, что, если мы не разойдемся, она пойдет и заявит старосте. Пришлось перейти в другую квартиру к т. Кекину. Решили выпустить воззвание, но мы не выпустили его, так как не успели подготовить печатного станка.

В феврале была сделана попытка устроить заседание коллектива с представителями из города по вопросу о координации действий и об организации обще-городского Бюро. Собирались на 2-й Чечелевке, рядом с Больничной кассой. Явился и докладчик—кажется, его звали Борисом. Но т. Валявка заметил, что за ними началась слежка, вертятся шпики, то же подтвердил и хозяин квартиры, и пришлось разойтись.

В феврале же к нам приехал представитель от стачечного Комитета николаевских рабочих и сделал на большой массовке, за Шляховкой в лесу, доклад о положении николаевских рабочих, о жандармской расправе и призывал помочь и морально и материально. „Мы должны добиться, говорил он, чтобы такие вопросы, как сегодня, могли обсуждаться открыто, а не по лесам“. Настроение у присутствующих, которых было до трехсот человек, сильно поднялось.

После докладчика выступил оборонец Фирсов и оговорился, что он в принципе согласен с докладчиком, но должен сказать несколько слов о тактике борьбы, и указал, что в войне из-за обладания рынком Германия хочет подчинить себе всю Европу и что с победой Германии Россия превратится в колонию. Германские социал-демократы поддерживают свое правительство, потому забастовки в момент войны принесут пользу только германскому правительству, а не нам. Перед нами же должна стоять задача усиления промышленности.

С резкой речью против Фирсова выступил т. Валявка. Он указал, что докладчик не совсем ясно указал способы борьбы при существующем правительстве. Поддерживать правительство, которое послало в ссылку рабочих депутатов, которое расстреливало и по суду и без суда рабочих и покрыло после 1905 года всю страну виселицами и карательными экспедициями, не наша задача. С победой на фронтах оно еще больше усилит репрессии против рабочих, почему нашей основной задачей является свержение этого правительства, а затем уже можно будет говорить об улучшении положения рабочих. Рабочим Николаева надо помочь.

Были организованы сборы, и деньги отвезены в Николаев нашим делегатом.

Настроение и у нас в заводе было в пользу забастовки, но провести ее мы не могли потому, что многие из меньшевиков и других партий не только были против, но и всячески препятствовали ее проведению и советовали ходить по начальству за прибавкой. У нас на заводе это проявлялось в меньшей степени, чем на других заводах. Была попытка рабочих электрического и доменного цеха просить администрацию о прибавке, но окончилась безрезультатно. На соседнем же Трубном заводе такие обращения были очень часто. Там директор Кравцов играл роль либерала и даже называл себя плехановцем, но прибавки и там давались очень туго.

Настроение рабочих и наша работа были учтены охранкой. За нашими главарями Бондаревым и Валявкой установилась слежка. В особенности это было заметно в начале апреля, когда в Каменском началась забастовка. И у нас на заводе и на других заводах пошли разговоры о забастовке. От Валявки шпики почти не отставали, и он запретил нам приходить к нему, чтобы не провалиться. Ввиду возможности его ареста, на пасху состоялось заседание наиболее активных членов коллектива на Шляховском кладбище. Присутствовали Валявка, Бондарев, Амосов, Кураженко, Гонтарь, Дербасов, Андреев, Быченко, Переславский [1]). Работа, которую нес Валявка, была возложена на Кураженко.

Кураженко работал в Донугле в Харькове.
Гонтарь—ныне беспартийный—Инспектор Труда в Днепропетровске.
Дербасов работает в Днепропетровском Коммунхозе.
Андреев, ныне беспартийный, работает на заводе Петровского.

В конце апреля Валявка был арестован.

Одна из массовок, времени которой я точно не помню, повидимому, перед 1-м маем, была на острове Днепра, недалеко от Потемкинского сада. Я стоял патрулем и пропускал по паролю. Двое прошли, не сказав мне пароль. Об этом я, когда пришел на массовку, сказал Бондареву. Бондарев, с усмешкой обращаясь ко всем, сказал: „кто провокатор—подымите руки". Все засмеялись. Председательствовал Бондарев. С большой речью выступил Лагутенко и обрисовал положение страны и бесконтрольное хозяйничание в ней Правительства. После него го́ворил Ермоленко—старик. Речь его была короткой, но резкой. Основной задачей для рабочих, говорил он, является уничтожить земских начальников, мировых судей, жандармерию, прокуратуру, министров, царя, и только после этого можно будет говорить об улучшении положения рабочих.

На следующий день его № в заводе был снят, и он был расчитан из завода.

Перед Троицей в Строительном цеху на почве конфликта с мастером рабочие забастовали. Мы созвали коллектив на Чечелевском кладбище и постановили устроить на Троицу большую массовку в жите за Шляховкой для обсуждении вопросов о проведении обще-заводской забастовки.

В первый день Троицы расставили патруль: на мосту между Фабрикой и Чечелевкой—Дербасова, на углу 1-й Чечелевки для большей конспирации—жену тов. Быченко, третий—за бойней с балалайкой в руках. Собралось до 500 человек, но не успели собраться, как появилась со всех 4-х сторон конная полиция, и мы стали расходиться группами. Все же несколько человек было арестовано: Волков, Топоренко, Аксютин, но у них ничего не нашли, и они были освобождены. Мы решили собраться небольшим количеством в бузной на 1-й Чечелевке.

Решили на первый день после праздника вечером, когда рабочие идут домой, устроить летучие митинги на Чечелевке, Фабриках и Кайдаках и распределили выступления: Лагутенко[1]) и Дербасов должны были выступить на Фабриках, на Кайдаках—Андреев, на Чечелевке—Лукашенко[2]) и Береславский. Провели митинги.

На завтра, по выходе на работу, в строительном цеху было устроено собрание при участии начальника цеха Гукова. Гуков согласился удовлетворить первое требование рабочих уволить мастера, но категорически отказался дать прибавку. От большевиков выступал Алдошин[3]) с речью, в которой доказывал рабочим, что таким путем ничего нельзя добиться, что требования наши небольшие, и если их отказываются удовлетворить, то необходимо сговориться со всеми цехами и выработать общие для всех рабочих требования,—тогда успех будет больше обеспечен. Рабочие строительной мастерской были под

Быченко—член Президиума У. С. Н. Х.

Валявка—Пред'Исполкома Мариуполя.

Береславский заведует отделением Сахаротреста в Виннице.

Ермолин работает на заводе Петровского.

[1]) Лагутенко погиб в 1919 г. при наступлении деникинцев на Екатеринослав.

[2]) Лукашенко в 1919 г. работал в екатеринославском подполье, был замучен деникинцами.

[3]) Алдошин, ныне беспартийный, работает на заводе б. Шодуар, „Коминтерн" на Амуре.

влиянием меньшевиков и отчасти зубатовщины и поэтому испугались общезаводской забастовки. Гуков в заключительной речи обрушился на Алдошина и заявил, что если рабочие приступят к работе, то он о зарплате поговорит с директором. Рабочие стали на работу.

Первое мая тоже не удалось ничем ознаменовать. Полицейская охрана была чрезвычайно усилена, а воззвания мы не могли выпустить из-за отсутствия печатного станка и гектографа.

Бондарев и Кураженко взялись устроить гектограф. Сварили, но не повезло—крысы прогрызли, пришлось вновь делать массу. Сделаный гектограф был передан на хранение мне. Я передал его молотобойцу железнодорожного цеха Никите Васюкову, который жил в одной комнате, бывшей кладовке, где было очень удобно, не ожидая чьего-либо непрошенного вмешательства, работать.

Организация все время вела переписку с Авериным и другими ссыльными. Тов. Аверин в своих письмах рекомендовал не увлекаться газетой „Наш Голос", хотя она иногда и много пишет о рабочих нуждах, так как по существу она является оборонческой газетой и поэтому ее терпит военная цензура, закрывшая наши большевистские газеты. „Если Ларин, писал он нам, в своих статьях выставляет себя чуть ли не большевиком, то он в то же время уживается с оборонцами, что едва ли выдерживает большевистсткую критику".

Получались письма и от тов. Петровского, бодрящие и зовущие к дальнейшей борьбе по линии, какой они держались в Государственой Думе.

Арестованного Валявку мы скоро проводили в Сибирь. На его место, вскоре после его ареста, приехал из Питера т. Копылов Мартын и, как рабочий, политически развитый, занял у нас руководящую роль. Нашей фракции в Брянской кассе удалось устроить его на службу в Больничной кассе.

Работа у нас наладилась, и уже в июле мы выпустили за первое полугодие кассовый отчет и начали печатать прокламации, содержания их теперь не помню.

Скоро приехала и тов. Гопнер. На собрание коллектива в квартире тов. Быченко собрались: Бондарев, Лагутенко, Переславский, Алдошин, Дербасов, Гонтарь, Андреев, Шалухин и кто-то еще, не помню, пришел и провокатор Зайцев. Тов. Гопнер сделала нам доклад о войне, мировом рабочем движении, втором Интернационале, о Циммервальдской конференции.

Патруль дал сигнал, что напротив квартиры появились шпики. Помнится, Зайцев уговаривал нас не придавать этому значения. Мы все же решили разойтись. Зайцев вызвался проводить тов. Гопнер.

Постепенно мы начали налаживать связь с другими крупными заводами. Работа там была значительно слабее; мы знали, кто там работает, но органической связи с ними не было. Тов. Бондарев и я от нашего завода с тов. Захареевым от Трубного устроили совещание о совместной работе. После некоторых споров тов. Захареев согласился с нашим предложением, но заявил, что это может повлечь за собою и последствия, так как у нас работает провокатор Моиссев, которого они выявили еще, когда он работал в Трубном заводе. Бондарев подтвердил, что он тоже об этом слыхал; мы решили не допускать Моисеева к партийной работе, а для более точного выяснения устроить партийный

суд. Суд этот не состоялся до самой революции. Таким образом в наш коллектив влились представители от Трубных заводов: от завода „А“ Захареев, от зав. „Ц“—Шейнин и другие.

Одно собрание коллектива было устроено на берегу Днепра, на косе против Фабрики, присутствовало человек 20. Было уже темно, когда мы заметили лодку и в ней человек 8 городовых. Зайцев предложил обстрелять их, Лагутенко возражал ему. Мы разошлись. Вскоре после этого Лагутенко и Дербасов были расчитаны и отправлены на фронт.

Поведение Зайцева заставило нас заподозрить его в провокации, мы решили изолировать его от организации. Проведение этого в жизнь поручено было Бондареву и Кураженко, которые были уже известны охранке. Мы же отговаривались незнанием. Между Кураженко и Зайцевым дело дошло до крупного столкновения; по рассказам Кураженко, они чуть было не постреляли друг друга.

В августе или сентябре получена была большая почта: газета „Социал-Демократ“, Плехановская Марсельеза“, „Отречемся, друзья, от марксизма—бей, пролетарий, немца“ и брошюра Ленина „Мира, хлеба и свободы“. Начиналась она словами „Отцов, братьев, сыновей на войну забрали, а нас хотят голодом поморить, хлеба, хлеба, хлеба“! Эта брошюра произвела сильное впечатление и теснее спаяла наши кружки.

Дороговизна все увеличивалась. На заводах это было менее заметно, так как заводы устроили у себя продовольственные пункты, где было все значительно дешевле. Росла спекуляция и параллельно с этим взяточничество со стороны полиции. Уже не только рабочие, но и население и солдаты говорили: кто от войны наживается—фабриканты, заводчики и полиция, кто от войны страдает—солдаты и рабочие. Нередки были случаи, когда даже на Проспекте вечерами городовые прятались от солдат, которые их избивали по всякому поводу.

Учитывая повышение настроения в рабочей среде, репрессии по отношению к рабочим (зачастую за одно слово—расчеты и посылки на фронт на передовые позиции, или ссылка в Сибирь), наш коллектив решил отказаться от созыва массовок и заменить их выпуском прокламаций. Литературные силы у нас были в лице Гопнер и Копылова. Осенью приехал еще Илюша Орлов и с помощью Бондарева поступил в Больничную кассу.

Начали организовывать библиотеку. Так как я был библиотекарем, то ко мне снесли массу книг. Один раз Кураженко притащил около ста книг, хранить у меня их было негде, и мы перенесли ее к тов. Кекину. Это вызывалось еще и тем, что книги могли дать повод к подозрению, а у меня в это время образовалась целая канцелярия—прокламации, протоколы заседаний, отчеты, счета, списки розданных книг и т. д. Для ведения этой канцелярии организация выделила мне секретарем т. Левенштейна (Лугового), но он проработал недолго и куда-то уехал, сдав все у него находившееся мне. Возвратился он уже в 1917 г. из Минска, где работал в Военно-промышленном Комитете.

На заводах при тесном участии всех патриотов, от истинно-русских до меньшевиков-оборонцев, поднялась кампания за отчисление заработка на подарки солдатам на фронт. Мы постановили не принимать в этом участия, бойкотировать эту кампанию и разоблачать этот буржуазный обман. Несмотря на наше постановление, один из наших товарищей Ми-

рон Береславский уехал с подарками на фронт. Поездка эта вызвала у нас сильное недоумение, вопрос должен был обсуждаться на колективе, но так и не обсуждался до революции.

Уже к Октябрю наша районная организация сильно выросла количественно и качественно, тесно связалась с рабочими нашего района; возникал вопрос об организованном выступлении. Нам было известно, что и в других районах наша организация росла и крепла с каждым днем, но связь с районами была слаба, почему всякое выступление было бы обречено на гибель. Встал вопрос о созыве конференции на платформе левой Циммервальда. Инициативу такого созыва взял на себя наш район. Во главе подготовки стали товарищи: Гопнер, Копылов, Бондарев, техническая работа была поручена тов. Кураженко. Ему было поручено об'ездить все районы. Вместо тезисов выпустили прокламацию, в которой были отражены наши взгляды на войну и мир и отношение к правительству, рабочему и крестьянскому вопросу.

Прокламаций в период июнь — декабрь 1916 г. мы выпускали несколько; то же делал и городской район. На ряду с прокламациями мы выпускали кассовые отчеты, чтобы отчитаться перед членами организации и перед рабочими, дававшими деньги на ссыльных.

Перед конференцией по районам были сделаны собрания. В нашем районе оно состоялось в Шляховке. Присутствовало человек 30, главным образом представители цехов Брянского завода. Тов. Гопнер сделала подробный анализ международного и внутреннего положения в связи с войной. Выводом ее из этого доклада были неизбежность и близость революции, а отсюда и необходимость более сплоченной организации, для чего необходима была губернская конференция. Конференция состоялась в декабре в селе Диевке у т. Страхова.

В том же декабре приезжал представитель из Центра. В связи с его приездом состоялось большое собрание в моей квартире, так как другой найти не удалось. Патрулями были тов. Гонтарь, его жена и моя жена. Докладчик среднего роста, плотный, брюнет, сделал доклад о положении в Петрограде, в Государственной Думе, в правительстве и в нашей партии, указал, что революция может вспыхнуть в ближайшее время. В Петрограде и Москве уже готовятся к выступлениям на улицу, необходимо быть готовым и Екатеринославу. Закончить собрание не удалось, так как появились шпики.

Вероятно, в первых числах января приехал в Екатеринослав представитель рабочей группы Центрального Военно-Промышленного Комитета Абросимов (провокатор). В связи с его приездом состоялось собрание в Брянской Больничной кассе. Из большевиков были Бондарев, Кураженко, я и Копылов. Абросимов в своем докладе, продолжавшемся более часа, также подчеркнул, что революция близка, какой она будет носить характер—сказать трудно, но все лучшие теоретики и марксисты должны придти к заключению, что нашей задачей должна быть организация Профсоюзов, Бирж Труда, Военно-Промышленных Комитетов и т. д. С содокладом выступал Кураженко, развивая мысль, что война эта не принесет рабочему классу освобождения, что поддерживать ее мы не можем и сотрудничать вместе с Гучковым не наша задача, так как интересы г.г. Гучковых не наши интересы. Абросимов во время речи Кураженко бросил реплику, что это заранее подготовленный доклад. И это собрание закончить не удалось из-за появления шпиков.

Подпольщики 1914-16 г.

БРЯНСКИЙ РАЙОН

БОНДАРЕВ

АВЕРИН

КВИРИНГ

КОПЫЛОВ

ГОПНЕР

КУРАЖЕНКО

ВАЛЯВКА

М. КОПЫЛОВ

АНДРЕЕВ

Новый год мы встречали организованно в квартире, помещавшейся рядом с полицеской частью на Павловской улице. Собрался актив, была революционная декламация, речи и отчасти разрешены были и практические вопросы праздновании 9-го января и демонстрации. 9-е января решили ознаменовать выпуском прокламации и не устраивать никаких открытых выступлений, так как полиция в этот день сосредоточит все свои силы на заводах.

Прокламация была выпущена. Наиболее подходящим временем для демонстрации мы решили выбрать день, когда должны были отправлять на фронт мобилизованную молодежь. Решили выступить со знаменами „долой войну и царское правительство", да „здравствует 8-ми часовый рабочий день", „Земля крестьянам". Обо всем этом стало известно жандармерии, слежка усилилась. Нависали аресты, шпики начали ходить по пятам. Кураженко вынужден был оставить Екатеринослав и уехал в Донбасс. Второго февраля произошли крупные аресты большевиков и меньшевиков в нашем районе в Заднепровьи и в городе.

Арестовали Гопнер, Бондарева, Быченко, Береславского и др. тов., некоторых меньшевиков, всего челов. 20.

В период ареста мы решили выпустить воззвание к рабочим Екатеринославщины. Проект воззвания был наброшен тов. Копыловым, который после этого скрылся из Екатеринослава. Выпустить воззвание было поручено мне и тов. Орлову. Мы устроились с печатанием в Больничной кассе в воскресенье вечером. Поставили патрулем тов. Андреева, и я вместе с Орловым принялся за печатание на машинке копировальными чернилами. Андреев иногда заходил в кассу и сообщал, что все благополучно. Один раз, уходя из кассы, он наступил на ногу шпику, который стоял у двери, приложив ухо; Андреев условным знаком сообщил об этом нам. Я выскочил и спросил у шпика: „кто ты такой?" Он испуганно спросил: „кто здесь живет? Я приезжий".—„Здесь учреждение", ответил я. Шпик ушел. Сомнений не было. Я не возвращался уже в кассу, а Илюша, побросав все в печку, ушел.

Идя из кассы в Бойком переулке, я встретил наряд полиции, направляющийся к больничной кассе.

Так как арестованные были члены Правления и сотрудники Больничных касс, в том числе и секретарь Больничной кассы Боголюбова, правление постановило ходатайствовать об их освобождении. Против этого не возражал и председатель кассы назначенец Равич-Щерба, вошедший в состав делегации. Из большевиков в делегации был тов. Коненко, который и рассказал нам о разговорах с губернатором.

Узнав в чем дело, губернатор ответил: „На ваших заводах сильно ульяновское настроение среди рабочих. Я могу освободить только некоторых, но не всех. Коненко спросил о Гопнер и Бондареве. Губернатор заявил, что он разберется в деле, но что Гопнер и Бондарев — ульяновцы, освободить их он не может и рекомендовал всем рабочим отказаться от ульяновского направления и принять плехановское. Коненко указал, что можно ожидать эксцессов на заводах. Губернатор просил принять меры к недопущению эксцессов и еще раз повторил, что нужно отказаться от ульяновства, и тогда он всегда будет готов итти навстречу рабочим.

Через несколько дней почти все были освобождены. — Бондарев и Гопнер остались в тюрьме. Их освободила Революция.

И. Амосов.

Странички из воспоминаний о подпольной работе в 1915—16 г.г.

Екатеринослав, будучи крупнейшим промышленным центром Юга России, всегда был под особым наблюдением жандармов. Однако, это не помешало организации РСДРП большевиков развернуть довольно большую работу среди рабочих масс городских предприятий и заводов.

В период империалистической войны эта работа заключалась в беспощадной борьбе с другими, претендовавшими на руководство рабочим движением, партиями: меньшевиками-оборонцами, бундовцами, которые всячески старались свести всю политическую работу в рамки „легальности“ и этим самым затемнять сознание рабочего класса, скрыть от него истинный характер империалистической войны.

В памяти нашей осталось немного ярких моментов этой борьбы.

Комитет нашей организации устроил в конце 1915 г. об'единенное нелегальное собрание на Степной улице в подвальном помещении. Обсуждению подлежал вопрос об отношении к войне. На этом собрании было человек 50. Докладчиками от большевиков выступали т.т. Григоренко, под кличкой „Григорий Береговой“, и тов. Труба Борис (Каганович), ныне секретарь ЦКП(б)У. Докладчики со всей ясностью вскрыли идейную путаницу, вносимую меньшевиками и бундовцами в умы рабочих масс, меньшевистское отношение к империалистической войне, требование участия в военнопромышленном Комитете и проч. нелепости этой путаницы.

Со стороны меньшевиков выступали: Шимшелевич — Самуил из Больничной кассы, Степа, Рувим-портной, меньшевик-партиец, работавший больше в контакте с нами, чем другие. Особого успеха их выступления не имели; даже те товарищи, которые колебались, при голосовании резолюции были за нас; и мы получили абсолютное большинство.

Не меньшая борьба была вокруг овладения профсоюзами. Меньшевики всячески старались увиливать от разрешения спорных вопросов с предпринимателями путем стачек, конфликтов, а мы, наоборот, направляли рабочую массу по пути к более решительной борьбе при разрешении спорных вопросов. Изредка меньшевикам удавалось толкнуть рабочую массу на компромисс. Надо сказать, что стачки в большинстве случаев были успешными для рабочих, и это усиливало наше влияние на рабочую массу.

Для руководства и организации союзов были выделены товарищи: Наум Варлен (переплетчик), Исаак Каплан (перепл.) — в союз печатников; Корбовец, бежавший из ссылки в 1916 г., Яша Гурвич, Феня Кацнельсон—в союз „Игла“; Брегман Соломон („Соломон прачечник“)—в союз прачечников; Григоренко (Григорий Береговой)—в союз грузчиков; Борис (Л. Каганович) и Василий Михейцев (последний ныне вне партии) — в союз кожевников.

Особенно удачны были несколько конфликтов по союзу „Игла“, которому удалось охватить своим влиянием всех рабочих мужских и дамских портных и провести забастовку в конце 1916 г. на крупной фирме Б. Гуревич и других. Забастовкой было охвачено свыше 350 дамских портных. Вызвана она была грубым обращением на фирме Гуревич с рабочими. Были пред'явлены требования: 1) вежливое обращение, 2) уменьшение рабочего дня и 3) повышение зарплаты.

В Стачечный Комитет вошли т.т. Алек (бывш. тогда анархистом), Рувим Новогрудский, Горбовец, Феня Тункель и другие. Со стороны хозяев было проявлено большое упорство. Приглашали для работы штрейкбрехеров, арестовывали тех, кто снимал штрейкбрехеров. Забастовка длилась больше двух недель и окончилась частичным успехом.

Исключительно трудной была работа среди прачечников-красильщиков, чрезвычайно отсталой, угнетенной, не имевшей почти никаких традиций в прошлом по организованной борьбе с хозяевами, массы. Прачечникам самим было трудно организовать на первых порах распыленную массу. В помощь им были посланы т.т. Новогрудский и Наум (Бородач). Вскоре им удалось выделить из среды прачечников т.т., которые весьма успешно руководили работой в этом нелегальном союзе (Брегман Соломон и Рувим Бромберг). Надо отметить, что когда хозяевам пред'являлись требования, то они всегда проводились с большим единодушием и очень редко только отдельные товарищи попадались на „удочку“ хозяевам.

Помимо об'единения рабочих вокруг нелегальных союзов на экономической почве, нам удалось вовлечь значительную часть рабочих и в политическую работу, привлекая на массовки и использовывая квартиры прачечников для собраний.

Одна такая массовка была устроена летом 1916 г. ночью на острове, левее Потемкинского парка. Переправляться нужно было на лодке. Собралось 40 – 50 рабочих и работниц. На Днепре началась сильная буря. Трудно было управлять перегруженными лодками. Почти два часа вместо получаса потратили, чтобы добраться до острова. Собрание закончилось поздно ночью. Оставаться до утра было рискованно—это грозило безусловным арестом и несомненной высылкой руководителей массовки, но и обратно возвращаться также было невозможно из-за бури... Четверо товарищей рискнули отправиться за катером, доставили его, и на рассвете мы возвратились в город.

Крупная забастовка была на фабрике Айнгорна, где работало 120 человек, из них 108 работниц. Эксплоатация там была неимоверная. Забастовкой руководили т.т Варлен и Каплан. Окончилась она, однако, неудачей из-за провокационных действий мастера Свердлова.

С появлением среди кожевников т. Бориса (Кагановича) удалось совместно с товарищами Михейцевым (Василий), Ефимом Стеселем (Ефим Гоза), цыганки (Марголин) развернуть довольно большую работу по организации рабочих в борьбе с предпринимателями. Целый ряд забастовок окончился успешно не только в отношении зарплаты, но и в правовом. Кое-кого удалось вовлечь и в политическую работу.

Среди древообделочников работали т.т. Евель и Г. Ходис; среди конфетниц—Эсфирь, Бася, Маня и Сарра Бриль.

На заводах также были организованные группы. Там устраивались частые массовки в степи вблизи рабочих поселков Чечелевка, Кайдаки

и проводилась большая работа вокруг Больничных Касс. В кассах прочно засели меньшевики, но была и группа большевиков—Мартын Копылов (в 1917 г. редактор Екатеринославской „Звезды“), Бондарев, Фишкин, Мирон Трубный, на Амуре—Лебедь.

Связь между районами не всегда удавалось наладить: мешала опасность провалов. Осуществлялась связь представительством от районов в Городской Комитет. С заводами Комитет был связан через Мартына Копылова и Бондарева, с городом через Наума (переплетчика), Михейцева и Кагановича.

Массовая политическая работа помимо массовок выразилась еще в выпуске листовок к 1-му мая, 9-му января, против войны и т. д. Кроме этой массовой работы, велись занятия по кружкам, где занимались изученем вопросов программы, тактики и взглядов различных политических партий на войну. Вопросам об отношении к войне особенно много уделялось места в „Социалдемократе“, получавшемся из-за границы и дававшем нам много, что облегчало ориентировку в том, что делается в России и в эмигрантской среде.

Значительное оживление началось в работе, когда приехала из Франции С. И. Гопнер. Специально для ее доклада устроили собрание на новых планах. Были приняты самые строгие меры предосторожности. Доклад т. Гопнер „об итогах Циммервальдской конференции“ закончить не удалось, т.-к. нам сообщили о слежке. Разошлись благополучно.

Особенно памятна нам встреча нового года в квартире одного из рабочих. Тов. Копылов сделал большой доклад „об итогах нашей работы и о задачах, стоящих перед нами“. После доклада развернулись оживленные прения. Кое-кто выдвигал идею использования легальных возможностей, но эта точка зрения не встретила поддержки на собрании. На этом вечере встретились много товарищей, которые участвовали в общей работе, но до того ни разу не встречались друг с другом.

В феврале 1917 г. произошли аресты из-за провокации некоего Стеркина. Арестованы были т.т. как из города, так и из заводских районов. Стеркин одно время представительствовал Заднепровье в Городском Комитете. Из городских арестованы были Ваня Груздев, член Комитета—Перепечко, Каплан Яша, из заводских—Лебедь, Гопнер и другие.

Оставшимся надо было снова налаживать работу, приостановленную арестами, и организовать помощь Красного Креста сидящим в тюрьме. Но это длилось недолго. Февральская революция освободила заключенных товарищей и вывела партию из подполья.

Брегман С., Горбовец Н., Каплан И.

Из истории аграрного движения 1917 г. на Екатеринославщине.

После 1905 г.

Борьба за землю в 1905 году кончилась для селян поражением. Самодержавие жестоко подавило и разгромило революцию. Помещики и правительство торжествовали свою победу. Они отняли у селянства вынужденные революционным движением уступки и облегчения и ожесточенно стали расправляться с селянами, поднявшими знамя свободы. Но никто не мог отнять у многомиллионной массы великого исторического опыта. Снова начали расти земельные и арендные цены, а заработная плата сельхозрабочих, при общем увеличении дороговизны жизни, падать. Расправившись с селянами, правительство, однако, не уничтожило, не ослабило, а развязало и усилило, вызвавшие революцию силы. Опасаясь повторения аграрного движения, правительство решило рядом законодательных актов обеспечить крупную помещичью собственность. Остатки крепостничества были большим тормозом в развитии селянского хозяйства. Напуганное 1905 годом, правительство само, „сверху" взялось за ликвидацию пережитков крепостничества и наспех занялось „землеустроительной" реформой.

Столыпинская реформа ускорила процесс развития капиталистических отношений на селе, внесла значительные изменения в старый строй сельской жизни и, увеличив земельную собственность отдельных групп селян, резко обострила расслоение села.

Разрушая общинные устои, реформа оберегала крупное дворянское землевладение и сохраняла старые кабальные формы экономической зависимости и гнета крестьянина. Попрежнему в селе оставались господствовать помещик с земским начальником и царили произвол и бесправие.

Насильственным проведением столыпинской реформы воспользовались зажиточные селяне, укрепившиеся на хуторах и скупавшие земли в конец разорявшихся бедняков.

С 1-го января 1908 г. по 1-е января 1917 г. количество безземельных хозяйств в губернии возрасло с 11.605 до 45.102. Правительство содействовало зажиточному селянству, рассчитывая, „в предупреждение крестьянской революции, выиграть ставку на сильных", насадить кулацкое, чисто собственническое хозяйство, которое стало бы в деревне опорой „порядка". Политическая цель реформы оказалась, однако, неосуществимой. С одной стороны, осложнялись отношения между зажиточными кулаками и помещиками, с другой—возрастала борьба беднейших слоев села с зажиточными селянами. В результате—обнищание и потеря земли большинством селян не только не ослабили, но еще более увеличили революционность крестьянства.

За годы жестокого помещичьего террора классовые отношения в селах Екатеринославской губернии сильно обострились, и уже недалек был час массового селянского взрыва.

Обрушившаяся империалистическая война осложнила и углубила классовые противоречия на селе. В первый момент ослабело революционное напряжение и остановились начавшиеся было открытые выступления.

Война оторвала от хозяйственной деятельности и погнала на поля смерти самых работоспособных, наиболее революционных селян, тысячи малоимущих хозяйств остались без рабочей силы, лишенные материальных средств существования. Несмотря на значительное падение арендных цен в годы войны, мы имеем по губернии заметное сокращение посевной площади. Словом, наименее обеспеченные слои села очутились в тисках все возраставшей нужды. Товарный голод, дороговизна продуктов питания и предметов широкого селянского обихода, частые мобилизации и реквизиции, углубляя создавшийся кризис, усиливали хозяйственную разруху. Разоряя беднейшие слои села, война обогащала зажиточные кулацкие хозяйства. Легче преодолевая ее трудности, спекулируя хлебными запасами, прибегая к найму мужской рабочей силы, не испытывая столь острого недостатка в живом и мертвом инвентаре, имущие хозяйства наживались на беде своих разорявшихся соседей.

Война, однако, не только не заставила селянство забыть о земле, но, напротив, земельный вопрос встал с новой силой. В селянстве вновь возродилась старая заветная мечта о земельной прирезке вместе с окончанием войны. И с каждой новой жертвой, приносившейся селянами в жерло войны, среди них росла и крепла уверенность в обязательном ее завершении земельным разделом. Больнее всего ударив по бедняку и середняку, империалистическая война создала предпосылки для нового революционного выступления.

Глухое брожение селян, местами выливавшееся в активное движение, не прекращалось в губернии со времени подавления революции 1905 года.

В 1907-14 г. г. волнения происходили на почве проведения Столыпинской реформы. В жандармских делах имеются сведения о массовых в эти годы арестах селян, агитировавших на сходах против выдела земли укрепленцев, о резких столкновениях с „отрубщиками", землемерами и полицией [1]).

„Некоторые из задержанных—сообщают жандармы,—позволяли себе уверять крестьян, что законом о разверстании надельной земли высшие чиновники хотят сделать крестьян крепостными". Местами дело принимало более серьезный оборот, и селяне „осмеливались высказывать угрозы по отношению к особе его величества" [2]).

На многих сходах, „в присутствии полиции и начальства", селяне кричали, что „это не закон (закон 14-го июня), а грабеж", и о том, что никто их не заставит выделить общественную землю [3]).

Начиная с осени 1914 года, департамент полиции циркулярно уведомил Екат. жандармское управление о наблюдавшихся в некоторых местностях юга России стремлениях крестьян к самовольному понижению арендной платы за снимаемую у помещиков землю [4]). Отвечая на запросы Екат. Ж. У., ротмистры Александровского и Павлоградского, Славяносербского и Бахмутского (и др.) у. у. доносили (в январе, фев-

---

[1]) Дело 1911 г. № 70 лист 7.
[2]) Д. № 20, л. 3 (1911 г.).
[3]) Д. 1911 г. № 22, л.л. 1, 5, 6, 8, 34.
[4]) Д. 1914 г. № 110.

рале, марте 1915 года), что „самовольное понижение арендной платы крестьянами за снимаемые ими у помещиков земли не производилось“.

Нужно сказать, что трудно судить о действительном положении вещей по жандармским сводкам, особенно первых месяцев войны, поражающих своей сухостью и казенным благополучием.

Крестьянство снова зашевелилось.

Потрясенные войной, селяне медленно и постепенно осознавали смысл происходивших событий. В селах появились агитаторы. Среди селян заговорили „о насильственном отобрании земель, принадлежащих удельному ведомству, монастырям, церквам, иностранным поданным и русским подданным немецкого происхождения, для безвозмездной передачи этих угодий крестьянам, в особенности солдатам и их семьям, по окончании войны“ [1]).

Складывалась обстановка, все более напоминавшая памятные 1905—1906 г.г. и встревожившая губернские и „высшие государственные власти“.

Сообщая начальнику Е. Г. Ж. У. о „поступающих в последнее время указаниях на ведение усиленной агитации среди крестьян Ек. губ. и на возможность, по окончании войны, аграрных беспорядков,— департамент полиции просил немедленно и повсеместно в губернии направить агентуру к точному выяснению настроения населения по земельному вопросу, в связи с войной и немецким землевладением“ [2]). Началась лихорадочная циркулярная переписка жандармского управления и канцелярии губернатора с уездными исправниками и жандармскими ротмистрами. Началось тревожное ожидание надвигавшейся бури.

События не заставили себя долго ждать. Один за другим вырывались наружу взрывы селянского протеста и расходились широкими кругами по губернии. Весною 1915 года прокатилась волна землеустроительных волнений, выразившихся в изгнании землемеров, прибывших для производства работ по распределению среди крестьян отрубных участков.

Взрывчатой массой, выражавшей волю большинства в это время, были жены мобилизованных.

Так, 26-го апреля 1915 года „Толпа солдаток с. Городище, Славяносербского у., явилась к прибывшим землемерам и, заявив протест против предложенных работ, впредь до возвращения их мужей, потребовала немедленного выезда землемеров“... Настроение села было настолько приподнято, что последние вынуждены были сейчас же исполнить пред'явленное требование. Расследование установило, что городищенское выступление, численностью „около двухсот солдаток, было организовано при участии местного сельского старосты и председателя городищенского волостного суда“ [3]).

Все чаще и чаще стало прорываться наружу возмущение беднейшего селянства стремительным ростом дороговизны. Даже в жандармских документах отмечается справедливость увеличивающегося недовольства масс. Скоро начались беспорядки на почве дороговизны. Подробно описаны жандармами беспорядки, возникшие в селе Петриковке, Новомо-

[1]) Там-же, л. 8.
[2]) Там-же, отнош. от 13 мая 1915 г.
[3]) Д. 1915 г. № 24, л. 45.

сковского уезда, 29-го мая 1915 года. Зачинщиками были „солдатки" и новобранцы [1]).

Наступившее лето и созревший урожай дали селянам особенно остро почувствовать свое тяжелое положение. Вот что вынужден был засвидетельствовать жандармский подполковник:

„Проезжая 27 и 28 июня через некоторые села Мариупольского уезда, мне пришлось слышать от многих крестьян жалобы на безвыходное их положение... Нужда в рабочих руках так велика,—писал он нач-ку ЕГЖУ,—что положение грозит серьезными последствиями, и если не будут приняты экстренные меры к снабжению крестьян рабочими пленными, многие крестьяне будут разорены, так как весь урожай их пропадет, а на этой почве возможны различные осложнения"... [2]).

Рабочую силу селяне не получили. Нанимать рабочих, да еще в горячее время, масса хозяйств не могла за отсутствием средств.

Представлялся один выход: прибегнуть к помощи „крепких богатырей". Но это, однако, не сулило успокоения. Ухудшавшееся положение беднейшего селянства было, несомненно, чревато различными осложнениями.

Поводом для открытого аграрного движения в губернии, почти с самого начала войны, было наличие крупного немецкого землевладения. (Одной частновладельческой земли немцев на 1-ое января 1917 года насчитывалось в губ. 342.810 дес. (6,14%), помимо земель немецких товариществ на правах частного владения и надельной земли немцев-поселян).

Уже осенью 1914 г., весною и летом 1915 г. из уездных жандармских пунктов доносили „по начальству", что „среди населения ходят упорные слухи о погроме немцев... Отказ в продаже продуктов, при их изобилии, воспрещение вступить крестьянской скотине на земли соседей немцев-поселян, а при незначительном ущербе—непомерный гнет и грубость, никакого снисхождения ко времени уплаты арендных денег... увеличивают, особенно в связи с событиями настоящей войны, враждебность и злобу населения... Были случаи одиночных выступлений, вроде снятия с немецких земель сенокоса, попытки рубки леса и т. п. На владеющих обильно лучшей землей своих соседей-немцев население в то время, как отцы, мужья и братья проливают кровь, спокойно смотреть не может"... [3]).

Эту характеристику необходимо распространить на всех помещиков, часто превосходивших предприимчивых конкурентов не только земельным и всяческим иным изобилием, но и своими суровыми запрещениями, непомерным гнетом и грубостью. Но все, что можно было сказать свободно о немецких выжимателях в 1915 году, жандармы не решались повторить о русских крепостниках.

Об усилившейся враждебности селянства против немцев-колонистов и землевладельцев, могущей „вылиться в насильственные действия", доносил и Ек. уездный исправник. „Пока—писал он— наблюдаются отдельные случаи самовольного пользования немецкими сенокосами и посевами для выпаса скота [4]).

---

[1]) Д. 1915 г. № 21.
[2]) Д. 1915 г. № 24, л. 153.
[3]) Д. 1914 г. № 110—донесение от 14 июня 1915 г.
[4]) Д. 1915 г. № 24, л. 129—донесение от 15 июня 1915 г.

С углублением последствий войны шло нарастание революционности и революционного движения селянства. Это подтверждают уцелевшие немногочисленные, к сожалению, и разрозненные архивные документы. Там и сям в сводках и рапортах, разбросаны, на первый взгляд, как будто-бы и небольшие, но весьма характерные штрихи. Вот один из них.

Селяне Краснопавловской волости, Павлоградского уезда, поселившись на заарендованной земле высланного в отдаленные губернии немецкого подданного, крупного землевладельца, всем обществом возбудили ходатайство о приобретении его земли. „Впоследствии оказалось, что имение (немца) купил змиевский уездный предводитель дворянства С. П. Суковкин". Прибыв в имение и заявив свои права, уездный предводитель потребовал от селян договоры с прежним владельцем. Крайне недовольные, селяне отказались от исполнения этого требования и угрожающе заявили, что „они еще посмотрят, кто будет пользоваться (землею)—Суковкин или они, крестьяне"... [1]).

Из разных уездов поступали сведения об участившихся случаях отказа крестьян от уплаты помещикам арендных денег за снятую ими землю. Обстоятельство это об'яснялось даже жандармами „исключительно тяжелым положением крестьянских семей, оставшихся без работников"... Этим-же об'яснялась „большая, по сравнению с прошлым годом, площадь земли, принадлежащая солдаткам, оставшаяся незасеянной"...[2]).

Земельный вопрос встал перед селянством [3]) во всей своей широте и остроте. И наивно было-бы предполагать, что движение ограничивалось лишь ликвидацией немецкого землевладения.

Затягивание войны, увеличение дороговизны и податного бремени особенной тяжестью ложились на беднейшие массы. Жизнь их становилась с каждым днем трудней. В 1916 году селянская масса стояла у порога революции.

Каждый приезжавший в село на побывку солдат, каждая приходившая весть о гибели на фронтах многих тысяч селян, каждый возвращавшийся домой изуродованным инвалидом селянин, ушедший на фронт в расцвете сил,—были искрами разгоравшегося революционного пожара.

В это время в городах, на заводах и рудниках стихийно росла волна забастовок. На борьбу с царизмом решительно поднимался рабочий класс. И движение рабочих, брожение в армии, в тылу и на фронте разворошили село и ускорили развертывание революции.

В жанд. документах, которыми приходится в знач. мере пользоваться, события освещены зачительно слабее и сдержаннее их действительного хода. Но нужно сказать, что и жандармско-полицейские стражи не могли пройти мимо поднявшегося селянского ропота и негодования. Вот беглая характеристика настроений села, данная жандармами.

„Настроение селян,—писал мариупольский жандармский подполковник,—повышенное. Отношение к войне с каждым днем изменяется

[1]) Там-же, л. 162—от 7 июля 1915 г.

[2]) Д. 1915 г. № 60. Докл. н-ка ЕГЖУ в департамент полиции от 1 ноября 1915 года.

[3]) „Наблюдаемые проявления отдельных случаев насильственных действий крестьян нужно рассматривать не как попытки отдельных лиц, под влиянием каких-либо веяний, а как вопрос всего кр-ства, издавна тяготящегося... немецким (???) засилием" (д. № 24—15 г.). Донесение от 17/VI—15 г. (Н-ка ЕГЖУ—М. В. Д.).

благодаря дороговизне. Если в минувшем году уже не было под'ема, который наблюдался в первый год войны, то теперь только слышно выражение желания скорейшего окончания войны. Число пессимистов увеличивается и сознание необходимости доведения войны до конца утрачивается"...[1])

„Селянство тяготится частыми воинскими призывами" — доносили другие. „Частые призывы запасных тревожат население тем, что в случае нескорой победы над врагом придется итти всем способным носить оружие, а поля могут загулять"...

Земельный вопрос на ряду с вопросами о хлебе, войне и мире являлся одним из центральных вопросов борьбы.

К концу 1916 г. особенную остроту приобрел продовольственный вопрос. И сами жандармы не решались замалчивать выраженного населением резко-враждебного отношения „к администрации, полиции, торговцам, продовольственным комитетам". Об'ятые страхом, они писали: „продовольственный вопрос всецело захватил население"; пока „неудовольствие дороговизной и бесхозяйственностью" не выливается в резкую форму, но „в будущем, если продовольственный вопрос останется в том-же положении... возможны крупные осложнения"...

Что касается правительственных мер против дороговизны, „то тут все население прямо изумляется тем, что в этом роде правительство как-бы бездействует и беднейшему населению жить невмоготу". „На счет правительства" высказывались суждения, что оно „умышленно затягивает на шее русского народа петлю по всем житейским вопросам, чтобы затем провоцировать и говорить: „народ виновен в плохом исходе войны"...[2])

Наконец, кризис обострив борьбу внутри села, вызвал открытые столкновения селян с полицией, правительственными чиновниками, на почве реквизиций, взимания налогов и взыскания недоимок. Резко обострились отношения между беднотой и кулачеством.

Но и бедняки и зажиточное селянство не переставали думать о земле, о захвате ее из рук помещиков.

Господствовавшее среди селянства настроение довольно метко выражено в одном из дошедших до нас документов. Наблюдавший за настроением селянства жандармск. ротмистр писал, что на его расспросы селян о их положении последние отвечали: „у нас теперь и пастухи молчат, да думу думают"... „Даже пастухи, — комментировал ротмистр свое донесение — обычно, чтобы не скучать, забавляющие себя в поле песнями, теперь уже не поют, а думают"...[3])

В селах сложилась благоприятная обстановка для революционной агитации и оживились различные общественные организации и кружки, являвшиеся проводниками новых идей.

„По своему влиянию на общество и население" жандармами отмечены существовавшие в губернии культурно-просветительные товарищества „Просвiта", задавшиеся целью „способствовать духовному развитию украинского народа".

[1]) д. 1916 г. № 95—от 17/X—16 г.
[2]) Там-же, л. 89.
[3]) Д. 1914 г. № 110, л. 84—донес. ротмистра Алекс. и Павлогр. у.у. н-ку ЕГЖУ от 8/X—16 г.

„По имеющимся сведениям, — докладывал нач—к ЕГЖУ — МВД (1/Х — 16 г.), — членами общества „Просвіта“ являются лица, примыкающие по своим убеждениям к партиям левого направления, причем некоторые из них входят в состав местной (Екат.) организации Украинской соц.-дем. рабочей партии“.

Жанд. управление подчеркивало, что это общество к концу 1916 г. утратило свое прямое назначение и занялось обсуждением вопросов политического характера. Общество имело филиалы в Мануйловке, Петриковке, Новомосковск. у., Диевке (Екат. у.) и друг. селах.

Более широкую и систематическую деятельность по революционизированию и организации селянской массы проводили разнообразные сельско-хозяйствен. общества, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, общества потребителей и многочисленные кружки, изобиловавшие, так наз., „неблагонадежным элементом“.

Селянство жаждало мира, а война продожалась, разрушая производительные силы села. Экспроприированное, придавленное войной и разрухой, оно все более восстанавливалось против самодержавия. На сторону селян часто становились и сельские власти. Вот один небольшой эпизод.

18-го декабря 1916 г. в Александровске происходил с‘езд членов земской управы, земских начальников и волостных старшин, в связи с решением вопроса о реквизиции у крестьян для нужд армии хлеба.

Согласно распоряжению министра земледелия, к 6 января 1917 г. с крестьян требовалась добровольная поставка определенного количества хлеба и ячменя с каждой посеянной десятины, по указанной твердой цене и „со скидкой на 15% с твердой цены, в случае принудительной реквизиции“.

По одним сведениям; „никто из волостных старшин на с‘езде никаких заявлений не делал, а затем, по окончании заседания они стали между собой говорить о том, что распоряжение министра о такой срочной поставке ложится тяжелым бременем на крестьян и почему-то не касается помещиков и вообще людей с земельным достатком, которые обязуются только дать сведения о количестве имеющегося у них хлеба, а не продавать его, так как он будет реквизирован впоследствии на нужды тыла“... По другим-же сведенмям, „один из старшин обратился к председателю с‘езда с вопросом о том, — почему на нужды армии срочно берут хлеб у крестьян, а не у помещиков, и получил ответ, — „что если так приказано, то так и нужно исполнять, не твое дело рассуждать“.

Сообщающий о земском с‘езде александровск. жанд. ротмистр далее передает следующее: „Старшины говорят, что эта несправедливость по отношению к крестьянам вызовет среди последних недовольство, которое, весьма возможно, выльется в волнение, и удивляются, почему правительству не взять в первую голову хлеб для нужд армии от помещиков, которые имеют большие запасы его и могут в кратчайший срок его поставить, а затем уже для нужд тыла взять у крестьян, которым с трудом можно будет втолковать, что это распоряжение вызывается действительною необходимостью, а не желанием правительства еще больше их обездолить“.

От себя автор доклада добавлял, что „исполнение распоряжения о реквизиции у крестьян хлеба вызовет, несомненно, столкновение

волостных и сельских властей с крестьянами и может иметь чреватые последствия, так как помимо того, что хлеба у крестьян нет, крестьяне добровольно хлеба не дадут"[1]).

Еще весною 1916 г. Екат. губернатором разослан был исправникам циркуляр о выработке мероприятий и инструкций для подавления беспорядков на случай их возникновения в сельских местностях. А осенью, обращаясь к Ек. губернатору с предложением урегулировать взаимоотношения между чинами общей полиции и его помощниками, начальник ЕГЖУ указал на необходимость „особенно чуткого воспринимания всех проявлений жизни". Одним из опаснейших проявлений он считал: „возможность возникновения беспорядков среди крестьян на аграрной почве, каковые при политической окраске их могут принести неисчислимые беды"[2]).

Жандармское признание необходимости „чуткого воспринимания всех проявлений жизни" само по себе чрезвычайно знаменательно. Однако, беспомощная власть бессильна была ослабить недовольство масс, выливавшееся „в волнения". На-лицо уже имелись все материальные предпосылки для нового селянского выступления.

Но почин, инициатива выступления принадлежат рабочему классу, первым поднявшему знамя революции, при активной поддержке армии.

Февральская революция и селянство.

Как и в 1905 году, революция началась в городах. Вслед за рабочими и солдатами — вооруженным народом, и под их влиянием выступило село. В противоположность пролетариату селянство не сразу, а постепенно вовлекалось в революцию отдельными волостями, районами и уездами. Немного отставая и запаздывая, развиваясь в течение весны и лета, селянское движение принимает наиболее действенные, революционно-классовые формы лишь к Октябрю 1917 года.

Главные стремления селян были направлены к окончательному уничтожению помещичьего землевладения и остатков крепостничества. С началом революции разворачивается также раньше скрытая борьба селянской массы с „хуторянами", „отрубниками" и проч. эксплоататорами села.

Не располагая сейчас необходимыми данными для полного описания географического распространения и изучения степени интенсивности движения селянских масс в губернии в 1917 г., ограничимся здесь общим обзором основных этапов аграрной революции первой половины года.

Если предшествовавшие аграрные волнения обычно начинались с поджогов и разгромов помещичьих имений, то теперь отличительной особенностью селянской революции явилась ее организованность. Дошедшие до нас сведения о новых селянских организациях свидетельствуют о том, что в большинстве случаев селянство вступило на путь организованной борьбы.

Как только в села долетела весть о низвержении старого самодержавного строя, селяне всех уездов Екат. губ. стали собираться на сходы для обсуждения своего положения и создания первых низовых органов самоуправления. Уже в марте мы имеем сообщения об учре-

[1]) Д. 1916 г., № 73—донес. от 19/XII—16 г.
[2]) Там-же, донесение от 21/IX—16 г.

ждении во многих волостных селах исполнительных комитетов, сообщения о переизбрании новых волостных правлений, продовольственных комиссий и многих других местных организаций власти с разнообразнейшими функциями и различными районами действия.

В начале марта избран был Временный Комитет села Томаковки, Екат. у. 20/7 марта создан Времен. Исполн. Народный Комитет села Петропавловки, Павлоградск. у., установивший „полный порядок“ [1]). 25/12 и 26/13 сорганизованы Вр. Исп. Комитеты в Ивановке и Больше-Михайловке, Алекс. у. В Ивановке Врем. Исп. К-т выделил милицию и разоружил урядника[2]); 27/14 состоялся митинг селян села Перещепино, Нов. уезда. „Село было украшено красными флагами. После митинга избран Вол. Исп. К-т из 12-ти человек. В него вошли представители интеллигенции, кооперативов и сельского общества“ [3]). 28/15 образовался Вр. Испол. К-т Общественной безопасности в селе Красногригорьевке, Ек. у.[4]).

Подробные сведения о формировании новой революционной власти в губернии уже в марте м-це 1917 года поступали из многих других волостей. Но и в марте, и в апреле встрепенулось и откликнулось меньшинство селян Екатеринославщины.

Вначале, поднявшееся селянство признало Временное Правительство, приветствовало его, выражая свое доверие и покорность.

В ходе событий, стремительно революционизировавших селянскую массу, отношение это резко менялось. И немного спустя признание сопровождалось оговорками [5]), условиями и требованиями. Но в начале революции, в торжественные дни „раскрепощения бесправного русского крестьянина в свободного гражданина“, волостные исполнительные комитеты составляли на общих собраниях телеграммы признания и доверия Временному Правительству. Одновременно некоторыми сходами выражалось „пожелание“ довести войну до победного конца[6]).

Селяне села Богословки, отправляя приветственное письмо на имя Родзянко, сообщали (26-III ст. ст.), что они „на общем собрании решили присоединиться к Всероссийскому Крестьянскому Союзу, помогать армии, согласны понизить цены на сельские продукты, если будут понижены цены на предметы крестьянского обихода“... Женщины постановили „способствовать“ письмами на фронт, чтобы отцы, мужья и братья терпеливо переносили тяжести военной жизни, и не приглашать их домой“ [7]).

Устраивая торжественные молебны о победе над царизмом и панихиды по борцам за свободу, селяне тут-же производили сборы средств для продолжения войны, отправляя их в распоряжение Временного Правительства.

Подлинная революционность еще переплеталась в селянстве с наивным доверием Врем. Правительству, олицетворявшему диктатуру капитала и крупного землевладения.

---

[1]) „Екат. Земская Газета“ № 24, 1917 г.
[2]) „Ек. Земск. Г.“ № 28, 1917 г.
[3]) „Бюллютени Вр. Исп. К-та Обществ. организаций“ № 12, 1917 г.
[4]) Там-же.
[5]) Принимая резолюцию об отношении к Вр. Пр-ву, некоторые сходы подчеркивали, например, что поддерживают правительство, „поскольку оно будет проводить демократич. выборы в Учред. Собрание“.
[6]) „Ек. Земск. Г.“ № 30, 1917 г.
[7]) „Ек. Земск. Газ.“ № 30, 1917 г.

Быстро шло формирование уездных органов. В апреле уже почти во всех уездах были созданы уездные Исполн. Комитеты и Советы Рабочих Депутатов. В Бахмутск. у. под влиянием большевистской партии сразу же был организован Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, высказавшийся за немедленный созыв Учр. Собрания, разрешение земельного вопроса и за мир без аннексий и контрибуций [1]).

Но это еще не было массовым движением. Судя по материалу, оно начинается в июне—августе, достигая своего аппогея в октябрьские дни. Значительную роль в деле создания по губернии селянской власти сыграли кооперативы. Они первые придали движению ярко-национальную окраску.

Разгромленный в 1905 г. и бездействовавший в пору реакции Кр. Союз вновь появляется в марте 1917 г. Во многих селах создание первых комитетов Кр. Союза происходило одновременно с организацией местной власти. Собираясь на сход для избрания волостн. исп. к-та, селяне выносили решение о присоединении к Крестьянскому Союзу и учреждали комитет Союза.

Нужно сказать, что идея земли и воли—этой заветной мечты всего селянства—пользовалась на Екатеринославщине большим успехом. Село утомилось, устало и сильно было желание свободы и мира. Кр. Союз же начертал на своем знамени заманчивое обещание долгожданной „Земли и Воли". Неудивительно, что, стихийно поднимаясь, многотысячная селянская масса первым долгом тянулась в свои крестьянские союзы. В этом тайна обаяния Кр. Союза, в этом причина его первоначального успеха.

Попытаемся проследить роль Союза в крестьянском движении и выяснить, как это могло случиться, что селянство оставило своих прежних вождей, перешагнуло за рамки и границы, намеченные Союзом, а его жалкие обломки, как опору классово-враждебного господства, в союзе с рабочим классом смело со своего пути.

Организаторами Кр. Союза, как и в 1905 г., являлись преимущественно сельские интеллигенты, земские служащие и средне-зажиточные селяне. Подпав под право-эсеровское влияние, руководители Кр. Союза попрежнему оставались в плену народнических идей. Тяжелый политический урок первой революции оказался отвергнутым и забытым. Прежние колебания и нерешительность руководителей Союза, мелкобуржуазное соглашательство, идейная разноголосица и отсутствие четкой классовой программы—в 1917 г. выступили в еще более развернутой и обнаженной форме.

Уже на первом собрании, избравшем первый комитет Кр. Союза 27/14-го марта, „свободные граждане с. Соленого и д. Леонтьево-Дахновки, Солон. вол., под влиянием будущего председателя уездн. и губ. Комитетов Кр. Союза—Е. Строменко, приняли программу Кр. Союза и постановили: „Времен. Пр-ву выразить полное наше доверие, поддерживать всеми зависящими от нас силами и средствами и все его распоряжения исполнять беспрекословно. Иной высшей власти, кроме Времен. Правительства и Гос. Думы, не признавать впредь до созыва Учредит. Собрания, которое и должно установить форму управления государством [2]).

[1]) г. „Русское Слово" № 62, 1917 г.
[2]) „Ек. Земск. Г." № 24, 1917 г.

31/18-го марта на состоявшемся в Екатеринославе общем собрании уполномоченных вол. продовольственных к-тов постановлено было: „Признать необходимым немедленное об'единение всех крестьян во Вс. Кр. Союз, организовать Вр. К-т Кр. Союза Ек. у. и поручить Вр. К-ту обратиться к населению с воззванием о присоединении ко Вс. Кр. Союзу [1]). Через неделю состоялся первый кооперативный с'езд Ек. губ. (председательствовал видный местный эсер, оказавший большое влияние на селянских коноводов), подтвердивший необходимость немедленной организации Кр. Союза. Основными целями Союза выдвигались: сплочение трудового крестьянства для укрепления трудового строя, выяснение своих интересов и организационное участие, как в местной экономическо-политической жизни, так и в общественном строительстве.

Весьма знаменательно, что на этом с'езде был представитель Харьковской организации социал-демократич. партии, предложивший организовать крестьян в Советы Кр. Депутатов. „Эта мысль,—докладывал позже губернскому с'езду Кр. Союза Е. Строменко,—была отвергнута, так как такая организация является беспартийной, а с'езд нашел необходимым организовать крестьянство на определенной политической платформе“.

Кооперативный с'езд принял программу Вс. Кр. Союза (1905 г.) и избрал Времен. Губерн. Комитет Союза.

По докладу о текущем моменте с'езд кооператоров принял резолюцию, приветствовавшую Вр. Пр-во и выражавшую пожелание скорейшего созыва Учр. Собрания. Одобряя обращение Петроградского Совета к трудящимся всего мира с предложением прекратить кровавую войну, кооператоры считали, однако, что первый шаг к прекращению войны должен быть сделан со стороны германского пролетариата, как самого организованного и дисциплинированного.

Резолюция гласила, что „с'езд признает безусловно необходимым отстаивать свободную страну до очищения захваченных немцами у нас и у наших союзников территорий“ [2]).

Союз кредитных кооперативов ассигновал на организацию Кр. Союза 2.000 р. Для создания ячеек Кр. Союза по губернии были разосланы агитаторы, всесторонне использована печать и местная сельская интеллигенция.

Не дремали и помещики. 20-го апреля по ст. ст. в г. Екатеринославе состоялся с'езд Союза земельных собственников губернии, на котором был утвержден устав Союза. В записке к уставу Союз признал право частной собственности равносильным другим правам, как свобода собраний, союзов—основных прав человека и гражданина, допуская отчуждение земель в известных пределах—за счет государства. Союз к моменту с'езда об'единял 5 тысяч человек. („Бюл. Губ. Исп. К-та общ. и раб. орг.“ № 62 от 3/VI—21/V-го-1917 г.).

В течение мая м-ца состоялись уездные с'езды Крест. Союза в Верхнеднепровском, Славяносербском и Екатеринославском уездах. В Бахмутском уезде 16—17 апреля (3—4 мая) состоялось заседание организационного К-та Кр. Союза, на котором присутствовали депутаты от 25-ти волостей. По отношению к Бахмутскому Совету Крест. Депу-

[1]) „Ек. Земск. Г.“ № 25, 1917 г.

[2]) „Бюл. Ек. Вр. Исп. К-та Общ. рабоч. и солдатск. организац“ № 21, 1917 года.

татов организационный к-т Союза принял специальную резолюцию, в которой считал ненужным и невозможным существование „на ряду с партийной организацией крестьян... какой-нибудь другой крест. организации“ и предложил Бахмутскому Совету Кр. Депутатов „ликвидировать свои дела и передать имеющиеся в его распоряжении суммы Кр. Союзу“ [1]).

Славяносербский уездный с‘езд Крест. Союза постановил: „призвать крестьян воздерживаться от самовольных захватов земли и указать вместе с тем на настоятельную необходимость организованного крестьянского участия в установлении условий аренды земли и найма сельско-хоз. рабочих“ [2]).

Но наиболее характерными для занятой Кр. С-зом позиции были решения Екат. уездн. С‘езда, состоявшегося 28-го мая (ст. ст.) в Екатеринославе.

Уездному С‘езду предшествовало „частное совещание“ его организаторов. Поговорив „о войне и об отношении к ней“, затронув продовольственный и земельный вопросы, коснувшись арендной платы и уборки полей, совещание „склонилось к тому, чтобы были выделены примирительные комитеты“ [3]). Совещание происходило 27-го, а 28-го мая докладами с мест открылся с‘езд.

Союз появился в уезде в средине марта. К концу мая (ст. ст.) была уже организована большая часть уезда. Указывая на ряд трудностей, делегаты единодушно свидетельствовали, что „в результате борьбы с темными силами организация Крестьянского Союза брала верх“.

Оживленные прения на с‘езде развернулись по земельному вопросу. Докладчик (народный социалист) указал, что земли, годной для земледелия, в Европейской России не так много, как кажется. Земля несомненно есть, но необходимо делать переселение, что сопряжено с большими расходами. Докладчику возражали, что „следует бояться не малоземелья, а частной собственности на землю, и что земля должна перейти в руки народа бесплатно, а все налоги и долги должны будут лечь на те состоятельные классы, которые пользовались благами жизни в течение многих лет и держали трудовое крестьянство в рабстве“. Прения по основному—земельному вопросу, как и по всем другим, нагляднее всего характеризуют царивший в среде Крестьянского Союза идейный разброд. В то время, как одни настаивали на том, чтобы „долгов по обязательствам и векселям помещикам не платить, так как помещики достаточно нажились с крестьян“, другие советовали „быть очень осторожными с разрешением земельного вопроса, дожидаясь окончательного решения Учр. Собрания“.

Решительность, революционность части выступавших делегатов вызывали негодующие речи сторонников осторожного, мирного, полюбовного разрешения великого спора. „Такая мера (немедленная передача всей земли селянам), — говорили они, — противоречила бы основным принципам равенства, которого добивается Кр. Союз“.

---

1) „Екат. Земск. Г.“ № 62, 1917 г.
2) г. „Кр. С-з“, № 24, 1917 г.
3) Д. 1917 г., № 51.

Основным ядром С-за были средне-зажиточные селяне и потому вполне понятно замалчивание ими вопроса, касавшегося селянского землевладения. И все же на С'езде раздался голос по вопросу о том, следует ли возмещать собственникам-селянам за их землю.

„Те, кто покупал земли после 1905 г.,—говорил один делегат,—делали преступление, и земля должна перейти от них без выкупа“ [1]).

Землю селяне должны получить всю и чистую, т.-е. без налогов и бесплатно,—на этом стояло подлинное трудовое большинство. Однако, заправилам с'езда удалось протащить резолюцию, откладывавшую решение о переходе всей земли трудовому народу до Учр. Собрания. Более того: была принята эс-эровская резолюция, в которой говорилось, что, „считая недопустимым и вредным для дела революции и правильного разрешения земельного вопроса самовольный захват земель и сел.-хоз. инвентаря, с'езд находит необходимым теперь же, при помощи земельных комитетов и примирительных камер, урегулировать пользование землею, начиная с аренды имений и кончая распределением земель и неубранных хлебов. Только общими организованными и согласованными действиями всего трудового народа возможно достижение выставленных нами требований“... [2]).

В этот период масса беднейшего и середняцкого селянства была уже значительно левее своих вождей. Но, вместе с тем, селяне еще наивно верили в искренность руководителей и, в надежде скорого осуществления заманчивых обещаний Кр. Союза, слепо шли за эс-эровскими резолюциями и лозунгами.

Докладчик, выступавший по вопросу о войне, обрисовал тяжелые последствия войны, подчеркнул ее империалистский характер и в заключение сказал: „Нынешняя война—война монархов... поэтому ее необходимо скорее закончить и добиться мира без аннексий и контрибуций“. Все последующие ораторы указывали на то, что сейчас войну окончить немыслимо. В результате была принята предложенная Президиумом сладенькая резолюция о справедливом мире „без обездоленных и униженных“ и т. д. После левых фраз резолюция „с негодованием отвергала всякую мысль о сепаратном мире“... и, пока об'единение всех трудящихся не достигнуто, „с'езд крест. делегатов Ек. у. считает основным долгом трудового народа революционной России самую активную защиту страны, не останавливаясь ни перед какими жертвами, и принять самые решительные меры к поднятию боевой силы армии, как для оборонительных, так и для наступательных действий“.

---

[1]) По этому вопросу имеются постановления ряда комитетов Кр. С-за, высказывавших пожелание, „чтобы земли, приобретенные трудом, до 50-ти десятин были выкуплены по существующим ценам, а свыше 50-ти были отчуждены бесплатно в национальную собственность“.—„Ек. Земск. Г.“ № 62, 1917 г.

[2]) Справедливость требует указать, что после обсуждения земельного вопроса с'ездом была послана телеграмма М-ру юстиции, выражавшая протест по поводу постановления землевладельцев. Вот ее содержание: „С'езд земельных собственников Ек. губ. ходатайствовал перед Вр. правительством об отмене Вашего распоряжения прокурорам судебных палат о прекращении продажи и залога частновладельческих земель. В виду этого с'езд Кр. С-за от всех селений Екат. у. в числе 400 делегатов постановил приветствовать Ваше распоряжение о приостановке сделок по покупке и продаже частновладельческих земель и настаивает на неуклонном исполнении этого распоряжения впредь до Учр. Собрания“.

Далее с‘ездом обсуждались вопросы „в порядке дня“. Центральным моментом этого порядка было обсуждение национального вопроса [1]).

На этом с‘езде впервые на Екатеринославщине открыто была формулирована национальная программа (впоследствии взятая в основу мелкобуржуазными группами руководившими национально-буржуазным контр-революционным движением).

Выступавшие на с‘езде представители Екат. Губ. Рады, указывая на национальные особенности украинского народа, требовали национальной автономии Украины, провозглашая лозунг: „Украина — для украинцев“. После возражений и предостережений была принята резолюция об автономии Украины. „Екат. уезд. с‘езд крест. делегатов, выражающий волю трудового крестьянства Екат. уезда в торжественный час укрепления и расширения завоеванной кровью сынов народа свободы, заявляет, что трудовое крестьянство идет по пути осуществления прав как личного, так и наций, населяющих Россию. Должно создать такой государственный строй, который бы вполне обеспечил эти начинания. Во имя этого с‘езд крест. делегатов призывает русское трудовое крестьянство настоять в Учр. Собрании на установлении в России федеративной демократической республики, в которой все народы будут иметь полную свободу устроения своей внутренней жизни“.

С‘езд выразил доверие Вр. Пр-ву и одобрил вхождение в него социалистов.

По вопросу о „Займе Свободы“ постановлено было считать долгом членов Кр. Союза подписываться на заем. По инициативе председателя там же начался сбор денег по подписному листу [2]).

Заметим, что вопросы немедленной помощи беднейшему селянству, рабочий вопрос в сельском хозяйстве остались незатронутыми. Это повторилось и на первом губ. с‘езде Кр. Союза, состоявшемся 11—16 июня (ст. ст.).

К этому времени во всех уездах, входивших в состав бывш. Екат. губ. имелись уже значительные организации Союза. Первое место по своей организованности занимал Екат. уезд. За ним шли Павлоградский, Верхнеднепровский и Новомосковский уезды, об‘единявшие сотни сельских и волостных к-тов Союза и десятки тысяч членов.

Бахмутский и Мариупольский уезды запоздали с организацией Союза. Там его основателям пришлось вести борьбу с первоначально образовавшимися Советами Крест. Депутатов.

---

[1]) Отдельные группы служилой интеллигенции (почтово-телеграфные и частично жел.-дор. служащие) уже в демонстрации 1-го мая шли со своими знаменами и лозунгами национального самоопределения. Имеются указания, что в некоторых селах в дни празднования „торжества революции“ селяне демонстрировали с желтыми и красными флагами.

[2]) Не лишен интереса следующий эпизод, рисующий сомнение одних и заблуждение (заблуждение-ли?), иллюзии других... Когда во время обсуждения вопроса о займе, один делегат высказал сомнение в успехе подписки среди крестьян, мотивируя тем, что „денег у крестьян нет, а у кого есть, тот не подпишется, баре не дадут на это денег“, один из активных участников с‘езда, автор многих резолюций, возражая на это „горячо доказывал, что в настоящее время, когда нет другого барина, кроме трудового народа, „Заем Свободы“ может быть обеспечен; только нужно подписываться артелями, союзами, кооперативами и т. д.“. Не осуществив ни одного насущнейшего требования селян, эсеры внушали им, что они—господа положения, что они—баре. Скоро селяне убедились, что они были, введены в заблуждение и, оставив своих опекунов, пошли по пути революционной борьбы.

В ряде уездов созданием Кр. Союзов занималась партия эс-эров. „Заложенные эс-эрами ячейки Кр. Союза, — докладывал с'езду представитель Александровского уезда, — были очень сомнительны, так как приговоры составлялись обществами, почему в члены его вошли и люди, ему не соответствующие, деревенская буржуазия, и это сказалось на с'ездах".

На губс'езд прибыло свыше 2000 делегатов. Посылая своих представителей, сельские и волостные комитеты Союза снабжали их наказами, выражавшими желания и чаяния селян. Характерный наказ был составлен Диевским Крест. Союзом, в котором говорилось: ...„ми, українці, ніякого іншого ладу в Російській державі не визнаємо і нікому не станем вірити, окрім демократичної федеративної Російської республіки, територіяльної автономії України... без території автономія є не більше, як ляск по воді батогом, або ніщо... і вимагаємо, щоб оце було виконано зараз же, а не через Установчі Збори, і щоб це було оголошено Тимчасовим Правительством". Наказ предупреждал Врем. Пр-во, чтобы ему не пришлось провозглашать автономии уже после того, как она будет совершившимся фактом. „Ми, українці, — говорилось далее, — заявляємо, що нам немає часу чекати, доки нам хтось соблаговолить дати дозвіл на автономію"... „Терміну „Всероссийский Крестьянский Союз" не визнаємо, а просто говоримо: ми є „Всеукраїнська Селянська Спілка" і в змісті цього розуміння організуємося й працюємо".

Признавая бесплатный переход всей частновладельческой земли в руки трудящегося народа, Диевский Крестьянский Союз требовал от Вр. Пр-ва не препятствовать украинцам в деле осуществления полной свободы родного языка и выражал свое удивление по поводу запрещения министром Керенским войскового с'езда. „Тільки вільні народності рівні, і тільки рівні зможуть бути дружні, а через те тільки і сильні — непоборні" [1]).

Делегаты Губернского С'езда, обсуждая важнейшие вопросы революции, и здесь пошли за эс-эровскими резолюциями, в основу которых были положены соглашательские постановления Всерос. С'езда кр. депутатов и решения Екат. Уездн. С'езда.

Все же, несмотря на компромиссные решения, 1-й Губернский С'езд Кр. Союза следует рассматривать, как своего рода демонстрацию „низов", входивших в Союз, против заправил союзной верхушки. Между прочим, дело не обошлось без скандала. Временами страсти до того разгорались, что бессильный сдержать напор и недовольство массы президиум С'езда вынужден был оставить свое место, еще более усилив всеобщее замешательство. Президиуму пришлось даже ставить вопрос о доверии.

К сожалению, нигде не сохранились данные о социальном составе с'езда, роли в нем различных групп и партий, боровшихся за селянские массы. Потому придется остановиться в общих чертах на вопросах, обсуждавшихся с'ездом.

С'езду придавали большое значение. Прибывшие его приветствовать многочисленные представители, каждый по-своему, расхваливали бесконечно свои программы, обещали селянам землю и волю, манили и звали за собой село.

---

[1]) Газ. „Кр. Союз", № 30, 1917 г.

Докладчик о задачах Кр. Союза (правый эс-эр) предлагал селянам „создать из себя скалу, о которую должны разбиться всякие стремления: справа — союз землевладельцев и слева — большевиков. В заключение он заявил, что „большая смута бродит в наших умах".

„Докладчик по вопросу об Учр. Собрании, — читаем мы в протоколах с'езда, — „был опечален тем, что настоящий с'езд не дает единства"... И действительно, один за другим выходили делегаты и заявляли и требовали, что не ждать Учр. Собрания нужно, не молить, а немедленно разделить земельку, осуществив, наконец, свою заветную мечту.

„Нам треба,— говорили они,— не просить, а йти організовано, щоб узяти своє"... „Селянство—великая сила и ей только надо, — призывали селянские революционеры, — сорганизоваться вместе с Советами рабочих и солдатских депутатов".

Доводы докладчика по земельному вопросу вызвали на с'езде бурю негодования. Публика грозно заявила, что не желает его дальше слушать. Доклад был сорван, и докладчик сконфуженно поспешил удалиться с трибуны, захватив с собой мало убедительные простыни цифр.

Усыпляя бдительность селян, эс-эры вели их по пути соглашения, компромиссов с помещиками и кулаками, по пути оттягивания решения земельного вопроса.

Селянство же, вопреки ловко протасканным резолюциям, думало, что основной вопрос борьбы решен самой революцией. О выкупах оно и слышать не желало. Доверчивое селянство принимало мечту за действительность. Устами своего представителя оно заявило: „вопрос о земле решен окончательно, надо приступить к работе земельным комитетам".

Доклад о войне, начатый с истории первобытных времен, завершился призывом „единодушно поддерживать армию в борьбе с Германией". „К штыкам" для продолжения войны призывали и вслед выступавшие.

Правда, высказывавшийся по этому вопросу делегат с'езда, большевик, удивлялся тому, что предшествовавший оратор „казав тільки про війну, а не казав про мир". Доказывая, что „це цілісенько буржуазна війна", он заключил тем, что простому трудовому народу она не нужна.

Но за войну ратовал видный екатеринославский эс-эр, предложивший отправить министру Керенскому,—часовому, охраняющему отечество и взвалившему на свои плечи тяжесть разрухи в армии, — приветственную телеграмму. В телеграмме говорилось, что с'езд шлет министру „свой братский привет, желает успеха в многотрудной работе по защите земли и воли, и что трудовое крестьянство будет поддерживать Вр. Пр-во во всех мероприятиях на пользу дорогой свободной России".

В прениях по рабочему вопросу раздавались голоса, что „вся дороговизна—от рабочих", что „все требования рабочих, минимум заработной платы и т. д., лягут на шею крестьянства". Это вызвало шум и возражения большинства с'езда. Выступавшие ораторы доказывали, что рабочие—братья селян, доведенные до фабрики малоземельем, и что их „життя несолодке". А „поліпшення можно здобути, коли будуть іти вмісті робітники і селяни". Любопытно отметить выступление одного солдата, заявившего, что „солдаты не хотят наступать, потому что рабочие не хотят работать больше 8-ми часов, а мы сидим в окопах круглые сутки".

Отказавшись дальше слушать оратора, с'езд дал ему хорошую отповедь. В это время, между прочим, в президиум поступила записка, что среди далегатов „есть буржуи, которые возбуждают против рабочих".

Большевистски настроенные селяне доказывали необходимость тесного единения с рабочими тружениками.

„Если бы не рабочая партия, — заявляли они, — мы не могли бы добиться свободы".

В принятой резолюции говорилось, что интересы трудового крестьянства, об'единенного во Вс. Кр. Союз, и интересы рабочего класса — общие и взаимно связаны между собою, что требования трудового народа в полном размере могут быть осуществлены только тогда, когда рабочие и крестьяне пойдут вместе рука с рукой, когда они совместно будут бороться за „Землю и Волю".

К концу с'езда настроение все более нарастало и приподнималось. Расшевелившиеся селяне громче, смелее заявляли свое несогласие и протест по ряду принципиальных вопросов. Здесь следует подчеркнуть характерное обстоятельство. Поддерживая Вр. Пр-во в резолюциях, подлинно революционная часть с'езда была настроена против „Займа Свободы".

„Когда началась эта проклятая бойня, не нами затеянная, — говорил представитель бахмутского крестьянства,— то у вас, крестьяне, потребовали сыновей для защиты „престола, царя и отечества". Когда после началась дороговизна — от вас опять потребовали хлеба, потребовали все продукты, какие были у вас. Когда война и „распутинство" истощили государственный карман — к вам, „бедные Макары", к вам, многострадальный, измученный народ, к вам снова обращаются с криком: „Несите последние копейки на „Заем Свободы". Кричат вам об этом из роскошных дворцов. Кричат и с этой трибуны... Кричат толстопузые, наглые буржуа... Они требуют деньги для закрепления Свободы, но деньги опять пойдут на войну. Из роскошных палат кричат вам они: „Война до победоносного конца", с трибуны кричат вам лицемеры, фарисеи, что нам нужен почетный мир, для чего нужно сражаться до конца, до почетного конца, что в нашем переводе означает — без конца. Говорят... говорят... кричат... А сами сидят, спрятавши голову, но лепеча языком. Они говорят, что все это нужно для закрепления, для завоевания и расширения революции. А говорят — каждая минута оттягивания приближает революцию, а с нею и свободу к смерти. Война смоет революцию, и вот тогда-то будет на месте свободной России пустыня. Когда об'явлен был „Заем Свободы", то министр-капиталист Терещенко сказал, что вместо трех миллиардов капиталисты сами дадут 12 миллиардов. Но время показало, что они и 3-х миллиардов не дали. Они кричат нам, чтобы мы несли, а сами набивают карманы; когда только они лопнут — не знаю. Но ведь мы — хозяева страны. Мы заставим их сделаться в данном случае гражданами. Мы должны требовать, чтобы они прежде всего внесли деньги, с нас выжатые. И я не поддерживаю того займа, при котором вся тяжесть падает на трудовое крестьянство и пролетариат. Я не поддерживаю его и требую принудительного займа". (Большой шум, крики: „браво" и разрозненные возгласы: „провокатор", „большевик").

Первым по поводу этой речи выразил свое удивление сам председатель с'езда, предложивший приблизить заем к населению путем под-

воза облигаций. „Не будем говорить, что займа не нужно". Им же была предложена резолюция Екат. уездн. с'езда о всемерном содействии в распространении займа.

Отозвалась и церковь. Священник, „из любви к родине" нарушивший в своих прежних речах принцип „не убий", теперь предложил „взять церковные деньги и обратить на „Заем Свободы".

Весьма знаменательно, что во время обсуждения с'ездом вопроса „о земельных комитетах" в президиум поступило сообщение об аграрных беспорядках в Новомосковск. уезде, в имении Мизко. Для улажения конфликта с'езд делегировал в уезд своих представителей.

Об Учредительном Собрании докладывал представитель партии эс-эров, предложивший Крест. Союзу вступить в блок с партией, так как программы их одинаковы. Приняв доклад к сведению, с'езд постановил воздержаться от блока и оставил вопрос открытым.

С'езд закончился избранием Губернского К-та Крест. Союза и провозглашением здравицы Учр. Собр., русской революц. армии, Вр. Пр-ву, Всероссийскому Кр. Союзу и „всем социалистическим партиям" [1]).

Тон на этом с'езде задавали эс-эры худшего правого толка. На словах селянам обещалась земля и воля, а на деле их звали на продолжение империалистской войны, выкачивали колоссальные материальные средства, углубляли разруху и кризис. На деле их примиряли с вековыми врагами, заставляя попрежнему платить землевладельцам арендную плату и уважать частную собственность.

Отказавшись от борьбы с помещиками, Крест. Союз, не взирая на внутриклассовые противоречия, об'явил себя единой партией селян. И все усилия и влияние направлял к предотвращению классовой борьбы внутри села. Пользуясь вначале доверием большинства селян, Союз после первых своих шагов стал терять это доверие в беднейших и трудовых слоях.

Углублявшаяся экономическая разруха и голод, крах буржуазии, ее внутренней и внешней политики, неудержимо поднимая на борьбу рабочий класс, армию, еще более революционизировали село.

На одном из совещаний Губернского продовольственного комитета от лица нескольких хлеборобов было сделано заявление, „что крестьянство попрежнему находится на положении данника-крепостника"... „Забраны лучшие рабочие руки, забираются за бесценок продукты и скот, выколачиваются последние крохи и ничего, в чем нуждается крестьянское хозяйство, не дается"... [2])

Преобладающей формой селянского движения в губернии до самой осени 1917 г. являлась „мирная" форма борьбы. С самого начала революции армия бедноты и середняков была левее своих коноводов из Кр. союза. Как ни старались мелкобуржуазные интеллигенты и хозяйственные мужички удержать селянство от организованного захвата земли, это им не всегда удавалось. Работа Кр. Союза, несомненно, задерживала разворачивание революции. Но с неизбежным обострением классовой борьбы массы оставляли своих прежних вождей, скатывавшихся в лагерь контр-революции.

Отдельные, разрозненные выступления селян отмечаются с апреля м-ца 1917 г. На первых порах недовольные крупными землевладельцами,

---

[1]) Протокол Губ. С'езда Кр. С-за от 11—16-го июня 1917 г.

[2]) Совещание происходило 15—16/2—3 мая 1917 г. Екат. Зем. Газ., № 49, 24/II.

отдававшими свои земли в аренду на комиссионных началах кулакам, селяне постановляли о передаче таких участков обществам. Первые шаги селян робки и нерешительны. Они все еще больше просят. Действуют „по закону", обращаясь к посредничеству уездных исполнительных комитетов и губ. комиссара (село Сурско-Михайловка — столкновение с землевладельцем М. В. Ивановым [1]) и мн. друг.). Постепенно появляются сообщения о самоуправных захватах селянами толоки, лесных дач и проч. угодий.

Чем дальше, тем шире разливается волна „крестьянского своеволия". В апреле селяне с. Булаховки, Павлоград. у., „с сельским старостой во главе самоуправно отрезали сельскому об-ву толоку для выпаса скота из земли Липанско-Карабиновской экономии землевладельца Г. Мизко, отданной уполномоченным по заготовке скота для армии под сенокос и выпас" [2]).

В мае „самоуправство" селян принимает массовый характер. Селянами Павлоградского уезда удален лесной надзор с двух дач — Кучережской и Богуславской. Губ. Исп. К-т, заслушав доклад по этому поводу, постановил „выпустить воззвание к крестьянам не чинить самоуправных действий" [3]).

В Бахмутском уезде отмечаются „захваты и разделы сенокосов даже у крестьян-собственников". Самовольные запашки земель „имели место в значительном количестве в Криворожской волости... в волостях Покровской и Троицкой упразднены волостные суды и избраны местными сходами новые... В селе Григорьевке произведено вооруженное нападение на дом священника"... [4]).

Следует заметить, что случаи столкновений со священниками были не единичны. Так, еще в марте 27-го и 8-го апреля (нов. ст.) сельские сходы с. Томаковки Ек. у. вынесли приговоры „об удалении из прихода села священника С. Андрющенко, подорвавшего свое пастырское достоинство разными нарушениями и издевательством над крестьянами". „Священник,— говорилось в одном из приговоров,— обирал крестьян и, как приверженец старого режима, вносит разлад в общественную жизнь" [5]).

В июне селяне Павлоградского у. „пред'явили графу Сумарокову-Эльстон требование о передаче сенокоса в их распоряжение, оставив за графом всего лишь 50 десятин сенокоса. В ответ на жалобу помещика в Ек. Совет рабочих депутатов командированы два члена Совета для улажения конфликта" [6]).

Селяне действовали во всех направлениях. Из Ек. у. сообщали, что Сергеевский сельский исполн. к-т постановил обложить мирским сбором на общественные нужды землевладельца Г. Гаркушевского в сумме 165 рублей 40 коп., пропорционально имевшемуся у него количества земли. Последний жаловался губернским властям. В своем протесте Гаркушевский, между прочим, указывал, что „он не принадлежит к Сергеевскому о-ву крестьян, а происходит из дворян и такому

[1]) Газ. „Придн. Край", № 6162.
[2]) „Ек. Земск. Г.", № 37, 1917 г.
[3]) „Ек. Земск. Г.", № 57, 1917 г.
[4]) „Бюл. Ек. Исп. К-та Общ. Орг.", № 69, 1917 г.
[5]) „Ек. Земск. Г.", № 37, 1917 г.
[6]) Газ. „Пр. Край", № 6205, 1917 г.

постановлению подчиниться не желает“ [1]). В Цареконстантиновке, Алекс. у., собранием солдат (человек 30) вынесено постановление о назначении местного мирового судьи, н-ка и чиновника почтово-телеграфной конторы, земского страхового агента и двух местных учителей — десятниками села [2]).

В июле, по постановлению соединенного собрания Яковлевского, Дружковского и Суровского к-тов захвачено 300 десятин люцернового поля, скошены луга, взяты 4 сенокосилки и конные грабли. Все это принадлежало имению Дружковка, Бахмутского у. Убытки достигали, по заявлению владельца, 14 15 тысяч рублей [3]).

Характеристику движения можно дополнить следующим любопытным письмом губернского предводителя дворянства (князя Урусова) к министру Львову.

11-го июня (29-го мая) 1917 г. Урусов писал, что „под влиянием ничем несдерживаемой агитации лозунг „Земля и воля“ в некоторых местах поколебал первоначально занятую большинством сельских общин позицию спокойного ожидания и увлек их на путь насильственного разрешения вопроса.

Избранные в селах особые комитеты частью присвоили себе право одностороннего распоряжения землями частных владельцев и разрешения всех спорных вопросов, подлежащих до сих пор ведению суда. Бывали многие случаи, что письменные и словесные сделки об условиях арендования и пользования землей утрачивали всякое значение. Бывали случаи реквизиции необходимого для посевов и содержания племенного скота зерна, а также угрозы распределить скот между крестьянскими хозяйствами. Помимо всего, случаи снимания в имениях рабочих и военнопленных обрекают будущий урожай на произвол судьбы. Нередко бывают угрозы ареста владельца в случае его несогласия подчиняться тем или другим требованиям. В деревне особо остро чувствуется отсутствие твердой, справедливой, для всех одинаковой власти“ [4]).

Князь Урусов, возмущаясь несправедливостью многих революционных комитетов, причину разраставшегося активного протеста против помещичьего произвола, покровительствуемого Вр. Правительством, видел в „ничем несдерживаемой агитации“. Лозунг „Земля и воля“ был безусловно боевым лозунгом для исстрадавшегося селянства. Но нельзя не заметить, что как раз там, где имелись влиятельные организации Кр. союза и эс-эровских коноводов, там действительно чувствовалась излишняя справедливость к князьям Урусовым.

Лучшим агитатором была сама жизнь. В Ек. губ. к лету 1917 г. острота противоречий достигла степени, граничившей с массовым взрывом, но не только Кр. Союз, а и Ек. Губ. Совет раб. депутатов приложил все усилия к тому, чтобы новая власть на местах была „справедливой“, для всех одинаковой властью“.

---

[1]) „Бюл. Исп. К-та Общ. Орг.“, № 62, 1917 газ. В июне в газ. „Пр. Кр.“. № 6213, Губ. Комиссаром опубликована телеграмма МВД князя Львова об отмене всех самовольно сделанных вол. комитетами обложений населения.

[2]) „Ек. Земск. Г.“, № 58, 1917 г. (ст. „Печальные факты“).

[3]) Газ. „Народная Жизнь“, № 97, 1917 г.

[4]) Архив Октябрьской Революции, фонд III, д. 18, л. л. 190 и 191. Настоящий документ взят нами из ст. т. Шестакова—„Крест. организации и первый с‘езд Советов крест. депутатов“, ж. „Пролетарская революция“, № 5 (64), 1917 г.

До сих пор мы не касались движения сел.-хоз. рабочих. Отдельные конфликты на экономической почве, возникшие между рабочими и помещиками в начале движения, к маю — июню приняли массовый характер и угрожали потрясением основ буржуазной революции.

Не найдя отклика в Кр. Союзе, сельско-хозяйственные рабочие и беднейшие селяне, жившие преимущественно от продажи своей рабочей силы, обращались в организации рабочего класса — в Советы рабочих и солдатских депутатов. Последние отличались от Кр. Союза конкретной постановкой вопросов повышения заработной платы, улучшения быта рабочих и помощи малоимущим. Но, находясь в руках меньшевиков, Ек. губ. Совет рабочих депутатов повел сельских пролетариев и бедняцкие массы по пути переговоров, соглашений и примирений. Однако, собрав крест. бедняцкие массы воедино со всей губернии, Совет рабочих и солдатских депутатов, пытаясь насильственно удержать мощный напор восставшей массы, помимо своей воли и вопреки ей, об'ективно сыграл роль революционизирующего фактора. Массы не остановились на полумерах и компромиссах, предлагавшихся Советом.

Раз начавшись, классовая борьба в селе принимала все более острые и революционные формы. Совет оказался бессильным сдержать эту стихию. Уйдя из-под его руководства, сельский пролетариат и беднота в союзе с большевизировавшимися промышленными рабочими и вооруженной армией, под руководством большевистской партии, шли к Октябрьской революции.

Рабочие организации с самого начала своего существования уделили внимание тесной связи с селом и вопросам улучшения быта сел.-хоз. рабочих. В первые же дни революции селяне обращались в Совет рабоч. депутатов с различными запросами и заявлениями, находя там горячий отклик. По требованию селян в Диевке и Сухачевке губ. С. Р. Д. производилось расследование деятельности сельских священников, обвинявшихся в черносотенной пропаганде. Затем мы находим ряд сообщений о командировании в села членов Совета для улаживания конфликтов в крупных экономиях. В марте Советом рабочих депутатов были командированы в имение Воронцовой „для успокоения населения члены исполнит. к-та Прокопенко и солдат Ларченко“ [1]).

Большое участие в работе среди селян принимали также крупные промышленные предприятия, расположенные в сельских местностях. Сведения об этом встречаются в скудных заметках местных газет. В одной из них читаем: „Совет рабочих депутатов Днепровского завода в с. Каменском, при участии Исполнительного Комитета, рассылает ораторов в окрестные деревни и села: в Карнауховку, Кринички, Тригузное и др.“ [2]).

В „Известиях С. Р. Д.“, № 5 от 31/18-го марта, сообщается, что на заседании Совета (27/14-го марта), посвященном организационным вопросам и докладам комиссий,—„по докладу о работе среди крестьян“, принято предложение о привлечении к делу организации крестьян учителей, врачей, фельдшеров и агрономов, для содействия созданию крест. организаций... Там же сообщается о создании при Совете специальной аграрной комиссии.

---

[1]) „Пр. Край“ от 22/9 марта 1917 г.

[2]) „Придн. Край“, № 6161—1917 г.

Одним из основных мероприятий Совета была организация союза сель-хоз. рабочих губернии, на губернской конференции, происходившей 22 и 23 июня (ст. ст.) 1917 г.

Что же побудило Совет созвать эту конференцию? „С того момента,— рассказывает один из руководителей сель-хоз. рабочих,— когда волна требований фабрично-заводских рабочих об улучшении их трудовой жизни докатилась до сельских местностей и сель-хоз. рабочие ощутили свое бесправное положение и пред'явили своим эксплоататорам счет за свое многовековое рабство, и земельные собственники остались глухи к справедливым притязаниям этих тружеников,— с того момента к нам в Совет полетели тысячи просьб, требований, угроз. В то время наступала страдная пора... Когда нас стали предупреждать, что в эту пору в сельское хозяйство может проникнуть забастовочное движение, могут появиться эксцессы и анархия и поля могут остаться неубранныммм, перед Советом Р. и С. Д. стал вопрос: или направить начавшееся движение по руслу организованности и спасти для страны урожай или же предоставить все произволу и оставить армию без хлеба. Мы избрали первый путь, хотя и считали, что дело организации сель-хоз. рабочих лежало на обязанности Кр. Союза“ [1]).

Главной причиной созыва конференции послужил „ряд возникших в последнее время конфликтов между рабочими и помещиками“, — заявил при ее открытии председатель агр. комиссии Совета.

Конференцию ограничили следующими целями: выработкой определенных норм заработной платы, продолжительности рабочего дня и организацией сель-хоз. рабочих в союз. Приветствовавший конференцию председатель губ. Кр. Союза, напоминая делегатам о государственном долге, звал рабочих к об'единению и подчеркнул „необходимость входить в мирные соглашения с хозяевами и предупреждать выступления отдельных лиц, могущих повредить правильному течению жизни в сельском хозяйстве“ [2]).

На повестке дня конференции стояло три вопроса: доклад крест. отдела комиссии Связей и районного бюро Р. и С. Д., организация сель-хоз. рабочих и доклад по продовольственному вопросу.

„Указывая на необходимость улучшения условий труда сель-хоз. рабочих, докладчик по первому вопросу, призывал помнить общенародные интересы. Решая вопросы о заработной плате, о продолжительности рабочего дня, не должно упускать из виду, как это отразится на общем ходе революции... Признавая в принципе восьмичасовый рабочий день, докладчик находил невозможным ввести его в жизнь в сельских хозяйствах в данное время, и во имя победы революции, во имя борющейся на фронте революционной армии предлагал пока установить продолжительность рабочего. дня: от восхода и до захода солнца“... (В течение дня разрешался 4-часовой перерыв).

Далее докладчиком предложены были выработанные на предварительном совещании делегатов нормы заработной платы, принятые конференцией. „В случае возникновения конфликтов в экономиях,— заканчивал докладчик,— не прибегать ни в коем случае к оставлению работ, к забастовке, не испытав всех средств мирного воздействия на владельцев.

[1]) Д. 1917 г. № 6, журнал Засед. и совещ. Земельн. К-та и других организаций. Протокол совещ. земельн собствен. и представит. сель-хоз. рабочих, от 21/8 октября.
[2]) Протокол конференции.

Для этих целей Советом Р. и С. Д. будут высланы на места делегаты, которые должны пытаться примирить стороны".

О способах проведения в жизнь своих решений Конференция постановила: „Явившись на места, об'явить постановления собранию рабочих и, по принятии их рабочими, пред'явить работодателям. В случае отклонения требований владельцами, немедленно уведомить Совет, откуда прибудут члены Совета для улаживания конфликта. Если членам Совета не удастся добиться соглашения на местах, то при Ек. Совете организуется совещание из представителей рабочих и землевладельцев. В случае недостижения соглашений в примирительном совещании, уборку хлеба принимают на себя продовольственные комитеты".

Дальше вопросов организации сель-хоз. рабочих в особый союз, задачи которого должны были заключаться „прежде всего в защите экономических и правовых интересов рабочих, поднятии их морального и культурного уровня, а также в содействии рабочим политическим организациям", конференция не пошла.

В первый же день работы конференции с речью к делегатам выступила С. И. Гопнер. Она указала „на путь революции, как на единственное сейчас средство устроить справедливо жизнь. Время показало,— говорила она,— что русский народ прекрасно выдержал экзамен и достоин самой широкой политической свободы. Решив свои экономические вопросы, члены конференции должны еще остаться на день для выяснения кардинальных политических вопросов момента: о войне, временном правительстве, о земле и воле, чтобы, выяснив для себя эти вопросы, затем на местах подготовить рабочих к сознательному избранию представителей трудового народа в Учр. собрание".

Но „путь революции" был не по душе инициаторам конференции. О „кардинальных политических вопросах" они предпочли умолчать. Значение конференции, однако, неизмеримо велико. Организация сель-хоз. рабочих произошла не в зале заседания, а на сельских площадях и в экономиях. Собираясь для обсуждения выработанных конференцией норм зарплаты, формулируя свои требования к помещикам, сель-хоз. рабочие на местах сплошь и рядом отметали навязанную им соглашательскую тактику. Они бастовали в случаях отказа со стороны помещиков. Брали в свои руки контроль над хозяйствами, а местами и всецело распоряжались ими.

Все больше разочаровываясь в политике Вр. П-ра с социалистами во главе, селяне стали выносить резолюции недоверия и протеста.

Свой протест селяне выражали снятием с работ сель-хоз. рабочих, запрещением владельцам (или препятствованием) убирать свои поля, захватом помещичьей земли для озимых посевов.

В своих постановлениях они требовали повышения цен на сель-хоз. продукты и удешевления промышленных товаров.

В ответ на это „своеволие" губернский комиссар, губернские продовольственный и земельный комитеты издавали приказы, воспрещавшие населению препятствовать уборке хлебов, предлагавшие, „не делать никаких захватов, не вступать в пререкания из-за платы за труд" и т. п. Городским, уездным и волостным организациям рекомендовалось „не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильств и незаконных действий"... [1])

[1]) Газ. „Народная Жизнь", № 114, 1917.

Мероприятия Временного Правительства по земельному, продовольственному и другим важнейшим вопросам вызывали все возраставшее недовольство селян. „Мы считаем,— говорилось в резолюции селян и солдат села Чапли,— что сложившаяся обстановка заставляет трудовое население в лице только его организаций — Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов, взять власть в свои руки над страной, и эта власть, ответственная перед пославшими их организациями, сумеет довести страну до Учредительного Собрания и выполнить задачи момента"... [1]).

Скоро вся губерния была об'ята движением сельско-хоз. рабочих и бедноты. Испугавшись этого движения, губернский комиссар в сотрудничестве с соглашателями из Совета стали искать пути для укрощения разыгравшейся стихии. Для разрешения назревшего кризиса в сельском хозяйстве они решили привлечь на совещание представителей Союза земельных собственников с целью выработки „платформы мирного разрешения" вопроса о взаимоотношениях рабочих и землевладельцев.

В августе и сентябре масса средне-зажиточных слоев шла еще за Крестьянским Союзом, насчитывавшим в августе, по сведениям Губернского Комитита Союза, свыше 70.000 членов. Число волостных и сельских комитетов Союза в губернии было более 500 [2]).

Беднейшие же и батрацкие массы, недовольные политикой Временного Правительства и позицией Крестьянского Союза, левели, большевизировались и решительно становились на сторону рабочих.

Затягивание войны, обесценение рубля и рост дороговизны, умышленное откладывание земельной реформы и срока созыва Учредительного Собрания — подготавливали крушение буржуазно-соглашательского правительства.

В это время рельефно оформились национальные группировки, окрасившие аграрное движение в своеобразные национальные тона.

Переименование „Крестьянского Союза" в „Селянську Спілку", изменение отношений сельской буржуазии к Временному Правительству и ее тяготение к Центральной Раде, борьба партий за селянство при выборах в Учредительное Собрание и, наконец, лихорадочная подготовка лидеров „Селянської Спілки" к контр-революционному выступлению (организация куреней „Вільного Козацтва") — вот характерные моменты дальнейшего разворачивания событий на селе накануне Октября.

Отсутствие материалов и чрезвычайно ограниченное время, имевшееся в нашем распоряжении, лишает нас, возможности осветить здесь все эти моменты. Для этого придется предварительно проделать еще большую и длительную работу по первоначальному собиранию и обработке разнообразнейших данных.

Эм. Когон.

---

[1]) Газ. „Звезда", № 16, 2 июля 1917 г.
[2]) Газ. „Кр. Союз", № 29, 1917 г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Первые недели революции.

На апрельской конференции нашей партии в Питере в своем отчете я характеризовала первые моменты революции в Екатеринославе таким образом: „революция в Екатеринослав пришла по телеграфу“. И действительно, в самом Екатеринославе никакой революции, в смысле боевых столкновений, не было.

В первые дни, когда уже шли выборы в совет, полиция еще гуляла по городу, губернатор еще не был арестован. Рабочие с заводов и мастерских бегали на вокзал за свежими газетами. По „Русскому Слову“ и другим буржуазным газетам, они старались уловить, что именно происходит в Питере.

В первые дни образовался так называемый „Комитет представителей общественных демократических организаций“, составленный из всех буржуазных и откровенно контр-революционных элементов.

В те же дни была образована меньшевиками „Временная комиссия“, выделенная „совещанием представителей больничных касс, кооперативов, ремесленников, союза торгово-промышленных служащих и заводов“. „Временная комиссия“ послала своих представителей в „Комитет общественных демократических организаций“, и после выборов совета эти представители продолжали принимать участие в контр-революционном „комитете общественных демократических организаций“ уже в качестве представителей совета рабочих депутатов. Конечно, ни один из большевиков не имел ничего общего с этим комитетом.

В эти дни на заводах стихийно начались митинги. Тогда „временная комиссия“ выпустила воззвание к рабочим с призывом выбирать депутатов в совет.

В дни 2-3-4 марта на заводах, где стихийно, где по почину „временной комиссии“ происходили митинги и выборы.

Приходившие известия о событиях в столице и во всей стране воспринимались массами с необычайным, непередаваемым волнением. Своим классовым инстинктом рабочие угадывали, что происходит величайший переворот, о котором долгие годы, из поколения в поколение, мечтали миллионы трудящихся.

Но вместе с тем в первые часы и дни, не призываемые ни к каким определенным действиям, а, наоборот, читая воззвания, авторы которых, начиная от губернатора и кончая меньшевистской „временной комиссией“ призывали рабочих к спокойствию, массы чувствовали себя обреченными на какое-то выжидательное положение.

На предвыборных митингах говорилось о событиях в самых общих чертах. Ясной картины завтрашнего дня не было.

С первой минуты лишь в одном, казалось, не было сомнения, а именно в том, что надо выбирать совет, а там совет укажет, что делать дальше.

Что касается меньшевиков, нужно сказать, что они с первой минуты стали руководиться одной основной идеей: ни в коем случае не раскалываться с либеральной буржуазией из „комитета общественных демократических организаций", всеми средствами умерять классовую непримиримость рабочих. А после первых дней революции они начали руководиться всеми лозунгами, выставленными главарями питерского совета рабочих депутатов, Чхеидзе и Церетелли.

С самого начала в лагере меньшевиков обнаружилось два оттенка: ярко выраженное оборончество было представлено подавляющим большинством меньшевистской верхушки, меньшевики-интернационалисты были в подавляющем меньшинстве.

В самом глупом и смешном положении оказался первый председатель совета—Петр Орлов (рабочий модельного цеха завода „С" на Кайдаках). Он был выдвинут меньшевиками на пост председателя, как один из самых популярных рабочих лидеров, пользовавшийся доверием и уважением рабочих. Будучи меньшевиком-интернационалистом, он часто переживал „муки ада" от крайне беззастенчивых, правых лозунгов и выступлений меньшевистских лидеров, но выдвинутый ими на пост председателя совета, он вынужден был проводить их линию, почти всегда не соглашаясь с ней и оставаясь в меньшинстве по самым важнейшим вопросам.

Это приводило подчас к траги-комическим инцидентам, из которых особенно часто повторялся инцидент подачи в отставку с председательского поста, кончавшийся всегда, однако, тем, что Орлов оставался председателем, а меньшевистские комитетчики продолжали делать свое и заставляли Орлова творить их волю.

Мы, большевики, к моменту переворота были распылены. Каково было настроение в нашем лагере? Для многих, сидевших за решеткой, конечно, и самое их освобождение, и те новости, которые они узнали в момент выхода из тюрьмы, были полной неожиданностью, т. к. они не знали событий последних недель перед переворотом. Первые известия о совершающемся перевороте вызвали чувство огромного под'ема.

Но это настроение не было всеобщим. Картина первых дней, когда мы, большевики, оказавшись несколько запоздавшими пришельцами, не сразу ориентировались в обстановке и увидели с первых моментов инициативу в руках меньшевиков, вызвала своеобразное замешательство, даже подавленность у некоторых товарищей.

В самом деле. Вчера еще в подполье мы, большевики, были „властителими дум" среди пролетарского авангарда и, в первую голову, среди брянских рабочих. Но вот разражаются величайшие события, и в первую минуту наших руководителей вообще нет на местах (кто в тюрьме, кто в ссылке), а когда мы появились — мы увидели, что инициатива в руках меньшевиков и отчасти эс-эров. Мы ясно почувствовали, что хотя бы временно, но мы оттеснены от руководства. Вчера мы вели за собой авангард в несколько сот человек, а сегодня десятки тысяч рабочих и вся солдатская масса идут за заядлыми оборонцами — меньшевиками и за героями фразы — эс-эрами.

Могло ли быть иначе? Разве для Екатеринослава не действовали закономерно те причины, которые вызвали такую же картину, когда рабочие массы после мрачнейших дней реакции и военной диктатуры не сразу оценили положение, пожалуй, первые дни переживали и сомнения в окончательной победе над царизмом, когда перед ними еще неотвязно стоял призрак разбитой революции 1905 года, когда главной заботой масс было не разорвать фронта с солдатской массой в то время, когда эта солдатская масса еще полностью находилась во власти патриотического угара, словом когда мелко-буржуазная стихия захлестывала собой, как щепку, сознательный пролетарский авангард.

Переход от подполья к открытой работе в массах был сам по себе колоссальным переломом. Неудивительно, что наша поопольная организация, будучи обезглавлена, выйдя из подполья, перед лицом огромных событий была довольно-таки беспомощна в первые дни.

4-го марта нас выпустили из тюрьмы. 4-го же марта по всем заводам происходили митинги и выборы в совет, и многие из нас на этих митингах уже выступали.

В тот же день вечером собрался в первый раз совет рабочих депутатов в Доме Научного О-ва на 1-й Чечелевке.

Так мы попали, что называется, „с корабля на бал". 4-го марта приехал из Харькова т. Копылов. Помню, как мы с ним и с Бондаревым разговаривали в одном из углов зала заседания.

Начались первые дни нашей открытой партийной жизни. Первое, что нужно отметить, это — чрезвычайную организационную слабость наших рядов, раздробленность, неоформленность.

Но наша слабость была именно слабостью организиционной, отнюдь не идейной. Когда начался первый период революции, когда массы стали собираться на улицах, площадях и театрах, десятки наших активистов — рабочих выступали и выявляли свое большевистское лицо.

Комитет наш собирался очень неаккуратно и очень редко в полном составе. Я не запомню, чтобы в эти первые дни мы на комитете обсуждали подолгу какие-нибудь вопросы. Самые важные большие вопросы мы обсуждали на ходу, охваченные огромной стихией революции, которая требовала, чтобы наши силы целиком и полностью принадлежали заводам, площадям, казармам.

По словам т. Равича, в городе не знали, есть ли какой-нибудь большевистский комитет. О нем и о нашем существовании узнали, мол, из политического листка, выпущенного числа 7—8 марта. Я помню в кино „Рекорд" собрание, созванное по инициативе городского района. Это собрание потом многими толковалось, как попытка создания параллельного комитета, но я в этом не уверена. Я допускаю, что товарищи из города не знали, где нас, т.-е. работавших, главным образом, на заводах, искать. Инициаторы собрания утверждали, что они ничего о нас не знают. Они созвали это собрание в том скоропалительном и пожарном порядке, в каком тогда все делалось. В таком же пожарном порядке, когда мы с т. Бондаревым были в совете, кто-то прибежал к нам и заявил, что собирается большевистское собрание в кино.

После этого собрания заводская партийная организация теснее связалась с городской.

Несмотря на инициативу, проявленную нами при выборах в совет, большевики прошли в совет в ничтожном количестве, по сравнению

с меньшевиками. По-моему, их было 14 человек. По словам т. А. Новикова большевиков было 42. Очевидно, точная цифра не установлена, да и вряд ли ее можно установить. Ведь, кроме основного большевистского ядра членов совета, были такие члены совета, которые каждый день перебегали от большевиков к меньшевикам и обратно. Никакой регистрации большевиков не было. Выбирали тоже неорганизованно, каждый день производились довыборы, и возможно, что в первый день было 14, а за 2-3 недели цифра дошла до 42 человек. Во всяком случае, фракция наша была невелика.

Вообще на той первой стадии революции выбирали не по спискам комитета, но в большинстве случаев рабочие выбирали тех, кого знали, обычно из работников больничных касс. Лишь определенно убежденные большевики-рабочие голосовали только за своих большевиков.

Переходя к вопросу о содержании работы нашей большевистской организации, нужно установить с полной определенностью, что ни в подпольи от 1912 г. до 1917 г. [1]), ни по выходе из подполья не было ни одного момента, когда мы были бы вместе в одной организации с меньшевиками. Это первый факт политического, а не организационного порядка.

Второй факт — это то, что при проведении различного рода кампаний, при выработке лозунгов, мы с меньшевиками спорили непримиримо и яростно с первых же минут революции, как и до нее, но никогда не заключали насчет лозунгов предварительных соглашений. Идейного сговора у нас на практике ни разу не было.

Третий факт — в первые же дни, еще при отсутствии достаточной организационной связи между различными частями нашей организации, мы выпустили свой большевистский листок. Это было первое большевистское печатное выступление. Выход листка вызвал бурю возмущения у меньшевиков, обвинения авторов листка в провокаторстве. Перехожу к вопросу о содержании листка и всей нашей агитации. Никаких лозунгов „Диктатуры пролетариата“ или „Вся власть советам“ у нас в первые дни еще не было. Они появились у нас после апрельской конференции и частично во время демонстрации против ноты Милюкова. Но были старые большевистские лозунги, наши тогдашние: это—„земля, 8-часовый рабочий день, демократическая республика“. Центральным лозунгом был лозунг — превращение империалистической войны в гражданскую.

Был у нас в первые же дни момент, когда все увидали, что мы существуем, и когда мы проявили себя, как большевики, когда мы открыто, официально выступили.

Это было перед „Праздником Свободы“. На 12 марта был назначен праздник революции или, иначе, праздник „братания армии народом“, как его тогда, кажется, официально называли меньшевики.

В совете началась подготовка к этому празднику. Советом была образована из представителей всех партий „митинговая комиссия“, которая должна была выработать лозунги к празднику. Большевики также

[1]) Фактически с самой революции 1905 года в Екатеринославе большевистские и меньшевистские организации существовали раздельно, за исключением короткого промежутка времени в 1912 г., когда, судя по воспоминаниям т Магидова („Лет. Рев.“, № 2—1922), организации были об‘единены. Этот вопрос следовало бы болеее тщательно изучить.

вошли в эту комиссию. На „заседании митинговой комиссии" совета присутствовал, кроме меня, т. Копылов. Мы вдвоем выступали от большевиков, когда начался спор о лозунгах. Меньшевики заявили, что они выдвигают основным политическим лозунгом—демократическую республику. Мы сейчас же стали настаивать на лозунгах о земле, о 8-часовом рабочем дне и о войне. Тут начался в комиссии отчаянный бой. Против нас выступала поголовно вся комиссия, которая была почти повторением исполкома (заседало чуть ли не 30 человек). Меньшевики упорно стояли на своем, говоря, что наши лозунги для них неприемлемы.

В частности о „8-часовом рабочем дне" они говорили, что этот лозунг восстановит солдат против рабочих. Возражали они и против „земли", опять-таки опасаясь солдат и т. д. Конечно, боевым вопросом был вопрос об отношении к войне.

Голоса в комиссии разделились пополам, и вопрос был перенесен на Пленум Совета, что несколько изменило положение. На пленуме первым был доклад меньшевиков. Затем выступил представитель большевистской фракции [1]), защищая наши лозунги. Против нас выступили меньшевики, сорвавшие бурные овации. В числе их был целый ряд виднейших ораторов, говоривших без конца, так что наша 15-минутная речь была совершенно потоплена их 2—3-часовыми выступлениями. Поэтому перед самым голосованием наш представитель выступил еще раз, причем он учел настроение собрания, а именно: нас поддерживали только большевики, а меньшевистских ораторов—меньшевики и беспартийные. Стало ясно по аплодисментам, что голосование будет фракционным, что мы провалимся. Тогда произошло следующее: уже после нашего представителя встает т. Гринбаум [2]), который был представителем от армии (солдатский совет существовал отдельно, об'единение его с рабочим произошло лишь в мае). Меньшевики приветствовали его и сами предлагали ему выступить, говоря: „Пусть выступит представитель армии и подтвердит настроение солдат, тогда вы, большевики, увидите, кто прав". Тов. Гринбаум встал и заявил: „Я совершенно солидарен со всеми ораторами, выступавшими против большевиков. Я против 8-часового рабочего дня, так как солдаты отнесутся с враждебностью к рабочим и будут говорить, что рабочие не хотят работать тогда, когда солдаты погибают в окопах, и лозунг этот оттолкнет их от рабочих. Но что касается земли, то здесь мне кажется, что большевики правы, потому что если солдаты за что-либо воюют, то только за „землю". Это заявление произвело огромное впечатление. Тогда наш представитель снова взял слово к порядку и предложил, в связи с заявлением тов. Гринбаума, голосовать каждый лозунг отдельно, что и было принято.

Вопрос был разделен, и подавляющее большинство голосовало против 8-часового рабочего дня, но за землю.

Относительно войны меньшевики провели, конечно, оборонческие лозунги. В таком виде и прошло постановление о лозунгах, но, конечно, наша организация в день праздника вышла на улицу со своими лозунгами.

---

[1]) Этим представителем была С. Гопнер.

[2]) т. Кржеминский, ныне член ВКП(б), тогда анархист.

На другой день получилась телеграмма из Петрограда, где было сказано, что там вводится 8-часовый рабочий день. И с этого момента и у нас началось массовое движение на заводах за 8-часовый рабочий день, который вскоре и был установлен захватным порядком.

Недели через две после переворота приехал т. Бек. Прибавились работники. К этому времени я узнала и т. Ройзенмана. В комитете нашем сейчас же было решено выпускать газету. Первый номер „Звезды" вышел 4.IV, в годовщину Ленского расстрела. До этого выходила газета „Известия Совета", в которой монопольными хозяевами были меньшевики, и поэтому у них не было острой нужды создавать еще один свой партийный орган.

Но появление нашей газеты всполошило их, и они сначала стали трубить, что надо иметь общий орган, что большевики, создавая свою газету, раскалывают рабочий класс. Но когда все это не помогло, и мы „Звезду" выпустили, они стали организовывать свою газету, которая скоро и вышла.

Тов. Бек считался у нас литературно-образованным человеком, потому что он сотрудничал в легальной „Правде", и он, действительно, помог наладить газету. Тем не менее первые наши номера могут служить прекрасным образцом неопытности и неумелости в смысле газетной формы и техники. Программа первого номера „Звезды" следующая: „Барон и сапожник", статья Бека — нечто в роде фельетона. Затем статья о войне, где проводились большевистские взгляды на войну (статья написана мною), затем статья Копылова „О задачах партии", если я не ошибаюсь. Порядка статей точно не помню. К сожалению, первых номеров мне не удалось разыскать, но помню, что газета имела вполне выдержанный в большевистском духе характер, что подчеркивает в своих воспоминаниях и т. Копылов.

В каком духе выступали наши товарищи? Прежде всего наши выступления в Совете. В тот период Советы — важнейшая трибуна. Первая черта этих выступлений — выступление с определенными большевистскими идеями, вторая—обращение к массам.

Я считаю, что важнейшие вопросы у нас освещались, в общем, в ленинском духе. Мы с самого начала критиковали временное правительство. Беспощадное разоблачение его деятельности мы проводили с первых дней революции. Никто из нас в Екатеринославе до приезда т. Ленина в Питер не предвосхитил лозунга „вся власть Советам". Но систематическая критика временного правительства подводила массы к вопросу о власти. Формулировка Ленина появилась лишь тогда, когда он приехал в апреле со своими бессмертными тезисами. Несмотря на полное отсутствие руководства из центра и на скудную информацию, которые имела наша организация, мы освещали вопрос о войне так, как он освещался нашим заграничным „Социал-Демократом".

Перед обсуждением того или иного вопроса в Совете нам очень редко удавалось предварительно посоветоваться, потому что никогда нельзя было заранее предвидеть, о чем именно будут говорить в Совете. Порядка дня, заранее выработанного, почти никогда не было.

В первые же дни мы решили, что нужно приступить к окончательному оформлению нашей большевистской фракции. Мы считали, что первым шагом к организации фракции может быть собрание всех сочувствующих и поддерживающих нас членов Совета, не только

большевиков. Мы такое собрание созвали и прочитали на нем доклад о взглядах большевизма на войну и на другие основные вопросы революции. Этот доклад был развернутой большевистской платформой. С этого дня наша фракция была оформлена. Лозунги, которые были выдвинуты к 12-му марта, как и этот доклад, были для нас политическим экзаменом; они измеряли нашу устойчивость и, в то же время, по-моему, показали, что мы испытание выдержали.

По вопросам о погромах, самосудах, борьбе с контр-революцией мы имели свое мнение. И на пленумах Совета, и в исполкоме, и в президиуме исполкома,— где бы вопрос ни ставился и ни обсуждался,— мы требовали слова и говорили, что единственным средством против возможных погромов и других контр-революционных выступлений является вооружение рабочих.

К вопросу об идейном содержании нашей агитации добавлю, что по поводу лозунгов к 1-му мая у нас опять были разногласия с меньшевиками. Они выставляли своим лозунгом — собирание денег на рабочий дворец, а мы считали, что если уж собирать деньги, то на печать и оружие.

Наша большевистская физиономия сказалась также в том, что у нас центром внимания была работа в массах. Мы все понимали, что важнейшей политической ареной нашей работы был Совет. В то же время элементарной истиной для нас, как подлинных большевиков, было то, что все силы и все напряжение должно быть направлено на работу в массах. В этом отношении, в смысле размаха работы, не приходится и доказывать, как широко она велась и в печати и путем устных выступлений.

Надо отметить еще наше отношение к пресловутому меньшевистскому лозунгу „единства революционной демократии". Он был центральным лозунгом, вокруг которого группировались, меньшевики, эс-эры и другие партии, образовавшие на основе этого лозунга блок. Мы систематически противопоставляли себя этому блоку, в который входили все и вся, кроме открытых контр-революционеров.

Однако, наша политическая и организационная слабость сказалась в том, что мы не везде использовали свое влияние, не везде выступали со своей точкой зрения.

Самым важным недочетом в этой области надо считать наше игнорирование работы среди крестьянства. На деревню мы в этот период обращали весьма слабое внимание, если не считать, что наша большевистская постановка вопроса о земле сама по себе привлекала к нам внимание деревни, а наша работа в армии была почти на все 100% работой среди крестьянства. Но, собственно, в деревню мы проникали лишь случайно. И с точки зрения большевистской оценки мы можем поставить себе это в минус, хотя нам понятны причины этого пробела: недостаток сил, поглощаемых целиком огромным пролетарским центром [1]).

Другим крупнейшим политическим упущением было наше игнорирование, вернее—полное забвение национального вопроса. Мы, екатеринославцы, в особенности в первые недели революции, ни разу не вспомнили, что мы работаем на Украине. Екатеринослав был для нас крупнейшим городом Юга России — и только. Уже позже, в июне — июле

[1]) Этот недочет подчеркивают т. Квиринг и другие.

месяце, когда стали давать о себе знать украинские эс-деки и эс-эры, мы столкнулись с необходимостью считаться с этим вопросом. И тогда, и даже позже, поближе к Октябрю, мы плохо ориентировались в этом вопросе и наделали в нем не мало ошибок.

Это обстоятельство было связано с тем, что первые недели глаза и масс и их руководителей в известной мере были еще обращены назад, внимание еще направлялось к задаче раз'яснения широчайшим массам самых общих задач революции, и ударение в этом периоде делалось, главным образом, на раз'яснении классового содержания революции в самой общей еще постановке.

Игнорирование национального вопроса имело последствием очень большие осложнения, которых частично избегнуть, вероятно, можно было, если бы мы своевременно имели правильную, четкую ориентировку в условиях украинской действительности.

Вообще мы не повсюду поспевали и прозевали некоторые моменты, которые мы могли политически использовать для популяризации наших идей.

После первых недель, когда мы лучше стали ориентироваться в обстановке, произошла перемена и во внутрипартийной жизни: мы перешли от раздробленности и кустарничества к более оформленной организации и от кружковых методов к методам широкой массовой работы среди членов партии.

В начале апреля произошло общее собрание членов партии в цирке, на котором был избран, наконец, настоящий комитет. Раньше мы все, члены комитета, часто сами не знали, кем и когда мы выбраны и кто нам эту работу поручал. Через несколько дней после выборов комитета, в другом помещении произошло очередное собрание или конференция (точно не помню), когда была выбрана делегация на апрельскую конференцию. (Делегатов было двое: Копылов и Гопнер).

По всем важнейшим вопросам на апрельской конференции 1917 г. мы с т. Копыловым голосовали с ленинским большинством. Это была историческая конференция нашей партии, на которой были приняты тезисы тов. Ленина подавляющим большинством против меньшинства в лице Каменева и др. Помню, наши доклады об этой конференции, которые мы, по возвращении, делали в нашей организации, встретили единодушное сочувствие и полное согласие нашей организации с ленинской позицией. На наших докладах о конференции дружно принимались резолюции в духе большинства апрельской конференции, т.-е. в духе тезисов т. Ленина. Насколько мне память не изменяет, ни один из наших докладов не встретил возражений и никаких предложений, отличных от тех, которые были приняты конференцией, — никаких новых резолюций не было внесено.

Я позволю себе сделать следующие выводы о политической физиономии нашей екатеринославской организации в решающие исторические дни февральской революции: 1) лицо партии было выявлено совершенно определенно большевистское, 2) ни одного крупного политического разногласия в среде группы, возглавлявшей тогда организацию, не было.

Это утверждение я делаю на основании следующих, по-моему, неоспоримых данных: 1) раздельность существования нашей организации, не нарушенная ни на одну минуту каким бы то ни было, хотя бы

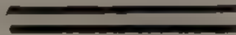
мимолетным, организационным слиянием с меньшевиками; 2) выпуск в первые дни революции большевистского листка с большевистскими лозунгами; 3) выступление в первые дни нашей фракции в Совете со своими лозунгами; 4) создание своей газеты; 5) большевистское содержание всей агитации; 6) большевистские методы всей работы, выразившиеся в перенесении центра внимания в широкие массы, в частности работа в армии; 7) выдвигание задачи вооружения рабочих и практическое подготовление организации Красной Гвардии; 8) безоговорочное и единодушное присоединение всей организации, во главе с комитетом, к ленинским резолюциям апрельской конференции нашей партии.

Я беру на себя смелость утверждать, что совокупность этих фактов, которые никто оспорить не сможет, может служить правильным критерием для об'ективной оценки физиономии.

Я считаю, что критерий этот правилен, если учесть общую обстановку первых недель революции, когда внимание широких масс было сосредоточено на деле окончательной ликвидации остатков царизма в большей мере, чем на дальнейших перспективах революции, когда соглашательские партии и временное правительство еще не успело себя дискредитировать, когда массы еще целиком были во власти демократических иллюзий и оборонческих предрассудков. Основной задачей большевизма в этот момент было, по словам т. Ленина, терпеливое раз'яснение, длительное просвещение широких масс по вопросу о природе войны, классовой природе временного правительства, о социальных корнях соглашательства. Эта работа неуклонно подводила массы к ленинским выводам о задачах рабочего класса в этой революции. Эту раз'яснительную работу мы проделывали весьма недурно.

Если прибавить к этому атмосферу травли, которая нас окружала, нашу малочисленность, отсутствие каких бы то ни было директив из центра (если не считать директив газеты „Правда" каменевского периода), то надо притти к заключению, что характеристика, данная мной, является правильной.

С. И. Гопнер.

Екатеринослав в февральские дни.

О февральских событиях, развернувшихся в Питере, в Екатеринославе стало известно лишь 2-го марта. С раннего утра по городу стали продаваться полученные номера „Русского Слова“ с описанием всего происшедшего в Питере. События были настолько грандиозны, что ошеломили даже самых подготовленных товарищей.

С утра уже к Трубной больничной кассе стали стекаться рабочие. Приходили не только с Чечелевки, Кайдак и Фабрики, но также с Амура и Нижнеднепровска. Члены Правления больничной кассы: Родичкин, Гвоздаков, вместе с секретарем Гуревичем, куда-то таинственно исчезли, предоставив разговоры с прибывшими рабочими сотрудникам кассы.

Лишь к 12-ти часам дня, по категорическому требованию ряда работников, было решено собраться в Брянской Больничной Кассе для обсуждения создавшегося положения.

Собрание открылось около часу дня Е. Гуревичем. Был избран президиум в составе: председателя — т. Захареева (Трубный „А“) и секретаря — З. Боголюбовой.

П. Орлов (впоследствии бывший председателем Горсовета) в своем докладе попытался „разбить на-голову“ Ленина, одновременно весьма жестоко дискуссируя со своими друзьями, но в результате у него получился не доклад, а какая-то каша из слов.

Доклад Орлова „корректировали“ Вейнгер, Лейканд и Боголюбова. В общем, выступления всех меньшевиков, как это и полагалось, сводились исключительно к оправданию происходящих в Питере выступлений, но они упорно избегали сказать что-либо о том, что же собственно должны сделать екатеринославские рабочие, каковы их задачи на сегодняшний день, как использовать растерянность среди врагов на месте в целях поддержки питерского выступления. Об этом никто ничего не сказал; между тем, именно этим более всего интересовались собравшиеся.

Наши выступления (А. Новикова, Захареева и мои), настаивавшие на немедленном обращении к рабочим с призывом приступить к организации Совета, под развернутыми лозунгами: „борьба за мир“, „8-час. раб. день“, „демократическую республику“—вызвали бурю негодования со стороны Лейканда, Боголюбовой и др. Так продолжалось до самого вечера.

В течение всего дня телеграф, не переставая, приносил все новые и новые вести. К вечеру стало известно, что одновременно с „инициативой“ государственной думы питерские рабочие проявили свою инициативу, в результате чего организовался Совет Рабочих Депутатов.

Среди меньшевиков растерянность усиливается и доходит до полного замешательства. Из создавшегося положения собрание „вывел“ пришедший вечером присяжный поверенный Наум Лившиц[1]), который,

[1]) Н. Лившиц (Фабричный), впоследствии не вошедший официально к меньшевикам и продолжавший себя называть большевиком, весьма активно выступал против нас, в частности в период его работы в городской думе и кампании по перевыборам ее.

получив почему-то вне очереди слово, начал свою речь тем, что дал справку о своей принадлежности в прошлом к 1-му Екатеринославскому Комитету большевиков. В дальнейшей своей речи он сообщил, что располагает точно проверенными данными об отречении от престола Николая II; поэтому он считает, что все сделано, и сейчас задача каждого честного гражданина предупредить возможность развития анархии, почему он считает необходимым немедленное обращение к рабочим с единственным лозунгом: „Спокойствие, спокойствие, спокойствие".

Хотя это, по существу исключительно кадетское, выступление с очевидной примесью провокации вызвало наши горячие протесты и отповедь, а также протесты части меньшевиков, все же оно дало собранию часть практической платформы.

Меньшевики облегченно вздохнули. В результате совещания меньшевиков соглашение было достигнуто на следующей основе: собрание выступает перед рабочими с призывом об организации Совета под лозунгом Лившица троекратного спокойствия с запрещением каких бы то ни было выступлений. Тут же оказалась написанная Лейкандом и Боголюбовой листовка в духе принятого решения. Мои и т. А. Новикова выступления с требованием намечения лозунгов организации Совета, „8-час. рабоч. день", „учредительное собрание", „демократическая республика", „долой войну" — подавляющим большинством были провалены, причем в своем порыве меньшевики провалили также и лозунг „социального страхования".

Закончив с листовкой, родившейся в столь тяжелых муках, после небольшого совещания пофракционно, собрание приступило к созданию временной комиссии по организации Совета. Комиссия была составлена в числе 15 ч., в нее вошли: Орлов, Шаляхин (с.-р.), Родичкин, Гвоздаков, Вейнгер, Захареев и друг. Наша группа хотя и выступала активно, но как фракция не оформилась и на вводе своего представителя не настаивала. Тов. Захареев прошел в комиссию случайно.

В течение всего дня рабочие Екатеринослава были предоставлены самим себе... Работа на предприятиях не клеилась... Не только в Кайдаках, Чечелевке, Н.-Днепровске, но и в городе рабочие собирались кучками, вели самые фантастические разговоры и наблюдали все еще остававшихся на постах, но безучастно относившихся к „скоплению народа" городовых... „Филеров" уже не было даже у больничных касс.

Через день освободили политических заключенных. Были освобождены И. И. Фирсов и целый ряд других меньшевиков, но среди освобожденных не было С. И. Гопнер, продолжавшей оставаться в заключении.

С самого утра по заводам началось митингование. Рабочие собирались по цехам, устраивали летучие митинги, которые становились все многолюднее. К обеду появилась листовка, накануне принятая собранием. Эта листовка дала неожиданный результат: массы высказывались против взятого ею направления. Митинги по цехам все более определенно и категорически обсуждали вопросы войны и мира, сделав эти вопросы для себя центральными. В некоторых местах выбирались депутаты в Горсовет.

Около 2-х часов дня в Трубную больничную кассу для переговоров с членами рабочей комиссии явился гражданин Осипов (с.-р.; о его роли будет сказано дальше), который настойчиво добивался свидания

с членами комиссии. Он явился, как представитель земского общественного комитета, организовавшегося из работников земской управы для переговоров о создании комитета общественной безопасности. После непродолжительного собеседования с Осиповым, президиум вопрос перенес на обсуждение пленума комиссии, который постановил всем „миром“ отправиться на совместное заседание с „общественными деятелями“.

В процессе обсуждения событий, развернувшихся в Питере, происходившего в рабочих районах, втянулось и городское мещанство. Улицы города были запружены группами читавших вслух газеты и комментировавших сообщения.

К вечеру стало известно об отречении Михаила; почти одновременно с получением последнего известия исчезли городовые, безмолвно наблюдавшие в течение двух суток необычное движение народа.

Вечером, задолго до назначенного времени, к ярко освещенному зданию земского собрания стала стекаться разношерстная публика, спешившая побывать на „историческом заседании“. Когда нас пустили в зал, то там на местах уже сидела вся приглашенная знать: здесь был председатель земской управы фон-Гесберг в парадной черной паре, представители комитета служащих управы, во главе с Осиповым, делегация фабрикантов и заводчиков во главе с директором завода „Гантке“ Белявским, представители еврейской „общественности“, такие же жирные, лоснящиеся буржуа, вполне импонировавшие собранию, ряд врачей, юристов, гласных городской думы и проч. При общем внимании в зал ввалилась рабочая группа во главе с П. Орловым.

Фон-Гесберг, справившись у последнего об отсутствии возражений к открытию собрания и, получив положительный ответ, открыл собрание краткой информацией о событиях, уже ранее ставших известными всему населению. Свою информацию Гесберг закончил указанием, что при создавшемся положении всякий преданный родине гражданин обязан помочь образованию форм поддержания порядка. После небольшого обмена мнений, под давлением рабочей группы, собрание согласилось на создание общественного комитета с участием рабочих и на передачу ему всей полноты власти в губернии.

В момент формулирования председателем достигнутого соглашения с последних скамеек раздался голос: „здесь не представлены те, кто больше всех страдал от царизма, те, кто больше всего имеет право в данный момент на требование гарантии своей безопасности,—здесь не представлены массы еврейских рабочих. Я прошу слова для заявления, в то же время прошу рабочую группу настоять на удовлетворении моей справедливой просьбы“...

Гесберг растерялся, часть „общественных“ деятелей без различия национальностей уткнули головы в газеты, вообще приняли вид людей, с которыми ничего не случилось... „Кто вы такой?“—раздаются возгласы из состава рабочей группы. „Представитель еврейских рабочих, их организации — социал-демократического союза „Бунд“,— ответил из публики голос, не подымаясь с места.

Так как фон-Гесберг колебался, то по настоянию рабочей группы слово было предоставлено. При всеобщем внимании с места поднялась весьма внушительных размеров фигура (Фушмана), который в течение 10 минут говорил о положении еврейских рабочих. Основным моментом

речи Фушмана было требование принятия срочных мер к предупреждению готовящегося погрома, о чем весьма усиленно говорят по всему городу... Во время всей речи Фушмана за столом президиума происходили таинственные совещания. То один, то другой член президиума, наконец и сам Гесберг удалялись в соседнюю комнату, откуда возвращались несколько смущенными. Наконец, Гесберг, решительно поднявшись с места, обрывает Фушмана во время речи и сообщает собранию, что „его превосходительство г. губернатор Чернявский, узнав о ходе совещания, выразил желание лично прибыть на совещание и уже отбыл из квартиры в экипаже“.

В зале на лицах присутствовавших недоумение и смущение. Замешательство продолжалось не более 2—3-минут, и у дверей залы заседания появился сам губернатор, лощеный, пухленький, гладко выбритый, в генеральских погонах старичок. В мундире, но без оружия, он с приветливой улыбкой кивнул головой, вошел в зал, остановившись в дверях на 2—3 минуты, оглядывая собрание, и занял место в президиуме рядом с Гесбергом.

Так как замешательство продолжалось, то Чернявский предложил, не стесняясь, продолжать. Никто не просил слова. На выручку явился Гесберг, который взял на себя задачу от имени собравшихся „информировать их превосходительство о принятых решениях“. В краткой речи он сообщил, что „в ознаменование исторической важности событий последних дней и в целях создания более (?) общественных форм управления губернией, общественные деятели постановили просить его превосходительство о создании комитета общественных деятелей с участием представителей разрешенных рабочих организаций при их превосходительстве“. Такое „раз‘яснение“ вызвало категорический протест со стороны рабочей группы, потребовавшей точного формулирования ранее принятого собранием решения.

Когда прижатый к стенке Гесберг, несколько раз путаясь, принужден был огласить решение о переходе всей полноты власти к комитету общественных деятелей, то Чернявский, разводя руками заявил: „Значит мне не доверяют? Я, кажется, своей честной службой в пользу родины, человечества не заслужил недоверия...“

Буржуазная часть собрания сразу засуетилась,—очевидно, что постановка вопроса о доверии Чернявскому была для них неожиданна. Рабочая группа решила принять бой на себя. Между губернатором Чернявским и рабочей группой происходит следующий диалог: Чернявский, обращаясь к рабочей группе, спрашивает:—Вы что, господа, доверяеете мне или нет?

Орлов.—Вам, как гражданину Чернявскому доверяем, как губернатору — нет.

Чернявский.— Это мнение ваше или всех ваших коллег?

Орлов.—Мнение это мое, но думаю, что его и остальные товарищи мои разделяют.

Чернивский.— А вот вы, господин Шаляхин (делает жест в сторону Шаляхина) [1]), вы неоднократно ко мне обращались за различным содействием и знаете меня,— вы разделяете мнение г. Орлова?

[1]) Шаляхин, как член правления больничной кассы, неоднократно по вопросам ее деятельности обращался к губернатору Чернявскому.

Шаляхин.— Да, я подтверждаю, что вам, как гражданину Чернявскому доверять могу, но как губернатору — не доверяю.

Раздосадованный Чернявский ерзает на стуле. Рабочая группа совещается. Буржуазная часть совещания взволнована и, меняясь в лице, переглядываются. Наконец, от имени рабочей группы берет слово Вейнгер и делает следующее заявление: „рабочая группа считает необходимым заявить, что дело невличном доверии или недоверии. Дело в том, что нам нужны определенные гарантии, которые мы, в первую очередь, видим в изменении форм управления и, следовательно, в обязательной смене лиц. Рабочая группа считает свое заявление окончательным".

Чернявский (со слезами на глазах и в голосе) восклицает: „разве я не дал гарантии? Разве недостаточно мое распоряжение об освобождении политических заключенных?" Голос из рабочей группы возражает: „Там не все освобождены. В тюрьме еще сидят наши товарищи".

Чернявский.—„Там осталась только одна с такой странной фамилией, кажется Гопнер, но она пораженка - ульяновка... Разве вы за освобождение и пораженцев? Конечно, если вам угодно, я и ее могу освободить... Кроме того, я считаю своим долгом известить вас о том, что мною сделано распоряжение не только по городу, но и по губернии, чтобы мерами полиции было оповещено все население об изменении всего нашего порядка... И, наконец, мой дорогой сын, который убит на войне... неужели все это недостаточно гарантирует мою преданность родине, отечеству, человечеству?" Чернявский расплакался. Гесберг не знал, что дальше делать. Кое-кто из купцов стал собираться уходить. Уж очень трогательно это произошло. Однако, комедия окончилась, благодаря сообщению о том, что в гарнизонном собрания собрались „господа офицеры", которые желают знать о решении собрания общественных деятелей. Гесберг настойчиво предлагал отправить к ним делегацию из 3-х человек, в том числе одиного рабочего представителя, но рабочая группа запротестовала, настаивая на приглашении офицеров в земскую управу для совместного обсуждения всех вопросов, либо организовать собрание солдат с участием как комитета общественных деятелей, так и офицеров.

Из двух зол выбрали меньшее. Офицеры были вызваны в земскую управу для встречи с общественным деятелями. Чернявский незаметно исчез из зала. Как потом стало известно, во время заседания в земской управе было получено телеграфное распоряжение Временного Правительства о смещении Чернявского. Время до прихода офицеров было использовано для групповых совещаний.

Офицеры появились уже после получения телеграммы. Войдя в зал, они выстроились в следующем порядке: впереди какой-то толстый полковник в парадной форме, за ним два других полковника, дальше штаб-офицеры, за спиной последних в беспорядке толпились обер-офицеры. Не успели пришедшие офицеры оглянуться, как Вейнгер стал на стул в средине рабочей группы и обратился к ним с речью. У меня под рукой нет никаких материалов, по которым было бы возможным воспроизвести тогдашнее его выступление. С Вейнгером в течение всего времени пребывания его в рядах наших врагов (он был видным деятелем меньшевистской партии), мы неоднократно сталкивались в непримиримой борьбе, однако, я должен признать, что его выступление в этот

вечер, обращенное к офицерам, на меня лично произвело неизгладимое впечатление по своей силе. Очевидно, что такое же впечатление, — возможно, что и большее,— эта речь произвела на прибывших офицеров.

Офицера были информированы о решении общественных деятелей и о требовании проведения собраний среди солдат; они потребовали перерыва для совещания, в виду чего им была предоставлена особая комната. Медленно, осторожно, в одиночку на совещание офицеров стали проникать рабочие, и происходившее чинно совещание очень скоро превратилось в митинг. Офицеры курили, не стесняясь присутствием начальства, расстегнули мундиры и стали себя чувствовать свободней. Полковник, который вошел первый в зал, обеспокоенный происходящим, отдал приказ о немедленном возвращении офицеров в гарнизонное собрание, но, благодаря активному противодействию молодых офицеров (Гриш, Лапин и другие), проявивших себя впоследствии активными революционерами, приказ остался не выполненным. Обратно в казарму по этому приказу вернулась лишь незначительная часть офицеров, очевидно исключительно трусливых.

Собрание офицеров представляло весьма оригинальную картину. Не привыкшие к дискуссии, они либо кричали все вместе, либо, по случайно кем-то отданной команде „смирно“, умолкали. Кто-то доставил только-что полученную телеграмму об отречении Михаила, которая не была известна офицерам. Настроение резко изменилось от нерешительности и колебания в сторону признания совершившегося.

Решение общественных деятелей получило поддержку офицеров всего гарнизона. Кроме того, договорились об организации собраний солдат, которые должны были быть проведенными самими же офицерами с оговоркой, что, конечно, при желании присутствие представителей от рабочих не будет запрещено.

Возвращаясь поздно ночью с собрания можно было наблюдать, как у ворот стояли группами еврейские парни, ожидавшие погрома, очевидно, дежурили для того, чтобы не быть застигнутыми врасплох. В рабочих районах в окно можно было наблюдать, как в комнате, сплошь усеянной спящими людьми, пожилой рабочий при мерцании керосиновой лампы, полураздетый, сидел у стола над ворохом свежих газет.

На 3-й день с утра митинги по всем заводам и выборы в Совет. Больничная касса превращена в штаб-квартиру меньшевиков. С самого утра беспрерывные звонки у телефона, требующие присылки ораторов. Приходят представители цехов за получением инструкций и указаний. Меньшевики всячески препятствуют нам уходить из кассы. Бросаем работу самовольно и идем на собрание в завод Рузского.

Из работающих на заводе 3000 рабочих все на собрании. Присутствуют также и члены семьи.

В ожидании представителей организационной Комиссии, которые должны открыть собрание, рабочие оживленно толкуют, разбившись на группы. В цеху невероятный шум.

Так как из комиссии никто не являлся, я, решил взять на себя инициативу и, взобравшись на трибуну, начал говорить. Основными моментами моего выступления, наряду с информацией о событиях, было: о войне и мире, об организации и задачах Совета.

Когда я сошел с трибуны, ко мне подошли С. И. Гопнер (которую в этот день освободили из тюрьмы), затем стоявшие в сторонке

тт. Н. Б. Копылов (Сазонов, Мартын), И. Кураженко, Вишняков, которые по очереди вслед за мной брали слово.

Речи Копылова, в частности речь Кураженко, говорившего исключительно о войне, вызвали среди рабочих большой под'ем. Здесь же выбрали делегатов в Совет, из них двух большевиков, в том числе тов. Войцеховича (доныне активный работник в нашей партии).

Тут же распределяем между собой дальнейшую работу. Копылов и я отправляемся на Трубный завод „А“.

Здесь обстановка несколько иная. Рабочих в несколько раз больше, чем на Рузском. На собрании, состоявшемся на площадке перед заводом, присутствуют еще городовые, одетые по форме. Долго говорим перед рабочими. Впечатление несколько меньшее. Социальный состав рабочих другой. Кроме того, здесь уже митинговали меньшевики.

Расходимся, чтобы побывать на собраниях в цехах Брянского завода, кроме того Копылов занят подготовкой созываемой на следующий день партийной конференции.

К вечеру в здании научной аудитории, что на Чечелевке, стекаются массы народа. Там на 6 часов назначено первое заседание совета. К назначенному времени собрание пытается открыть П. Орлов, от имени рабочей группы, но, в виду того, что один из железнодорожников, назвавший себя меньшевиком, затем с.-р., принял Орлова за большевика и мешал открытию всякого рода возгласами, превратившимися в обструкции,—открытие затягивается. Наконец, кто-то раз'яснил „оппозиции“, что Орлов не большевик, вследствие чего железнодорожник дал торжественное обещание, при общем хохоте, больше не мешать.

Был избран президиум, в который вошли: Орлов, Шаляхин, Пастернак, Головко и другие. Вслед за выборами президиума, Орловым было вынесено предложение кооптировать в состав совета З. Боголюбову, А. Лейканда, М. Бердичевского, А. Вейнгера и еще ряд меньшевиков, а также С. Гопнер. Предложение было единогласно принято.

Первым выступлением было выступление меньшевика, юзовчанина, д-ра Конторовича. Хороший оратор, с большой шевелюрой и бородой, он своей пламенной речью произвел огромное впечатление на собравшихся; его речь, приблизительно, сводилась к следующему предложению: „там, в Донбассе, решаются судьбы революции. Там огромная несметная сила. Она несознательна, у нее нет вождя; если Екатеринославский совет не возьмет на себя инициативу стать вождем донецких пролетариев, не поставит себе задачей помочь им в организации их сил, то это могут сделать другие, это сделают враждебные пролетариату силы“, почему он предложил делегировать представителей в Донбасс. Предложение Конторовича принимается почти единогласно. Ждут прибытия делегации военных.

В городе огромное движение подозрительных суб'ектов. Из уст в уста передаются все настойчивее сообщения, что готовится погром. Президиум Совета поручает Пастернаку заняться необходимыми мерами предосторожности, в то же время посылает делегацию в комитет общественной безопасности. Последний уже выделил комиссара — Белявского (директор завода „Гантке“), на которого возложил ответственность за сохранение порядка. Последний спешно формировал милицию и студентов-добровольцев.

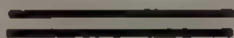
В течение получаса из здания Совета были снаряжены несколько десятков патрулей по 2—3 человека для проверки состояния спокойствия в городе. Всю ночь бродили подозрительные фигуры, весьма похожие на снятых с постов городовых; они ходили в одиночку и группами, но всюду натыкались на дефилирующие патрули Совета и бодро перекликавшихся на местах студентов-милиционеров.

5-го марта в помещении Брянской школы состоялась первая полулегальная конференция нашей партии. В то время, как вокруг все были заняты выражением своих симпатий „новым порядкам", ходили издеваться, вполне искренно, над толпами городовых, отправляемых в воинские части, либо просто ничего не делали, — в школе, по докладу т. Копылова был определен характер нашей революции.

Не имея под рукой никаких официальных директив, конференция своим пролетарским, революционным чутьем постигла то, что ее ближайшая задача — превращение буржуазно-демократической революции в революцию социальную и отсюда намечение ближайших перспектив работы.

Значение ковференции огромно. Она определила с достаточной полнотой и четкостью ближайшие задачи рабочего класса, об'единила все силы, еще разрозненные, несобранные. Конференция выбрав комитет [1]), создала условия дальнейшего правильного руководства борьбой екатеринославских рабочих.

М. Трубный (Жуковский).

[1]) В комитет были избраны: т.т. Копылов, Гопнер, М. Трубный, Т. Бондарев, М. Шейнин, Переславский и др.

Февральская революция в Екатеринославе.

В последнее, перед днями революции, время я работал в Н.-Днепровских вагонных мастерских. Об этих днях в памяти осталась следующая картина. Помню, как сейчас, был в пассажирском цеху (новое здание) кровельщик (беспартийный) Ребров, который ядовитыми шутками подтрунивал над творившимся в правительственных сферах. Эти шутки невольно втягивали рабочих в серьезные разговоры о грядущих событиях. Нужно отметить, что работавшие в мастерских большевики всегда были на-чеку и направляли те или иные толкования рабочих к определенному выводу. Особенно ярок был Володя Клочко, который был популярен среди рабочих. Его выводы сводились к тому, что революция близится и мы должны принять в ней активное участие.

Когда получились первые сведения о вспыхнувшей в Петрограде революции и о том, что власть перешла к Государственной Думе, ясно было, что пришло время действовать. Первое собрание рабочих вагонных мастерских произошло у канавы, возле конторы мастерских. Рабочие в количестве более двух тысяч человек начали требовать официального собрания для того, чтобы обсудить происходящие в Петрограде события (такие собрания происходили и по заводам). Толстый жандарм Проша настойчиво просил собравшихся рабочих разойтись, основываясь на том, что еще нет ничего официального от властей. Но его голоса уже не боялись рабочие. В последующие собрания жандармерия уже не вмешивалась.

Скоро вышла из подполья и наша большевистская организация.

Одновременно на арене появились и соглашательские партии: эс-эры, меньшевики и украинские с.-д. В первые месяцы эсеровская организация имела, до некоторой степени, влияние на рабочую массу. Но это длилось недолго. Во время прений на собраниях в вагонных мастерских со стороны эсеровской организации выступали, главным образом, Пашукевич, Френзель, Белоусов, Карницкий, Довгалев, Астахов, Ковалева, Гейко, Книфута; их было много по количеству, и они все время вели борьбу против нашей организации. Особенно помню, как часто разделывал большевиков, будучи в то время социалистом-революционером, Н. Старинский. Меньшевистская организация в то время почти себя не выявляла, так как она была очень мала, за исключением представителей от организаций, приходящих из других предприятий.

В пассажирском цеху был в то время меньшевиком тов. Меренков и еще один котельщик (фамилии не помню). Мне частенько приходилось спорить о тактике и о подготовленности рабочего класса к пролетарской революции с тов. Меренковым, который никак не верил в возможность пролетарской революции, ссылаясь меньшевистскими доводами на то, что рабочий класс России к этой роли неподготовлен, не говоря уже о крестьянстве.

Из украинских соц.-демократов активистами были: Сагайдачный, маляр пассажирского цеха, Костыленко, Томильченко, прибывший из

ссылки, Пузаненко, Гаращенко и другие. Особенного успеха среди рабочих украинские с.-д. не имели, так как их политика сводилась к шовинизму. Фактически они работали в ближайших селах. На собраниях в противовес большевистским предложениям выступал с возражением чаще других Сагайдачный.

С приездом Ленина, наша партия получила в своей работе большой сдвиг. Нашей ячейкой был организован марксистский кружок, которым руководили тов. Скворчевский, Воронцов и Лебедь. Все члены нашей организации получили подготовку и смело выступали в бой с эсеровскими и другими оппортунистическими партиями. Одновременно нашей ячейкой в мастерских был организован клуб „Интернационал“ в здании депо ст. Н.-Днепровск, в котором велась просветительная работа. Клуб привлекал беспартийную массу и, проводя работу в определенном направлении, достиг большого перелома в настроениях рабочих масс.

С каждым разом на собраниях наша организация имела все больший и больший успех. Рабочая масса отходила от оппортунистических партий, от эсеров и других. Когда поступала газета „Звезда“ в мастерские, для распространения по цехам, или брошюры,— бывало, подходишь к рабочему, который, заранее знаешь, насыщен эсеровским духом, и предлагаешь: „товарищ, возьмите нашу газету“, то получаешь в ответ: „Уходите со своей газетой, от нее несет немецким шпионажем, привезли в запломбированном вагоне Ленина, да и нас хотите одурачить“. А многие зачастую приходили и брали газету сами. Каждый рабочий, читая передовицу нашей газеты и последние новости, всегда задавал щекотливые вопросы, связанные с переходом власти в руки Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Ответы давались нами, исходя из нашей, в то время, большевистской тактики, более ясные, чем со стороны членов других, противных нам партий.

После проделанной нашей организацией большой организационной работы, рабочие, в огромном большинстве, перешли на нашу сторону. Первенство на проводимых собраниях в мастерских было за нами. Организация эс-эров во всех кардинальных вопросах терпела аварию и с каждым днем теряла свое влияние, а примкнувшие к ней рабочие начали постепенно выходить из ее рядов. Вспоминаю, что когда приехала Спиридонова и сделала доклад на собрании в товарном цеху с изложением принципиальных взглядов лево-эсеровской организации на переход власти к Советам, рабочие мастерских на другой день вели горячие споры по докладу Спиридоновой, и многие после споров делали следующие выводы: „хотя она и Спиридонова, но не большевичка; как бы она ни говорила, но большевики правильнее ставят вопрос“.

В момент выборов в Учредительное Собрание мне пришлось работать от нашей организации в комиссии по выборам. Н.-Днепровская Комиссия заседала в помещении над шоссейной дорогой, идущей в Новомосковск. В большой комнате помещались урны, возле них стояла комиссия; многие, подходя с пакетами, обязательно спорили с представителями эсеровской и меньшевистской организации, а потом сразу отрезали: „Довольно, довольно нас агитировать, мы вам не верим, помним ваших десять министров-капиталистов, я голосую за список № 9“.

Это был наш большевистский список.

Т. С. Риволь.

Революционное движение в Екатеринославе от майских дней 1917 года до корниловщины.

В апреле месяце в Екатеринославе было два больших, если можно так выразиться, события: празднование 1-го мая и демонстрация, направленная против ноты Милюкова. Интересно остановиться на тех лозунгах, которые были выработаны к 1-му мая Екатеринославским Советом, и затем на лозунгах, которые имелись на знаменах большевистской организации. Лозунги эти, понятно, частично противоречили друг другу, частично совпадали, но самый главный лозунг, на котором не сходилась большевистская организация с другими бывшими господами положения в Совете — меньшевиками и эс-эрами,— это, главным образом, вопрос об отношении к войне. Демонстрация состоялась 18-го апреля по новому стилю. На демонстрации было очень много знамен рабочих организаций. Большинство знамен были с эс-эровскими лозунгами „Земля и воля". Это был самый ходовой лозунг. Далее шли знамена большевистской партии и меньшевистские знамена. Лозунги на них были уже несколько иные, причем во время празднования первомайской демонстрации на Лагерной площади выступали ораторы от всех организаций: от меньшевиков, большевиков, эс-эров и до анархистов включительно. Надо сказать, что отношение к нашим ораторам не везде, в день 1-го мая, было доброжелательным. Я помню такой случай, когда нашего оратора, т. Мих. Бека, преследовали озверелые военные и гражданские доброжелатели Временного Правительства, угрожая расправой с ним. В отрицательном отношении наших ораторов к захватной империалистической войне эта мелкобуржуазная орда видела измену буржуазной революции, на знамени которой было написано: „война до победного конца". К этому еще следует добавить то, что среди не только крупной и мелкой буржуазии, но и у идеологов последней — эс-эров и меньшевиков — было в моде провокационное измышление о запломбированном вагоне, немецких деньгах и т. п. К апрелю месяцу относится и второе массовое выступление — протест против ноты Милюкова. Наша партийная организация решила на эту ноту реагировать таким путем: во-первых, Екатеринославский Комитет выпустил листовку с изложением своей принципиальной точки зрения и своего отношения к войне, с одной стороны, а с другой—он призывал рабочих на демонстрацию протеста по этому поводу. Если не ошибаюсь, демонстрация состоялась 23 опреля по старому стилю и пришлась как раз на воскресный день. Нашим комитетом были выпущены листовки, которые распространялись в городе и на заводах. Начались митинги. Происходили эти митинги в, городском саду, причем говорили ооновременно с нескольких трибун. Много выступало и большевиков, и меньшевиков, выступали представители и других организаций.

Надо сказать, что на митинге спор шел, главным образом, о войне и затем о тайных договорах, причем у эсеровских и меньшевистских

воротил, в частности между Сандомирским и Орловым — председателем Горсовета (оба меньшевики), по этому вопросу не было единодушия. Они также колебались. Нил Сандомирский был более радикален по отношению к опубликованию тайных договоров. Он уговаривал Орлова пойти большевикам на уступки, чего Орлов не сделал, и резолюция, кажется, была принята меньшевистская, хотя и не строго выдержанная в меньшевистском духе, потому что настроение слушателей было далеко не в их пользу.

До конца апреля в Екатеринославе городского партийного органа, правильно организованного, совершенно не было, и, по источникам партийной печати тогдашнего периода, городской партийный комитет был избран только 28 апреля по старому стилю или 11-го мая по новому. К этому же времени, или немного более позднему, относится организация Временного Бюро Партийного Комитета в Амур-Нижнеднепровске. Надо сказать, что там на первых порах революции, примерно, в марте месяце, наиболее влиятельная часть Нижнеднепровской организации, в лице тов. Лебедя и Головко, колебалась после Петроградского С'езда Советов. По источникам, которыми мы располагаем, видно, что были даже попытки к об'единению между большевиками и меньшевиками, причем во всех выступлениях в этот период наша делегация в лице тов. Головко и Лебедя на всех об'единенных собраниях меньшевиков с большевиками высказывалась за необходимость об'единения, однако, расхождения между меньшевиками и большевиками были настолько сильны, что о практическом слиянии между теми и другими не могло быть и речи. В частности, резолюции на об'единенном собрании меньшевиков и большевиков не было принято никакой. Это собрание относится, примерно, к апрелю месяцу, так что можно заключить, что колебания у некоторых работников организации были, но на протяжении короткого промежутка времени — с марта по апрель.

В апреле месяце Нижнеднепровская и Амурская организации совершенно определились. Было избрано временное партийное бюро, в которое входил и тов. Лебедь.

В мае месяце началась подготовка к избирательной кампании в Городское Самоуправление. При выборах в Городское Самоуправление наша большевистская организация в лице комитета делала две попытки блокироваться. Во-первых, была попытка блокироваться и образовать технический блок для выставления списка кандидатов в Городское Самоуправление с социал-демократами-меньшевиками. Другая попытка имела целью блокироваться с украинскими социал-демократами. Блок с меньшевиками не состоялся. Общее собрание Екатеринославской организации Р. С. Д. Р. П. (б) в июле 1917 г. отвергло блок с меньшевиками, так как принципиальная разница во взглядах на общее положение между большевиками и меньшевиками делала невозможным даже техническое соглашение. С украинскими социал-демократами блок также не состоялся.

Следует также отнести к маю 1917 г. еще одно событие — с'езд горнопромышлеников юга России. На этом с'езде от рабочих завода были: Квиринг и я. По приезде в Харьков выяснилось, что мы, как представители рабочих, не только решающим голосом, но и совещательным голосом на с'езде не можем пользоваться. Много по этому поводу было споров и всевозможных разговоров. Наконец, после больших разговоров и споров нам было предоставлено право решающего голоса в комис-

сиях, которые разрабатывали вопросы о минимуме заработной платы и о праве совещательного голоса на самом с'езде. В отчетной кампании, которую мы провели после приезда со с'езда, рабочие были с нами на Брянском и других заводах.

Приближался июнь. Многие, вероятно, помнят, какое настроение в это время было в Петрограде в связи с заседаниями Всероссийского с'езда Советов, на котором правительство Керенского-Церетелли декларировало наступление. Во время этого С'езда наш большевистский комитет в Петрограде решил устроить демонстрацию и назначил ее на 10-е июня. Затем начались очень долгие переговоры, которые шли во время С'езда между представителями нашей организации и правительством Керенского-Церетелли. Последние грозили и ставили на вид то, что эта демонстрация может закончиться вооруженным столкновением. По этому вопросу мы долго совещались в большевистской фракции С'езда Советов, и, наконец, было постановлено демонстрацию не отменять, но отложить, перенести ее с 10-го на 18-е число. 18-го демонстрация состоялась, причем она, даже для Петрограда, по своим размерам превзошла всякие ожидания, и по количеству людей, которые приняли участие в демонстрации, и по тем лозунгам, под которыми масса шла на Марсово поле.

После получения известия о перенесении демонстрации с 10-го на 18-ое число, Екатеринославский Комитет в своем заседании 15-го (28-го) июня принял резолюцию решительного протеста против правительства Керенского-Церетелли и в этом же постановлении заявил, что если правительство Керенского-Церетелли от слов перейдет к делу, от угроз словами к действиям против большевистской организации, то Екатеринославский Комитет будет действовать достаточно решительно и информирует соответствующим образом широкие пролетарские массы об этом и будет апеллировать к ним.

К июню месяцу, вернее — к июлю, относятся еще два события в тогдашней партийной жизни: первое собрание большевиков железнодорожного района, которое состоялось 7-го июля (24-го июня старого стиля), и затем 25-го июля (по новому стилю) и выпуск Екатеринославским Комитетом воззвания в связи с июньской демонстрацией в Петрограде. Характеризовалась это воззвание, примерно, следующими лозунгами: „Долой контр-революцию", „Долой 10 министров-капиталистов" (этот лозунг тогда был ходким лозунгом и очень нравился рабочим). „Вся власть Советам", „Долой анархию в промышленности", „Контроль над производством и распределением", „Против наступления во имя грабительских интересов помещиков и капиталистов", „Против сепаратного мира: ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими капиталистами", „Хлеб и мир стране".

К этому же времени в Екатеринославе началась, а с июня сильно увеличилась волна стачечного движения. На экономической почве за период июнь-август, по имеющимся, конечно, неполным подсчетам, произошло больше ста отдельных стачек и конфликтов. Стачки охватывали, хотя и, сравнительно, мелкие предприятия, но во всяком случае стачечное движение было довольно сильным. В этот период начал ощущаться кризис в промышленности. Вообще, вся промышленность была приспособлена в это время к нуждам обороны, появились военно-промышленные комитеты, был Земский союз и ряд других организаций, которые распре-

деляли заказы. С развертыванием революции у целого ряда капиталистов исчезла уверенность в завтрашнем дне, и поэтому, наряду со стачками, очень часто предприниматели сами останавливали предприятия под предлогами отсутствия сырья, металла, топлива, измышляли ряд всевозможнейших причин. При проверке истинного положения вещей Советом выяснилось, что истинные причины в другом. Было топливо, было и сырье, но капиталисты просто организовывали тихий локаут в отношении рабочих. Число безработных все увеличивалось, конфликты все более и более разрастались, захватывая не только рабочих фабрик и заводов, но и мелких служащих, настроенных далеко не одинаково, и дело дошло до того, что забастовали дворники.

В июле в Екатеринославе прошла перевыборная кампания в Горсовет. Мы выпустили соответствующий проект наказа одновременно с меньшевиками, причем наказ, который выдвинула большевистская организация, в основных пунктах сводился к следующему: „Решительная борьба за скорейшее прекращение империалистической войны, борьба с буржуазией и помещиками, контроль над производством и распределением продуктов, переход всех частновладельческих, казенных, церковных и монастырских земель в распоряжение местных земельных комитетов, советов рабочих и крестьянских депутатов, экспроприация до созыва Учредительного Собрания; коалиционное министерство ведет политику соглашения с буржуазией, но ничего не сделано для борьбы с разрухой; развитие революции показало, что правительство, основанное на политике соглашения с буржуазией, не в состоянии выполнить ни одной из основных задач революции“ и т. д. Наказ заканчивался так: „только союз рабочих, солдат и беднейшего крестьянства сумеет создать власть, способную провести революционные меры, необходимые для спасения страны. Вся власть советам рабочих и крестьянских депутатов!“.

Перевыборная кампания в Совет дала значительные результаты большевистской организации в смысле увеличения ее сил в самом Совете, но большинство в Совете все же осталось за враждебными нам партиями—за меньшевиками и эс-эрами. Июльские события в Питере, разгром большевистской организации Петрограда и аресты некоторых видных вождей нашли себе отражение в большевистской организации Екатеринослава.

Линия нашей организации была достаточно ясной и выдержанной, центр тяжести партийной работы перенесен был в фабрично-заводские районы и в полки. Не нужно забывать того, что кампания протеста против разгрома встретила поддержку со стороны фабрично-заводских рабочих, но гарнизон в это время, в частности те полки, которые стояли в Екатеринославе, резолюции об июльских событиях принимали меньшевистские.

Наиболее революционным, наиболее организованным в конце 1917 и в начале 1918 г. был Брянский завод, который шел целиком под знаменами большевиков. К нему подтягивались и остальные. Еще задолго до июльских событий на Брянском заводе принимались большевистские резолюции. Таким образом, и в период июльских событий резолюция брянских рабочих была написана в довольно решительном тоне, направленном против политики коалиционного правительства, заявляла категорический протест против разгрома большевистской организации в Пи-

тере, а также заявляла категорически о том, что рабочие всемерно разделяют лозунги наиболее передовой революционной части петроградского пролетариата и что в этой борьбе рабочие Брянского завода всемерно их поддержат и т. д. Затем надо сказать, что в июне произошел довольно большой сдвиг в настроениях рабочих других организаций. Помню, например, такой случай: железнодорожные мастерские Нижнеднепровска после Всероссийского С'езда Советов заслушали выступление докладчика от партийной организации. Состоялось общее собрание екатеринославских железнодорожных мастерских на левой стороне Днепра, и была принята большевистская резолюция, причем в резолюции было твердо выражено мнение рабочих относительно: во-первых, оценки положения, в котором тогда находилась Россия, и, во-вторых, совершенно отчетливо, по-большевистски, был сделан анализ кризису, который тогда определялся, и указывалось, что единственным выходом из кризиса является передача всей полноты власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. На этом собрании железнодорожных и вагонных мастерских Нижнеднепровья присутствовало 1.002 человека, и по печатным сведениям, которыми мы располагаем, было постановлено послать приветствие не только Центральному Петроградскому Исполнительному Комитету, но и ЦК Большевистской Партии. В тех же мастерских имел место следующий случай: при очередных перевыборах Горсовета железнодорожные рабочие в Совет выбрали большинство эс-эров. Выборы происходили раньше, а наказ должны были принимать через несколько дней, и вот, несмотря на то, что выбраны были эс-эры, наказ был проведен большевистский. Помню, один из эсеров, видвинутый этим заводом, подошел ко мне и спросил: „Как же тут быть, не можем же мы проводить ваш наказ". Я ответил этому эс-эру, что „быть" тут нечего а просто нужно переизбраться. Об'ясняется все это тем, что партийная организация ушла достаточно глубоко корнями вглубь рабобочих крупных предприятий Заднепровья. Приходилось бывать на всех заводах, как Шодуар, Сириус, Гантке, и всюду чувствовалось, что рабочая масса в значительной степени полевела. Вначале выступать на трубопрокатных заводах „А", „Б" и „С" нам было чрезвычайно трудно. Если большевиков иногда и слушали, то резолюцию нашу все же не принимали, принимали меньшевистскую. Но к этому времени и здесь произошел значительный сдвиг. Мы стали завоевывать трубные заводы и начали посылать туда целый ряд наших товарищей. Рабочие начали наших ораторов более спокойно выслушивать, и, наконец, начали приниматься и наши резолюции.

В июне к нам приезжала делегация Черноморского флота с Баткиным Федором во главе. Они называли себя „представителями Черноморского флота". Однако, с черноморским флотом имели мало чего общего. Эти „моряки" были встречены буржуазией очень радостно. Я помню интересное собрание при участии моряков, которое произошло в Яковлевском сквере. Народу было много. Докладчик говорил так, как говорили в то время военные люди, а именно о том, что мы заставим рабочих работать столько, сколько это нужно для обороны. Я слушал, стоя в толпе, но потом не удержался и вышел на трибуну. Наших было небольшое количество. Я попросил, чтобы мне дали слово. Председательствовал на собрании этот „знаменитый" Баткин. Раз народ требует,— ничего не поделаешь, хоть и нехотя, но слово мне дали. Я произнес

большую речь, говорил в общем часа три, баткинцы помешать мне не могли, им, очевидно, не только было слушать неприятно, но они потеряли, очевидно, надежду на успех и вынуждены были ретироваться, мое же выступление имело известный успех. Очень интересна резолюция, которая была принята при наличии этих моряков на Пленуме Городского Совета. Они была опубликована в „Народной Жизни“ и в „Приднепровском Крае“ (номера нашего большевистского органа с этой резолюцией не сохранились).

На заседании Губернского Исполкома представители Черноморского флота, Севастопольского гарнизона и Сов. Раб. Деп. в приветствиях заявили, что флот и гарнизон ни в коем случае не допустят сепаратного мира и будут настаивать на продолжении войны до полной победы над германским империализмом. „Мы приехали сюда для того, чтобы проверить слухи о том, что рабочие местных заводов недостаточно напряженно работают. Слухи эти оказались неверными“ („Звезда“ от 2/VI—1917 г.).

Совет рабочих и солдатских депутатов совместно с заводскими и полковыми комитетами постановил, в целях борьбы с контр-революцией, организовать митинги протеста и послать делегатов в Петроград и Севастополь. Резолюция, предложенная большевиками, собрала 90 голосов и была провалена. Вот ее содержание: Радикальные меры борьбы с хозяйственной разрухой, как-то: установление контроля за всеми банками, синдикатами и торговыми предприятиями, 2) организация Советами всего производственного дела и распределения товаров; 3) безотлагательное смещение начальников, организующих контр-революцию; 4) об'единение всех сил революции вокруг Советов для превращения их в полновластные центры страны. („Звезда“ 12/25 июня 1917 г.).

Мы еще тогда не в достаточной мере овладели профсоюзами. Это было основной причиною провала. Президиум Совета относительно предложения нашей организацией об устройстве демонстрации, в связи с июльскими событиями высказался отрицательно.

4-го июля уже было новое заседание Горсовета без моряков. Тут обсуждался вопрос о демонстрации, назначенной большевиками на воскресенье 8-го июля. На этом же пленуме Горсовета стоял и вопрос о введении карточной системы. Затем была принята резолюция о петроградских событиях, выработанная согласительной комиссией, в которую входили большевики, меньшевики, эс-эры и вообще представители всех групп, которые имелись в Совете. Резолюция гласила следующее:

„Признавая, что кризис власти, послуживший поводом к событиям в Петрограде, вызван позицией, которую заняла кадетская партия в целом ряде чрезвычайно важных для революции вопросов, и что отзывом своих представителей из состава коалиционного правительства кадеты преследуют явно контр-революционные цели, стремясь усилить разруху государственной жизни и свалить ответственность за свою преступную деятельность, в одних случаях, и еще больше преступную бездеятельность в других, на революционую демократию, мы считаем необходимым заклеймить их поведение и деяние. Признавая вместе с тем, что в условиях свободного строя Революц. России и полной свободы идейной борьбы за осуществление своих идей, программ и лозунгов, всякое частичное вооруженное выступление в подкрепление своих идей с целью навязать волю незначительного меньшинства всей революционной демократии страны, в данном случае—выступление на улицах Петрограда, помимо призыва и вопреки воле Центрального Органа Революционной Демократии, является средством совершенно недопустимым, ведущим к братоубийственной войне в среде революционной демократии, средством, не содействующим развитию революции, а деорганизующим его и создающим благоприятную

почву для контрреволюции, оказать самую энергичную поддержку Ц. И. К-ту Советов Раб., Солд. и Кр. Деп., который является единственным органом, авторитетным в разрешении кризиса власти. Призвать всю революционную демократию сплотиться вокруг Советов и их Центральных Органов и признать недопустимыми всякого рода сепаратные вооруженные выступления отдельных групп без ведома Советов. Призвать всех сохранить спокойствие и быть готовыми к организованному выступлению по первому зову Советов на защиту революции. („Придн. Край", № 6236—25/VII-1917 г.).

Эта резолюция, хотя и была выработана согласительной комиссией, но за эту резолюцию большевистская фракция не голосовала. На этом пленуме Горсовета выступали большевики и обрушивались на соглашательскую политику, которую вели меньшевики, вместе с эс-эрами и буржуазией. Меньшевики усматривали выход из создавшегося кризиса в замене некоторых представителей буржуазии другими, а большевистская организация говорила, что единственным выходом из положения является переход всей полноты власти в руки Советов. На этом пленуме один из эс-эров—Затейщиков произнес речь, которая сводилась, примерно, к тому, что-де с большевиками довольно церемониться, нужно иачать с ними вести борьбу по-настоящему, как мы ведем борьбу с контр-революцией.

В августе месяце, если не ошибаюсь, происходило Московское Государственное Совещание. Один из пленумов Горсовета и был посвящен этому предстоящему совещанию, На этом пленуме развернулись очень сильные, обостренные прения: меньшевики настаивали на том, чтобы в этом совещании принять участие, а большевики указывали на то обстоятельство, что Московское Государственное Совещание неизбежно явится центром контр-революции. В связи с происходящим в Москве Государственным Совещанием, на всех предприятиях и в полках нашей большевистской организацией были проведены митинги. Что же касается рабочих, то среди них огромным подавляющим большинством принимались большевистские резолюции, направленные против Московского Государственного Совещания. Когда представитель Совета, не наш разумеется, вернулся после окончания совещания, когда в виде результата этого самого Совещания имелось налицо выступление Корнилова и его поход на Петроград, меньшевики и тогда старались оправдать Государственное Совещание. Алтер (лидер бундовцев, хотя и они дрожали вместе с меньшевиками) даже заявлял, что выступление Корнилова нельзя ни в коем случае рассматривать с точки зрения реставрации старого порядка в России. В то же время точка зрения нашей большевистской организации была далеко иной. Были выпущены воззвания и резолюция Комитета большевистской Екатеринославской организации по поводу июльских событий, отмечавшие то, что „наступил поворотный пункт в развитии революции". Кризис власти, неизбежность которого мы давно предсказывали, наконец, разразился. Представители контр-революционных буржуа, кадеты, разошлись по вопросу об украинской автономии даже со своими буржуазными коллегами по кабинету и вышли из министерства. Причины кризиса лежали гораздо глубже, в непримиримых противоречиях интересов представленных в правительстве классов. Поэтому замена выбывших из министерства представителей буржуазии другими делегатами того же класса только обострила бы кризис. Всю ответственность за создавшееся положение несут также партия меньшевиков и эс-эров, пославшие своих представителей в коалиционное министерство. Перед демократией снова встал вопрос о власти. Большинство Цен-

трального Комитета Советов пытается примирить непримиримое — создать правительство из враждующих классов. Революц. солдаты и рабочие Петрограда, опасаясь новых соглашений с буржуазией, вышли на улицу с требованием перехода власти к Советам. Контрреволюционная буржуазия открыто использует создавшееся положение, чтобы раздавить пролетариат и ввести в России военную диктатуру. В противоположность ей и поддерживающим ее политику соглашательствующим партиям меньшевиков и эс-эров, наша партия постарается расстроить ее расчеты и использовать кризис для доведения революции до конца, до перехода власти в руки революционного класса". („Звезда", № 34 от 19/VII-1917 г.).

В июльские дни нас не трогали, но обстановка была чрезвычайно напряженная. Нас сильно травили, и не только в Петрограде, но и в Екатеринославе были такие разговоры, что „мы являемся германскими шпионами", что „вождь большевиков т. Ленин приехал в запломбированном вагоне" и т. д. Была развита довольно сильно погромная агитация. Наш Большевистский Комитет очень опасался за целость нашей типографии. Одно время было учреждено дежурство в нашей типографии. Тем не менее, июльские дни прошли более или менее спокойно потому, что мы к этому времени уже успели завоевать симпатии среди рабочих крупных предприятий. Предвыборная кампания в городскую думу протекала так, что нам на предвыборных собраниях сначала не давали слова, и приходилось действовать, что называется, наскоком. На предприятиях дело было гораздо проще, а в городе нам было очень трудно потому, что и театры и другие учреждения были забронированы за меньшевиками. Поэтому большевикам приходилось появляться на чужих собраниях в качестве непрошенных гостей и произносить соответствующие речи.

Все же выборная кампания в городскую думу прошла для большевистской организации довольно успешно. Мы имели фракцию в 22 чел. Правда, из наших людей мало кто входил в заседание городской думы. Наше внимание все было обращено на фабрично-заводские предприятия, на гарнизон. Являлись мы в гор. думу только тогда, когда нужно было устроить скандал по тому или иному боевому вопросу, который подвергался обсуждению в городской думе.

Большинство в думе все-таки было за представителями мелко-буржуазных партий, и получалось всегда так, что когда обсуждался какой-либо боевой вопрос, обычно представители мелко-буржуазных партий блокировались и таким об'единенным блоком выступали против нас. В результате принимались их резолюции. Характерно, что в корниловские дни дума ни одного решения по этому вопросу не предприняла, потому что мелкобуржуазные партии между собой не сговорились. В октябрьские дни в Городском Самоуправлении также не было договоренности.

В городской думе работала в качестве секретаря т. С. И. Гопнер, и членами управы, если не ошибаюсь, были: тт. Хавский П. И., Квиринг Э. И. и еще кто-то.

Что касается самых корниловских дней, то здесь для нашей большевистской организации ничего неожиданного не было. Это видно хотя бы из резолюции, которая была вынесена в период Московского Государственного Совещания. Это видно и из других резолюций, относящихся к июльским дням. К этому промежутку времени наше влияние

в фабрично-заводских предприятиях заметно возросло. Нами были в значительной степени завоеваны профорганизации, затем подчинено было нашему влиянию фабрично-заводское совещание и, вообще, положение партийной организации уже к этому периоду было более прочным, чем в июльские дни. Гарнизон к этому времени также значительно полевел. Можно установить даже на основании данных из газет, что солдаты были уже достаточно распропагандированы и охотно слушали большевистских ораторов. К этому периоду относится такой эпизод: когда события уже развернулись, приехал из Румчерода какой-то военный чиновник (в Румчероде тогда еще большевики никакой роли не играли) вести расследование для привлечения Г. И. Петровского и меня по делу о разложении екатеринославского гарнизона. Надо сказать, что действительно мы его „разложили“ порядком. Помню, что, когда однажды был митинг на Лагерной площади, где собирался гарнизон, начальник запретил нам выступать. Все же наше выступление на митинге состоялось, и когда я речь кончил и резолюцию приняли, появляется меньшевик, рабочий Беловский. Он вскочил на трибуну и закричал, что собрание не закрыто. Но солдаты сгребли его, свалили на землю и, очевидно, собирались помять. Пришлось вмешаться, и его отпустили, а, между тем, меньшевики, в связи с этим инцидентом, подняли целую историю, говоря, что большевики натравливают солдат на ораторов других партий. Еще о настроении гарнизона накануне корниловских дней можно судить по следующему обстоятельству: перед корниловским походом я решил перейти на нелегальное положение, но в эту ночь были получены сведения о корниловском походе, и меня ночью разыскивали меньшевики. Солдаты в это время уже слушали только нас. Уже под утро мы приехали на Лагерную площадь, где весь гарнизон был в сборе. Выступал перед солдатами от нашей организации лишь я. Меньшевики не посмели выступать.

При Совете Рабочих и Солдатских Депутатов создали Комитет Спасения Революции, куда входил и я, входил и в полицейский комиссариат в качестве третьего комиссара. Вся моя работа заключалась в том, что я однажды обыскал и отправил в тюрьму какого-то толстого офицера, которого в тот же день и выпустили.

Вообще же о Комитете Спасения Революции можно сказать, что он отцвел, не успевши расцвести как следует. Просуществовал он очень небольшой промежуток времени и ничего из себя не представлял. Предпринимались какие-то попытки арестовывать офицеров, но их сейчас же выпускали. В то время мы еще сами не знали хорошенько, как надо действовать.

В этом отношении интересен и обыск, который мне пришлось провести в имении князя Урусова. Явились мы туда целым отрядом от имени Комитета Спасения Революции, осмотрели все, но, ничего предосудительного не обнаружив, составили об этом акт и, ничего не тронув, уехали.

Ход вещей еще не убедил нас в необходимости расправляться с тем, с кем следовало бы и кто не мало повредил потом революции.

Аверин.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ОКТЯБРЬ

Октябрьские дни на Екатеринославщине.

Отклики ленинградских событий.

Сведения об Октябрьском перевороте получились у нас 25-го октября. Вечером должно было состоятся экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатоз, но, в виду плохого оповещения, оно не состоялось, было только частное совещание, на котором решено было созвать Пленум Совета с представителями заводских и полковых Комитетов и Правлений Профессинальн. Союзов утром 27-го октября. Пленум состоялся в Зимнем театре. Перед заседанием на фракционном Совещании т. Квиринг сделал краткую информацию о петроградских событиях. Фракция решила активно выступать на Пленуме за присоединение к петроградским рабочим. Прения на Пленуме носили очень страстный характер. Подавляющим большинством была принята резолюция большевиков о присоединении к восставшим рабочим и солдатам Петрограда и о необходимости решительной борьбы со всякими контр-революционными выступлениями.

26-го октября на многих заводах были организованные митинги. На Брянском заводе после выступления тов. Аверина митинг в 6000 человек принял большевистскую резолюцию:

„События, разыгравшиеся в Петрограде и вылившиеся в открытое столкновение между народом и контр-революционным правительством, являются для нас призывом, ни минуты не колеблясь, стать в ряды борющихся рабочих и солдат для свержения правительства и для создания власти рабочих, солдат и крестьян, в полной ответственности перед революцией. Признавая неизбежность вооруженной борьбы между силами организованной революции и силами, которые пойдут за врагами народа, мы заявляем, что отныне единственной властью признаем Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и на их защиту становимся в полной боевой готовности. Требуем от Совета присоединиться к Петроградскому Совету рабочих депутатов и призвать революционную демократию к поддержке петроградских рабочих и солдат в борьбе за народную власть. Мы требуем от Совета решительных мер против явных и скрытых контр-революционеров и активного подавления попыток контр-революционных выступлений.

Долой Временное Правительство! Да здравствует Власть Советов! Да здравствует мир между демократией воюющих стран на основе отказа от аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение“.

Единственной властью на Екатеринославщине в лице Совета рабочих и солдатских депутатов признал и митинг в Нижеднепровских вагонных мастерских, в печном и Эстампажном заводе. Главный Комитет Екатерининской железной дороги на Пленарном заседании стал на точку зрения „Викжеля“.

27-го на Пленуме Совета большевики имели уже в руках, как базу, резолюции большинства рабочих митингов, но к принятой резолюции

большевиков была внесена украинскими социал-демократами поправка, изменившая всю сущность принятой резолюции о признании высшей Краевой Властью Украинской Центральной Рады. Поправка эта также была принята. Советская власть на Екатеринославщине, таким образом не была признана еще полностью, и перед рабочими, в особенности перед брянцами, стал вопрос о завоевании власти.

2-го ноября по случаю приезда Спиридоновой, в Заднепровьи был об'единенный митинг рабочих заводов „Сириус“, Гантке, Шодуар, Ланге, мастерских телеграфа и Материальной службы ж. дороги. Председателем митинга был избран Владимир Клочко, секретарем Суханов—оба большевики. Митинг после доклада Спиридоновой признал, что в настоящее время нельзя входить в обсуждение вопроса, кто прав, кто виноват в гражданской войне, надо всеми мерами защищать революцию, которой грозит большая опасность со стороны Керенского, Корнилова, Каледина, что необходимо организовать однородную из всех социалистических партий власть, которая созовет Учредительное Собрание, что в Екатеринославе Революционный Комитет должен отражать волю и интересы всех рабочих и солдат и должен об'единить без разбору все социалистические партии.

Такой же митинг для встречи со Спиридоновой был и на Брянском заводе. На митинге тов. Аверин после ее доклада охарактеризовал роль Спиридоновой в русской революции и закончил свою речь заявлением от имени брянских рабочих, что они уверены в том, что Спиридонова останется в их рядах. Спиридонова подала ему руку. В принятой резолюции отмечалось, что об'единение большевиков и левых эс-эров выражает собою об'единение всего трудящегося люда, рабочего класса с крестьянством, что это об'единение приведет к окончательной победе революции.

3-го ноября по поводу петроградских событий был вторично митинг. Так как меньшевики и эс-эры не отражали настроения рабочих, поэтому брянцы отозвали из Совета последних представителей соглашательских партий, ранее избранных от Брянского завода,— меньшевика Примаченко и эс-эра Калповского.

Выборы в „Учредилку“.

Вылазка на село.

Наряду с агитацией за переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов нашей организацией была развита большая кампания по выборам в Учредительное Собрание. Опыт выборов в Городскую Думу показал нам, что мы можем рассчитывать получить большинство в рабочих районах. Но такой уверенности мы не могли еще иметь в крестьянских районах. Там еще имели влияние эс-эры и еще больше „Селянська Спілка“, об'единившаяся с украинскими эс-эрами и эс-деками для выборов и имевшая за собою большинство уездных и волостных Комитетов и ячеек крестьянского Союза. Как перед нами, так и перед рабочими организациями, на которые мы имели влияние, стал вопрос о посылке агитаторов в села. Такой же вопрос стал и перед Брянским завкомом. Средств для посылки у нас не было никаких. Завком высчитал, что для посылки необходимо не менее десяти тысяч рублей, и постановил обратиться за деньгами к директору завода с тем,

чтобы деньги эти были покрыты путем добровольных пожертвований, устройством платных лекций, концертов, спектаклей и т. д. Агитаторов было постанавлено выделить по цехам. В число избранных попал и я от рельсо-прокатного цеха.

Вместе с тов. Чубиным Николаем (младшим) мы отправились в Екатеринославский уезд. Первым селом на нашем пути было Сурско-Литовское. Зашли в волостное правление и пред'явили документы; встретили нас холодно и заявили, что собирать для нас селян они не будут, а ежели мы хотим, то можем притти в двухклассную школу, где будет лекция. Пошли в школу, там собралось человек пятдесят селян и много учеников. Один из учителей сделал краткий доклад об Учредительном Собрании, а второй прочел лекцию о происхождении земли. Никаких вопросов никто не задавал, и селяне поднялись уже для того, чтобы уйти. Я попросил слова, мне отказали. Обратившись к слушателям, я заявил, что мы приехали из города. Крестьяне закричали тогда, чтобы нам дали слово.

— Учитель—сказал я,—прочел вам лекцию об образовании земли и ни слова не сказал вам о том, кому она сейчас принадлежит и кому должна принадлежать и как ею пользоваться, ничего не сказал о том, что надо делать, чтобы изменить существующий порядок.

Со стороны учителей поднялся шум и крики „провокация", но дядьки сильно заинтересовались и почти все потребовали, чтобы мы говорили, так как мы больше знаем.

Я указал, что если и крестьяне впредь будут слушать пытающихся быть руководителями крестьян — помещиков и генералов, то земля не перейдет в руки крестьян.

„Правда, правда", — раздались женские крики. —„Нам с фронта об этом пишут".

—Мы рекомендуем вам,—сказал я,—теперь же забрать землю в свои руки через Земельные Комитеты и организованным путем закрепить ее за собой, чтобы Учредительное Собрание знало, что земля забрана крестьянами. Мы призываем вас голосовать при выборах за список № 9 — большевиков и Бахмутского Совета Крестьянских Депутатов.

При последних словах председатель Комитета вскочил и заявил, что у нас надо потребовать документы, может быть, арестовать надо. Однако, доклад мой я окончил. В прениях учителя вспомнили о Ленине, что он приехал в запломбированном вагоне и работает на германские деньги и т. д.

Выступил и тов. Чубин с речью против войны. И опять женщины поддержали его криками „правда", „правда", а один крестьянин вскочил и закричал, что надо взять землю, а то ее нам не дадут.

Об'ехали мы около 10 сел, и везде повторялась почти та же история. Литературу, которую мы везли с собою, селяне брали нарасхват. После окончания собраний нас звали ночевать к себе сразу несколько человек. Ночевки эти превращались почти в сплошные беседы на разные темы — о партиях, о царе, о религии и т. д.

В этой поездке нас и застало известие о свержении Временного Правительства и о переходе власти к Советам. Крестьяне села Ново-покровского, где мы были в это время, засыпали нас вопросами, что будет с Учредительным Собранием, и сочувственно встречали наши

заявления, что если Учредительное Собрание будет осуществлять волю народа, то оно будет поддержано и нами и всем народом, а если пойдет против него,— народ его разгонит.

На Брянском заводе.

Наряду с ростом революционного настроения в рабочих массах экономическое положение становилось все тяжелее и тяжелее. Правильному снабжению углем мешали Каледин в Донбассе, расстройство транспорта; Правление же Общества слабо снабжало деньгами наш завод, а администрация и служащие после Октябрьского переворота еще более стали ставить палки в колеса. И завкому приходилось работать для улучшения этого положения и всеми способами преодолевать всяческие затруднения. Завком являлся как бы государством в государстве. Достаточно указать на то, что в ноябре, помимо Исполнительного Комитета Завкома, были избраны еще Комиссии: Контрольная, Ревизионная, Хозяйственная, Транспортная, Продовольственная-подконтрольная, культурно-просветительная, санитарная, угольная, обувная, чтобы понять все разнообразие его деятельности. Завком не мог доверять уже администрации завода и обсуждал многие вопросы, относящиеся к работе завода на своих заседаниях. Так, 20 ноября обсуждался вопрос о закрытии, за отсутствием заказов, снарядной мастерской, было постановлено выяснить возможность перехода мастерской на предметы внутреннего рынка. Рабочие мастерских временно, до выяснения положения, были переведены на другую работу, без понижения заработка. 24 ноября обсуждался вопрос о финансовом положении как завода, так и рудников, принадлежащих тому же обществу и тесно связанных с ним в работе. Постановлено было организовать Центральный Заводской Комитет всех заводов и рудников Брянского Общества. Взаимоотношения между рабочими и служащими, как уже ясно из сказанного выше, нельзя было признать нормальным. Служащие имели свой самостоятельный Комитет служащих и не считались иногда с постановлениями Заводского Комитета. Завком вынужден был созвать Совещание, на котором и предложил Совету старост служащих о всех собраниях и заседаниях сообщать Завкому и все постановления, касающиеся как служащих, так и рабочих, проводить через обще-заводской комитет. Выборы в Совет проводить от служащих обязательно в присутствии представителей Обще-Заводского Комитета.

В ведении Комитета Спасения Революции, находившегося на заводе со дня его организации, находилась Красная Гвардия. В ноябре, в связи с развившейся спекуляцией из-за отсутствия продуктов, мануфактуры и обуви, Красная Гвардия зачастую выявляла спекулянтов и реквизировала у них товары. Спекулянты находили всяческие пути для жалоб и с такими жалобами обращались неоднократно в Совет и в Брянский Завком. Завком на заседании 1 декабря рассмотрел некоторые жалобы и признал действия Красной Гвардии правильными. Среди беспартийных рабочих неоднократно были нарекания на то, что красногвардейцы, рабочие завода, пользуются привилегиями и получают за то, что они выполняют еще обязанности, помимо риботы в заводе по должности, еще и для несения охраны и исполнению других поручений, особые пайки, главным образом хлеба. Завком 5 декабря постановил прекратить

выдачу этих особых пайков красногвардейцам, поставив их в положение, одинаковое со всеми рабочими.

В декабре прибыла в завод делегация из Чулковских рудников и просила Завком, в виду того, что рудники отрезаны от Ростова казаками, отпустить им 1000 пудов хлеба из заводского запаса. Завком на заседании 5 декабря это ходатайство удовлетворил. Зная влияние брянцев с ходатайствами в Завком обращались иногда и по другим поводам. Так ходоки Мальцевских заводов обратились в Заводской Комитет Брянского завода за содействием им в покупке и доставке хлеба на их заводы. Несмотря на то, что Центральная Рада запретила вывоз хлеба с Украины, Завком постановил поддержать их ходатайство перед Продовольственным Комитетом.

Финансовое положение завода все более и более ухудшалось, и Завком вынужден был организовать еще одну Комиссию по изысканию средств для существования завода.

Затруднения в финансовом положении вызывали иногда и забастовки со стороны служащих и рабочих. 15 декабря, в связи с неудовлетворением требований, забастовал медицинский персонал Брянской заводской больницы. Завком, признавая требования медицинского персонала законными и подлежащими удовлетворению при первой возможности, избрал к служащим больницы делегацию для об'яснения положения вещей. В эту делегацию вошли т т. Козловский из штаба Красной Гвардии и Амосов из Революционного Бюро. Переговоры делегации не привели к желательным результатам. Завком вынужден был прибегнуть к более решительным мерам—предложить вторично приступить к работе, а в случае отказа — поставить вопрос о поведении медицинского персонала на общезаводском митинге и заставить их работать в порядке профессиональной дисциплины. Только после этого в больнице приступили к работе. В этом отношении приходилось бороться с агитацией анархистов, которые стояли за немедленный захват завода и побуждали зачастую рабочих отдельных цехов и приводов бросать работу. Членам Завкома приходилось тратить не мало времени для того, чтобы убедить рабочих нормально работать. Иногда приходилось даже заменять отдельных квалифицированных рабочих. В особенности часто это выпадало на долю председателя Завкома тов. Семенова. Помню один случай, когда не вышло на работу большинство рабочих доменной печи № 5. Администрация заявила Завкому, что печь должна остановиться.

Пришлось всему завкому бросить свою работу и идти на замену рабочих. По счастью, рабочие вскоре стали появляться на работу, и через час работа возобновилась.

Производительность все более и более падала; завком не раз обсуждал вопрос о мерах к ее поднятию. 21-го декабря постановлено было выпустить от имени завкома воззвание к рабочим, в котором раз'яснить им сущность положения, что мы еще не хозяева, что придет время, когда мы возьмем заводы в свои руки и устраним всякий саботаж, а полученную прибыль будем расходовать на нужды всех трудящихся, в том числе и рабочих нашего завода.

Отсутствие денег вынудило завком командировать в Петроград члена завкома тов. Журавского для выяснения положения. 15-го декабря он возвратился из Петрограда и сделал доклад на заседании завкома. Он заявил, что был и у Наркомфина, и у Наркомтруда и в других

местах, и денег нигде ему не обещали. Решено было изыскать средства на месте. 16-го созвали в помещении столовой служащих расширенный Пленум обще-заводского комитета с техническим персоналом завода в целях обсуждения вопроса об изыскании средств для выплаты заработной платы рабочим. Надеялись на то, что поможет технический персонал, но он оказался пассивным и ничего не предложил. Это вынудило тов. Журавского назвать их контр-революционерами и саботажниками. Мы протестовали против этого. После этого совещания стремление у рабочих к захвату завода еще более усилилось. Затруднения с деньгами были, конечно, и по другим заводам. 21-го декабря представитель Каменского завода сообщил, что для Екатеринослава отпущены деньги, но их надо привезти, для чего нужно командировать охрану. Завком выделил для переговоров с Госбанком тов. Журавского.

Деньги были скоро получены и положение завода значительно улучшилось.

Борьба со спекуляцией без точного учета продуктов не могла дать результатов, и поэтому рабочие некоторых заводов возбудили перед завкомом вопрос о переписи всех продуктов первой необходимости, находящихся в Екатеринославе и в пригородном районе. Завком поддержал это требование перед Городской Думой, но Дума отказалась удовлетворить требование рабочих.

До получения денег, в виду плохого состояния завода и главным образом задержек в выплате заработка, захватные стремления у рабочих начали проявляться уже в пред'явлении завкому прямых требований. Завкому пришлось назначить после переговоров с партийным Комитетом расширенное заседание завкома с представителями от каждого цеха по два-три человека из квалифицированных рабочих. Такое совещание было 21-го декабря. После выступления т. Квиринга с раз'яснением, что означал бы подобный захват, „социализация“, как называли анархисты, и выступления некоторых большевиков из завкома, высказались представители из цехов,—почти все они защищали точку зрения Квиринга о необходимости усиления контроля за всеми служащими и техническим персоналом и были против захвата одного завода в свои руки до решения вопроса о промышленности в общем порядке. В этом же духе было принято и постановление.

В средних числах декабря 1917 года на пленарном заседании завкома был сделан доклад секретарем Контрольной Комиссии завода тов. Цоцко. В своем докладе Цоцко сообщил, что государство должно заводу около 35.000.000 рублей, завод же должен рудникам более одного миллиона, денег нет, рабочих, очевидно, хотят взять измором. Контрольная Комисся бессильна что-либо сделать и всюду на своем пути встречает препятствия. Вчера, например, комиссия решила обревизовать главный магазин, а ночью он загорелся от неизвестной причины. Единственным выходом, который, по мнению докладчика, должен был дать результаты, это — взять завод в свои руки.

Однако, завком не решался этого сделать и решил избрать комиссаров в каждый цех завода, в главный магазин, в бухгалтерию. Через два дня такие комиссары были введены повсюду.

Хотя тяжелое положение завода и давало повод различным темным личностям указывать, что в это положение завод поставлен Ок-

тябрьской революцией, хотя меньшевики и эс-эры вели на страницах своих газет кампанию в том же духе, революционное настроение не уменьшалось, а повышалось. Авантюристические элементы, стремившиеся использовать положение с тем, чтобы поживиться, и с этой целью ведшие агитацию чуть ли не за захват каждого цеха, также встречали отпор. Партийный Комитет вел борьбу и с теми и с другими и при поддержке завкома и цеховых комитетов одерживал победу.

После Октября.

После Октябрьского переворота борьба партии вокруг лозунгов Советской власти и Учредительного Собрания резко усилилась. Если до Октября против Временного Правительства выступали большевики и их поддерживали зачастую украинцы из-за обострившихся отношений по национальному вопросу, то после Октября взаимоотношения несколько изменились. И Городской Думой и Советом (принятием поправки украинцев) была признана власть Центральной Рады. В Городской Думе в многочисленных декларациях все партии, кроме большевиков, конечно, начали выступать против власти Совета Народных Комиссаров, как захватчиков власти, и приветствовали Всероссийское и Украинское Учредительные Собрания, призывая к борьбе за его созыв, за четыреххвостку. Украинцы об'единились уже с российскими антисоветскими партиями в агитации против большевиков. Начавши создавать отряды из украинских солдат—т.-наз. украинские части еще в начале революции, они после Октября повели большую работу по организиции гайдамакских куреней, как в селах, так и в городе, в Кайдаках и на Амуре. Наряду с разгромом Калединым рабочих организаций на заводах и шахтах в Донецком бассейне это создавало уже угрозу и для Екатеринослава. По инициативе рабочих, членов партии, завком 5-го декабря обсуждал вопрос о грозящей опасности и необходимости продемонстрировать свои силы. Это вызывалось еще и тем, что 19-го ноября состоялась назначенная Губернской Радой демонстрация в честь об'явления Украинской Народной Республики. Наш заводской комитет решил принять участие в этой демонстрации только по постановлению Совета.

На созванном по этому поводу митинге решение завкома было одобрено. После выступления тов. Аверина с речью о буржуазном характере Центральной Рады и ее отношениях к Советской власти признано было также необходимым участие в демонстрации принять под большевистскими лозунгами. Украинские части выступали на этой демонстрации вооруженными и даже с пушками. Завком решил поставить перед Советом вопрос о рабочей демонстрации для того, чтобы показать рабочие силы. 6-го декабря Совет назначил такую демонстрацию и, 9-го—демонстрация состоялась. Завод выступал с заранее заготовленными знаменами, на которых были лозунги: „Вся власть Ц. И. К. С. Р. и С. Д.“, „Мир, хлеб, свобода“, „Рабочий контроль над производством“. Да и во всей демонстрации были преимущественно большевистские лозунги, за редкими исключениями. У Городской Думы демонстрация остановилась. На балконе появился Городской Голова, раздались крики: „Долой Думу“. Городской Голова Осипов начал было речь, в которой указывал, что рабочие вышли не разгонять Думу,

а показать свои силы буржуазии, но ему говорить не дали. Выступил тов. Квиринг. „Фракция большевиков,— сказал он,— поставит выдвинутый вами вопрос на заседании Совета. Вы правильно поступили, что громогласно заявили о контр-революционности Думы".

Вопрос о Думе обсуждался 2-го декабря на заседании завкома совместно с Комитетом Спасения Революции. Завком организовал по этому вопросу общезаводской митинг, на который были приглашены т. т. Аверин и Копылов для доклада. Митинг высказался за разгон Думы.

Перед декабрьским боем.

28-го ноября была демонстрация по призыву меньшевиков и эс-эров по поводу 1-го дня созыва Учредительного Собрания. В это время заседал пленум Совета, и демонстрация была направлена, главным образом, против Совета. На трибунах, кроме сторонников Учредительного Собрания, выступали и с лозунгами советской власти т. т. Мирон Трубный и другие. Большинство заводов участия в этой демонстрации не приняли. Однако, нельзя сказать, чтобы меньшевики и эс-эры не имели влияния на заводы Так, в день демонстрации в честь Учредительного Собрания митинг на заводе Трубном „Ц" высказался за поддержку Учредительного Собрания, если оно не пойдет против рабочих, 13-го декабря в Депо Екатерининской железной дороги рабочими была принята резолюция меньшевиков, поддержанная украинцами, с призывом сплотиться вокруг Центральной Рады, против Совета Народных Комиссаров, за власть Всероссийского Учредительного Собрания во всей России и на Украине—Украинского. На той же точке зрения был и районный Исполнительный Железнодорожный Комитет. 28-го декабря на заседании комитета, с участием Комитетов внутреннего распорядка, была вынесена резолюция с резким осуждением политики Совета Народных Комиссаров и поведения екатеринославских большевиков с призывом сплотиться вокруг лозунга „Вся власть Учредительному Собранию".

Главной опасностью были вооруженные гайдамаки, но кроме них к тому времени начали вооружаться и другие партии, не стоявшие на советской платформе, и создавать свои, так называемые, боевые дружины. Такие дружины организованы были серповцами, бундовцами, евреями-воинами, и даже меньшевики, которые были в Совете против организации Красной Гвардии, ссылаясь на то, что армия на стороне революции, в конце декабря постановили на своем общем собрании организовать рабочий батальон для защиты населения от мародеров и для вооруженной борьбы с грядущей контр-революцией, под руководством партийной огганизации. Нам надо было иметь в виду и эти дружины при возможных столкновениях в борьбе за советскую власть в Екатеринославе. Чувствовалось, что это столкновение неизбежно и что оно будет кровавым.

Почти тотчас же после получения более подробных сведений об Октябрьском перевороте в Петрограде в нашем районе поднялся вопрос об об'единении политического руководства на заводах района и о вооружении рабочих. 1-го ноября на общезаводском Комитете Брянского завода постановлено было реорганизовать Брянский Комитет Спасения Революции в Брянское районное революционное Бюро, которое

должно было об'единить заводы: Брянский, два трубных, Рудзского, Сосновицкого, Стелла, Зандер, Мартенсон и другие. В революц. бюро были избраны Кришкевич (лев. эс-эр), Черный (эс-эр), Юрченко (лев. эс-эр), Барабанов (эс-эр), Гаврилкин (большевик), Боборыкин (большевик), Левенштейн (большевик), Сериков (большевик), Рудницкий, Ожерелко, Беркус (б.), Халявский (б.), Поль (б.) и Быченко (б.). Так как Быченко работал в Контрольной Комиссии завода, я был командирован для работы в Бюро. В Бюро постоянно работали пять человек: 3 большевика: Сериков, Халявский, Амосов и два левых эс-эра: Кришкевич и Юрченко. Бюро было нечто в роде Политотдела при Штабе Красной Гвардии нашего района; без его разрешения не должен был выступать ни один вооруженный отряд, а их было у нас несколько: два отряда анархистов, летучий отряд, левоэсеровские отряды и наша Красная Гвардия. Такие же отряды были и в других заводах.

Все более и более выяснялось, что наш завод в случае выступления за власть Советов должен сыграть главную роль и что он должен быть рабочею крепостью, из которой будут черпаться силы для борьбы. Другая сила, которая также вооружалась, была — гайдамаки, об'единившие вокруг себя всю, т. н., „демократию", в которую вливались и буржуазия и даже монархисты,— все то, что было против Советской власти. Меньшевики, эс-эры и боевые дружины бундовцев, серповцев и так далее не представляли собой сколько-нибудь действительной силы. Как сторонники Учредительного Собрания, они в лучшем случае могли быть нейтральными. Сочувствие же их было несомненно на стороне Украинской Рады.

Значение Брянского завода учитывали и некоторые несомненные контр-революционеры. Один из таких, поручик Семенов, организовал боевой отряд из солдат, работавших на Брянском заводе и был избран его начальником. Завком, конечно, признал необходимым иметь такой отряд, состоящий из уже обученных военному делу солдат, и постановил подчинить его общему руководству, т.-е. революционному Бюро. Семенову это не понравилось, так как в расчеты его входило быть более самостоятельным и никому не подчиняться. Тогда он мог бы самостоятельно производить обыски и реквизиции. В этом духе он и повел агитацию среди своих солдат. Революционное бюро несколько раз вызывало его для переговоров и убедилось в его контр-революционности, а потому передало Губревкому вопрос об его аресте. Он был арестован и затем уже обратно в завод не принят.

Революционному Бюро приходилось заседать почти ежедневно и оставлять на дежурство в заводе своих членов. Ночью, зачастую, происходили недоразумения между вооруженными отрядами в заводе и в цехах; в число членов отрядов входило не мало авантюристических элементов, стремившихся освободиться от руководства революционного Бюро, с целью использовать свое вооружение для грабежей и т. д. Они вели также агитацию против Рев. Бюро под флагом анархистов. Это понимали идейные анархисты, как т.т. Гринбаум, Белковский и Ховалко, высказывавшиеся за централизацию в боевом отношении. Чтобы несколько очистить боевые отряды и Красную гвардию от таких элементов, Революционное Бюро признало необходимым реорганизовать их и потребовать от всех членов отрядов рекомендаций от социалистических Партий, заводских комитетов, цеховых комитетов или общих

рабочих собраний. Летучий отряд остался недоволен этими постановлениями и обжаловал их в Заводской Комитет. В свою очередь, революционное Бюро поставило вопрос о недисциплинированности некоторых красногвардейцев. 25-го ноября Завком обсуждал заявление летучего отряда об освобождении арестованного Семенова. Было признано необходимым существование отряда, постановлено выдать всем участникам отряда удостоверения, что они есть рабочие Брянского завода, вопрос же об аресте был снят, как находящийся в компетенции Военно-Революционного Комитета. Действия Революционного Комитета в отношении централизации командования признаны были правильными.

Наряду, с организацией отрядов, необходимо было озаботиться и вооружением их. Средств для приобретения оружия ни у завкома ни у Революционного Бюро не было.

Вопрос о вооружении подымался несколько раз и на собраниях. На одном из таких собраний на трибуну взошел анархист Буков и указал рабочим, что партия большевиков не может их вооружить, что поэтому рабочие должны сами собрать по несколько рублей с каждого и послать в Москву за покупкой оружия. „Собирайте деньги и давайте мне, я поеду и куплю вам и наганов и другого оружия". Большевики, зная Букова, как авантюриста, предостерегали рабочих, но все же многие из них попали на удочку и дали довольно приличную сумму денег. Буков уехал и возвратился недели через две. Когда на одном из митингов в Мостовом цеху ему предложили дать отчет, он со слезами на глазах заявил, что в Москве он обошел все Комиссариаты, что в царских палатах на царских креслах засели большевики, от которых он не мог ничего добиться. Но он все же оружие купил, но большевистские комиссары конфисковали; на вопрос же о деньгах ответил, что деньги он все израсходовал, но обязуется возвратить их после того, когда поедет в экономию помещика Бабушкина и отберет у него все золото. В действительности, Буков со своими друзьями ограбил и Бабушкина и несколько других экономий, ограбил даже рабочие кооперативы, в том числе и Брянский кооператив „Пролетарий", но денег рабочим не возвратил. Случай с Буковым повел к потере доверия к анархистам на нашем заводе. Буков впоследствии был арестован Губревкомом, но бежал и больше на заводе не появлялся.

14-го ноября Завком командировал для покупки оружия т. т. Орлова и Халявского. На руки им постановлено было выдать 5 тысяч и 15 тысяч перевести после покупки, деньги взять в кооперативе. Но денег не достали, и посылка не состоялась.

Почти в то же время Общегородской Партийный Комитет командировал в центр за оружием т. Бориса Ройзенмана. Миссия его удалась, и вскоре в Екатеринослав прибыло шесть или семь вагонов с винтовками, пулеметами и наганами. Узнав о прибытии оружия, гайдамаки захватили его на станции и стали разбирать оружие. Брянский штаб послал для охраны оружия около ста красногвардейцев, гайдамаки прекратили разборку и выставили свою охрану. Ревком созвал специально по поводу распределения оружия совещание из представителей Губернского и нашего Штабов, гайдамаков и красногвардейцев. Большевики видели, что вопрос об оружии не может быть разрешен путем взаимного сговора. С Брянского завода был вызван паровоз, чтобы забрать вагоны до решения совещания. Паровоз был прицеплен, но петлюровские сто-

ронники из железнодорожников пустили вразрез вагонам пустой паровоз, которым было разбито 4 вагона и этим затормозили отправку. Неудача могла грозить полной потерей для нас оружия. Немедленно было сообщено об этом Брянскому завкому, чтобы тот дал гудок и сообщил рабочим о том, что случилось. Гудок был дан, и все рабочие, вооружившись, кто чем мог, двинулись к проходным воротам, слесаря с молотками, вальцовщики с клещами, катали с ломиками и вилами, строители с топорами, женщины с дрючками, кто с лопатами. У проходных ворот стоял паровоз с четырьмя платформами, на который взобралась небольшая часть рабочих, а остальные отправились пешими. Процессия была грандиозной, передовые ряды подходили уже к вагонам, где было оружие, а задние ряды еще выходили из завода; по меньшей мере, было около 10-ти тысяч человек. Гайдамаки, увидя такую картину, разбежались. Рабочие перегрузили все оружие в новые вагоны и паровозом доставили в завод. В заводе организовали торжественный митинг и для охраны расставили во всех цехах и на воротах усиленные вооруженные караулы. Оружие было сложено в особом помещении. Выдача его должна была производиться только с разрешения революционного Бюро. Конечно, многие воспользовались происшедшей сумятицей и захватили себе и винтовки и патроны. По вечерам в рабочих районах поднималась бешеная стрельба, и это часто наводило панику. Появились группы лиц, которые начали производить реквизиции.

Вопрос о борьбе с этим явлением обсуждался и в Революционном Бюро и на собраниях общегородского актива. На последнем т. Авериным был сделан большой доклад о положении, в котором мы находимся, и предстоящих задачах. Выводы, сделанные им из доклада, гласили: мы накануне боев, а потому должны быть вооружены и бережно относиться к трате патронов; мы вооружаемся не с целью наживы, и всех, кто будет дискредитировать нашу Красную Гвардию, мы должны выбросить из нее и показать им надлежащее место. После сообщения решений собрания красногвардейцам и всем рабочим, стрельба начала до некоторой степени прекращаться.

Влияние партийной организации резко возросло, по сравнению с начальным периодом Революции, количество членов партии увеличилось настолько, что одному партийному Комитету, которым являлся Чечелевский, не под силу уже было справляться со всеми делами. 27-го декабря на партийном собрании в Кайдаках был организован районный партийный Комитет, к которому отошли заводы: Брянский и Трубные и поселок Кайдаки.

По получении оружия на заводе почти каждый день начали устраиваться военные занятия. Инструкторами была матросы, главным образом, из Петрограда. Завод имел вид арсенала. Инструктора оплачивались из средств, занятых в Комитете Солдаток.

К 3-му декабря много матросов уехало, осталось только несколько десятков. Уехавшие оставили заводу пулеметы, бомбы и гранаты. Завком решил перевести содержание оставшихся на счет завода, а деньги на непредвиденные расходы собрать по подписным листам.

Все чаще и чаще стали поговаривать о возможности нападения гайдамаков на Брянский завод. В свою очередь гайдамакам передавали, что брянцы хотят разоружить гайдамацкие курени. 15-го декабря на заводе было получено сообщение, что гайдамаки пред'явили Совету

ультиматум освободить помещение под угрозой обстрела. Было созвано экстренное заседание Завкома с цеховыми Комитетами, Революционным Бюро, Штабом Красной Гвардии и летучим отрядом. Совещание было кратким. Тов. Черный доложил, что к 3-м часам дня необходимо привести в готовность все боевые силы, все заводы Брянского района, рабочую гвардию и приготовить все цеха. Всем вооруженным—по гудку собраться к общезаводскому комитету, в цехах оставить дежурных старост. В назначенный час все было проделано. Настроение было боевое. Красногвардейцы рвались в бой. Сведения были двоякие: одни утверждали, что гайдамаки решились наступать, другие — что они слабы и выступить не могут, что сейчас наиболее удобный момент для того, чтобы их разоружить. Мы не хотели выступать первыми; тактически было выгоднее, чтобы начали гайдамаки. Для разрешения вопроса были вызваны из Ревкома т. т. Квиринг и Гопнер, которые, явившись, заявили, что без разрешения Ревкома никаких выступлений делать нельзя, что власть, возможно, перейдет в руки Совета без боя, как это было в Харькове. На вопрос к тов. Гопнер, как же быть с собравшимися рабочими — распустить их или ждать, она ответила,— надо подождать. Выполнить это было очень трудно. Необходимы были решительные действия: или выступать или распустить — таково было настроение всех собравшихся, и нам с большим трудом удалось убедить присутствующих в том, чтобы не выступать и не расходиться. Во время этого ожидания, на Брянский завод явилась делегация от гайдамаков. Мы быстро сговорились с тов. Гопнер, чтобы она отправилась в Ревком, собрала бы там точные сведения и дала оттуда знать, как быть, обещав до получения ответа задержать делегацию на переговорах.

Делегатов было человек пять. Мы пригласили их в одну из комнат завкома, а в соседнюю, на всякий случай, посадили десяток лучших красногвардейцев и, не торопясь, начали вести переговоры. Председательствовал тов. Сериков; выступления с нашей стороны, в большинстве, падали на тов. Левинштейна (Лугового).

На вопрос, зачем делегация явилась, мы получили ответ, что гайдамацкий штаб имеет сведения о готовящемся выступлении брянских рабочих для разоружения гайдамаков, что гайдамаки никогда не были против рабочих и своими врагами считают Калединых, Родзянко и т. д., что интересы гайдамаков совпадают с интересами рабочих.

Тов. Левинштейн заверил делегацию, что сведения, имеющиеся у гайдамацкого штаба, не соответствуют действительности, что, наоборот, у нашего штаба, имеются сведения о готовящемся со стороны гайдамаков нападении на завод с целью разоружения рабочих. Рабочие не могут этого допустить и собрались для того, чтобы встретить нападение с оружием в руках.

Между прочим, в процессе переговоров мы заметили, что двое из делегатов не похожи на украинцев и спросили у одного из них, кто он. Он ответил, что он когда-то работал на Брянском заводе, а теперь, в виду безработицы, нанялся к гайдамакам. „Разве, у вас,— задали мы делегации вопрос,— имеются и не украинцы?“—и мы получили ответ о том, что они взяли не-украинцев на переговоры т. к. шли к рабочим.

Переговоры затянулись до 2-х часов ночи, пока получено было сообщение из Ревкома, что рабочих можно распустить. Мы заявили делегатам, что мы убедились в мирных намерениях гайдамаков, и в до-

казательство того, что мы люди тоже мирные, отдаем распоряжение рабочим, приготовившимся к обороне, разойтись. На этом и закончили переговоры.

23-го декабря нам сообщили, что петлюровцы привезли себе бронированный автомобиль. Приходилось призадуматься; петлюровцы могли с бронированным автомобилем приехать в завод и свободно разоружить нас. На следующий день об этом же сообщила нам тов. Гопнер и предложила быть наготове.

В ночь на 26-е, когда я был дежурным членом в Революционном Бюро, ко мне пришел, кажется, тов. Шейнин и сообщил, что ночью решено отобрать бронированный автомобиль и что поэтому надо быть особенно осторожным при разговорах по телефону.

Часа в 3 ночи у завода раздался выстрел и шум автомобиля. Я и дежуривший со мной красноармеец-анархист, думая, что наступают гайдамаки, выбежали из помещения, выключили свет и засели за стеной. Когда автомобиль под'ехал ближе, мы увидели на нем красный флаг и услышали знакомые голоса. Это был бронированный автомобиль с бомбометами и фугасами, отобранный у гайдамаков.

Как нам рассказали, автомобиль стоял в гараже возле городского сада и охранялся четырьмя гайдамаками, вооруженными бомбами. Разведка Ревкома установила, как легче произвести нападение, и из лучших красногвардейцев устроили засаду. 10 человек бросились в гараж, разоружили гайдамаков и связали их. В то же время шофер-красногвардеец выехал на автомобиле на Брянский завод. Хотя по броневику и была открыта стрельба вдогонку, но было уже поздно. Командовал этой операцией тов. Ильченко.

27-го декабря гайдамаки пред'явили нам ультиматум о возвращении к 12-ти часам бронеавтомобиля и о сдаче всего оружия. В завод прибыли т. т. Аверин, Квиринг, Гринбаум и другие члены Ревкома. На заводе созвано было общее собрание. Рабочие высказались против сдачи и решили создать на Брянском заводе временный штаб для руководства боевыми операциями. В этот штаб вошел тов. Гринбаум, Аверин и кто-то третий.

Декабрьские бои.

Гайдамаки начали обстрел завода из орудий. Особого вреда заводу обстрел не принес; только два снаряда попало в барак военнопленных, разрушили их и убили и ранили несколько военнопленных.

По призыву гудка, несмотря на праздничный день, собрались почти все рабочие, многие в праздничных костюмах. Мы (я и тов. Ховалко), выдавали оружие у арсенала всем нам известным и по профессиональным и партийным билетам, строго записывая, кому сколько выдано. Некоторым, под их ответственностью, выдавали оружие для раздачи десятками.

Первые отряды бросились в Кайдаки и разоружили там гайдамацкий курень.

В городе гайдамаки устроили сильные заставы, и некоторые улицы были взяты с боя.

В Совете за кирпичной стеной засели отряды красногвардейцев и вели перестрелку с почтой, где засели гайдамаки.

К нам на завод поступали сведения, что борьба трудная и что необходимо подкрепление. Мы делегировали членов партии на Кайдаки и

Фабрики мобилизовать рабочих. Рабочие все подходили и подходили. Между прочим, явилось и человек 20 запасных солдат, бывших в отпуску по болезни.

Ночью на завод доставили несколько подвод берданок, отобранных у гайдамаков. Привезшие их товарищи Горбоносов и Юрченко сообщили нам, что из Синельниково идет отряд красногвардейцев-москвичей. Сообщение это сильно подняло дух сражавшихся, несмотря на трудное положение державшихся до тех пор, пока подошли эти отряды. Утром почта была обложена со всех сторон, и гайдамаки сдались. У нас оказалось около 10-ти убитых и более 40 раненых.

В первые дни победы Советов.

Власть перешла в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Ревком созвал экстренное заседание Совета, который постановил выпустить воззвание к населению, отдать приказ всем учреждениям приступить к работе и назначить похороны убитых на 16-е января.

31-го декабря Завком постановил призвать рабочих к нормальной работе.

„Острый период событий уже прошел,— говорило это решение,— а посему основной задачей рабочих является поддержка полного хода производства. Долг каждего рабочего итти на все работы по заводу, каждый должен помнить, что остановка завода грозит гибелью всем". Цеховым конторам и комитетам предложено было сообщить о числе свободных рабочих рук, какие необходимо распределить по другим цехам. Рабочих, отказавшихся работать на других работах, увольнять. Для разработки процессии похорон павших за свободу борцов была избрана Комиссия из 5-ти человек. Семьям убитых брянцев, до назначения пенсии, постановлено было выдавать жалование из завода.

Советская Власть была завоевана — начался первый период строительства на нашем заводе.

Амосов.

Борьба за власть.

Бой с гайдамаками.

В последних числах декабря 1917 года революционное настроение среди екатеринославских рабочих было особенно приподнято: это всего резче выявлялось на Брянском заводе, который был страшилищем для городской буржуазии. Брянский завод в то время насчитывал 17.000 ч. рабочих. Я хорошо помню, с каким трудом приходилось сдерживать и уговаривать рабочих этого завода, чтобы они не выступали без указания вождей и руководителей, а вождем в то время был уже городской комитет большевиков. Для об'яснения рабочим Брянского завода опасности и вреда самостоятельных выступлений был послан тов. Аверин, которому удалось уговорить рабочих воздержаться от выступлений без определенного плана и указаний революционного комитета.

Такое же настроение было и в Нижнеднепровском районе, где было около 40.000 рабочих. Там по революционности выделялся завод „Гантке". Насколько революционно были настроены рабочие завода „Гантке", можно судить из того что, когда я приходил в завод из совета Р. и С. Д., куда я был избран депутатом рабочими и мастеровыми этого завода, то рабочие обращались ко мне с вопросами: „т. Кошелев, долго ли мы будем терпеть желто-знаменщиков?" Расправы с желто-знаменщиками явно искали все рабочие г. Екатеринослава, и мне и другим товарищам, как т.т. Черноусову и Новикову В. приходилось употреблять большие усилия, чтобы отговаривать рабочих от преждевременного выступления.

В декабре, по требованию рабочих масс, был переизбран революционный комитет. Все настаивали на избрании такого комитета, который мог бы при первом взрыве революции руководить массами и поддерживать в них революционный дух, а это могли в то время выполнить только большевики. Партия меньшевиков в то время уже не пользовалась доверием рабочих масс: ее руководителям рабочие не верили, а их ораторов сгоняли с трибун и не хотели слушать. Такое настроение рабочих масс было в должной степени учтено нашим губернским партийным комитетом и решено было послать в революционный комитет члена нашей партии, допустив участие в Комитете и представителя анархистов-синдикалистов, которым партия наша доверяла.

При перевыборах рев. комитета избран был тов. Гринбаум — синдикалист, очень преданный революции. Избран он был от гарнизонного совета солдатских депутатов. В члены комитета вошли: Василий Аверин от Брянских заводов, любимец рабочих — большевик, Давид Гопнер — синдикалист, Гопнер Серафима — большевичка, Эпштейн Яков (ныне Яковлев)—большевик. Всем этим товарищам было поручено разработать план на случай выступления гайдамаков, так как атмосфера была напряженная как в Екатеринославе, так и вокруг него.

Особое внимание при разработке плана было уделено Сердюцкому полку, т. к. он был крепкой силой в гарнизоне и лоялен по отношению к большевикам. Недавно прибывший из Питера и присланный Керенским для подкрепления Украинской Рады, полк принимал активное участие в февральской революции, в свержении монархии и сочувственно относился к большевикам.

Для выявления настроения этого полка было решено послать товарища, и эта миссия была возложена на тов. Новикова Андрея, которому революционный комитет поручил в ночь под рождество пробраться в Сердюцкие казармы прощупать настроение и проагитировать, чтобы в случае выступления гайдамаков Сердюцкий полк их не поддерживал и выступил бы против них.

Тов. Новиков по возвращении из казарм информировал революционный комитет, что надежда на Сердюцкий полк слаба, так как среди них наблюдается шаткость; однако, они обещали быть нейтральными в случае выступления гайдамаков. Этот нейтралитет не обеспечивал от перехода Сердюцкого полка к петлюровцам, так как среди них было много украинцев и петлюровцев, и эта опасность еще более осложняла нашу работу и работу революционного комитета, сосредоточившего свою деятельность в рабочих организациях.

Революционный комитет послал в штаб Брянского завода для информации т. т. В. Аверина и Гринбаума.

В ту же ночь были устроены заседания совместно с другими районами: ж.-дорожным, Городским и Нижнеднепровским. О шаткости положения Сердюцкого полка были информированы все члены совещания от указанных районов, и тогда же было решено вооружить и подготовить всех рабочих к обороне.

Ночь под рождество была очень тревожная, так как партийный Комитет и Революционный Комитет опасались провокации со стороны гайдамаков, которые могли поднять восстание и спровоцировать рабочих на выступление или могли внезапно напасть на рабочих, разоружить Брянский штаб, где была сосредоточена база оружия и боевой штаб и откуда производилось снабжение оружием рабочих всех заводов города Екатеринослава и его окрестностей. Опасения провокации обосновывались тем, что против Брянского штаба была буржуазия и желтознаменники и в их задачи входило во что бы то ни стало разоружить рабочих. Между тем, штаб рабочих в это время имел более 10.000 винтовок с 10.000.000 к ним патронов и около 30 шт. пулеметов, прибывших из Тулы по распоряжению Питерского совета.

Под самое рождество, вечером, созванный на заседание Революционный Комитет, совместно с президиумом Горсовета, рассмотрел выработанный план обороны на случай восстания гайдамаков. План был одобрен и единогласно принят с небольшими поправками.

Вечернее заседание затянулось до поздней ночи. Установлено было дежурство членов президиума на время праздников, и в первый день, насколько помню, дежурил тов. Ройзенман Борис, остальные были отпущены по домам отдохнуть. Обыкновенно днем все работали по учреждениям, а вечером начинались заседания, кончавшиеся в 2 часа ночи. После заседаний не зачем было итти домой. Многие или не спали до начала работ или ложились где придется лишь бы прокоротать ночь. Стулья и столы служили кроватями.

Помню, на первый день рождества я пришел в час дня в Совет. Там уже были собравшиеся товарищи, члены президиума: Гринбаум, Квиринг, Эпштейн, Гопнер Д., Новиков А., Черноусов, Ильченко. В скорости после моего прихода начали обсуждать, как быть и что делать с гайдамацким броневиком, который они под рождество привезли в Екатеринослав из Александровска и поставили его в курени. Во время обсуждения вопроса о броневике к нам пришел заведывающий гаражем Городской Управы „дедушка", как его называли. Он сочувственно относился к нам. „Дедушка" сообщил, что гайдамаки поставили в его гараже броневик и охрану возле него из 4 часовых и 1 офицера.

При этом сообщении у всех мелькнула радостная мысль о том, что броневик стоит не в курене, а в гараже, и сейчас же поднялся вопрос о том, как завладеть броневиком и увезти его в свою базу на Брянский завод. После обмена мнениями кто-то из присутствующих предложил послать в разведку своего товарища. Одеть его нужно было обязательно по-гайдамацки: в широкие шаровары, с красным кушаком, а кроме этого, нужно, чтобы наш разведчик говорил на украинском языке. Для более успешных разговоров решено было снабдить его по-праздничному достаточным количеством водки или вина. Рядили, рядили и решили послать т. Ильченко, так как он мог говорить по-украински, кроме того он был боевой товарищ — бывший матрос. Ильченко согласился охотно, куда-то метнулся и через несколько минут пришел в полном гайдамацком обмундировании. Товарищи все рассмеялись, увидя своего „гайдамака". Снабдившись несколькими бутылками вина, так как его во дворе было много (оно отбиралось у пьяных гулявших гайдамаков, которые перед праздником разбили несколько погребов), т. Ильченко отправился в разведку.

Через час, не больше, возвращается тов. Ильченко и говорит: „ура, ребята, — клюет, работа поддается, гайдамаки выпили и еще могут выпить".

Момент был удачный, и было решено еще раз послать тов. Ильченко в гараж, дав ему в помощь отряд, который должен захватить броневик. Это решение было принято единогласно и тогда же о решении было сообщено на Брянский завод тов. Аверину, который прислал 20 ч. надежных товарищей, а 10 чел. должны были выделить бундовцы и анархисты. Отряд в 30 чел. прибыл к нам минут через 20-ть, и его передали в распоряжение тов. Ильченко, который доложил план своего действия и получил согласие со стороны президиума совета. Захватив еще бутылок 8 — 10, вина отряд отправился.

Конца дела все ждали с большим напряжением. Раздался где-то выстрел, товарищи заволновались, думая, что уже начался бой, но больше выстрелов не было. Очевидно, то был случайный выстрел. Спустя полчаса раздался звонок телефона. Оказалось, звонил из штаба Брянского завода т. Аверин. Он сообщил, что броневик прибыл в штаб благополучно и отряд никого не потерял.

Все мы очень обрадовались этому известию. Кто-то крикнул, кажется, тов. Черноусов, что теперь-мол нам не страшны гайдамаки. Броневик у рабочих Брянского завода.

Утром, 26 декабря мы были в доме совета, было рано, город еще спал по-праздничному, и обыватель ни о чем не знал. Многие же рабочие узнали о захвате броневика. Несколько позднее подошли в совет

и участники отряда, похитившие броневик у гайдамаков. Из их рассказа мы узнали, что тов. Ильченко пошел раньше сам к гайдамакам, а отряд оставил с начальником, старым испытанным революционером-рабочим тов. Карташевым, которому приказал минут через 20—30 наступать на броневик. Отряд был разбит на две части. Первая часть залегла вблизи гаража во рву, а вторая, в числе 6-ти человек с шофером, пошла в гараж. По дороге к гаражу отряд не встретил никакого сопротивления по той причине, что охрана сидела вместе с тов. Ильченко и выпивала. Отряд ворвался в гараж и скомандовал: „руки вверх". „Дедушка", завед. гаражем, начал кричать: „разбойники, что вы делаете". Отряд же наш начал их всех связывать. Все пять человек охраны были связаны, в том числе и „дедушка".

Пока отряд перевязал охрану, шофер, тов. Енченко--рабочий Брянского завода, завел мотор, и все моментально сели на автомобиль и по Пушкинскому проспекту направились прямо на Брянский завод. Автомобиль двигался, кто-то из домов изредка стрелял, но автомобиль на пути никто не задержал, да и задержать его было почти невозможно, так как все ехавшие на автомобиле были вооружены с головы до ног винтовками, бомбами и т. д. С броневиком, как оказалось, нашим отрядом были захвачены и пироксилиновые шашки.

26 декабря, утром, гайдамацкий курень узнал, что большевики увели из их гаража автомобиль-броневик и что он отправлен в штаб большевиков на Брянский завод. В 9—10 час. утра того же дня представители гайдамаков пришли в Горсовет и потребовали от президиума совета немедленного возвращения им броневика. Президиум Горсовета ответил им, „что" этого он сделать не может, так как он отвечает за судьбу рабочих, их жизнь и спокойствие города, что если броневик стоит в штабе на Брянском заводе, то этим самым Совет спокоен в том, что провокации не будет, а если броневик отдать вам, то никто не гарантирован от того, что не может произойти недоразумений, а потому Совет не может требовать от Брянского штаба передачи броневика вам".

В ответ на такое заявление президиума Горсовета гайдамацкие представители в категорической ультимативной форме предложили Совету, чтобы к 12 час. того же дня броневик был привезен к памятнику Пушкина на Пушкинском проспекте, и ушли из здания Совета с затаенной злобой, предупредив, что в случае, если броневик не будет возвращен к указанному сроку, то они откроют стрельбу по Брянскому заводу из артиллерии.

После ухода из Горсовета гайдамаков члены президиума решили срочно устроить заседание и обсудить создавшееся положение, так как складывались такие условия, при которых нельзя было избежать боевого конфликта. Вследствие этого большая часть товарищей должна была пойти в городскую думу, на Брянский завод и др. районы, Нижнеднепровск, жел.-дорожный штаб, городской район — для информации и подготовки на случай боя, а также пойти выяснить в гайдамацком курене настроение солдат.

Насколько мне не изменяет память, в курень гайдамаков пошел тов. Новиков А. Тов. Гринбаум и Аверин поехали на Брянский завод; тов. Квиринг и Гопнер С. в городскую думу, а тов. Эпштейн и Давид Гопнер—в казармы 271 полка. Остальные—в другие районы. Я, пишущий

эти строки, остался дежурить в здании Совета, как член президиума, с тов. Черноусовым.

Не прошло и часа, как возвратился тов. Новиков из казарм гайдамаков и сообщил, что гайдамаки пьяны и не желают слушать наших раз'яснений и уже собираются выступить на позиции. Поэтому он поспешил притти в Совет и предупредить о положении дела. Но так как в Совете нас было мало, то он пошел в городскую думу предупредить тов. Квиринга и других товарищей, а оттуда на Брянский завод.

На Брянском заводе по приезде тов. Аверина и Гринбаума было созвано срочное заседание штаба совместно с заводским комитетом и представителями городского района и Нижнеднепровска.

На об'единенном заседании обсуждался вопрос о пред'явленном ультиматуме гайдамаками совету. После обсуждения принято было решение: 1) броневика не отдавать, 2) подготовиться к бою и 3) о положении информировать все районы гор. Екатеринослава. На случай, если гайдамаки будут стрелять, то Брянский завод даст гудок, и это будет сигналом для остальных заводов. Они дадут свои гудки, которые возвестят о вооружении всех рабочих для обороны заводов и помощи брянцам.

У почты.

В 2 часа дня раздался первый выстрел из 3-дюймового орудия. Выстрел был направлен на Брянский завод гайдамацкой артиллерией, которая стояла возле новой тюрьмы. Первый выстрел попал в казарму военно-пленных австрийцев. Им было убито, кажется, 6 чел., а 24 ранено. Второй выстрел попал в доменную трубу Брянского завода, которая была разрушена, и третий выстрел был дан по Брянской больнице.

После этих выстрелов был дан заводской гудок с Брянского завода. Своей могучей силой этот гудок всколыхнул все заводы и заводские рабочие районы. Вслед за Брянским заводом раздались гудки со всех заводов Нижнеднепровского района, городских и жел.-дорожных мастерских и депо.

Изложить и описать всю картину пережитого момента полностью почти невозможно. Картина была такая: гудки гудят, рабочие бегут из своих квартир на заводы, на помощь тем передовым рабочим, которые все праздники беввыходно дежурили на заводах. А это были те товарищи, которые уже состояли в батальоне Красной Гвардии.

Рабочие, как только услыхали тревожные гудки, бросили своих вождей-меньшевиков и эс-эров и сомкнулись в единый фронт с Красной гвардией, вооружившись винтовками и всеми военными доспехами. Единой стеной сплотились рабочие, как партийные, так и беспартийные, и среди всех раздавался голос о том, что буржуазия расстреливает рабочий класс, что рабочие должны отстоять свои права. В это же время лидеры партий меньшевиков и эс-эров бросились в городскую думу уговаривать представителей большевистской партии не открывать боя, т.-е. не отвечать на выстрелы гайдамаков, так как, мол, прольется много рабочей крови. Но эти крокодиловы слезы лились не в защиту интересов рабочего класса, а в защиту интересов буржуазии, так как они нас называли убийцами, а гайдамаков — хорошими людьми.

После первых выстрелов последовали еще три, один за другим, а спустя час — еще два. Но ответа на эти выстрелы не было, так как рабочие обстрела гайдамацкого не боялись, и эти выстрелы только еще больше сплотили рабочих и еще больше укрепили их решение не отдавать броневика гайдамакам.

Наступил вечер. Трамвай прекратил движение. Света на улицах не было. Публика стала показываться реже, и только рабочие спешили в свои районы и фабрики.

В 5 часов вечера к нам прибыл на дежурство отряд Красной Гвардии в 50 человек из Нижне-Днепровского района, с завода „Гантке". Нам стало легче на душе, когда они рассказали нам о том, что в заводах большая часть рабочих вооружена винтовками и все они стоят и охраняют заводы, ожидая указания от Революционного Комитета и штаба итти на помощь брянцам. „Нас же,— говорили они,— послали охранять Совет Р. и С. Д., приказали быть стойкими и не сдавать Совет Р. и С. Д. врагам рабочего класса".

Вечерние сумерки постепенно вытесняли день. Серое угрюмое небо было, будто в союзе с буржуазией. Начал моросить осенний дождик.

События все ближе и ближе приближались к роковому часу.

Городская дума в эту ночь заседала почти во всем своем составе. Присутствовали от всех партий представители: меньшевики, эс-эры, украинские эсдеки, еврейские социалисты, бундовцы, а от большевиков представителями были тов. Квиринг, С. Гопнер, Ройзенман, Хавский и другие. Дума занималась переливанием из пустого в порожнее и не могла притти к окончательному решению о том, какую роль она должна занять в надвигающихся событиях, и, кажется, постановили, что городской думе необходимо быть нейтральной и послать своих делегатов в Брянский завод, в курень к гайдамакам и в Совет Р. и С. Д. для уговора, чтобы не открывать боя в городе, а разрешить конфликт мирным путем.

Пока заседала городская дума, мы, небольшая группа членов Горсовета, дежуривших в Горсовете — Новиков А., Новиков В., Черноусов и пишущий данные строки, принялись за решение вопроса о том, как быть ночью на случай боя, имея в виду, что у нас нет достаточно боевых сил. В здании Горсовета были дневные дежурства отряда в 20 ч., а на ночь должны были приходить по очереди отряды Красной Гвардии из Нижне-Днепровского района. Для того, чтобы выяснить положение, поручили мне позвонить в штаб завода „Гантке" и просить его немедленно выслать отряд. На наш запрос штаб ответил, что для охраны Горсовета им выслан отряд в 50 чел. Не успел я кончить разговора по телефону, как отряд красногвардейцев был уже в Горсовете. Мы обрадовались и сейчас же распределили роли, на случай обороны, между присутствующими товарищами.

Мне дали дежурство в комнате президиума № 33, где были сосредоточены телефоны, и поручили вести по телефону переговоры с городской думой, с штабом Брянского завода и с неприятелем — гайдамацким куренем. Тов. Новикову В. и Черноусову поручено было следить за внешними боевыми участками, тов. Новикову А.— следить внизу у здания Совета и держать связь со мной. Отряд охраны был распределен по 5-ти боевым участкам, вокруг здания Совета, из них 4 участка внешних и один внутри здания. Отряд в 50 чел. оказался недостаточным,

и мы стали просить сменяющийся отряд дневной смены выделить из своей среды часть товарищей для ночного дежурства. Дневная смена, зная опасность положения, осталась и на ночное дежурство без всяких оговорок, и мы таким образом получили отряд в 70 чел. Это были в большинстве молодые рабочие, но бодрые духом пролетарии - красногвардейцы с большевистской закалкой. Около 6-ти часов вечера закончилась наша подготовка к предстоящей ночи, и каждый пошел на свое место.

Как только мы разошлись, ко мне приходит в комнату делегация от городской думы в составе 4-х человек: от меньшевиков Вейнгер, большой демагог того времени, Нил Сандомирский — юрист, еще больший демагог, от эс-эров, кажется, Николаевский и представитель большевиков в думе С. И. Гопнер. Все они начали агитировать нас в том, чтобы мы не открывали никаких боев, так как может пролиться рабочая кровь, и особенно в этом направлении лил крокодиловы слезы Н. Сандомирский. Я им ответил, что „если вам дорога кровь рабочих, то становитесь в ряды вместе с нами, обороняйте рабочий класс от нападения пьяных буржуазно-гайдамакских банд“. На это они мне ничего не ответили. Еще мы не окончили разговора, как вдруг начался обстрел нашего здания, где помещался С. Р. и С. Д. (в бывш. доме губернатора); стреляли в ту комнату, где мы вели переговоры, на 3 этаже в комнате № 33, а также и по нижним этажам, т.-е. по всему зданию. Тогда я схватил Нила Сандомирского за горло и хотел его пристрелить, но Серафима Ильинишна Гопнер и Вейнгер схватили меня за руку и начали просить, чтобы я Сандомирского не убивал. Они все упали на пол и ползком, возле стены, спустились по дорожкам сверху вниз, проползая мимо стоящего возле окна красногвардейца, истекающего кровью. Неизвестно куда исчезла мирная делегация. Когда я после боя спустился вниз, то их уже не было. После исчезновения делегации, я бросился к телефону и потребовал соединить меня с Брянским заводом, но мне это не удалось, так как ответили, что центральная телефонная станция захвачена гайдамаками. При таком положении противники могли с нами говорить, а мы оказались отрезанными от всех: и от городской думы, и от штаба Брянского завода, и от остальных районов.

Бой продолжался около 20 — 30 минут, у нас уже были жертвы. Невдалеке от меня дежурил возле окна в верхнем этаже красногвардеец. Он был убит. Его фамилия—Рывкин. Кроме убитого т. Рывкина, еще несколько человек из числа бойцов было ранено. Убитых мы снесли в отдельную комнату Совета, а раненым здесь же сделали перевязку. Врачей и сестер у нас не было, и наши коммунарки справлялись сами с этими обязанностями в качестве сестер, доставая из своей аптечки необходимые перевязочные материалы.

Когда мы попросили из госпиталя, который находился недалеко от Совета, прислать к нам врача, то ни один врач к нам не пошел, и этим они доказали то, что они против нас и на стороне гайдамаков.

О наших боях и потерях брянцы не знали, а городская дума наверное знала, так как делегация, удирая из здания Совета, проходила мимо раненых красногвардейцев. Не знаю, было ли ими сообщено обо всем в думе присутствующим, в том числе и нашим коммунарам. Очевидно, нет, так как за всю ночь никто к нам не приходил из думы, и наши коммунары, видимо, ничего не знали о том, что произошло в Совете

Р. и С. Д., хотя бои в эту ночь между почтой и Советом завязывались 4 раза и очень сильно.

Из числа 450 человек членов Горсовета, во время боя, в здании Горсовета было очень ограниченное число членов, а остальные были неизвестно где. На месте было только 4 члена: Черноусов, Новиковы оба и я. Кроме нас, был еще тов. Рязанов, рабочий завода „Сириус“ (ныне работник ГПУ в Сталино), остальные оказались разбросанными в Красной гвардии. Наша четверка устроила совещание, на котором решено было проверить наши боевые участки, подкрепить и перераспределить бойцов с тем, чтобы в каждом участке был старший боевой товарищ, который мог бы в нужную минуту поддержать молодых бойцов и поправить их ошибки. После того, как проверка участков была закончена, наша четверка разошлась по своим местам.

В 9-ть часов вечера слышу звонок телефона. Звонит с боевого участка куреня хорунжий, фамилии его теперь не помню, хотя он и вел с ним переговоры в течение двух суток. Хорунжий говорит, что мы предлагаем вам сдать зброю (вооружение) из Совета, в противном случае мы открываем бой по совету. Я ответил, что ему, наверное, известно о существовании смешанной делегации городской думы, которая ведет переговоры, где есть представители и гайдамаков, поэтому не стоит открывать бой. Хорунжий ответил, что они не признают делегации и требуют, чтобы мы в течение 10 минут обдумали их ультиматум. Я спустился в нижний этаж, в комнату совета, где был наш штаб, и сообщил об ультиматуме. Решено было готовиться к ответу, и все разошлись по участкам, а меня послали опять наверх к телефону, связаться с Брянским заводом. Но я, как ни звонил, все же соединиться с Брянским штабом не мог, и все мои усилия остались безрезультатны. Кроме иронических ответов, площадной ругани с центральной телефонной станции от гайдамакского комиссара, я ничего не получал.

Прошло ровно 10 минут после пред‘явления гайдамакским хорунжим ультиматума. Из здания почты пускается ракета, а вслед за этим начинается обстрел здания Совета, и продолжается он 30 минут. Потом бой прекращается и наступает перерыв.

В результате боя у нас был убит красногвардеец, фамилии которого я не помню, и ранено несколько красногвардейцев. Убитого мы перенесли в ту же комнату, куда был отнесен ранее убитый, а раненым наши сестры сделали перевязки.

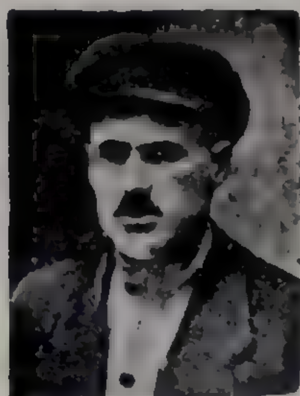
После второго боя было созвано новое совещание членов Горсовета и других участников боя, находившихся в Горсовете, как, например, анархиста—рабочего Бакунина, который называл себя синдикалистом, также тов. Розанова, молодого, но энергичного, толкового товарища. На этом узком совещании решили держать фронты до утра своими силами и не сдаваться.

В участке со двора и сада при здании совета, где рядом стояли гайдамакские части в театре „Колизей“, мы решили усилить охрану надежными крайсногвардейцами, а в стене, выходящей на Проспект, пробить дыры для того, чтобы удобнее было стрелять в неприятеля по направлению почты.

Кроме этого, необходимо было послать к „серповцам“ за патронами, так как у нас их было недостаточно. Для этой цели было делегировано 3 товарища. Но серповцы не дали нам патронов, мотивируя отказ

ГРУППА АКТИВНЫХ РАБОТНИКОВ ИСПОЛКОМА СОВЕТОВ ОТ КОРНИЛОВСКИХ ДНЕЙ ДО ЭВАКУАЦИИ.

КВИРИНГ

НОВИКОВ

ГОПНЕР

АВЕРИН

ТАТЬКО

ХАВСКИЙ

КАВЕРИН

КОШЕЛЕВ

ЭПШТЕЙН

РОЙЗМАН

ТРУБНЫЙ

ПОТАПОВ

тем, что им надо охранять свой участок, а какой участок—нам было неизвестно; отказ серповцев возмутил нас и красногвардейцев. Отказ в выдаче патронов заставил нас быть очень осторожными в расходовании патронов, так как у нас ощущался недостаток в них. О бережном отношении к патронам был предупрежден каждый боец, и решено было зря не стрелять.

Кроме того, мы послали тов. Полю-коммунарку в разведку в штаб Брянского завода и просили дать нам подкрепление как бойцами, так и патронами. Ее мы не дождались, и все предполагали, что ее арестовали. Иначе не могло и быть, так как если бы она пробралась до штаба, то нам, наверное, помогли и дали бы подкрепление. Впоследствии действительно подтвердилось, что она была арестована гайдамаками.

В 12 часов ночи звонит ко мне снова телефон. Я беру трубку и слышу голос хорунжего-гайдамака из куреня. Снова он пред'являет нам ультиматум о том, что если в течение 10 минут мы не сдадим вооружения, то они откроют бой с позиции. Я ему ответил, что бой он может открывать. Он выругался площадной бранью и бросил говорить со мной. Я сейчас же спустился вниз к дежурившим товарищам и передал им свой разговор с хорунжим. Через 10 минут снова начался бой и обстрел здания Совета.

Бой продолжался до 50 минут. Потом снова настал перерыв. На этот раз убитых у нас не было, а были только тяжело раненые, которым оказали помощь. Оставшимся красногвардейцам об'яснили, что до утра необходимо во что бы то ни стало держаться, так как другого выхода нет, и что подкрепления от Брянского завода можно ожидать не ранее утра. У противника, очевидно, тоже было много раненых, и поэтому они первые прекратили бой.

Ночью, как только мы закончили делать перевязки последним раненым и я ушел к себе на верх, ко мне в комнату приходит тов. Бакунин (его убили в ту же ночь) и говорит: „Тов. Кошелев, ко мне просится группа полууголовного элемента взять их к себе для сражения, и я бы советовал их взять для увеличения количества отрядов“. Я спросил у него, не будут ли они разлагать наши отряды. Он ответил, что предупредит их, и что если они будут хулиганить, то он перестреляет их.

Я посоветовался с товарищами, и мы решили их взять, так как ряды наших бойцов слабели выходом из строя убитых и раненых, а оставшиеся уже устали.

Привел Бакунин 15 человек ребят, („братишек“), и мы их предупредили о том, что если они будут хулиганить, то мы их расстреляем. Они дали слово, что этого не позволят, и мы их поделили на 4 части, влив в каждый отряд и поставив через двух наших одного „братишку“. Они у нас бились до утра.

В 3 часа ночи гайдамацкий отряд хотел выступить просто в рукопашный бой, на „ура“. Как только гайдамаки скомандовали „ура“ и бросились в наступление, наш отряд, не бывший еще в рукопашных боях, первоначально струсил. Тов. Бакунин скомандовал: „Назад ни шагу!“ и сам, первый, держа по револьверу в каждой руке, двинулся в наступление на неприятеля. Наши дали залп. Гайдамаки отступили, оставив 4-х убитых.

Пришел ко мне тов. Бакунин и доложил обо всем, что произошло, и как он отбил атаку. Я его поблагодарил и просил осмотреть боевые

участки. Он ответил, что выполнит мое распоряжение, и пошел на боевой участок.

Не прошло и 10 минут, как пришел снизу тов Черноусов и говорит мне, что тов. Бакунин смертельно ранен. Его перенесли в здание Совета. Я спустился вниз, взял его за голову. Голова была еще теплая. Он скончался на моих руках через две-три минуты. Жаль было такого героя революции!

История его ранения такова: он пошел в обход проверить боевой участок, за поясом у него был заткнут маузер. Какая-то шальная пуля попала в магазинную коробку маузера, коробка с патронами взорвалась и вырвала у него всю внутренность живота. Раненый, он успел только сказать вблизи стоящим: „Товарищи, держите фронт крепче!“ и с этими словами стал падать на колени.

В 5 часов опять раздался звонок телефона. Я подошел к телефону и спрашиваю, кто звонит и что надо. Отвечает опять хорунжий гайдамацкого куреня и опять предлагает Совету немедленно сдать оружие. Дает 15 минут сроку и с бранью бросает трубку. Спустившись вниз, я уведомил товарищей о новом, по счету 4, ультиматуме, но все решили не сдаваться и биться до последней капли крови. Подняли мы всех на ноги, проверили, есть ли патроны у всех бойцов. У кого было их много, мы часть отобрали и передали тем, у кого их было мало. Ровно через 15 минут поднимается ракета, а вслед за ней начинается пулеметный и бомбометный обстрел здания Совета. Наши отвечали из винтовок по зданию почты, и когда неприятель делал перебежку из здания театра „Колизей“ на почту, то наши ударили залпом по перебежчикам, и этим залпом было убито 8-9 человек. Все они упали и не поднялись с земли.

Бой продолжался около 40 минут. Затем снова звонит телефон, но на этот раз тот же хорунжий просит у меня перемирия и санитарную карету для того, чтобы подобрать убитых и раненых солдат. Я тогда рассудил, что если он просит перемирия на 2 часа, то, очевидно, наши удачно всыпали им, и я отказал хорунжему, предлагая биться до конца. Но бой все же прекратился. Это нам было на руку, т. к. у нас иссякли запасы патронов, да и бойцы устали. А мысль о наступлении дня и надежда на получение помощи от брянцев все время сидит в голове. Во время перерыва ко мне пришел тов. Новиков Василий Черноусов и Рязанов и радостно рассказывают о том, как наши всыпали гайдамакам из пробитых дыр, и что 9 человек до сих пор лежат неподобранными. Пробитые в стене дыры нам очень помогли. Я передал товарищам разговор с хорунжим и наши боевые успехи об'яснили нам причины, заставившие гайдамаков просить у нас перемирия на 2 часа и вызвать санитарную карету. Мой разговор с хорунжим был тотчас же передан бойцам, и они все узнали о том, что гайдамаки просили у нас перемирия. Слабость неприятеля несказанно подняла дух наших бойцов, и они готовы были сами открывать бой. Нам пришлось их сдерживать и убеждать не стрелять до тех пор, пока к нам не подойдут подкрепления с Брянского завода.

Уже начало светать. Было 7—7½ ч. утра, когда к нам в Совет пришел Мирон Брянский (так его звали), а фамилия его была Бреславский. На вопрос о том, почему не прислана помощь, он ответил, что к нам было послано много разведчиков, но они все арестованы гайдамаками.

В числе арестованных оказались тов. Аверин, Гринбаум, Поля-коммунарка и целый ряд других товарищей. Тов. Аверина и Гринбаума арестовали около 10 часов вечера, и сидели они до 8 часов утра.

Я заявил Мирону, что у нас нет патронов и хлеба, а также бойцов. Он ответил, что Брянский завод, т.-е. наш штаб, совершенно не знал о том, что у нас были бои с гайдамаками всю ночь и что у нас есть убитые и раненные, а мы только от него узнали, что и у них в свою очередь были бои с гайдамаками в районе Кайдак, где стоял курень гайдамаков, и что этот курень был совершенно разбит и забран в плен брянцами.

Наши успехи вызвали с его стороны одобрение, и он обрадовался тому, что мы продержались до утра.

После разговора о положении дел тов. Бреславский обещал все передать брянцам и попросить их как можно скорее принять меры по оказанию нам помощи. С этими словами он ушел от нас. Нам было уже веселее, потому что связь с брянцами установлена.

В 9 часов утра прибыл бронированный автомобиль от брянцев и привез несколько ящиков патронов и винтовки. Привезены были также продукты питания и несколько человек бойцов. Как только наши осажденные увидели подкрепление людьми и оружием, то у всех стало легче на душе, и бойцы с улыбкой на лицах, обращаясь ко мне, говорили: „Тов. Кошелев, зови того хорунжего, который нам пред'являл ультиматум. Теперь мы пред'явим,—ведь срок перерыва уже истек!“ На это я ответил товарищам: „Не спешите, а лучше подкрепитесь. События не уйдут от нас“. Броне-автомобиль, сгрузив все привезенное для нас, возвратился на Брянский завод. От прибывших мы узнали о том, что из Александровска к нам на помощь идет питерский рабочий бронепоезд под командой тов. Егорова и что брянцы должны выступить в 2 часа вместе с нижнеднепровцами на помощь нам.

В $10^1/_2$ часов утра опять звонок телефона, и опять из штаба куреня. Хорунжий заявляет, что через 10 минут они открывают бой по совету. Бой продолжался около часу с большим напряжением со стороны неприятеля, так как он стремился всеми силами победить нас до выступления брянцев и нижнеднепровцев. Но наши бойцы крепко держались на своих позициях и, как львы, одно твердили, что не сдадут советской твердыни и что Совет должен победить.

После ожесточенной схватки настал новый перерыв, и опять таки не по нашей инициативе, а по просьбе противника.

В 2 часа мы получили сведения от разведки о том, что брянцы выступили и идут в наступление на город. Через $1^1/_2$ часа после получения этих сведений разведка сообщила, что брянцы прибыли по направлению к Петроградской, Проспекту, Садовой и Клубной улице, совместно с нижнеднепровцами и питерским броневым поездом, ставшим у вокзала.

В три часа дня снова началась перестрелка. Эта перестрелка была начата нашими из-за Днепра. Нашими обстреливалась почта. Первый отряд пулеметчиков, прибывший с питерским поездом на помощь нам, был размещен на верхнем этаже Совета, а второй—по Воскресенской улице и в английском клубе. Мы открыли огонь по почте и бились минут 50. На Воскресенской улице убили нашего пулеметчика, и это еще больше ожесточило бойцов. Битва была горячая.

Брянцы приближались к нам. Пулеметный отряд наш был усилен, а это еще больше поднимало революционный дух бойцов. Гайдамаки попросили перемирия, и на этот раз по телефону тот же хорунжий просил у меня разрешения послать к нам мирную делегацию от гайдамаков и уполномоченных на переговоры о мире с нами.

С невероятным трудом стоило нам уговорить товарищей прервать сражение на время переговоров. О мире никто не хотел и слушать. Все бойцы только и рвались в бой.

Около семи часов вечера пришла мирная делегация в составе представителей городской думы и представителей гайдамакского куреня. В делегации участвовали представители всех социалистических партий: меньшевики, эс-эры и украинские социалисты.

Помню, когда мирная делегация просила прекратить бой, то наши бойцы об этом не хотели и слушать. В это время к нам в Совет пришел тов. Квиринг. Он настаивал на том, чтобы созвать общее собрание из находившихся в отряде в здании Совета совместно с нами, членами президиума Горсовета. Собрание было собрано в комнате рядом с экспедицией „Известий", в здании Совета.

На этом собрании взял себе первое слово тов. Квиринг. Лишь только он выступил с информацией о мире, как участники боя подняли крик и шум, в репликах бросали ему: „Где вы, тов. Квиринг, были, когда наша жизнь и жизнь Совета была на волоске?—Когда на нашей стороне перевес, то вы пришли нас уговаривать, чтобы мы приостановили бой с этими гадами. Жертвы, наши убитые товарищи, лежащие в здании Совета, завещали нам, умирая, не сдавать нашего правого дела и не отступать от желто-знаменников, пока мы их не уничтожим".

В это время ворвался один красногвардеец и говорит: „Товарищи, сейчас к нам принесли в Совет убитого товарища, пулеметчика из Петроградского рабочего отряда. Он убит гайдамаками". Тогда собрание крикнуло: „Даешь бой и расправу с гадами!"

Тов. Квиринг охрип от крика, но его не слушали, и на выручку его пришлось выступить мне, Черноусову и Новикову. После наших выступлений отряд убедился в том, что мы вместе с ними были в Совете и защищали его. Они нас выслушали и решили принять предложение тов. Квиринга, а оно говорило следующее: „Данное совещание должно избрать делегацию для переговоров и выработать условия немедлненой сдачи почты, послать делегацию на почту для переговоров, а потом она обязана вернуться и доложить нам результаты".

Предложение было принято незначительным большинством, так как стремление расправиться с гайдамаками было велико. Делегация была избрана из 7 чел., в том числе и меня.

Мирная конференция выработала следующие условия: 1) в течение получаса приступить к сдаче нам оружия и почты; 2) всех офицеров и вооруженных чиновников почты и посторонних арестовать и дело о них передать на решение пленарного заседания Совета; 3) охрану почты поручить караулу Красной гвардии и Сердюцкому полку. Количество караульных должен определить военно-революционный штаб. При назначении караула число сердюков должно быть равным числу красногвардейцев; 4) оружие сдать военно-революционному штабу; 5) гайдамаки должны жить в казармах Сердюцкого полка.

Так пала крепость гайдамаков, крепость контр-революционного гнезда.

Когда мы отправились с мирной делегацией из здания Совета на почту, то было уже 12 часов ночи.

Провожавшие нас красногвардейцы кричали, что бы мы не шли ни на какие уступки желто-знаменщикам. Шедшие с нами представители куреня и украинские с.-д. шовинисты хорошо слышали, какой наказ нам был дан рабочими, нашими бойцами.

Возле почты гайдамацкий часовой произвел два выстрела в нас, но пролетевшие пули, к счастью, только легко ранили меня в левую руку, а другого делегата в бок. Представитель куреня, видя всю эту сцену, начал кричать: „Добродию, добродию, не стреляй, это идет мирная делегация". Тогда часовой опустил винтовку.

Мы были впущены в здание почты и направлены на верхний этаж. Что бросилось нам в глаза — это присутствие большого числа буржуазных сынков-гимназистов в формах гайдамацких офицеров, тоже из молодежи; среди тех и других находились почтово-телеграфные чиновники и телеграфисты. Обратили мое внимание среди этой кампании двое рабочих, которых я хорошо знал по депо Екатеринослав. Обращаясь к ним, я спросил: „Вы, товарищи, кого защищаете — купеческие магазины города Екатеринослава вместе с гимназистами и купеческими сыновьями?

Они заплакали и, обращаясь ко мне, начали просить: „Тов. Кошелев, помогите нам выбраться из этого болота". Потом подошли к нам мелкие чиновники почты с той же просьбой и при этом указали, что в этой кампании оказались по принуждению, после их ареста гайдамаками. Этот арест длился уже несколько суток, и их не отпускали домой даже за пищей и для отдыха.

Когда я посмотрел на окна и на их телеграфный аппарат, то мне бросились в глаза разрушения, как результат нашей перестрелки. Все здесь было буквально иссечено пулями, и не было живого места в здании.

Переговоры о мире велись в особой комнате, и длились они не более, как 30 — 40 минут. Все наши требования были приняты, но для окончательного обдумывания противники просили один час времени, на что мы не согласились. Очень чувствовалось, что просимый час для „размышления" противникам был необходим для того, чтобы улизнуть из почты. Когда мы, после переговоров о мире, возвращались обратно, то в комнате увидели большие запасы винтовочных патронов, пулеметов, а также склад бомб. Все это мы предложили сдать нам в течение получаса.

В Совете нас ждали с нетерпением. Как только мы переступили порог, то тотчас же посыпались вопросы: „Приняты или не приняты наши предложения?

Результаты переговоров и наши достижения были доложены общему собранию, и из наших докладов все узнали, как обстоит дело, что мы видели и кого, и мы сообщили список буржуазии и гимназистов, выступивших против нас. Доложено было и о том, как мы отвергли их просьбы о продлении срока принятия наших условий на 1 час. Бойцы требовали немедленной расправы с противником, а на отдаление срока на 1 час для окончательного решения вопроса не шли. Не прошло и получаса, как послышался звонок телефона. Зазвонили из штаба почты и уведомили нас, что на все условия они согласны.

„Ура! Наша взяла!", кричали бойцы. Через 10 минут наша цепь охраны доставила целые партии пленных, удиравших с почты переодетыми, чтобы их не узнали при отступлении. Для всех пленных у нас была выделена особая комната, которая заполнялась так быстро, что потребовалось немедленно отвести дополнительное помещение в несколько комнат в здании Совета.

Для приема оружия с почты была выделена особая группа товарищей. Работа кипела всю ночь, и закончить ее пришлось только утром. Нам пришлось бессменно дежурить в Совете и руководить всей работой совместно с Новиковым А., Новиковым В. и Черноусовым. Под утро пришел тов. Квиринг, сел рядом со мной и говорит: „Ты, тов. Кошелев, страшно устал за эти дни, ты так много пережил, что все отражается у тебя на лице, и вид у тебя больной, усталый". „Нет, тов. Квиринг,— ответил я ему.—Я все снесу, а отдыхать теперь не время". Я хотя и не спал четверо суток, но все же не чувствовал усталости.

Во время разговоров с Квирингом ко мне привели несколько человек пленных гайдамацких офицеров. (Было дано ранее распоряжение о том, чтобы более подозрительных и уклоняющихся от сдачи оружия направлять ко мне лично). Из числа приведенных ко мне я узнал по голосу одного из „важных героев", именно того самого хоружего, который пред'являл мне все время ультиматумы и все время ругался. Он, видимо, тоже узнал меня по голосу. Это был молодой парень лет 27-28. Когда я ему поставил вопрос, кто он, то он признался, что он бывший офицер старой армии, из дворянской семьи, и сказал, что ему очень приятно видеть лично собственными глазами своего противника в моем лице. Хорунжего и еще двух приведенных ко мне я и тов. Квиринг отправили в отдельную комнату под особую стражу.

Утром состоялось заседание президиума Горсовета. Обсуждались вопросы о том, как поступить с арестованными, находящимися в Совете, и как приступить к деловой работе Совета после боя. Вторым вопросом был вопрос об организации похорон всех убитых.

Для проработки всех деталей, связанных с поставленными на обсуждение заседания президиума вопросов, были избраны две комиссии: одна для организации похорон, а другая следственная с чрезвычайными полномочиями, и этой комиссии было поручено вести допросы активных гайдамаков и других подозрительных лиц. Во вторую комиссию я был избран председателем, и членами комиссии — т. т. Борисов и Апокин (рабочие жел.-дор. мастерских).

Первая комиссия выяснила число убитых и раненых. Убитыми оказались: Левицкий, Смылга, Хоминенко, Волчек, Мельбарз Ян, Рисман, Газянов, Иванченко, Шибанов, Бакунин и Ривкин. Всего 11 человек. Раненых было: в 129 госпитале — 7 чел. и в 215 — 37 чел.

Похоронная комиссия назначила похороны жертв боев на 3 января 1918 г. Для похорон комиссией был выработан траурный церемониал, по которому в 10 часов утра 3/I должны быть даны тревожные гудки, в 10 час. траурная процессия с жертвами Брянского завода должна была направиться к Зимнему театру, к 11 часам к Зимнему театру должна подойти процесссия с жертвами городского района. Обе процессии, соединясь у городского Зимнего театра на Екатерининском проспекте, должны были направиться к братской могиле на Соборной площади мимо здания Совета Р. и С. Д., а также Губернского Совета.

Шествие должно было итти в таком порядке: впереди советский венок и знамя, затем военный оркестр, а за ним полки с венками, гробы с знаменами организаций, в которых лежали покойники, за гробами президиум С. Р. и С. Д., за ним хор, за хором боевая организация анархистов, потом музыка и Красная гвардия, а за Красной гвардией — рабочие Брянского завода, районы и нижнеднепровцы совместо с железнодорожниками и другие районы и, наконец, все остальные организации и партии.

Ораторы должны были выступать следующим порядком: от Совета, от большевиков, от штаба Красной гвардии, от боевой организации анархистов и от остальных социалистических партий. Все были обязаны говорить по усмотрению похоронной комиссии.

2 января в Москву отправляли убитых 3-х товарищей — Шибанова, Смылгу и Хоминенко, которые погибли совместно с рабочими города Екатеринослава за власть советов.

В 12 час. дня на руках рабочих и солдат были принесены 3 дубовых гроба с телами убитых москвичей. Возле совета похоронная процессия остановилась, и представителями от президиумов С. Р. и С. Д., от партии большевиков были произнесены речи. Тов. Квиринг в коротком слове указал, что павшие товарищи своею смертью прокладывают путь к светлому будущему за диктатуру пролетариата, С. Р. и С. Д. и за социализм. Тов. Аверин выступал от брянцев и призывал всех рабочих и солдат поклясться перед телами убитых не выпускать из рук знамени социализма. Выступавший москвич призывал рабочих и солдат не изменять III Интернационалу. После возгласов: „Да здравствует всемирная социалистическая революция!“ провожающие запели: „Вы жертвою пали“, и похоронная процессия тихо тронулась по широкому Екатерининскому проспекту на вокзал. От Совета павшим борцам за власть рабочих и крестьян был возложен венок с надписью: „Вы, дорогие товарищи, честно погибли за великое дело освобождения рабочего класса и крестьянства от ига капиталистов“.

О событиях в период с 26 по 29 декабря 1917 г. президиумом Горсовета было выпущено воззвание к рабочим, солдатам гражданам Екатеринослава.

3 января состоялись похороны погибших в боях 26—29/XII товарищей. С самого раннего утра потянулись рабочие организации в назначенные им места. Погода стояла пасмурная, сырая и дул пронизывающий холодный ветер. Изредка моросил дождик, точно и природа солидарна была с рабочей организацией и оплакивала погибших товарищей.

Ровно в 9 часов раздался тревожный гудок с Брянского завода. Этот сигнал был подхвачен всеми заводами г. Екатеринослава, а в 10 часов пятидесятитысячная, если не больше, армия рабочих сопровождала на Соборную площадь гробы, в которых покоились первые жертвы революции.

По пути следования похоронная процессия имела остановку на Кудашевской ул., где в 1905 г. были такие же жертвы погибших борцов за свободу. Здесь вся многотысячная масса над гробами погибших клялась не изменять делу революции, начатому в 1905 г., и довести его до победоносного конца.

Остановлюсь еще на работе следственной комиссии Горсовета. Для того, чтобы оправдать данные ей чрезвычайные полномочия, надо было очень много работать. Комиссия обыкновенно работала круглые сутки с не-

большими перерывами для отдыха. Такая напряженная работа об'яснялась, с одной стороны, массой арестованных, а с другой — той ответственностью, которую несли члены комиссии за свои действия.

Общее настроение в среде красноармейцев и в рабочих массах было в пользу того, чтобы со всеми арестованными расправляться без суда. Но комиссия должна была всесторонне выявить вопрос о виновности и к своим решениям подойти об'ективно.

В процессе работ чрезвычайной комиссии пришлось столкнуться с большим количеством — до 400 — арестованных противников совласти, принимавших активное участие вее свержении. В числе арестованных находилась крупная буржуазия г. Екатеринослава, их дети, юнкера, офицеры старой армии, чиновники-мопархисты, приверженцы гайдамаков и т. д.

Первое время комиссия работала в здании Совета, в помещении бывш. дома губернатора на Екатерининском проспекте, а потом уже перешла на ст. Екатеринослав в вагон бронированного поезда, где работать ей было много удобнее и безопаснее.

После детального следствия установлено было, что из 400 арестованных активных участников боя, сражавшихся против Совета рабочих и солдатских депутатов и всего пролетариата, было до 80 чел. крупных акул из среды буржуазии гор. Екатеринослава и офицеров-монархистов.

Как пример, с какими противниками пришлось столкнуться комиссии при следствии, можно остановиться на одном участнике боя — крупном помещике в чине штабс-капитана старой армии, георгиевском кавалере нескольких крестов, он же председатель союза георгиевских кавалеров, некто Мищенко, хорошо известный всем рабочим г. Екатеринослава и в особенности членам Горсовета. Этот Мищенко неоднократно устраивал демонстрации против советской власти, не брезгал никакими средствами в борьбе с Совластью. При допросе он вел себя крайне вызывающе и говорил, что „вашей советской банде все равно недолго существовать, так как Запад придет на помощь царской России". Подобно этому типу были и все остальные 80 человек, чаявшие прихода помощи с Запада и всей душой ненавидевшие рабочих, называя их „бандой". Все эти ненавистники советской власти получили высшую меру наказания, а остальные 300—320 чел. были освобождены.

Комиссия проработала около 2-х недель и после окончания работы доложила результаты президиуму Горсовета, которым действия комиссии были признаны правильными, а решения комиссии были утверждены, и после этого полномочия с комиссии были сняты и сама она была распущена.

Чрезвычайная комиссия явилась большим страшилищем того времени для буржуазии г. Екатеринослава. В царствование гетмана Скоропадского буржуазия с большим усердием разыскивала нас, и если бы ей удалось схватить кого-либо из нас, то у них был бы большой праздник в те дни. Но, увы! Желание их не сбылось.

Советская власть крепнет, а противники ее догнивают!

С. Кошелев.

Корниловщина и Октябрь.

В Июльские дни 1917 г. значительная часть рабочих причины кризиса власти и выступления петроградских рабочих видела в том, в чем их видела наша партия. Они отлично сознавали, что единственный выход из создавшегося положения—это переход власти к Советам.

Во время Корниловского движения не только резко переменилось настроение рабочих в сторону ориентации на нашу партию, но и настроение в гарнизоне, в значительной степени, стало изменяться в пользу лозунгов большевистской организации. В период корниловского движения в Екатеринославе был организован Комитет Спасения Революции. Комитет был организован на коалиционных началах: туда входили два большевика, эс-эры, меньшевики, бундовцы и представители других организаций. Затем сюда пристегнули и представителей демократических организаций (у нас была очень „демократическая" организация — городская дума), и все они спасали революцию; однако, „Комитет Спасения Революции" был чем угодно, но только не органом активных революционных действий. В то же время продолжал существовать Городской Совет. Как отразилось Корниловское выступление в Городском Совете? Если обратиться к заседанию Исполнительного Комитета Екатеринославского Совета, совместно с профессиональными организациями, Городским Советом, представителями полковых Комитетов и. т. д., где обсуждался вопрос о выступлении Корнилова и о его походе на Ленинград, то мы будем иметь две резолюции.

Само собой разумеется, что принятой резолюции по текущему моменту предшествовали выступления ораторов различных направлений. Основным докладчиком выступал Зандер, считавший себя тогда с.-д. интернационалистом.

В своем докладе Зандер дал характеристику результатов упорного соглашательства с контр-революционным элементом страны мелко-буржуазного большинства Советов. Контр-революция имеет широкую основу, опираясь на союз земельных собственников (казачество, боявшееся передела), на весь командный состав, громадную часть офицерства, финансовую и промышленную буржуазию и большинство средней буржуазии. Если мы не убьем войны, война убьет нашу революцию. Наша задача теперь,— говорил Зандер,— определенное отстаивание того положения, что время соглашения кончилось. Буржуазия явно контр-революционна. Принцип соглашения с ней мы должны отвергнуть. Только власть, выполняющую волю революционной демократии, решительно порвавшую с буржуазией, только такую власть мы хотим видеть во главе государства. Вся власть теперь не Советам, а всей революционной демократии. Советы остаются центральным организующим ядром.

На этом же заседании выступал большевик Эпштейн. Его речь сводилась к тому, что власть и авторитет Советов падали, так как

вместо того, чтобы стать гегемонами революции, Советы очутились на задворках, тащились в хвосте правительства. Причина этого — политика соглашения. Политика меньшевиков и соц.-революционеров фактически сводилась к тому, чтобы вместе с буржуазией итти против рабочих. То правительство, которое шаг за шагом сдавало свои позиции и проводило политику Корнилова, в момент опасности шарахнулось за помощью к пролетариату. Попыткам создания личной диктатуры или директории мы должны противопоставить волю революционной демократии. Должен быть организован орган власти из Советов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и прочих организаций революционной демократии. Этот революционный парламент должен заменить Учредительное Собрание, до его созыва. До образования конвента власть временно должна перейти к Центральному Исполнительному Комитету Советов.

Меньшевики же предпочли выпустить и удовольствоваться революционной фразеологией „интернационалиста" Зандера. Побранив контрреволюционную буржуазию, Зандер закончил свою речь тем, что теперь, мол, власть должна принадлежать не Советам, а всей революционной демократии. Советы, мол, остаются центральным организующим ядром. Идеологи мелкой буржуазии сделали все, чтобы противопоставить Советам „всю революционную демократию". Стоит только припомнить Всероссийское Демократическое Совещание, а затем и пресловутый предпарламент, чтобы понять тогдашнюю линию меньшевиков и эс-эров.

1 сентября состоялась конференция заводских и полковых комитетов, правлений союзов и политических партий. Приводим сообщение о ней которое было напечатано в „Звезде", № 82, 4/IX—1917 г.:

„О текущем моменте докладчик Альтер от имени меньшевиков и бундовцев, в получасовой речи, говоря о причинах, вызвавших Корниловщину, признает, что она является следствием тех контр-революционных стремлений, которые существуют у крупной буржуазии, желающей окончательно укрепить свое господство. Временное Правительство, идя по пути удовлетворения реакционных чаяний командного состава, творившего волю купцов и помещиков, содействовало заговору. Рознь в среде демократии, склока в нашей среде еще больше окрылили гг. Корниловых. Но нельзя утверждать, что заговор имел целью реставрацию. Говоря о вытекающих из положения задачах, оратор говорит о необходимости окончания войны, так как война, будь она победной, будь она проигранной, несет нам гибель. Продолжение войны, несущее собой усиление продовольственной и экономической разрухи, может вызвать возмущение низов, с которыми мы не сможем справиться. Но как эту войну закончить? На этот вопрос ни одна партия не дает удовлетворительного ответа. Самым правильным был бы в данный момент полный разрыв с империалистическим правительством. А для этого нам нужна такая власть, которая пользовалась бы поддержкой, доверием широких рабочих и крестьянских масс. Власть, в которой будут представители контр-революции,— такая власть нашей поддержки иметь не будет".

На конференции выступал и Эпштейн (большевик). Вот записанное в том же № „Звезды" его выступление: „Нас радует сегодняшнее выступление меньшевиков. Мы в этом выступлении приветствуем сказавшуюся, наконец, в них логику класса. Развитая ими сегодня точка зрения приближает их к точке зрения партии революционного проле-

тариата, нашей партии. Остановившись на политике меньшевиков в Советах, превративших эти органы восстания и власти в говорильни, оратор останавливается на событиях 3—5 июля, когда они, как и правительство, уступили свою власть разнузданным генералам, юнкерам и контр-революционному штабу. Не имея опоры в рабочем классе, Временное Правительство и большинство Советов остались висеть в воздухе. Причины такого явления, конечно, в политике соглашательства. Только эта политика привела нас на край гибели. И с этой политикой мы должны покончить.

В настоящее время в центре опять налаживается новое соглашение, и этому мы должны противиться. Вывод только один. Когда власть перейдет в руки рабочего класса, поддержанного беднейшим крестьянством, программа эта может быть проведена в жизнь. Путь к такой власти — новая революция. Наша партия этот вопрос уже разрешила. По нашему мнению, такая революция должна быть международной. Только эта революция способна дать нам мир. И к этой революции мы идем. Можно с уверенностью сказать, что недалек тот день, когда мы вступим в последний и решительный бой, в котором победителем должны быть пролетариат и беднейшее крестьянство".

Из этого отчета видно, что хотя корниловский мятеж и напугал маленько меньшевиков, однако, судя по заявлению меньшевистского оратора Альтера, корниловский заговор нельзя рассматривать, как попытку реставрации. Меньшевистско-бундовского лидера не опасность продолжения войны пугала, а ее последствия с продовольственной и экономической разрухой, с усилением недовольства низов и боязнь того, что с этим недовольством и озлоблением они не смогут справиться.

Это выступление напуганного мелкобуржуазного политика дало повод для большевистского оратора, т. Эпштейна, выступить с похвалой по адресу меньшевиков. Выступление Эпштейна, в котором он нашел возможным приветствовать „логику класса" у меньшевиков, не являлось характерным для всей большевистской организации Екатеринослава. „Логика класса" меньшевиков и „приближение меньшевистской точки зрения к точке зрения партии революционного пролетариата" сказалось, как нельзя лучше, в отрицании реставрационных стремлений у Корнилова, как равно и в стремлении „к восстановлению диктатуры генеральского сапога". „Логика класса", как нельзя лучше, сказалась в высказанном Альтером положении, что опасность в Корнилове меньшая, чем опасность в низах, читай — в рабочем классе, беднейшем крестьянстве и армии. На заводах и в полках по поводу корниловского мятежа принимались более решительные революционные резолюции.

Помещаем отчет по „Звезде", № 82: — „1 сентября состоялся митинг на заводе „Гантке" (4.500 чел.). Выступили эс-эр Боборыкин и большевик Аверин. Тема: контр-революционное восстание Корнилова. Тут через Аверина рабочими было передано в фонд Совета 20 руб. Были предложены 2 резолюции. Первая — Аверина и вторая — анархистов. Собрание постановило обе резолюции передать на согласование.

Собрание постановило:

1. Контр-революционное выступление изменника Корнилова явилось неизбежным результатом послабления со стороны коалиционного правительства к подготовляющемуся контр-революционному восстанию.

2. Мы отказываем в нашей поддержке диктатору Керенскому, сосредоточившему в своих руках всю полноту гражданской и военной власти.

3. Покончить с этой заговорщической кликой может только власть, вышедшая из недр революционной демократии, Советов РСД и КД, и только такая власть может спасти страну и революцию, ее завоевания от покушения контр-революционной клики и неуклонно, в согласии со всей революционной демократией, будет проводить решительную внутреннюю и внешнюю политику. Мы требуем:

4. Немедленной конфискации всех земель и передачи их в ведение Земельных Комитетов, крестьянских организаций.

5. Декрета о 8-часовом рабочем дне и введения всех видов социального страхования.

6. Отмены смертной казни для солдат и применения ее к контр-революционным заговорщикам.

7. Немедленного разгона Государственной Думы и Государственного Совета, ареста членов этих учреждений, причастных к заговору, и предания их революционному суду. Точно также требуем немедленного возвращения Николая второго в Петропавловскую крепость до суда, его министров и Корнилова и соучастников по заговору.

8. Требуем от Комитета Спасения Революции реквизиции всех свободных запасов оружия и вооружения рабочих через их политические организации.

9. Немедленно реквизировать типографии буржуазно-продажной прессы и передать их революционным органам.

10. Немедленного освобождения всех борцов за социализм, томящихся в русских тюрьмах.

11. Отмены репрессий против левой печати и применения их к контр-революционной.

На собрании 271 пех. полка также была принята резолюция большевиков. Меньшевиков и эс-эров заклеймили, как предателей революции. Выход из положения — переход власти в руки Советов. Меньшевики апеллировали к солдатам, говоря: нельзя, мол, одну часть демократии натравливать на другую. Меньшевикам говорить не дали". („Борьба", № 73/VIII-1917 г. (стар. ст.).

Приведенные решения носили тогда массовый характер не только в самом Екатеринославе, но и в рудничном районе. В корниловские дни настроение рабочих и солдат было определенно революционное. Но это настроение наша организация не в достаточной мере использовывала. Опасность корниловского заговора с походом на Петроград, недостаточная информация о происходящих событиях определенно накладывала свой отпечаток на работу нашей организации.

Следует отметить, что после корниловских дней началось наиболее быстрое освобождение рабочих из-под влияния меньшевиков и эс-эров. Влияние нашей организации на рабочие массы и солдат неизмеримо усилилось. Надо сказать, что то, что происходило на Пленуме Городского Совета, являлось почти прямой противоположностью тому, что имело место на собраниях рабочих заводов. Там атмосфера была более революционная. При голосовании на Пленуме Совета, когда Совет голосовал без представителей фабзавкомов, большинство получали меньшевики, а когда голосовали все, тогда большинство получали большевики. Главной нашей опорой были фабрично-заводские комитеты, затем пред-

ставители профессиональных организаций и представители полковых комитетов.

На заводах „Брянский“, „Сириус“, „Гантке“, Трубопрокатных и пр. резолюции принимались большевистские. Рабочие признавали единственным выходом из положения передачу всей власти Советам. Попутно с этим происходили заседания Городского Самоуправления. Там воздух был иной. Если на заседаниях Городского Совета мало пахло большевизмом, то на заседаниях Городского Самоуправления им и совсем не пахло. Наша фракция хотя и была довольно многочисленная (в ней было 22 человека), однако, всегда по целому ряду наиболее боевых вопросов среди мелко-буржуазных партий образовывался блок, и резолюция большевиков никогда не проходила. В корниловские дни на заседании городской думы были оглашены декларации различных фракций и были внесены резолюции, но ни одна из них не была принята, так как ни одна из них не собрала большинства. О линии этого „демократического“ учреждения речь будет впереди.

ОКТЯБРЬ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

Октябрьские события, докатившись до Екатеринослава, застали мелко-буржуазные партии врасплох. Это подтверждается отчетом совещания Исполнительного Комитета с.-.р и с.-д. с представителями всех политических партий в ночь с 25-го на 26-е октября 1917 г. Приведем отчет этого совещания, так как он был помещен в газете „Звезда“:

„В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8-е ноября) было созвано экстренное совещание Исполнительного Комитета с участием представителей партий. Были оглашены телеграммы, полученные через „Румчерод“, выяснившие, что в настоящий момент в Петрограде происходит организованное движение, имеющее своей целью передать всю власть в руки Советов. Телеграф захвачен повстанцами, произведены аресты некоторых министров, город находится на военном положении. Петроградское агентство в течение ночи продолжало присылку телеграмм в редакции газет, ни единым словом не упоминая о происходящих событиях. На совещании выяснилось, что все партии стоят за необходимость перехода власти в руки Особого Комитета, организованного из представителей Совета, городской думы, политических партий и других организаций. Представителями нашей фракции и украинскими социал-демократами было вынесено предложение единственной властью в городе и округе об'явить Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и его Исполнительный Комитет, который пополняется представителями городского самоуправления, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, почтово-телеграфного союза, железнодорожного союза, селянской спилки и Губернского Совета Крестьянск. Депутатов. Краевой властью признать Центральную Раду, которая должна быть преобразована на началах, легших в основу организации Советов.

Все фракции, кроме нашей и украинских социал-демократов, высказались против немедленного присоединения к восстанию, предлагая выждать дальнейшего развития событий. Совещание затянулось до 5 час. утра. Было постановлено конечное решение вопроса о власти и об отношении к петроградским событиям передать пленуму Совета с участием

полковых и заводских комитетов. До решения Пленума считать Исполнительный Комитет единственной властью и полномочным органом по борьбе с контр-революцией".

В ГОРОДЕ.

„В городе настроение приподнятое. У Совета целый день стоит громадная толпа ожидающих последних известий. Громадный спрос на местные газеты, хотя по техническим условиям ни одна из них, кроме меньшевистской „Борьбы", не могла выйти и поместить известий о петроградских событиях".

В ПОЛКАХ.

„В 271 и 228 полках с утра были назначены митинги, на которых представители Совета и партий раз'ясняли смысл происходящих событий".

НА ЗАВОДАХ.

„С утра стало известно о происходящих событиях в Петрограде. Первые известия вызвали громадный под'ем настроения. Оживленно комментируется каждое отрывочное, случайно доходящее известие. После окончания работ на многих заводах происходили митинги, посвященные событиям. В городе, в казармах и заводах царит порядок. Сочувствие масс на стороне революционного Петрограда. О работе контр-революционеров пока ничего не слышно" („Звезда", № 122 — 26 8 ноября 1917 г.).

Из этого отчета видно, что все фракции, кроме большевиков и украинских социал-демократов, высказались против немедленного присоединения к восстанию. Украинские социал-демократы высказались „за", но это „за" было обусловлено признанием краевой властью Центральной Рады. Из этого отчета видно также, что и наша организация высказалась за то, чтобы в городе считать единственной властью Совет, а краевой властью — Центр. Раду.

Так как на этом совещании было решено перенести решение вопроса на Пленум Городского Совета, приведем резолюцию, принятую на этом заседании:

„На совместном заседании Екатеринославского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, представителей Городского Самоуправления, заводских и полковых комитетов, железнодорожного и почтового Союзов и всех политических партий большинством 445 голосов против 223, поданных за меньшевистско-эс-эровскую резолюцию, принята была резолюция [1]):

1) Екатеринославский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, представители городского самоуправления, заводских и полковых комитетов, железнодорожного и почтового союзов, всех социалистических партий — заявляют: мы присоединяемся к восставшим рабочим и солдатам Петрограда, свергнувшим контр-революционное правительство, и призываем всех верных сынов революции сомкнуть ряды для создания власти рабочих, солдат и крестьян.

---

[1]) Сборник „5-я годовщина Октябрьской Революции", 1917/1922 г. Изд. Екатеринославск. Губистпарта.

2) Уполномачиваем Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов взять власть в городе и губернии в свои руки, пополнив свой состав представителями всех революционных организаций и городского самоуправления.

Мы предлагаем Революционному Комитету немедленно приступить к активной борьбе со всем контр-революционным движением со стороны буржуазного класса, вплоть до реквизиции буржуазной прессы: „Приднепровского Края“ и всех контр-революционных очагов, а также немедленного вооружения всего рабочего класса для защиты революции. Мы признаем высшей краевой властью выделенный Центральной Радой Киевский Революционный Комитет и предлагаем Екатеринославскому Губернскому Комитету послать своего представителя в указанный Комитет“.

Последний пункт принят, как поправка к резолюции, предложенная украинскими социал-демократами.

Полученное большинство голосов за эту резолюцию нельзя отнести за счет членов Горсовета. Это большинство надо отнести за счет фабрично-заводских и полковых комитетов и за счет правлений профсоюзов. Принятую поправку, предложенную украинскими социал-демократами, едва ли можно считать случайным явлением, так как, если бы большевики серьезно возражали, то, повидимому, она не была бы принята.

Резолюция выражала мнение Совета в отношении Октябрьской революции. Если же проследить, как отнеслись рабочие к октябрьским событиям, то здесь мы увидим более последовательно-революционное отношение.

Приведем резолюцию Брянского завода: „События, разыгравшиеся в Петрограде и вылившиеся в открытое столкновение между народом и контр-революционным правительством, являются для нас призывом, ни на минуту не колеблясь, стать в ряды борющихся рабочих, солдат и крестьян в полной ответственности перед революцией. Признавая неизбежность вооруженной борьбы между силами организованной революции и силами, которые пойдут за врагами народа, мы заявляем, что отныне единственной властью признаем Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и на их защиту становимся в полной боевой готовности; требуем от Совета присоединиться к Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и призвать революционную демократию к поддержке петроградских рабочих и солдат в борьбе за народную власть. Мы требуем от Совета решительных мер против явных и скрытых контр-революционеров и активного подавления попыток контр-революционных выступлений. Долой временное правительсто! Да здравствует власть Советов! Да здравствует мир между демократией воюющих стран на основе отказа от аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение!“ [1])

Рабочие никакой другой власти, в том числе Центральной Рады, знать не хотели; они признавали единственной властью С. Р., С. и К. Деп. 271 пех. полк высказался за вооруженную поддержку петроградцев и требовал, чтобы Екатеринославский Совет об'явил себя единственной властью. („Звезда“, № 123 от 28 X — 1917 г.).

От резолюций до осуществления Советской власти оказалась дистанция огромного размера. Екатеринославский Революционный Комитет,

[1]) „Звезда“, № 123 от 28/X—1917 г.

несмотря на поддержку его со стороны рабочих и солдат, Советской властью, в подлинном смысле этого слова, все же не стал. Наряду с Советом существовала архи-контр-революционная городская дума. Она не только продолжала свою деятельность, но и вела самую отчаянную погромную кампанию против нашей партии, петроградских рабочих и солдат и всех мероприятий первой в мире Советской власти.

По мере приближения к Екатеринославскому Октябрю (конец декабря 17 года) наше положение в Совете усиливалось. Но зато Городская Дума все больше и больше наглела в своих контр-революционных выступлениях. Гласный Городской Думы Анисимов на заседании Думы 18/XII по стар. ст. сделал внеочередное заявление по поводу декрета большевистского правительства о мире и о переговорах большевиков о сепаратном мире и предложил Думе обратиться к населению с заявлением о том, что Городская Дума, осведомившись из телеграммы Ленина и Троцкого об открытии ими с 19 декабря с. г. (2 января по н. ст.) переговоров с Гинденбургом о сепаратном мире, признает себя обязанной перед населением г. Екатеринослава разоблачить этот изменнический ход узурпаторов и об'явить гражданам, что этим Ленин и Троцкий не могут дать России никакого мира. Они оказывают помощь империалистам Германии, предают интересы России и революции. Пока Ленин и Троцкий находятся у власти, для России нет спасения. Поэтому Екатеринославская Городская Дума, как и другие городские самоуправления, призывает всех граждан сплотиться вокруг ее борьбы с захватчиками власти, чтобы снова воссоздать в России однородную демократическую власть, и призывает всех к неисполнению приказов Ленина и Троцкого и всех поставленных ими комиссаров.

По этому вопросу от большевиков в заседании Городской Думы 23-го декабря 1917 г. выступала С. И. Гопнер. Приводим речь ее по протоколу заседания:

„С. И. Гопнер (от фракции большевиков).— Две основные мысли лежали в заявлении гласного Анисимова: первая — что большевики собираются заключить сепаратный мир, вторая — о причинах войны, о том, кто в ней виноват, и о тех ужасах, которые грозят нам от германского ига. Совет Народных Комиссаров опубликовал все тайные договоры. Все тайное давно уже было явным, но теперь с документами в руках доказано, что представляет собой эта война и как весь мир разделился на два синдиката, на две крупных группы разбойников, причем каждый из этих союзов так силен, что не может преодолеть другого в этой гигантской борьбе. Сколько бы эта борьба ни продолжалась, ни одна сторона не может уничтожить другую. Казалось бы, нет силы вне этих двух союзов, которая могла бы вмешаться и нарушить дуэль между этими двумя союзами. Для каждого становится ясным, что не только так называемое „общество“ каждой страны, но и правящие классы, те шайки банкиров и „металлических королей“, в интересах которых была затеяна эта война, сами не знают, как ее закончить, если бы они и хотели ее закончить. Союз этот должен быть прорван какой-то новой силой, тем или иным путем нужно пробить брешь, чтобы нарушить эту кровавую, дьявольскую игру этих двух союзов. С другой стороны, ясно, что как только эта брешь будет пробита, сепаратный мир невозможен, ибо когда выпадет одно из звеньев этой цепи, здание начнет рушиться, ибо об'единяет каждый из этих союзов вовсе не общность интересов

Подпольщики 1914-16 г.
КАМЕНСКОЕ

ЗЕВИН

ШМИДТ

ВОЙЦЕХОВИЧ

АВЕРИН

МИХАИЛ АРСЕНИЧЕВ

ЛАКТЮХОВ

ВЛАСЕНКО

БОЕВАЯ ДРУЖИНА БРЯНСКОГО РАЙОНА

БОНДАРЕВ ДЕРБАСОВ ГОНТАРЬ ЛУКАШЕНКО КУРИЖЕНКО ЛАГУТЕНКО

отдельных единиц, входящих в этот союз. Ни одна из этих единиц не даст другой воспользоваться выгодами положения и постарается эту выгоду повернуть в свою сторону. Другого исхода, как вмешаться третьей силе, нет. Дьявольский заговор этих двух союзов, этих правящих верхов именно так и составлялся, чтобы ни одна из составных частей не могла начать по своему почину дело мира тогда, когда этого не хочется другим. Расчет их был основан на том, что когда будет разбит один союз, то в связи с этим треснет и другой, и дело мира должно будет сделаться делом всеобщим. Гласный Анисимов в своей речи подчеркнул, что он патриот, но это не помешало ему с величайшим презрением отнестись к своей собственной стране, отнестись с полным недоверием к ее силам. Этот панический ужас пред Германией, этот страх, у которого глаза велики, действительно представляет сейчас зрелище изумительное. Народ, который совершил величайшую из революций, который в течение 9 месяцев доказал, что никакие козни старого строя не могли иметь успеха, не только во время „корниловщины", но и при выступлениях других групп, знает прекрасно, кто его враг внутри и во вне. Здесь оскорблялись тем, что за большевиков голосует чернь, и предупреждали, что те, которые пошли за этой группой „обманщиков" и поверили в их лозунги, будут отданы в рабство Вильгельму второму. Здесь социалист говорил о том, что Россия не существует, потому что поколеблено право частной собственности; социалист, который отрицает право частной собственности, говорит о гибели в России только потому, что нет власти, которая карает. Мы, большевики, которых называют „пораженцами", и которых, не желая говорить этого сознательно, бессознательно считают антипатриотами, никогда такого мнения ни о народе, ни о России не были. Мы заявляли, что это есть заведомое извращение фактов, ибо у нас есть документы, доказывающие, что заявление о том, что заключается сепаратный мир из желания навязать России германское рабство, есть гнусная клевета. Мы смотрим на народ не как на каких-то мужичков, о которых писали сентиментальные писатели. В прошлый раз нам было труднее доказать, что этот мир не сепаратный. Теперь нам это легче — теперь целый ряд организаций и партий, борясь против нас, восприняли наш лозунг и борются нашими средствами. Во всех своих резолюциях и декларациях они, в первом пункте клеймя нас, во втором пункте начинают с того, что немедленно должно быть приступлено к мирным переговорам, что должен быть установлен контроль над производством и т. д. Наша победа в том, что коалиция свергнута и ни одно правительство не осмелится взять обратно то, что сделали комиссары, — не осмелятся об'явить войну. Война кончена и по нашей инициативе (аплодисменты). То, что говорит гласный Анисимов есть гнусная клевета именно потому, что эти слова произносит интеллигентный человек, а не та толпа, каковой вы изображате русский народ. Наша фракция предлагает с презрением отвергнуть клевету гласного Анисимова и перейти к очередным делам и предложить Думе присоединиться к демонстрации в пользу мира, назначенной на воскресенье".

На заседании от 18 декабря 1917 года (1 января по н. ст.) Гор. Дума приняла резолюцию о признании „Универсала" Украинской республики, признании за украинским народом не только права национального самоопределения, но и персональной автономии.

Городская Дума продолжала всячески вредить делу революции. Она выпускала погромный бюллетень, направленный против нас.

Городское Самоуправление вело настолько враждебно контр-революционные действия, что Пленум Екатеринославского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил передать всю полноту власти Революционному Комитету.

После Октябрьского переворота Революционный Комитет, несмотря на постановление Совета, все же не превратился в полновластный орган Советской власти. Совет остался Советом, дума осталась думой, а затем появился еще Губернский Исполнительный Комитет, Губерниальная Рада, которые также претендовали на то, чтобы быть главным органом в губернии. Губерниальная Рада вела очень сильную кампанию за то, чтобы промышленная часть юга России входила составной частью в территорию Украинской Республики.

Дума вела свою работу до самого конца существования Советской власти первого периода в Екатеринославе, т.-е. с третьего на четвертое апреля мы оставили Екатеринослав, а дума и тогда еще оставалась, но вскоре ее начали реформировать согласно новым украинским законам, которые вводили сначала Петлюра, а потом Скоропадский.

Если говорить об Октябрьской революции в Екатеринославе — можно говорить о конце декабря. К этому периоду, с одной стороны, начали развиваться украинские партийные силы, агитация, а с другой стороны, на Украину начали приходить украинские отборные полки, в частности в Екатеринославе был полк атамана Орлика, который был сформирован в Ленинграде из гвардейских войск, но, к счастью, он оказался не петлюровским полком. Правда, он и не оказывал нам серьезной поддержки, но в нем наши резолюции всегда принимались. Кроме того, он иногда умерял пыл украинских куреней, которые тогда подготовлялись к вооруженному выступлению против нас. Вообще, в ноябре месяце атмосфера начала сгущаться. В Совете был поставлен вопрос относительно вооружения рабочих, но для того, чтобы их вооружить, прежде всего нужно было оружие, а оружия тогда в Екатеринославе не было. Наша организация делегировала в Москву, в качестве ходатая, Бориса Ройзмана, и он получил 10000 винтовок, 10 пулеметов, 10000000 патронов и несколько сот наганов.

Если не ошибаюсь, оружие прибыло, примерно, в конце ноября или в начале декабря. Петлюровское командование узнало о прибытии оружия и не преминуло наложить на него свою лапу. Они поставили свои караулы, пытаясь прибрать к рукам оружие. Правда, им не удалось это оружие захватить целиком, они забрали пулеметы и часть револьверов, все же остальное оружие Красная Гвардия брянских заводов взяла к себе и увезла. Рада со своими „куренями" определенно готовилась к борьбе с нами, и перед нами стоял вопрос тоже готовиться к борьбе. Началась борьба в Екатеринославе в ночь на 25 декабря по старому стилю. В этот день произошло следующее: петлюровцы привезли из Александровска броне-машину. Она была поставлена в пожарную часть возле тюрьмы. Однако, группе рабочих удалось этот броневик захватить. В этом захвате нам помогал „дедушка с бородой" (фамилию не помню) и Ильченко. Он, кажется, напоил водкой караул, затем организовал отряд, и этот отряд захватил броне-автомобиль. Обычно все тащили на Брянский завод. Потащили и этот автомобиль.

27-го, в 11 часов дня, командование Рады пред'явило ультиматум, он был вручен мне на Брянском заводе. (К сожалению, у нас от этого документа ничего не сохранилось). В основном содержание его сводилось к тому, что командование требовало, чтобы пулеметы, ручные гранаты, броне-автомобиль и винтовки были отвезены в нейтральную зону, в район „памятника Пушкина“; если же этот ультиматум не будет принят, то предлагалось стариков, детей и женщин перевезти в безопасный район. Они предупреждали, что в 2 часа дня, если не будет исполнено их требование, начнут бомбардировать Брянский завод. Мы решили созвать представителей завода: на этом собрании я сделал краткую информацию, и было решено, чтобы ультиматум отклонить и встретить петлюровцев организованным отпором. Решено было в 2 часа дать тревожные сигналы по всем предприятиям. К 2 часам сошлись на Брянском заводе Квиринг, Яковлев, Бек, Гринбаум, Логовой. Решили сформировать оперативный штаб, появился откуда-то у нас на столе план города Екатеринослава, розложили мы его и стали совещаться о плане нашего наступления. К 2 часам действительно начали падать снаряды в район Брянского завода. Они все перелетали завод и падали в районе казарм военно-пленных. Ровно в 2 часа мы дали тревожный сигнал, и после этого Трубный и Нижне-Днепровский заводы стали наводняться народом. На других заводах я не был и потому затрудняюсь описать, что происходило там, но на Брянский завод пришли рабочие, начали растаскивать винтовки, стали тащить патронташи и стали понемногу постреливать. Артиллерийская бомбардировка продолжалась. Наш завод не пострадал, вообще же пострадали г. о. казармы военно-пленных, где были раненые и убитые.

К вечеру оперативный штаб, который помещался в Брянском заводе, решил ликвидировать курени на Кайдаках. Там помещалось несколько сот гайдамаков. Началась стрельба. Мы вышли, привели несколько сот пленных на Брянский завод. Я произнес перед ними соответствующую речь, взял с них слово, что они не будут воевать против нас, отобрал оружие и распустил по домам. Конечно, они потом опять шли против нас. Ночью мы получили сведения о том, что петлюровцы идут атакой на Брянский завод. Мы подняли всех на ноги. Пошел и я; оказалось, что наши по нашим стреляли; наши залегли в канаве, их обнаружили из-за забора и стали по ним стрелять, а они начали отвечать. Затем ночью наступило успокоение. Телефонная связь с городом была потеряна, так как центральная станция была в руках петлюровцев. Связь вообще было очень трудно поддерживать, потому что петлюровцы были народ военный, они расставили патрули и умели ловить. Так продолжалось до глубокой ночи. Наш штаб помещался в одной из контор мостового цеха, но мы решили, что надежнее будет перенести его в главную контору, и к часу ночи мы перебрались туда. Примерно, в час ночи вдруг неожиданно раздался телефонный звонок. Мы все время были отрезаны и телефон не работал, но тут оказалось, что говорят из Городского Самоуправления. Там находились Квиринг, Яковлев, Бек, Гопнер и Ройзман. Звонят, что Городское Самоуправление, в качестве третьей державы, предлагает посредничество между нами и радовским командованием. После телефонного разговора, когда сказали, что радовское командование дало заверение в том, что нашей делегации гарантируется неприкосновенность, даже в том случае, если не будет достигнуто соглашение, мы начали обсуждать, ехать на пере-

говоры или не ехать. Все рабочие высказывались против, говоря, что „поедете — вас перебьют“ и т. д. Но командование дало гарантию, и мы решили поехать. Поехал я с Гринбаумом. Нас и подгребли. В почтамте был штаб петлюровцев, а напротив сидели наши. Силы были на стороне Петлюры, но зато у нас был народ крепкий духом. Мы очень опасались, что наших, которые сидят в Городском Самоуправлении, перестреляют, так как они сидели напротив почтамта, но, к счастью, это было не так. Они удержали помещение до конца разгрома Петлюры. Ну, вот, меня и Гринбаума взяли, завязали глаза, как это полагается по-военному, и привели в штаб Петлюры. Мы пробовали протестовать, но нам сказали, что наше командование знает, что нас взяли в плен. Нас развели по разным комнатам, и мы там ночевали. Утром была страшно беспорядочная стрельба, бомбометная, пулеметная, орудийная и ружейная. Трудно было ориентироваться, кто кого бьет. Мы только знали, что у нас нет ни орудий, ни бомбометов, но что делается в городе—трудно было сказать. Так мы просидели до утра. Утром пришел представитель Городского Самоуправления — и нас освободили. Мы с большим трудом пришли в Городское Самоуправление, где кое-кто из наших товарищей еще спал на столах. Затем началось совещание относительно мирных переговоров, но в это время было получено сообщение, что на станции Синельниково находятся московские части. Тогда была намечена, примерно, такая тактика: сделать заявление на заседании Городского Самоуправления, что так как командование Рады самым наглым образом нарушило обещание в отношении мирной делегации, и так как мы не знаем, что произошло за это время у рабочих,—прежде чем начать мирные переговоры, нам нужно поехать в рабочие районы, переговорить с рабочими, получить от них директивы и тогда уже приступить к переговорам с командованием Рады. Очень долго длились споры, но в конце концов договорились до того, что командование Рады подписало нам пропуск, и мы поехали в район Брянского завода. Подошли москвичи, у них были броне-машины и артиллерия. Настроение было надежное. Соотношение сил изменилось, если не совсем в нашу пользу, то во всяком случае нашего полку сильно прибыло.

Часов с 2-х началась очень активная вооруженная борьба, которая и закончилась через 1—2 часа полным разгромом петлюровского штаба и сдачей нам артиллерии петлюровских частей. Артиллерия была перевезена на территорию Брянского завода.

Если взять период от корниловских дней, от октября до начала января, то хотя и было постановлено о передаче всей власти Советам, но в Екатеринославе этого не было. В Екатеринославе в это время была не настоящая власть. Это было, приблизительно, от декабря и до начала апреля, по-моему. Если бы власть действительно была, то такая настоящая советская власть не позволила бы существовать Городскому Самоуправлению. Хотя в составе Городского Самоуправления и были крайние партии, хотя правые представители его уже не рисковали выступать с такими погромными речами, как это бывало раньше, но, тем не менее, самый факт существования Городского Самоуправления в том виде, в каком он был тогда, являлся помехой в нашем дальнейшем строительстве, как в городе, так и в губернии. Перевыборы Совета произошли только в декабре, и к этому времени соотношение сил в Совете резко изменилось.

Дальше в Екатеринославе происходили следующие события: к этому времени на Дону начали развиваться активные контр-революционные действия, и мы начали формировать отряды для отправки на Калединский фронт. Рабочие шли туда охотно. Одновременно начала демобилизоваться в беспорядочном состоянии армия с Румынского фронта. Она проходила через Екатеринослав, и ее нужно было разоружить. Что касается пехотных, инженерных и других частей, то их было легко разоружить: кому скажешь речь, кому погрозишь несуществующей пушкой, но все сдавали орудие, зато с казаками иметь дело было гораздо труднее. Кавалерийские отряды ставили своей задачей в пешем строю добраться домой и принять участие в калединском движении. Были даже такие случаи,.когда казаки брали в плен нашу делегацию. Большую часть их все-таки удалось разоружить, но некоторые части уходили. При наступлении немцев нельзя было говорить о серьезной обороне города. Рабочие рассыпались. Наиболее революционную часть мы перебросили на Калединский фронт, и само собой понятно, что об обороне города всерьез нельзя было и думать, однако, мы об этом мечтали. Настроение было приподнятое, и мы держались до самого последнего момента, до самой сдачи Екатеринослава. Но об этом периоде мы скажем подробнее в другом месте.

Аверин.

Каменская организация в борьбе за Советы.

В начале февральской революции меня в Каменском не было, так как я был в армии, поэтому о том, как проходила февральская революция в Каменском, и о роли партии в ней я говорить не буду.

Вернулся я из армии в середине мая и застал сильную борьбу партии за влияние на массы, не только в Совете Рабочих Депутатов, в завкоме и цеховых комитетах, но и в самих цехах, непосредственно среди рабочих.

События чрезвычайно быстро разворачивались. Масса сама того не замечала, как под влиянием событий левела, что и не могло сказаться в таком рабочем районе, как Каменское. Наша организация начала бысто расти. Лучшая часть рабочих, в том числе и из других партий, начали вливаться в нашу организацию. Так тянулось до июльских дней. Вооруженное выступление в Ленинграде, как первая попытка захвата власти не увенчалась успехом. После июльских дней все, так называемые, демократические группы и партии ожили и начали вести сильную кампанию против большевиков. Но, благодаря тому, что в Каменском наша организация глубоко проникла в рабочую среду, авторитет партии был большой. Эс-эры, меньшевики и др. ничего не могли сделать. Получилась оригинальная картина: власть находилась в руках Временного Правительства, а на самом деле в Каменском власть находилась в руках Совета Рабочих Депутатов, и главнейшую роль в нем играли большевики. Во главе Совета был председатель, большевик Гречнев. Этот момент учли даже в Ленинграде, меньшевики и эс-эры, а также кадеты, не говоря о Екатеринославе,—откуда прислали своих видных деятелей, чтобы привлечь рабочих на свою сторону. Из Ленинграда приезжало двое, в том числе Гвоздев, зам. мин. труда при правительстве Керенского, известный меньшевик, крупный оратор. Но старания меньшевиков-эс-эров были напрасны, рабочая масса их красноречие в лучшем случае выслушивала спокойно, а то просто не желала слушать. Такой прием Гвоздев и встретил. Масса верила партии большевиков инстиктивно, классовым нутром, в частности ее вождям, а также руководителям Каменской организации. Таким, например, был тов. Миша Арсеничев. Это был самый популярный из всех работающих в организации: светлый ум, горячий оратор, с недюжинными организаторскими способностями, подвижной, смелый.

(Нельзя не упомянуть о небольшой группе товарищей, кои по моему мнению являлись после Миши Арсеничева наиболее популярными, как, например: Лихоманов Андрей, Гречнев Сергей, Локтюхов Евдоким, Реденс Станислав, Петруша Артем, Домбровский и Безпалов Андрей).

После июльских дней мы вынуждены были собираться нелегально это в тех случаях, когда у нас разбирались вопросы чрезвычайной важности. Так, например, мы вынуждены были неоднократно небольшой группой товарищей, в 12—15 человек членов партии, собираться нелегально по вопросам приобретения оружия, организации Красной Гвардии и т. п.

В начале лета 1917 года мы собирали деньги среди членов партии и сочувствующих нам на приобретение оружия, и постепенно мы вооружили значительную часть организации винтовками, револьверами, бомбами и т. п.

Зарождение Военно-Револ. Комитета и Красной Гвардии.

В дни наступления Корнилова на Ленинград группой актива в Каменской организации было устроено нелегальное закрытое совещание. Это совещание фактически было первым организационным заседанием военно-революционного комитета, ибо на нем стоял вопрос принципиальной важности, вопрос о власти. Началось оно в 12 часов ночи. Присутствовало на нем не более 14—15 человек.

Слушали мы информацию тов. Арсеничева Миши о создавшемся положении, в связи с наступлением Корнилова на Ленинград. Миша приехал из Екатеринослава, где получил от Губкома определенную директиву о том, какой линии поведения должны мы держаться. Обмен мнений был горячий, страсти разгорались, наше собрание затянулось до утра. Уже начало рассветать, когда мы стали расходиться. С этого дня было положено начало существования Военно-Революционного Комитета.

Среди участников заседания функции были распределены следующим образом: тов. Гречнев—председатель, Лихоманов Андрей - комиссар общественной безопасности, Локтюхов Евдоким—комиссар по реквизиции, Арсеничев Михаил — комиссар по просвещению, Петруша Артем — комиссар почты-телеграфа и телефонной станции в городе Каменском, Тржасковской Вацлав (Владимир) — комиссар ст. ст. Тритузная и Запорожье (ныне Баглей), Беспалов — начальник штаба Красной Гвардии.

Характерно, что меньшевики и их собратья — эс-эры, а также все другие, так называемые, „демократические элементы", с самого начала были против организации Красной Гвардии, т.-е. против вооружения пролетариата. Они в Каменском твердили, так же, как и их единомышленники в Ленинграде и других местах: „Нам нет никакой надобности вооружать рабочих в то время, когда революционная армия на нашей стороне". Они считали царскую армию революционной, а Красную Гвардию—„бандой". То же самое твердила буржуазия всех мастей и оттенков. Конечно, партия большевиков считать царскую армию, после февральской революции, революционной армией не могла, потому что сердце и мозг ее, командный состав, был, главным образом, из лиц, враждебных нам и, в лучшем случае, чуждых революции.

Нельзя не упомянуть очень интересный момент — это получение 500 штук новых винтовок и к ним соответствующего количества патронов из Екатеринослава, с Брянского завода.

Тов. Ройзенман (ныне работающий в ЦКК ВКП(б), зимой 1917 г. был командирован Екатеринославским Губкомом в Ленинград и Тулу, чтобы привезти оружие для вооружения красногвардейцев. На Украине в то время была власть в руках Центральной Рады; поэтому привезти в большом количестве оружие было чрезвычайно трудно. Так, например, прибывающие грузы на всех ж.-д. станциях просматривались представителями Центральной Рады, везде по городам и экономиям стояли

украинские части, руководимые реакционным офицерством. Все же, несмотря на бдительность Центральной Рады, тов. Ройзенману удалось привезти из Тулы 9.000 штук винтовок и большое количество патронов и пулеметов, Из этого количества для вооружения днепровцев было отпущено 500 штук винтовок.

Помню, это было, примерно, в ноябре или же в декабре месяце 1917 года, собралась нас группа товарищей из партийцев, ночью, чтобы не знали меньшевики и эс-эры, а также сторонники Центральной Рады. На этом совещании разрешается вопрос о получении у брянцев оружия для Каменской Красной Гвардии. У нас был один вопрос — это получение оружия из Екатеринослава.

Информацию делал, кажется, тов. Лихоманов, прений никаких не было, был короткий обмен мнений о том, как лучше и незаметно перевезти оружие, чтобы об этом не узнали гайдамаки и „вільні“ казаки. Решено было до рассвета проехать с транспортом оружия опасную зону — Диевку, Сухачевку, где стояли гайдамаки и было много вооруженных „вільних“ казаков, которых щедро снабжала и вооружала Центральная Рада из Киева, рассматривая их, как одну из надежных своих опор. Мы выехали, примерно, в 1 час ночи на заводских санях человек 30—35; вожаком были у нас тт. Левин и Яндовский, которые знали хорошо дорогу на Екатеринослав. В заводе никто, кроме нас, не знал, куда поедут лошади. Вооружились чем попало: было несколько винтовок, берданок, револьверов, бомбы. Тронули в путь. Когда мы приехали в Екатеринослав, на Брянский завод, погрузили на сани винтовки и хотели трогать в путь обратно в Каменское, то на дворе начало уже рассветать, да к тому же наша разведка передала, что готовится на нас по дороге нападение, и нападение вообще гайдамаков на Брянский завод, на арсенал, для того, чтобы отнять оружие. Была поднята на ноги вся Красная Гвардия на Брянском заводе, в особенности те, которые работали в ночной смене. Все были вооружены и усиленно начали готовиться к отражению предполагаемого нападения гайдамаков. Была расставлена усиленная охрана вокруг завода. Мы вынуждены были временно воздержаться от перевозки оружия. К нам прибыло на подкрепление из Каменского человек 15. Все же в путь мы сами не трогались. Тронулись только тогда, когда на Брянский завод прибыл отряд черноморских моряков в количестве 130—150 человек, хорошо вооруженных. Нам на подкрепление дали моряков человек 50—60, да нас было человек 40—45. Рассыпавшись в цепь с заряженными винтовками, а также с пулеметами, мы тронулись пешком в путь. К вечеру приехали в Каменское; оружие сложили на заводе и сейчас же усилили охрану нашего арсенала, предварительно раздав часть винтовок красногвардейцам на руки. Наш в'езд в Каменское был подлинным праздником пролетариев-днепровцев. Все рабочее население встречало нас ликованием, лица были радостные и в разговоре то и дело было слышно, что теперь „мы, мол, никого не боимся и за себя сумеем постоять!“

Выборы и борьба партий за влияние в земстве.

Примерно, в августе — сентябре 1917 года началась выборная кампания в так называемое демократическое городское самоуправление, а также и в земство. Ко времени выборов буквально все об'единились про-

тив нас, большевиков: меньшевики, эс-эры, крестьянская группа, прогрессивная, демократическая и другие.

С другой стороны, у нас был при выборах блок с социал-демократами Польши и Литвы (левица). По существу, это были большевики, которые впоследствии и влились в нашу партию. Несмотря на об'единение против нас различных партий и групп в этой борьбе, мы все же из 100 мест получили 48. Хотя нас было немного, меньше половины, но при тайном голосовании по всем вопросам мы всегда получали большинство голосов. Это об'ясняется тем, что некоторые из других групп и партий, вопреки формальному соглашению о блоке против нас, нам сочувствовали и отдавали свои голоса.

Председатель нашего пленума был член нашей партии т. Гречнев. При выборах земской управы из пяти членов вся головка, как-то: председатель, заместитель председателя и секретарь, были члены нашей партии (тов. Беседов, Арсеничев Миша и Домбровский).

Всю нашу работу в земстве мы проводили через свою фракцию.

Параллельно с существованием земства работал наш Совет Рабочих Депутатов. Таким образом, земство не могло противопоставить себя СРД, как это имело место в других городах. Руководящая роль в Совете также была у большевиков: во главе его были в большинстве те же товарищи, что и в земстве.

Выборы в учредилку.

Примерно, в начале ноября месяца началась кампания по выборам в учредительное собрание.

Меньшевики, кадеты, эс-эры, как самые мощные партии, развернули бешеную кампанию, не брезгая ничем, вплоть до подлогов, лишь бы заполучить большее количество голосов.

Как в селах, так и в городах подкупали, спаивали и обманывали отсталую неграмотную часть населения. Во многих селах сельские участковые комиссии состояли из попов, учителей, кулаков и их детей. Когда на село попадали списки, а их было тогда в бывш. Екатеринославской губ. 18, то список большевиков под № 9 совершенно не вручали избирателям, благодаря чему большевики в очень многих местах не могли быть выбранными.

Мне, как одному из участников по выборам в учредительное собрание, как члену окружной комиссии, а также председателю участковой комиссии, приходилось много сталкиваться с различными группами населения и видеть не раз возмутительные приемы наших врагов и противников.

Партийный комитет г. Каменского командировал меня и товарища Локтюхова Евдокима в села с целью агитации среди крестьян, чтобы последние голосовали за большевистский список. Нам пришлось побывать в целом ряде сел: в Куриловке, Елизаветовке, Николаевке, Петриковке, Шульговке, Паньковке и др., но не везде нас одинаково принимали. В тех селах, откуда некоторые жители работали на Днепровском заводе, нас принимали хорошо и сочувствовали большевикам. Собрания проводились удачно, наши доклады заслушивались с большим вниманием, затрагивались вопросы внутреннего положения, войны, земельные и др. Они проходили под углом зрения того, как смотрит

партия большевиков на эти вопросы. Против нас в этих селах выступали петлюровские и эс-эровские агитаторы, но успеха не имели. Предлагаемые нами резолюции принимались собранием единогласно. Зато в Петриковке, Шелюговке и Паньковке встретили нас не только плохо, но и враждебно. Здесь укрепилась украинская „Спилка", союз украинских эс-эров и меньшевиков, и этот шовинистски настроенный элемент пустил в среду крестьянства глубокие корни. Когда мы пришли в Петриковку и явились на базар, то там был митинг. Наш приход не был неожиданным для руководителей митинга. Они знали, что мы идем из Елизаветовки, предупрежденные своими сотоварищами. Такая картина была и с другими селами. Когда мы взошли на трибуну, член „Спилки", петлюровец, делал доклад, конечно в шовинистском духе. Когда мы попросили слово, то этот же председатель сказал (привожу его подлинные слова): „Що, дамо ми, селяни, слово більшовикам?" Конечно, это создало неблагоприятную обстановку. Нам говорить не дали.

Из Петриковки мы направились в Паньковку. Когда мы прибыли туда, был уже вечер, и здесь петлюровский элемент мобилизовал против нас все силы „Спилки". Здесь нас ожидал еще худший прием.

Некоторые знавшие меня крестьяне предупредили нас, предложив не уезжать в тот день, а уехать утром, так как нас собирались убить. Мы провели среди крестьян несколько бесед. Официального собрания устроить нам не дали, так как волостная власть по отношению к нам была настроена враждебно. Ночью сочувствовавшие нам крестьяне охраняли нас, и на утро мы пароходом уехали в Каменское.

Через некоторое время приехала в Каменское из Паньковки группа крестьян, пришли в штаб Красной Гвардии, прося оружие для образования у себя также Красной Гвардии. Среди пришедших были те крестьяне, которых я хорошо знал в прошлые годы, как политически сочувствующих нам. На основании этого из штаба Красной Гвардии было отпущено в Паньковку 200 шт. винтовок, несколько пулеметов и патроны. Впоследствии, в период петлюровщины и австро-германцев, эти винтовки паньковцев не мало наделали хлопот им.

Разоружение анархистов в гор. Каменском.

Нельзя не упомянуть, что в Каменском, как и везде, были анархисты различных направлений: анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и др.

Складывались эти группы из разношерстного элемента. Тут были и отсталые рабочие, и лица с сомнительной репутацией, были и интеллигенты, выбившиеся из колеи, а также пропившиеся люмпен-пролетарии и даже уголовники. Вполне понятно, что этой бесшабашной толпе не нравилась какая-либо власть, и программа анархистов, не признающая никакой власти, для этих суб'ектов была самая подходящая.

Примерно, в январе или феврале месяце 1918 года на буржуазию г. Каменского была наложена контрибуция. Анархисты и здесь, пользуясь оружием и тем, что они существуют легально, начали нападать на магазины и квартиры. Если большевики облагали контрибуцией для нужд государства, то анархисты занимались „эксами" в своих личных интересах, в целях грабежа. Рабочие начали требовать через Совет Рабочих Депутатов принятия мер против бандитизма анархистов. Анархистам было пред'явлено ультимативное требование о сдаче оружия

в штаб Красной Гвардии, и в случае отказа предполагалось послать отряд красногвардейцев с тем, чтобы забрать оружие силой. Анархисты хотели затянуть переговоры и тем самым использовать время для усиления своих сил и сопротивления. Но, догадавшись об их действиях, тов. Гречнев, предс. Совета, предложил им в течение 10 минут сдать оружие. Оружие было сдано. Таким образом, была уничтожена возможность вооружения всяких проходимцев под флагом анархистов.

Так бесславно умерла организация анархистов в г. Каменском. Лучшие из них пошли в Красную армию и сражались за укрепление Советской власти, а всякие проходимцы разбрелись.

Разоружение частей, возвращавшихся с германского фронта.

Во время одного заседания Военно-Революционного Совета, в декабре или в январе, вбежал запыхавшийся красногвардеец с сообщением о том, что казаки, идущие с фронта, находятся на ст. Запорожье и захватили ее. Этот товарищ был в числе 5 человек, дежуривших на станции. Казаки тихонько под'ехали к станции Верхнеднепровск и перерезали телефонные и телеграфные провода, после чего внезапно ворвались на ст. Запорожье и здесь перерезали все провода. Этим самым они лишили их возможности сообщить в Каменское об опасности. Неожиданное известие ошеломило нас всех, но сейчас же было решено дать немедленно распоряжение на завод о подаче тревожного гудка, с тем, чтобы созвать красногвардейцев. Тов. Гречнев от имени Военно-Революционного Комитета по телефону отдал распоряжение об этом на завод, но из завода ответили, что распоряжение не будет выполнено,— необходимо, чтобы распорядился сам директор завода, которого не было ни в заводе, ни в конторе, а также не было и на квартире. Тогда я немедленно отправился на завод и там же приказал от имени Военно-Революционного Комитета дать немедленно тревожный гудок, каковой был дан. По гудку не только красногвардейцы, но и многие рабочие прибежали, предложив свои услуги в деле обороны Каменского от нападения казаков. Немедленно началось вооружение рабочих, раздача винтовок, патронов и патронташей. Была сделана разбивка на роты, взводы и отделения. Были избраны взводные и отделенные командиры, ротные же командиры назначались Штабом Красной Гвардии. Предложено было командирам переписать всех людей, номера винтовок, количество патронов и т. п.

Штабом Красной Гвардии был разработан немедленно план обороны Каменского и приступлено к его выполнению. Человек 150—200 были рассыпаны в цепь за каменной стеной, в ограде церкви, в канаве за детским приютом по направлению к станции Запорожье. Группа анархистов в числе 100—120 человек, с одним пулеметом, заняла позицию зимнего Яхт-Клуба. Мне было поручено с отрядом человек в 250 направиться по направлению к станции Запорожье. Нашей боевой задачей было принять первый бой с казаками. Человек 300—400 остались в резерве при штабе Красной Гвардии. Ночь была проведена в большом напряжении, мы с минуты на минуту ждали нападения казаков. Но те, узнав, что в Каменском есть Красная Гвардия и вообще большое количество революционных рабочих, боялись вступить в него. После переговоров наших парламентеров с казаками о том, чтобы они нам сдались,

с условием, что мы им гарантировали неприкосновенность, часть из них, в числе 125 человек, нам сдалась. Мы их разоружили и отправили в Екатеринослав, а оттуда их отпустили с собственными лошадьми домой, отняв только лишь оружие. Остальная часть казаков, узнав о том, что мы готовим нападение на них со стороны ст. Запорожье и с тыла возле ст. Воскобойная, ночью переправились вплавь на лошадях через Днепр, по направлению города Новомосковска. На утро, узнав об этом, штаб Красной Гвардии снарядил экспедицию для погони за ними. Мы погрузились в вагоны, человек 700—800, и направились в Новомосковск через Екатеринослав. К нам прибыл чрезвычайный комиссар от Главкома Украины, тов. Авсеенко-Антонова,— тов. Повелайтес, с чрезвычайными полномочиями. В Екатеринославе, от Военно-Революционного Комитета, мы получили два трехдюймовых орудия, два броневых пульмана, а также к нам присоединились на Амуре несколько небольших отрядов различных групп, как-то: анархистов, максималистов и т. п. Все эти мелкие отряды, именовавшие себя партизанами и отрядами, в военно-боевом и политическом отношении представляли из себя сброд людей недисциплинированных, готовых пограбить. Впоследствии у нас было много неприятностей и инцидентов с ними.

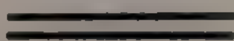
Когда мы приехали на станцию Новомосковск, послав разведку в город для выяснения местопребывания казаков, мы узнали о том, что казаки три часа тому назад снялись и ушли по направлению к экономии „Родзянко“. Был отдан приказ о том, чтобы ни один красногвардеец не уходил без увольнительной записки в город; данный приказ распространялся не только на красногвардейцев-каменчан, но также и на присоединившиеся отряды на Амуре. Я был Заместителем Чрезвычайного Комиссара Главковерха, сам же комиссар, тов. Повелайтес, Беспалов и др., взяв с собою двести пятьдесят человек, пошли в город Новомосковск. Присоединившиеся к нам отряды анархистов и др. не пожелали выполнять общего распоряжения, самовольно высадились из эшелона, рассыпались в цепь и начали в боевом порядке наступать на г. Новомосковск. Можно было подумать, что в городе есть неприятель, между тем они великолепно знали, что там никого нет, но им нужно было устроить инсценировку для того, чтобы попасть в город, произвольно искать у населения якобы оружие, а на самом деле, производить незаконные реквизиции и грабежи. Такой образ действия и поведения наших лже-друзей сильно возмутил красногвардейскую массу, которая настаивала на жестокой расправе с ними, так как поведение первых ложилось черным пятном на всю Красную Гвардию. Только лишь дисциплинированность пролетариев-днепровцев удерживала их от расправы с партизанами.

В скорости посыпалась от населения масса жалоб в наш штаб на действия этих суб'ектов. Вызвав по телефону тов. Повелайтеса из гор. Новомосковска, посоветовавшись с ним, я послал двести человек красногвардейцев в город, чтобы задерживать и доставлять в штаб всех вооруженных, не имеющих отпусков из штаба. Было доставлено и обезоружено около сотни человек из различных групп, и при обыске у них было найдено различное золото и вещи, которые возвращались потерпевшим. Красногвардейская масса требовала за это сурового наказания вплоть до расстрела, в особенности по отношению к группе руководителей, анархистов и эс-эров-максималистов, которые были арестованы за

присвоение себе части контрибуции, наложенной нами на буржуазию гор. Новомосковска. В Екатеринославе, узнав об этом, потребовали предания их суду. Арестованные были доставлены и сданы в распоряжение Особой Комиссии.

Захватить полностью казачий полк нам не удалось. От открытого боя казаки все время увиливали, так что в конце концов полку удалось пробраться на Дон. Правда, отдельные, небольшие группы попали к нам в плен. Обезоруживая, мы их отпускали домой. Нельзя не упомянуть того факта, что благодаря тому, что наша организация была занята укреплением Совета Р. Д., Красной Гвардии и др., мы не могли достаточно уделять внимания нашим профорганизациям. Этим обстоятельством воспользовались меньшевики и эс-эры, захватив под свое влияние заводской комитет Днепровского завода; во главе завкома был эс-эр Абрамович.

В. Тржасковский.

Павлоградская организация большевиков в 1917 г.

В Павлограде большевистской организации в 1917 г. пришлось работать хотя не в крупном пролетарском центре, но в городе, имевшем большое значение, как военный центр. В Павлограде находились десятки тысяч солдат, и через казармы его уходили на фронт десятки полков. Агитация среди этой солдатской массы, „разложение" ее рядов были нашей главнейшей задачей.

К июньским дням у нас была оформленная, крепко спаянная и получившая уже крещение в борьбе с эс-эрами и меньшевиками большевистская организация в числе 50 ч.: Гурвич Е., Руденко, Кращенко, Швед А. и Э., Рубинов М., Я. и С., Ривкин Р., Сатановский, Матвеев, Тоцкий, Гуревич Э., Стильбанс Р. и Стильбанс, Кузнецов и Кузнецова, Ольшевские (2), Мосев, Серебряников А., Гильбург, Скирда, Могилевская, Авербах, Иофис, Дубинский, Беленький, Бокшицкий, Воинова, Холмянский, Береславский, Харитонов, Соловьев, Князевкер и др. В организацию входило: 12 солдат-крестьян, 2-е крестьян из села, один солдат-интеллигент, 12 рабочих и работниц, 23 служащих и интеллигентов.

Партийный Комитет состоял из 5-ти тт.: Рубинов М., Швед А., Воинова К., Ривкин Р. и Гурвич Е.

Организация к этому времени выбросила из своих рядов шатающихся интеллигентов, эсдеков-интернационалистов.

Главное свое внимание организация,— кроме работы в профессиональных союзах (где работали Э. Швед и Ривкин в союзе „Игла", причем работали они в правлениях в качестве председателей; А. Серебряников у приказчиков и Тоцкий у металлистов) и среди рабочих вообще,— направила на работу среди солдат. Партийный Комитет имел хорошую связь с воинскими частями. Для работы среди солдат была выделена тройка в лице: Шведа А., Рубинова М. и Гурвича Е. Во всех ротах были наши представители, распространялись листки „Солдатская Правда" и другая литература. Агитационная работа, как письменная, так и устная, была так широко развернута, что в значительной мере напугала Совет и партийный комитет эс-эров, которые по этому поводу устроили специальное совещание и выработали методы борьбы с нами. Под руководством председателя совета Дунаева и председателя Парткома эс-эров, бывшего члена 2-й Гос. думы Стрелкова, они повели на нас атаку: 1) выпускали листки, которые клеймили нас германскими шпионами, предателями, толкающими страну в пропасть; 2) избивали газетчиков „Правды"; 3) устроили специально посвященное этому вопросу заседание Совета, где правые эсеры: капитан Крюков и Савинков, называли Ленина шпионом, а „Правду"— развратной; 4) организовали группу солдат исключительно для избиения большевиков.

Но все эти меры эс-эрам не помогли: солдатская масса была с нами. Особенно это было заметно на летучих митингах, которые организовы-

вались на каждом углу. Мы старались их использовать. Организация наша рассыпалась по всем углам города, заводов, и где была летучка, там был большевик, дабы своевременно использовать выступление соглашателей и использовать обстановку. Можно было бы иллюстрировать моменты этих митингов, но достаточно сказать, что они имели большое влияние, и 14 июня мы заставили эс-эров уничтожить организованный ими батальон смерти; они его распустили, а руководители уехали из города.

18 июня, в день „единения демократии", все роты полка и профессиональные союзы шли под нашими знаменами и лозунгами. Митинг был устроен на площади за казармами; было около 10.000 солдат, 6-7 тысяч рабочих и городских жителей, 2-3 — крестьян. Наши лозунги были: „братание, против коалиции, мир". Выступали Ривкин, Гурвич Е. и Рубинов М. Нас выслушивали с большим вниманием, ораторам со стороны меньшевиков и эс-эров, — Маслову и Мойсевичу, — не давали говорить. 4-го июля мы провели в горсаду большой митинг, который проходил под охраной нашей боевой дружины, ибо эс-эровские башибузуки готовились стащить с трибуны наших ораторов. Выступал т. Бокшицкий.

Преследования большевиков, которые начались по всей России, коснулись и нас, и особенно это повлияло на военные единицы. Постепенно все революционные роты были направлены на фронт, лучшие части были раскассированы, но уходившие войска не были теми, которые нужны были Керенскому. Это были революционные большевистские войска, уходившие с готовыми революционными лозунгами. Они были в полном смысле слова разложены. Лозунги мира, братания, передачи власти Советам они уносили с собой. Верные войска Временного Правительства, прошедшие школу запасного полка, не отставали от других революционных частей, выступивших впоследствии против Керенского.

В июльские дни пришлось нам уйти в подполье, но то боевое крещение, опыт, которые мы получили в июньские дни в борьбе с эсэрами и меньшевиками, помогли нам в дальнейшей нашей работе. В августе — сентябре при выборах в земскую управу и городской совет, мы решили завоевать там свою гегемонию. Мы повели бешеную работу за собирание подписей, развернули массовую агитацию среди рабочих, крестьян, солдат, ремесленников. В эту работу была вовлечена вся наша организация. В итоге из 5 депутатов в земскую управу мы получили по городу 2 места; прошли: Воинова и Руденко. В общем прошли 2 кадета, 2 большевика и 1 эс-эр. Меньшевики провалились совершенно, а эс-эры получили только 1 место. В Совете мы смогли третью часть своих представителей провести в исполнительный комитет. Прошли Скирда, Воинова, Швед, Ривкин и анархист Аникст (ныне коммун.) и постепенно привлечь на свою сторону солдатскую и рабочую делегацию Совета. Образовавшиеся в это время лево-эс-эровские группы в Совете — Николаевский, Будинов, Немченко, а также и некоторые анархисты — Аникст и Сегал — солидаризировались с нами, и это давало нам возможность проводить в Совете наше влияние; однако, завоевать Совет целиком нам не удалось; этому мешал президиум, состоявший из правых эс-эров — Савинкова, Дунаева, Стрелкова, Юдкиса и др. и меньшевиков. Они использовывали Совет для контр-революционной работы, а когда в воздухе

запахло Октябрьским порохом, — они организовали комитет „спасения революции“ и принимали всякие меры к борьбе против большевиков. Был выпущен против нас погромный листок, изданный комитетом эс-эров, но по нашему требованию комитет „спасения революции“ листок конфисковал, — до того уж эс-эры в нем перешли всякие границы.

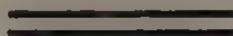
Большевистская агитация пустила глубокие корни в массы; особенно необходимо было в данный момент наше руководство солдатской массой, но претворить его в жизнь нам не удавалось, и волна солдатская прорвалась без нашего руководства. Это привело к тому, что взбушевавшаяся солдатская стихия уничтожила все винные склады. Трудно было их удержать, но организация оказалась на посту, вооружила всех большевиков и сотню беспартийных рабочих и служащих, которые охраняли город. Руководил охраной города наш комитет, а непосредственно — Швед и Соловьев, и этим было предупреждено желание темных элементов устроить погром. При помощи прибывших на подмогу екатеринославских и харьковских товарищей стихия была направлена в определенное русло. Эс-эры и меньшевики удрали из города и больше к власти не возвращались. Мы приступили к организации Красной Гвардии; она была организована из рабочих металлистов, мельничных рабочих, печатников и небольшой группы служащих. Опираясь на вооруженных драгун, прибывших к этому времени в наш город, и Красную Гвардию, мы готовились взять власть в свои руки. Контр-революция сеяла панику.

Помню происшедший инцидент на одном из широких пленарных заседаний Совета, происходившем в народной аудитории в средине декабря месяца. В президиуме находились левые эс-эры и большевики, а также гостившая небезызвестная анархистка Маруся Никифорова. Народу было полно. Вдруг вбегает взволнованный тип, бывший прапорщик, в старое время писец у нотариуса (фамилию его я забыл) и просит вне очереди дать ему слово по очень важному делу. Он слово получил. И вот он начал рассказывать, что он только-что удрал со ст. Лозовой, куда нагрянуло несколько тысяч китайцев и латышей, которые режут всех, и что творится там что-то ужасное. Контр-революция хотела этой провокацией создать панику и настроить массу против большевиков, но фокус не удался. Совет избрал делегацию для поездки в Лозовую; в этой делегации были не только большевики, но и беспартийные рабочие (Савин) и через несколько дней они вместе с лозовскими товарищами и Красной Гвардией водрузили знамя Советской власти в Павлограде.

Большую помощь в работе после захвата города оказал нам прибывший из Москвы красногвардеец, большевик-рабочий тов. Крынкин. У нас была своя Красная Гвардия, организованная из 250 чел., и было много бывших солдат, но обучения мы не проводили и оружия у нас почти не было; привезенные т. Я. Рубиновым наганы из Тулы были распределены, главным образом, среди членов комитета. Ребята начали быстро вооружаться. 20-го декабря, когда мы захватили город, мы имели 500 вооруженных драгун и гвардейцев, которые охраняли город, мосты и линию Лозовая, Павлоград, Синельниково; мы также заняли Новомосковск и держали там вооруженный отряд под руководством Скирды, ибо меньшевистский совет тормозил нашу работу. Мы создавали ячейки Красной Гвардии в селах: Богдановка, Вязовок, Вербки, Петропавловка

и др., куда направляли по 10-15 винтовок на село. Был организован военно-революционный штаб, куда вошли некоторые члены из реорганизованного штаба Красной Гвардии (Швед, Крынкин), также члены Партийного Комитета (М. Рубинов, Воинова). Штаб охватил своим руководством вооруженные силы всего уезда. Часть Красной Гвардии была направлена в Екатеринослав, откуда была направлена на Александровский и Кременчугский фронт, остальная часть совместно с прибывшими добровольцами из сел была направлена во вновь начавшую организовываться Красную армию, куда был выделен для руководства т. Котов.

А. Швед.

Завод Рудзского в борьбе за Советы.

(Отрывки из воспоминаний тт. А. Войцеховича, И. Зиновьева, Г. Стаханова, И. Данилькевича).

В дни февраля.

На эвакуированном из Польши заводе Рудзского перед Февральским переворотом работало до 1000 человек. Завод работал на оборону. В большинстве в нем работали эвакуированные поляки; русских же было очень мало. Из членов партии большевиков на заводе работали: Яков Коваль, Кекин, Карасинский, Васильев П., Стаханов, Войцехович, и еще ранее Валявка, который был арестован в апреле 1916 г. Определенной формы организация не носила. Наиболее деятельным организатором в ней был, после ареста Валявки, тов. Кекин. Работа внутри завода велась слабо, так как поляки вели себя изолированно, и среди них трудно было вести какую бы то ни было агитацию. В конце 1916 г. решено было поднять кампанию за организацию при заводе больничной кассы, которой до того времени не было. Кампанию вели представители касс: Гуревич, Боголюбов, т. Войцехович и некоторые поляки. Было созвано общее собрание, на котором была выделена комиссия для рассмотрения устава кассы, в составе Ошаста (п. п-с.) и еще двух человек. Приезжавший в Екатеринослав член Центрального Военно-Промышленного Комитета Абросимов (провокатор) хотел созвать общее собрание рабочих, на котором сделать доклад о больничных кассах, но созвать это собрание не удалось. Администрация завода соглашалась на устройство больничной кассы, предоставляла помещение для нее при заводе, не возражала и против рабочего правления, но категорически настаивала на секретаре кассы от заводоуправления, с чем не соглашались рабочие, предлагая выделить своего секретаря. Переговоры длились до самого дня революции.

После получения известий о перевороте в Петрограде работниками больничных касс было созвано совещание представителей касс и рабочих кооперативов в помещении Брянской Больничной Кассы. Из рабочих нашего завода на это совещание попал тов. Войцехович.

Совещанием решено было организовать Совет рабочих депутатов, для чего провести выборы по заводам. Все совещание целиком направилось затем в губернскую земскую управу, где управой и земскими служащими созывалось собрание представителей общественных организаций. На этом собрании решено было организовать Общественный Комитет, в который вошли и представители рабочих. На совещание явился екатеринославский губернатор Чернявский для того, чтобы, как он заявил представителям общественных организаций, засвидетельствовать, что он перешел на сторону Временного Правительства. Из представителей рабочих выступали на этом совещании Носенко, Орлов (1-й председатель Совета) и Безпалов. Чернявский задал рабочим вопрос,

доверяют ли они ему или нет, и получил отрицательный ответ. Кажется, в тот же день было получено сообщение о смещении губернатора. Губернским комиссаром был назначен председатель Губ. Управы Гесберг. Власть, таким образом, перешла к Общественному Комитету.

На следующий день о событиях всех рабочих в заводе информировали Войцехович, Карасинский и другие товарищи. Кажется, 4-го же произошли и выборы в Совет Рабочих Депутатов. После окончания работы, т.-е. в 5 часов вечера, на митинг явились Мирон Трубный, Копылов, Гопнер. Голосовались кандидатуры Войцеховича (б), Ошаста (п. п. с.) и Софронова (с.-р.). Тов. Войцехович заявил, что он пойдет в Совет только в том случае, когда он будет иметь поддержку на заводе. Избраны были тт. Вайцехович и Ошаст.

Настроение на заводе было чрезвычайно оживленное. Поляки начали организовываться. Все поляки, в том числе и социалисты, решили об'единиться в одну организацию (З'едначення).

В первых же числах был органивован на заводе и Заводской Комитет, председателем которого был с.-р. Софронов, членами: Войцехович (больш.), Кухаренко (с.-р.), Новиков (анархист), Ошаст (п. п. с.), Сандецкий (меньш.), Карасинский (больш.) и две женщины польки. Для работы в Завкоме были освобождены от работ Софронов, Кухаренко и еще кто-то третий.

Организация большевистской ячейки. Лето 1917 г.

В апреле большевики решили организовать в заводе ячейку, в которую вошли: Кекин, Карасинский, Стаханов, Коваль, Васильев, Зиновьев и др., всего человек 12. Настроение в заводе было меньшевистско-эс-эровское, наибольшим влиянием пользовались пепеэсовцы. Помним, первые споры вызвал вопрос, на каком языке сделать надпись на знамени, которое будет от рабочих завода на демонстрации. Поляки настаивали, что надпись должна быть на польском языке, так как завод польский. После долгих споров решено было все же сделать надпись на русском языке, как понятном для всех. В организацию поляков входили и большевистски настроенные поляки, боявшиеся расстроить национальное единство. Ячейка всячески стремилась привлечь их на свою сторону, отвлечь от польского об'единения и достигла этого путем бесед и выписки для поляков газеты „Трибуна".

Большие споры среди рабочих были вокруг вопросов: о Займе Свободы и ноте Милюкова. Настроение среди поляков были явно антибольшевистское; большую роль в этом играло то, что поляки были настроены резко против немцев, благодаря которым им пришлось покинуть свои родные места. Но все же „Заем Свободы" на заводе провалился. Причиной этому было то, что сторонники „Займа Свободы", в особенности один из работавших на заводе солдат—Григоренко, требовали 12 часовой работы на армию. Рабочие не могли согласиться с этим и голосовали в большинстве против „Займа Свободы". В таком же положении был вопрос и о протесте против ноты Милюкова.

К маю в нашей ячейке было уже человек 17. Перед троицей прибыли из ссылки Валявка и поляки Корфант, Новак, Войцеховский и Петровский, которых Комитет помощи ссыльным направил на наш завод. Наших сил прибыло, и работа пошла более энергично.

Приблизительно в мае по заводу проводилась кампания за вхождение в союз металлистов. Работа по вовлечению в Союз велась всеми партиями, но главную работу вели: Кухаренко (с.-р.), Стаханов (больш.) и Васильев (больш.). Впоследствии Стаханов был избран в Центральное Правление Союза, а Кухаренко — в районное.

В июне в Екатеринослав прибыли матросы из Севастополя для агитации за Заем Свободы и оборону отечества. На нашем заводе был устроен митинг под председательством Валявки. После выступления матроса с возражением ему выступил Валявка, но ему не дали говорить, и он бросил председательствование и ушел с митинга. Вслед за ним выступил Войцехович, который начал свою речь по-польски и тем самым не вызвал на себя нападок, а затем, заявив, что он не совсем хорошо говорит по-польски, стал говорить по-русски. Но уже настроение было таково, что ему дали закончить свою речь. Однако, резолюция была и за поддержку займа, и за оборону, чуть ли не до победного конца. „Придн. Край" тогда отметил, что на всем заводе нашлось только два рабочих, выступивших против защиты родины. Почти одновременно на заводе была поднята агитация за отзыв из Совета Войцеховича. По этому поводу было созвано специальное собрание. На собрание от большевиков пришли Квиринг и Аверин и протестовали против насилия, которое совершается на заводе. Но им не дали говорить. Выступал на митинге и Войцехович и левый с.-р. Кришкевич. Тайным голосованием все же в Совет прошел вторично Войцехович.

К июльским событиям наше влияние на заводе было уже довольно сильным. Выступали на митинге, организованном по поводу июльских событий меньшевики, большевики и серповцы. Принята была, сколько помним, резолюция, если не вполне большевистская, то во всяком случае и не меньшевистская. При выборах в городскую думу, которые были в августе месяце, большевики имели значительный успех; рабочие нашего завода в большинстве голосовали за большевиков.

Влияние это выросло еще и потому, что мы, в целях разложения об'единения польских социалистов, решили создать организацию поляков-большевиков и этим совершенно откололи от польских социалистов многих из тех, кто не шел прямо в нашу большевистскую организацию. Председателем этой большевистской организации поляков был Корфант. Вопрос о ней обсуждался и на Комитете, и Комитет соображения о ее организации признал совершенно правильными. Значительно содействовала отколу сомневающихся от польских социалистов и газета „Трибуна", которая распространялась на заводе в довольно большом количестве. Кроме того, кажется, в июле на заводе выступил с докладом тов. Г. И. Петровский, вернувшийся к тому времени в Екатеринослав из ссылки и имевший большое влияние на рабочих завода.

Работа ячейки была связана все время с работой Комитета. От ячейки в районном Чечелевском Комитете был представителем Карасинский, и на общем собрании района, кроме него, был выбран в Комитет Войцехович.

Выборы во второй Совет Рабочих Депутатов дали нам уже Новака, Кекина и Войцеховича, и только один Ошаст прошел от п.п.с.

Наряду с возрастающим влиянием большевиков на нашем заводе, как и на других в нашем районе, имели некоторое влияние и анархистские элементы. В июле или августе, в связи с отказом завода увели-

чить заработную плату, или по какому-либо другому поводу, на заводе стали вести агитацию за вывоз на тачке директора Климовича и его помощника Шоловского. Агитация эта велась, главным образом, анархистскими элементами и встречала довольно большое сочувствие среди рабочих завода, в особенности у русских. Завод остановился, все рабочие вышли во двор, а администрация заперлась в конторе. Против вывоза на тачке выступил тов. Войцехович; были против вывоза и многие другие влиятельные рабочие, но выступать при таком настроении рабочих боялись. Случайно узнали, что недалеко от завода на Брянской Колонии находится тов. Гопнер. Войцехович отправился за ней, и ей удалось убедить рабочих, что вывоз на тачке был бы только выгоден администрации, т. к. она тогда имела бы повод закрыть завод, который уже и без того она намерена была закрыть, в виду отсутствия заказов на оборону.

В сентябре, кажется, т.-е. значительно позднее, чем на других заводах, была организована у нас на заводе Красная Гвардия. Первым начальником ее был Бельский. В организацию вошло и много поляков, не-членов партии. Вооружения вначале не было. И только после того, как на Брянском заводе было получено оружие, нам выделено было 2 ящика винтовок (50 штук) и ящиков 7—8 патронов. В организации Красной Гвардии, кроме Бельского, который был беспартийный, принимали участие еще Новак (больш.), Козицкий, Зиновьев, Данилькевич, Новак, Корфант, Карасинский (больш.), Сандецкий, примкнувший уже к большевикам, Кекин, Зайцев (большевики) и много поляков.

Октябрь.

В Октябрьские дни все рабочие завода были явно за Петроград. Администрация завода ориентировалась на Центральную Раду, перед которой она была намерена хлопотать о разрешении вывезти как завод, так и рабочих в Польшу. В Екатеринославе же администрация намерена была завод закрыть и все больше и больше сокращала производство, не принимала заказов, ссылаясь на отсутствие денег и на отсутствие самых заказов и невозможность выполнить их. Пришлось самим рабочим приняться за подыскивание заказов, тем более, что рабочие, не без науськивания со стороны администрации, на митингах, часто происходивших в то время, начали говорить: „Раз большевики совершили переворот, пусть они и дадут заказы для завода“. А администрация подпевала, что у завода нет денег, что много пропало за царским правительством. Пришлось ходить и искать заказов на железной дороге и по другим учреждениям. Инженеры завода, которые ходили вместе с тов. Войцеховичем, выделенным для этой цели, однако, в большинстве случаев находили заказы непригодными для завода, а потом в частной беседе говорили, что и не следует брать их, потому что все равно завод скоро будет эвакуирован в Польшу.

В ноябре проходила кампания по выборам в Учредительное Собрание. По заводам Кайдакско-Чечелевского района выделялись рабочие для поездки на село по агитации и распространению предвыборной литературы. От завода Рудзского был выделен, для поездки тов. Войцехович, который ездил с литературой для агитации в Александровский уезд.

На заводе, на митингах выносились уже резолюции за Советскую власть, но в то же время давался наказ обязательного требования эвакуации завода, и поляками заявлялось, что „мы здесь чужие“, что „наша страна Польша“. Среди поляков было много сторонников полного отделения Украины от России, по аналогии с отделением от России Польши.

Организованная на заводе Красная Гвардия обучалась военному строю, стрельбе и, кроме того, несла охрану завода, т. к. сторожа не могли справиться с могущими быть нападениями вооруженных на завод.

Кажется, в ноябре прибыло на вокзал оружие для рабочих, оно было захвачено гайдамаками, и нам пришлось принимать участие по сигналу, данному с Брянского завода, вместе с брянцами и другими в отобрании этого оружия у гайдамаков.

Выступление за Советскую власть в Екатеринославе началось 26-го декабря по ст. ст. В ночь на 26-е отрядом красногвардейцев был забран у гайдамаков броневой автомобиль, привезенный только накануне в город, и отправлен на Брянский завод. На второй день рождества гайдамаки пред'явили Совету ультиматум, обстреляли из артиллерии Брянский завод причем выстрелами разбили барак для военнопленных и убили несколько австрийцев.

Некоторые из тов.: Новак, Корфант, Петровский, Болес, Перет и друг., как ссыльные, жили во дворе Совета. На их долю выпала первая защита Совета от обстрела со стороны почты. Новак пробился на Чечелевку и вместе с нами отправился на Брянский завод. Нас было человек 40. Туда же были созваны и рабочие с прилегающих заводов: Трубного и других. Силы были распределены таким образом, что одни должны были отправиться на защиту Совета, другие сторожили на Горяиново на случай прибытия гайдамаков со стороны Пятихатки. (Ходили слухи, что со стороны Киева идут в Екатеринослав гайдамаки, и надо приготовить Горяиново). Третьи оставались на заводе на случай наступления на завод. В то же время железнодорожники во главе с т. Борисовым, Баглей и Ильченко разгружали ст. Екатеринослав на случай боя с гайдамаками и отправили всех застрявших на станции в поездах, желая этим избежать лишних жертв.

Войцеховича, как знакомого с районом, Районный штаб послал в Каменское для того, чтобы по станциям осмотреть, нет ли где-либо эшелонов гайдамаков и затем чтобы каменчане подготовились на случай прибытия гайдамаков. Гайдамаков нигде по станциям не оказалось. Каменское взяло на себя обязанность не допускать гайдамаков со стороны Киева, и так как опасались того, что не хватит продовольствия в Екатеринославе, пустили пекарню и сейчас же под охраной отправили в Екатеринослав для красногвардейцев две подводы хлеба.

Здание Совета в это время подвергалось обстрелу со стороны почты. Засевшие в Совете товарищи сделали амбразуры в кирпичной стене сада при Совете и обстреливали оттуда почту.

В помощь им двинулись отряды с Брянского завода: один — по Ленинградской улице (из наших в нем был тов. Зиновьев), другой — по Чечелевке и третий — прямо по Проспекту. В это время прибыл на вокзал из Синельниково Московский отряд и также направился в Совет. Почта была обложена со всех сторон и вскоре была взята.

Гайдамаки были бы разбиты и без прихода москвичей, почта все равно была бы взята, но главное значение их прихода было в том, что

без них трудно было бы отобрать артиллерию у гайдамаков, помещавшихся в казармах вверху по Надеждинской. Бронепоезд москвичей вскоре после прихода взял под обстрел казармы, затем казармы были окружены, и гайдамаки сдали артиллерию.

Организация боевых сил. Эвакуация.

Администрация в январе начала значительное сокращение завода и расчет рабочих. Это об'яснялось тем, что надежды администрации уже окончательно рухнули. Учредительное Собрание было разогнано, надежд на дальнейшее производство не было у нее никаких, и поэтому на заводе оставлены были только те рабочие, которые были эвакуированы из Польши. Надо отметить, что за время войны на завод поступила масса спекулянтов, скрывавшихся от воинской повинности. Их было не меньше 300 человек. Они, конечно, ушли сами, т. к. не нуждались уже в заводе.

На заводе осталось человек 300—400, остальные рабочие разбрелись: партийные и примыкавшие — по отрядам и для работы в других организациях, а беспартийные — или устроились на других заводах, или выехали из города.

Красногвардейцы частью еще в ноябре отправились для борьбы в Донецкий бассейн, после расчета же многие остались во вновь формируемых отрядах, а некоторые, как тов. Зиновьев, уехали на Крымский фронт для разоружения возвращающихся с фронта солдат.

Из поляков, главным образом, с нашего завода в январе был организован при польском Комитете польский отряд Красной Гвардии человек в 60. В этот отряд входили и некоторые галичане-военнопленные. Начальником отряда был т. Войцехович. Продуктами снабжал отряд зачастую т. Новак, который был в польском партийном комитете. Он работал на почте. Польскому комитету в это время пришлось заняться всеми беженскими делами и работать по детским домам, доставая для них продукты.

Польский отряд нес довольно большую работу. Как боевому отряду, ему, наряду с первым Коммунистическим отрядом, поручалась охрана Совета. Эту охрану он нес зачастую в 3 смены по 10-ти человек в каждой. Кроме того, ему приходилось принимать участие в борьбе с развившимися в то время грабежами, в частности в разоружении анархистов, поселившихся в доме Бабушкина, в гостиницах „Пальмира“ и „Франция“, в поимке анархиста Букова и т. д.

К концу марта уже выяснилось, что Совет должен эвакуироваться из Екатеринослава. Силы немцев и гайдамаков превосходили наши силы. Наши отряды были недостаточно хорошо обучены. Все же отступали с боем. Польский отряд отступал одним из последних. Когда гайдамаки подходили уже к Екатеринославу, отряд был у моста. На мосту нам загородили дорогу каменчане своим эшелоном, застрявшим на мосту. Едва удалось продвинуть его на Амур. На Амуре нам предложено было пойти в разведку в Каменку, но это было уже совершенно бесполезно, и отряд стал продвигаться далее через Нижнеднепровск на Синельниково. Главную тяжесть боя с гайдамаками в Екатеринославе пришлось принять сборному отряду, в котором преобладали главным образом марипольцы. Их много погибло в этом бою, много было захвачено живыми

и расстреляно. В Синельниково с нашего поезда удрал машинист, и управлять паровозом взялся кто-то из отряда, знакомый с работой на паровозе, не знавший только сигналов. По пути перед нами шел железнодорожный отряд и разгружал станции, снимал телеграфные и телефонные аппараты и т. д. Так, медленно продвигаясь, мы дошли до Таганрога.

В Таганроге отряд влился в полк, который формировал латыш Каска (бывший царский офицер). Он с самого начала заявил всем, что у него в полку должны остаться только смелые и сильные, а малодушные должны уйти. Это об'яснялось тем, что среди многих, бывших в отрядах, была уже паника вследствие быстрого отступления. Каска формировал уже свой полк по всем правилам военного искусства. Все, старше 43 лет, были откомандированы им в обоз, если они не имели специальных знаний.

Каска был энергичный боец и погиб в бою под станцией Никлиновкой. Бой за Никлиновку длился целых три дня. В этом бою шрапнелью Каска был ранен, но боя не оставил, только поехал сделать перевязку и, забинтованный, возвратился обратно. В это время поднялась уже паника. Каска бросился вперед, поднял револьвер и крикнул: „Товарищи, за мной!“, но не мог уже остановить цепи, стремительно бежавшей под напором наступавших, — дорога ему была перерезана. Автомобиль застрял в пахотной земле, шоффер убежал. На автомобиле был захвачен Каска и растерзан. В этом же бою погиб наш товарищ, Козицкий.

В дальнейшем полком имени Каски командовал его ад'ютант. Мы отступили к Ростову, затем к Тихорецкой.

Как вооружались екатеринославские рабочие в дни Октября.

Начало организации Красной Гвардии было положено на Брянском заводе, где было избрано организационное бюро в числе 5 человек. В это бюро вошли: Тихон Бондарев, рабочий, старый большевик, Козловский, Карташев, Рухман и Гонтарь. Этим товарищам было поручено вербовать рабочих в Красную Гвардию, обучать военному делу и вооружать их.

Позднее немного, по примеру Брянского завода, организация Красной Гвардии началась и на других заводах: Шодуар, Ланге, Сириус, Эстампажный, Гантке, вагонные мастерские Екатерининской ж. д. Членами бюро были, кажется, Суслов и Чередниченко. Последний был анархист-террорист. На заводе Гантке первым организатором явился рабочий, столяр Фадеев Я. М.

Первоначально Красная Гвардия количественно была невелика; на Брянском заводе вместе с беспартийными насчитывалось до 100 чел. бойцов, а на других заводах и того меньше. Занятия всюду велись полулегально, так как меньшевики и эс-эры, да и остальные мелко-буржуазные партии категорически возражали против этой организации. Представитель меньшевиков, Нил Сандомирский, бегал по заводам Гантке и Брянскому и всюду агитировал против создания Красной Гвардии, говоря, что Красная Гвардия—гробокопатель русской революции. Рабочие мало обращали внимания на этого „болтуна", как они его звали. „Брюзжи себе, для того ты и существуешь, и тебе это идет, как юристу", так говорили рабочие.

Момент полулегального положения Красной Гвардии скоро сменился легальным, так как Совет Р. и С. Д. вынес постановление о создании повсеместно Красной Гвардии и о вооружении ее. Хотя мы и встретили большое сопротивление со стороны лидеров меньшевиков в лице Вейнгера, Сандомирского и Лейконта, но тем не менее Красная Гвардия росла с каждым днем, в нее вступали даже и рабочие меньшевики, несмотря на протесты их лидеров.

На заводе Гантке ярыми меньшевиками и противникаии Красной Гвардии были Беспалов и Рысин, которые называли нас убийцами. „Вы, большевики—палачи, готовите рабочим могилы", говорили они. Мы им отвечали: „что же вы думаете, что мы, большевики,—толстовцы? Нет, мы, рабочие,—большевики и вооружаем и обучаем своих же рабочих, для того, чтобы защищать с оружием революцию, но не хоронить ее, как вы думаете и делаете, а для этого должна вооружаться не только Красная Гвардия, но и весь рабочий класс".

Посылка в Смольный за оружием для Екатеринослава.

В сентябре месяце был утвержден устав Красной Гвардии в совете Р. и С. Д. Вслед за этим у нас было принято решение послать в Питер, в Смольный, представителя за оружием для екатеринославских

рабочих. Для этой цели были выделены товарищи, в числе них был т. Ройзенман, старый большевик; остальных не помню. Это событие уже описано некоторыми товарищами. Добавлю ко всему лишь следующий эпизод. По прибытии вагоны с оружием оставлены были на ст. Игрень. Тов. Гринбаум, тогдашний председатель Совета, дал распоряжение о том, чтобы передвинуть вагоны в Екатеринослав. О прибытии оружия узнали гайдамаки через своих приверженцев, служащих Екатерининск. жел. дор., которые симпатизировали петлюровцам, и для того, чтобы захватить его в свои руки, они поспешили поставить у вагонов свои караулы.

Начались переговоры, и петлюровцы требовали, чтобы рабочие из прибывшего оружия выделили часть оружия им. Рабочие выдавать оружие не хотели; переговоры затянулись до поздней ночи. Ночью петлюровцы часть пулеметов стащили из вагонов и перевезли к себе в курень.

На утро по всем заводам разнеслась весть о том, что гайдамаки привезенное для рабочих оружие захватили в свой курень. Брянцы послали отряд для охраны вагонов с оружием, но гайдамаки попытались не допустить приехавших брянцев к вагонам. Пока представители вели переговоры, рабочие обступили вагоны, подогнали к ним свой паровоз и начали цеплять к нему вагоны. Подошел гайдамацкий офицер и стал между вагонами и паровозом и заявил, что он прицепки не допустит. Тогда один рабочий Брянского завода, тов. Садовников, схватил офицера за шею и стащил с рельс. Офицер закричал: „добродию, за ружье!", но гайдамаки сдрейфили и не послушали его. Прицепленные вагоны повезли на Брянский завод.

Но только паровоз начал развивать ход, как железнодорожники по стрелке пустили маневровый паровоз и произвели крушение. Несколько вагонов сошло с рельс, а один вагон был разбит. Это крушение расстроило наш план с одной стороны, а с другой окрылило надеждой гайдамаков вырвать из наших рук оружие. Но не тут-то было. Наши не растерялись и, дав знать о происшедшем Брянскому заводу, попросили от комитета подкрепления вооруженными рабочими.

Заводской комитет брянцев дал тревожный гудок. Вслед за ним загудели и все остальные заводы. Рабочие бросились на помощь брянцам на ст. Екатеринослав. Собралось на ст. до 2.000 чел. рабочих, кто с чем, одни с винтовками, другие с лопатами или ломиками и т. д. На помощь пришли и нижнеднепровцы. К моменту прихода нижнеднепровских рабочих брянцы успели поднять свалившиеся с рельс вагоны и поставить их на рельсы, а разбитый вагон с оружием начали перегружать в исправный и под охраной привезли все вагоны на Брянский завод.

Нелишне здесь отметить, как отнеслись к нам солдаты прибывшего из Питера Сердюцкого полка, в это же время принимавшего активное участие в свержении царского ига и посланного Керенским в Екатеринослав для подкрепления Украинской рады.

Во время нашего спора с петлюровцами о том, кто является хозяином прибывшего в Екатеринослав оружия, стоявшие на ст. сердюковцы заявили гайдамакам, что оружие по праву принадлежит рабочим, так как они его привезли и, обратясь к рабочим, сказали: „Забирайте оружие к себе".

Когда я с тов. Черноусовым по тревожным гудкам прибыли на станцию из Совета, то вагоны были уже подняты, прицеплены к паровозу, и паровоз их вел на Брянский завод, в боевой штаб рабочих.

Вот как пролетариат Екатеринослава подготовлялся к рождественскому бою. Брянский завод на Екатеринославщине явился первой школой Красной Гвардии, арсеналом оружия для вооружения рабочих и оплотом революции. Ему подражали все заводы Екатеринославщины в деле организации Красной Гвардии, ставшей оплотом и защитником рабочего класса в борьбе за право и освобождение трудящихся от их угнетателей.

С. Кошелев.

Разоружение белых казаков и бои с немцами.

(Из истории екатеринославской Красной Гвардии).

Нами был организован в Екатеринославской волости Ревком в составе Барабаша (председ.), тов. Куприя Кирилла (повешены белыми) и меня. Ревком приступил к организации вооруженных отрядов для посылки екатеринославским рабочим на помощь, с целью быстрейшей ликвидации остатков петлюровских банд, оперировавших в Верхнеднепровском и Новомосковском уездах. Окрестные села—Новоселовка, Елизаветской волости, Поповобаловка—дали Екатеринославу 60 вооруженных красногвардейцев, часть из них была на своих лошадях; командиром этого отряда был избран я. Прибыли мы с отрядом как раз в то время, когда Революционный Штаб готовился дать отпор возвращавшимся с фронта донским казакам, в количестве 6 эшелонов; целью казаков было соединиться с Калединым. В тот же вечер отряд наш был влит в сводный отряд под общим командованием тов. Силина. Погрузившись на Екатеринославском вокзале, мы поехали к Брянскому заводу для получения оружия. На второй день мы погрузились в эшелон и были направлены против казаков; перед нашим отправлением к казакам была выслана делегация, во главе с тов. Ильченко, который по возвращении обратно, сообщил нам, что среди казаков много офицеров, которые с представителями рабочего класса разговаривать не хотят и даже некоторых наших депутатов избили. Он сообщил также и то, что те же казаки зверски расстреляли красногвардейцев, находящихся на ст. Запорожье (каменских рабочих). Красногвардейцы, получив такие сведения, просили скорейшей отправки на фронт для расплаты с казаками за своих товарищей. Тотчас Революционный Штаб все имевшиеся силы направил против казаков. По приезде наших эшелонов на ст. Верхнеднепровск нашим командованием было разрешено взять лошадей для произведения глубокой разведки, из которой выяснилось, что один из казацких эшелонов сдался, после чего был пропущен нами через Екатеринослав на Дон. Остальная же часть казаков выгрузилась на ст. Верховцево и направились пешим порядком на г. Верхнеднепровск. Туда быстрым темпом двинулись наши красногвардейские отряды для преследования их. Казаки, увидав перед собой огромную силу, в панике переправилась через Днепр, потеряв часть своего имущества, продукты и кое-какое снаряжение. При выходе из Верхнеднепровска у нас завязалась перестрелка с кучкой гайдамаков-бандитов, и одновременно мы узнали от Екатеринославского Революционного Штаба о том, что казаки, которые переправились через Днепр, направились через Паньковку и Петриковку на Новомосковск. Одновременно Революционным Штабом приказывалось немедленно начать преследование.

Наши отряды направились черз Павлоград с таким расчетом, чтобы перерезать дорогу отступающим казакам, но они повернули к ст. Гри-

шино, мы погрузились в эшелоны. Один эшелон был из Харькова прислан тов. Антоновым-Овсеенковым. Нам было отдано распоряжение потушить огонь в вагонах и не разговаривать. Помню как мы приехали на Межевую часа в 3 ночи, но оказалось, что казаки за час перед нашим приездом проехали через Межевую и нашей кавалерии удалось только частично пощипать удиравших на Мариуполь казаков.

На немцев, гайдамаков и юнкеров.

По распоряжению Екатеринославского Революционного Штаба наш отряд был отозван в Екатеринослав с целью переформирования в мощную единицу для направления на фронт против гайдамаков и немцев в район ст. Цыбулевка, Фундуклеевка и Бобринская. При реорганизации отряда начальником его был назначен я, заместителем—тов. Погорелый, начальником кавалерии—тов. Демченко, командирами рот—тт. Бондаренко и Кремень П. Красногвардейцы были воодушевлены и рвались в бой с гайдамаками. Наш эшелон был экстренный и утром следующего дня мы были на Знаменке. Здесь в железнодорожном Ревкоме дополучили оружие и двинулись дальше на ст. Хировку. По прибытии на ст. Фундуклеевку мы попали под общее командование тов. Третьякова. Ночь прошла спокойно. В штабе имелись сведения о том, что гайдамаки группируются в районе Каменка-Райгород. Утром получились сведения, что в Елисаветграде юнкера подняли восстание, что создало для нас положение неважное, так как противник мог каждую минуту отрезать хировскую ветку и мы могли бы очутиться в тылу наших врагов. Приблизительно в 10 час. утра к нам прибыла небезызвестная Маруся Никифорова на подкрепление из города Александровска. Около 11 часов утра гайдамаки начали обстреливать артиллерийским огнем наши укрепления, возле моста в районе Фундуклеевки, где находилась наша артиллерия. По распоряжению тов. Третьякова, нам было приказано отступать в то время, когда наши силы по данным разведки почти в два раза количеством превосходили силы противника. Было созвано немедленно военное собрание командного состава, и тов. Третьяков от должности командующего был отстранен. Военным совещанием командование было возложено на меня. Это в то время, когда уже раздробленные эшелоны отходили. Оставив Екатеринославский эшелон последним, как заградительный, предварительно расстреляв на ст. Фундуклеевка всех захваченных гайдамацких шпионов, мы отправились по направлению ст. Цыбулевка, откуда двинулись дальше на Хировку. В это время шел бой под Елисаветградом с юнкерами, в боях участвовал эшелон Беленкевича и Маруси Никифоровой и отряд каменчан во главе с Беспаловым, Лихованowым, припоминаю и Харитонова. Эшелоны эти вечером отошли с тяжелыми потерями, оставив в руках юнкеров, кажется, два орудия и много пленных.

Гайдамаки развивали свое наступление со стороны Цыбулевка, обстреливая артиллерийским огнем ст. Хировку, где находились наши красногвардейские отряды. На Хировке началась паника, но, благодаря геройству первого Екатеринославского отряда, она была ликвидирована. В составе потрепанных отрядов, бывших в бою под Елисаветградом, плюс два вышеуказанных отряда, мы перешли в контр-наступление. Наша артиллерия открыла ураганный огонь по гайдамацкой артиллерии,

которая была установлена на платформах вагона. Метким огнем было сбито одно орудие с платформы и тем самым у гайдамаков создалась паника, и они отступили в ближайший лес.

После этого нашим отрядом было получено распоряжение прибыть в Екатеринослав. Дела на фронте я сдал, помню, матросу, вернувшемуся из плена из Елисаветграда и сейчас же со своим отрядом мы двинулись в Екатеринослав.

Первый Екатеринославский полк Красной армии.

По прибытии нас поселили против Озерного базара, где была приготовлена казарма для первого Екатеринославского Социалистического полка, который формировался на основании декрета об организации Красной армии от 23/II—1918 г. Существование красногвардейских отрядов закончилось, и начали организовываться полки Красной армии, один из которых и был организован в Екатеринославе тов. Кавериным. В первый Екатеринославский полк Красной армии я был назначен помощником командира полка и, по распоряжению Революционного Штаба, с большей частью этого полка был выделен для отправки на фронт против немцев, в распоряжение командующего армией тов. Егорова, штаб которого находился на ст. Пятихатки. В штабе т. Егорова наш отряд получил задание направиться на ст. Долинскую, Куцевку для сражения с немецкой дивизией, которая наступала со ст. Сахарной. Со станции Пятихатки мы выехали поздним вечером, утром стояли на ст. Кривой-Рог; во время стоянки предатели меньшевики и петлюровцы агитировали среди красноармейцев, говоря „куда вы идете, вы—безумцы, вас большевики обманули. Против вас наступают немецкие и баварские корпуса, которые при взятии в плен расстреливают всех без исключения красноармейцев и т. д.“. Однако, все их попытки разложить красноармейскую часть остались безрезультатными: красноармейцы попрежнему рвались в бой и просили скорейшей отправки на фронт. В Кривом-Рогу была произведена реквизиция: для лошадей — фуража, для людей—продовольствия, для артиллерии—хомутов, после чего мы сейчас же отправились по месту своего назначения. На ст. Долинской к нам примкнул бронепульман с 18 пулеметами, и мы доехали с ним до ст. Куцевка, где начали готовиться к бою.

В 8 часов утра нашей артиллерией с бронеплощадки открыт был ураганный огонь. Немцы открыли ответный огонь, после чего наступило маленькое затишье. В 9 часов был перехвачен нами разговор начальника немецкой дивизии с командиром артиллерийского дивизиона; разговор заключался в следующем: „вчера рассеянная банда большевиков вновь сгруппировалась на ст. Куцевка и, как передают, получила большое подкрепление с восточной стороны, сильную банду Лантуха“. Вскоре немцы начали наступать; с левой стороны показалась большая колонна, которая стала развивать наступление на расположение наших частей, через полчаса такая же колонна немцев показалась и с правой стороны. Наши части перешли в контр-наступление. Правофланговая немецкая колонна не выдержала напора наших частей и начала отступать с заметными потерями. Положение фронта было для нас, как-будто, успешное, но здесь не обошлось без приключений: появился какой-то командующий фронтом, бывший поручик Смирнов, который предложил нам

отойти, чтоб продвинуть вперед его эшелон, но он задержался, отчего получилась каша из всех эшелонов и создалась в наших рядах паника, перешедшая в беспорядочное отступление. С нашей стороны было много раненых и убитых. Дальше сражаться мы были не в состоянии и отправились в Екатеринослав для пополнения части. В Екатеринославе была смута, по столбам были расклеены воззвания с призывом к рабочим выступить дружно против наступающих немцев и гайдамаков. В это время в Екатеринославе находился штаб командующего т. Венидиктова и Гусарского, в распоряжение которых перешел весь Екатеринославский гарнизон и от которых мы получили распоряжение остаться на месте для защиты Екатеринослава. В последних числах марта город эвакуировался; части же продолжали оставаться в городе, штаб полка был непосредственно связан с начальником штаба т. Авериным и председателем Губревкома тов. Квирингом. 3-го апреля, под вечер, к нашим казармам доносился орудийный и пулеметный грохот; мы были готовы; видно было, как в тот момент ликовала буржуазия Екатеринослава, ожидая немцев; организация георгиевских кавалеров кое-где бродила по городу и за городом, занимая посты. Вечером телефонная связь со штабом оказалась прерванной, положение неясно, только слышна стрельба по городу, в особенности в районе Брянского завода. По донесению нашей разведки, на ст. Горяиново шел бой с немцами. Первому Екатеринославскому полку было отдано распоряжение отступать из Екатеринослава через мост. При прохождении проспекта в городе начало темнеть; с Управской улицы из окон стреляли по красноармейцам. Так первый Екатеринославский полк Красной армии оставил то место, где он зародился. Ночью мы уже были в Нижнеднепровске, здесь я встретился в вагонах с тов. Авериным, Квирингом, Кавериным, Гопнер, которые уже были готовы к отправке в путь с эвакуированными поездами. Я распрощался с ними, так как они уезжали в район Синельниково, а я остался с полком в распоряжении командующего армии.

На ст. Чаплино мы сгруппировались в полк, который насчитывал 1000 штыков и 200 сабель, был снабжен пулеметами и артиллерийскими орудиями и был направлен в бой на ст. Илларионово против наступающих немцев. По приезде на ст. Синельниково мы получили задание руководить боеучастком в районе Илларионово. В состав боеучастка входили части: Кременчугская часть, Новомосковский отряд и отряд китайцев. Мы уже приготовились к бою, когда со стороны немцев начался обстрел нашей бронеплощадки. Снарядом был убит один из наших командиров, появились два немецких аэроплана, державших направление на ст. Синельниково и одновременно немецкая пехота повела наступление. Наши части отстреливались, с правой стороны немцы не выдержали натиска нескольких рот Красной армии и начали отходить к реке Самаре, где мост был взорван нашими отступающими частями. Но, благодаря плохой связи, немцы с левой стороны нас глубоко обошли в тыл, благодаря чему у нас создалась паника и пришлось отступать с боем в район ст. Раздор.

По распоряжению командующего мы были направлены для пополнения в Ростов.

Лантух.

Воспоминания о Красной Гвардии.

После разгрома нашей организации в начале войны, а затем в июле 1905 г., мы сумели сорганизоваться только глубокою осенью 1915 г.; ранее всем попыткам мешали шпики, буквально по пятам ходившие за всеми оставшимися на свободе членами партии и не дававшие никакой иозможности нигде собраться. Это обстоятельство поставило перед нашим Брянским коллективом вопрос об организации боевой дружины. Инициатором был т. Бондарев, который рассказывал нам, как такая же боевая дружина справлялась и со шпиками и с полицией в Луганске, когда он там работал. На собрании коллектива на Орловской улице в квартире тов. Переславского было принято постановление боевую дружину организовать и избрать в ядро этой дружины нескольких товарищей, тайным голосованием из-за боязни провала.

Первое собрание боевой дружины было на Железнодорожной улице, на нем присутствовала группа избранных товарищей—Бондарев, Лагутенко, Дербасов, Гонтарь, Лукашенко. Тов. Бондарев выяснил перед дружиной ее задачи и распределил обязанности. Оружие мы приобрели частью за свой счет, частью за партийные средства, всего 7 револьверов. Бондарев достал где-то 3 бомбы и несколько кусков динамита, для патрулей приобрели ракеты.

В подполье дружина обслуживала только массовки и собрания в квартирах в целях предупреждения провалов, а также, чтобы пугать шпиков.

Как только получены были сведения о февральской революции и начались митинги по заводам, боевая дружина собралась для того, чтобы определить, какие задачи ей предстоят в новых условиях. Решено было деятельность дружины не свертывать, а втягивать в нее новых членов и вооружаться.

Скоро в число дружинников вошли рабочие рельсового цеха: Кузуб, Калюжный, Файков, Захар, (Губин), Никольский, Бобырикин, Черный, Платон и проч. из других отделов завода. Число дружинников росло, и скоро она представляла значительную боевую силу.

На одном из собраний дружины тов. Бондарев доложил нам, что Совет предложил дружинникам созвать общее собрание отряда и влиться в ряды милиции. Нам, сказал он, как членам партии большевиков, нет смысла вступать в милицию, ибо последняя составлена из элементов, резко отличающихся по своим взглядам от большевиков-дружинников, а наша цель подбирать самых стойких людей и вести всю нашу дальнейшую работу под флагом большевистской партии. Собрание согласилось с мнением т. Бондарева, предложение Совета было отвергнуто. Постановили усилить работу и вовлечь в боевую дружину по возможности всех членов большевистской организации, не считаясь с тем, что часть из них была новыми людьми в партии.

В конце апреля Комитет большевиков постановил переименовать боевую дружину в Красную Гвардию. Усилили агитацию среди рабочих

ГРУППА АКТИВНЫХ РАБОТНИКОВ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

ВОЙЦЕХОВИЧ

БОНДАРЕВ

ГОНТАРЬ

АЛИЛУЕВ

ПОТАПОВ

РУХЛИН

САМСОНОВ

КАРТАШОВ

и число красногвардейцев быстро стало расти. Для зачисления в новую организацию требовалась рекомендация парткомов или отдельных членов партии большевиков.

В конце мая состоялось первое общее собрание Красной Гвардии. Избрали Исполнительный Комитет, поручили ему разработать устав и озаботиться, при посредстве Совета Р. и С. Депутатов, о приобретении оружия. В начале июня месяца в саду „Сокольники“, под председательством тов. Карташева, состоялось второе собрание красногвардейцев; присутствовало до 200 чел. Тов. Бондарев сделал доклад „об организации красной гвардии и ее задачах“. Собрание одобрило предложенный ему устав [1]) и решило передать таковой на утверждение в Совет Р. и С. Деп. и избрало десятских и двух сотских. Пленум Совета отнесся несочувственно, как к уставу, так и к самому факту существования Красной Гвардии. Комитет большевиков постановил взять дальнейшую организацию полностью на свою ответственность. Работа продолжалась. Отсутствовали деньги и оружие. Для увеличения средств ввели вступительный взнос — один рубль с человека (указанное положение узаконялось особым § устава). Приобретение оружия было поручено тов. Бондареву, который и повел соответствующие переговоры с заведывающим „общественной безопасностью“ т. Шаляхиным. Последний обещал выдать старые революверы. Тт. Гонтарь и Козловский отправились за оружием к начальнику милиции тов. Кеселю. Склад оружия находился в доме на углу Проспекта и Харьковской ул. Здесь нас встретил т. Шаляхин и показал нам целый ярус негодных „бульдожек“ и „смитов“. Мы отобрали десятка полтора револьверов, получили десятка два винтовок. Это были „берданки“ французского образца, с медными пулями. Все „оружие“ исправил т. Кожухин, живший в Кайдаках по Широкой ул. Красная Гвардия разбивалось на десятки и сотни, с выборными во главе.

Обучение красногвардейцев происходило в саду „Сокольники“. Руководил таковым т. Самсонов. Занятия начинались в 4 часа дня, а по воскресеньем—днем в 11 ч. утра. Дела Красной Гвардии настолько успешно шли, что на заседании Чечелевского комитета большевиков решено было подыскать для штаба и арсенала отдельное помещение.

На 2-й Чечелевке, между Орловской и Бойкой улицами, рядом с парком, руководившим гвардией, было нанято помещение. Штаб-квартира охранялась днем и ночью. Хотя красногвардейцы для дежурств не освобождались от работы, но все же все свободные охотно несли эти обязанности. В Красную Гвардию влилось много солдат, вернувшихся с фронта; дисциплина и порядок в наших рядах были образцовыми. Недостаток оружия тоже постепенно пополнялся. Обучение военному строю также проходило успешно. Основную нашу заботу составляла необходимость отмежевываться от других отрядов, которые были организованы анархистами и производили самовольные реквизиции. Например, анархист Буков набрал отряд и поехал ночью на 3-ю Чечелевку будто бы искать оружия, а на самом деле занялся незаконными реквизициями. Поведение этих дружин приняло угрожающий характер. К тому же сильно развилось самогоноварение. Начались грабежи. Перед партией и заводским комитетом стал вопрос об охране складов, магазинов и кооперативов, снабжающих рабочих продуктами. Милиция была слаба

[1]) См. в конце статьи.

и не могла удовлетворительно выполнять возложенные на нее обязанности. Партком постановил передать охрану рабочего кооператива на 2-й Чечелевке, пекарни № 3, склада муки в районе Мостового цеха и обувной фабрике — красногвардейцам. Несшие охрану красногвардейцы оплачивались заводом, как работающие.

В других районах города организация Красной Гвардии подвигалась слабо. В городе отряд красногвардейцев состоял из 13—15 чел., в том числе 3 женщин. Организовали отряд тт. Василюк и Хейфец. Для установления связи с нашим штабом были посланы я и Козловский. На заседание городского парткома совместно с организаторами Красной Гвардии решено было созвать общегородскую конференцию, об'единить все отряды и избрать городской штаб. Незначительное ядро Красной Гвардии было на проволочно-гвоздильном заводе, б. Фрумкина, ныне имени Воронцова. Организатором считался тов. Лапшин. Здесь всего записалось 4 человека. По нашему предложению этот отряд примкнул к Чечелевскому штабу.

Предполагавшаяся общегородская конференция не состоялась. Созвали представителей от всех штабов. От Брянского района были: тт. Гонтарь и Козловский, от городского: Василюк и Хейфец, от зав. Фрумкина—Лапшин и с Амур-Нижнеднепровска — т. Потапов. На этом совещании была избрана пятерка, в которую вошли тт. Бондарев, Гонтарь, Василюк, Козловский и Потапенко. Пятерке была поручена дальнейшая организация Красной Гвардии на всех заводах, под общим руководством парткомов. Спустя несколько времени после избрания пятерки в штаб явились три представителя от анархистов-синдикалистов и из'явили желания слиться с нашим отрядом. На наши указания, что чечелевские анархисты — Буков, Сорокин и Шамкий — занимаются грабежами и, следовательно, не могут быть принятыми в ряды Красной Гвардии, прибывшие представители заявили, что названные чечелевские анархисты не входят в их федерацию. Представленные списки подтвердили правильность этого заявления. От имени всей федерации представители анархистов соглашались принять безоговорочно наш устав и выполнять все приказы и решения штаба. Решено было влить этот отряд в ряды Красной Гвардии и дать им место в штабе. На общем собрании своего отряда анархисты выделили представителя, фамилию которого не помню, и он явился с протоколом собрания в главный штаб.

Таким образом, силы Красной Гвардии росли как количественно, так и качественно. Особенно быстро стали заполняться ряды отрядов после Корниловского восстания. На общезаводском митинге Брянского завода было решено производить запись красногвардейцев по цехам и списки через заводской комитет пересылать в штаб, в котором так же, как и в парткоме, производилась своя запись.

В связи с корниловщиной организовался комитет „Спасения Революции". Помимо этого, большевистской фракцией при Совете Р. и С. Депут. было создано особое военное бюро, в которое вошли два представителя т. Куриленко — от полковых комитетов и тов. Бондарев — от Красной Гвардии. Заместителем т. Бондарева был послан тов. Гонтарь. Комитет Спасения Революции в первую очередь взял на учет все оружие. В магазине Ефанова конфисковали все патроны и карабины. Произведен был ряд обысков у бывших полковников и обнаружено много оружия. При помощи агитации мы забрали лишнее оружие в военных

складах. Большинство винтовок требовало ремонта. Все неисправное было направлено Чечелевскому штабу для починки.

Как уже выше упоминалось, Красная Гвардия на Чечелевке выделялась по своей дисциплине и установленному порядку. В силу этого ей поручили и охрану при Комитете „Спасения Революции". Вообще, надо сказать, что среди населения города популярность Красной Гвардии была большая. Городские власти во всех трудных случаях обращались за содействием в штаб Красной Гвардии. Например, на 1-й Чечелевке бандиты вырезали семью Романовского, часового мастера. Отряд красногвардейцев совместно с агентами губрозыска в ту же ночь задержал брата известного бандита Белошапки. Однажды сторонники атамана Белошапки в $3^1/_2$ часа дня напали на губ. тюрьму с целью освободить арестованного. Прибывший отряд красногвардейцев рассеял хулиганов. Также была уничтожена шайка Чайки, оперировавшая в Чечелевском районе. В городе стало сравнительно спокойно. Открыто бандиты не выступали, зато начали производить обыски и реквизиции под видом красногвардейцев. Решено было ввести из тонкой медной жести особые значки и снабдить ими красногвардейцев. Одна из мастерских приготовила около 1200 значков под наблюдением представителя от городского штаба. Все население было предупреждено, что красногвардейцы снабжены значками.

Несмотря на большую роль, которую играла Красная Гвардия в деле охраны города, ее материальное положение было плохое. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов попрежнему относился недоброжелательно к нашей боевой организации. Только после избрания в председатели Совета т. Гринбаума мы получили возможность при поддержке Совета увеличивать наши средства путем кинопостановок.

После Октябрьского переворота роль и значение Красной Гвардии еще больше увеличились. Завоевания Октября приходилось защищать вооруженной силой. На одном из заседаний военно-революционного комитета, на котором присутствовал Горобец, произошел раскол. Центральная Рада запретила вывозить в Донбасс хлеб. Представители Красной Гвардии считали такую меру, направленную против рабочих, контр-революционной и требовали ее отмены. Капитан полка имени Орлика, Орлов, заявил, что его полк подчиняется распоряжениям Центральной Рады. Он указывал, что красногвардейцы должны быть у станка и не должны вмешиваться в военные дела. Председатель полкового комитета Сердюцкого полка т. Семенов (большевик), возражая Орлову, сказал, что он, как председатель полкового комитета, не может допустить, чтобы его полк шел по линии контр-революционной рады. Кто не хочет подчиняться местному Совету, может отсюда уходить. Поднялся шум. Орлов и Горобец сорвали заседание. Военное бюро после этого прекратило свое существование. С собрания все сторонники большевистской тактики отправились к тов. Гринбауму. Были созваны представители всех штабов Красной Гвардии и избран губернский штаб, который постоянно находился при Совете, в доме б. губернатора.

Отношения между „вильным казачеством", ставшим на сторону Центральной Рады, и Красной Гвардией стали натянутыми. Сердюцкий полк, представители которого, тт. Куриленко и Семенов, входили в губ. штаб, был нейтральным. Еще летом начали организовываться гайдамацкие курени. Зажиточное крестьянство охотно вступало в ряды

1918 г.

Первые три месяца Советской власти на Екатеринославщине.

Организация власти и боевых сил.

Укрепляя город, Совету приходилось думать и об организации губернской власти. Еще в августе при Совете было организовано губернское Бюро Советов, которое фактически было одним из отделов городского Совета, ведших работу и в селе. Это Бюро за время своего существования много раз изменялось и пополнялось. После завоевания власти на заседании Бюро был поставлен вопрос о с'езде Советов. Большинство, не возражая в принципе против с'езда, считало невозможным созыв его в виду того, что в горно-заводском районе, главным образом в Юзовке, идут бои. Решено было действовать в контакте с местным Советом и проводить в жизнь решения, которые были приняты на пленуме. Меньшевики заявили, что если Бюро признает власть Советов, то они выйдут из исполнительных органов, оставаясь в Совете. Это Бюро, работая в контакте с Президиумом Екатеринославского Совета, занялось организацией Губернского селянского с'езда. Это было необходимо потому, что наряду с этим Губернской Украинской Радой созывался свой украинский селянский с'езд, на котором украинцы надеялись организовать селянский фронт против Советской власти.

Губернское Бюро Советов со времени селянского с'езда, им созванного, могло уже организовывать Советскую власть и по губернии, и созывать уездные с'езды для организации уездных Советов.

Мир, заключенный Украинской Центральной Радой 9-го февраля, по которому Германия обязывалась помочь Раде очистить Украину от „большевистской банды“ и восстановить порядок, поставил в порядок дня Совета вопрос об организации обороны. На Пленуме Совета с Завкомами и Профсоюзами этот вопрос обсуждался 25 февраля. Предложенная большевиками резолюция организации отпора иностранным и внутренним контр-революционерам была поддержана левыми эс-эрами. Екатеринославский Совет, как и в других местах, начал формировать Красную армию. Приказами по полкам было об'явлено всем солдатам, что те, кто хочет остаться в Красной армии, должен заявить об этом, всех же остальных предлагалось распустить по домам. Сформированные отряды должны были быть отправлены немедленно на фронт.

На общем собрании рабочих Брянского завода от 1-го марта по вопросу о текущем моменте постановлено: 1) приветствовать революционный петроградский пролетариат и гарнизон в их стойкой борьбе против нового похода на русскую революцию германского и международного капитализма. 2) Немедленно создать при Революционном штабе Брянского завода вербовочный пункт для записи добровольцев в ряды рабоче-крестьянской Красной армии. Предложить всем т. т. рабочим и крестьянам встать, как один, на защиту завоеваний русской революции.

2-го марта Уездное Бюро Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов Екатеринославского уезда предложило всем волостным Советам приступить к организации боевых дружин, кои направлять в распоряжение Революционного Комитета.

Президиум Екатеринославского Совета предложил и всем социалистическим партиям организовать боевые отряды против немцев.

Эс-эры и меньшевики, конечно, соблюли и в этом отношении нейтралитет. Рабочие же с заводов записывались довольно охотно. На нашем заводе [1]) в период от 6 до 10 марта отправлено было на фронт 2000 человек. Совет Народного Хозяйства предписал оставить за ними среднюю заработную плату на время нахождения их в армии.

В марте Екатеринослав сделался временно Всеукраинским центром. К нам приехал Народный Секретариат Украины и провел Всеукраинский С'езд Советов. 21—Секретариат выехал в Ростов.

Немцы приближались. В последние дни мобилизационная Комиссия при Совете Рабочих депутатов, на основании постановления Совета от 9 марта, об'явила мобилизацию всех незанимающихся наемным трудом (буржуазии) для рытья окопов.

29 марта Совет, нуждавшийся в деньгах для расплаты с рабочими, для содержания Красной армии и для эвакуации, обложил екатеринославскую крупную буржуазию налогом в 5 миллионов рублей.

Насколько я помню, была взыскана только часть этих денег.

Мобилизация буржуазии никакой пользы нам не принесла—она была только демонстрацией перед рабочими. Торговцы и все, кто имел деньги, зачастую уходили с работы, а многие откупались у отдельных лиц, следивших за проведением мобилизации.

Деятельность партии.

Период подготовки к Октябрю потребовал от Екатеринославской организации очень много сил для борьбы со всякими мелкобуржуазными группировками (как меньшевики и эс-эры) и сторонниками Украинской Рады, при одновременном ведении борьбы с буржуазией, но после захвата власти, в январе 1918 г., на большевистскую организацию свалились почти непосильные задачи. Промышленность была в развале, хозяева фабрик и заводов, высшая администрация их во многих местах бросили совершенно работать; одновременно с ними саботировала почти вся интеллигенция, выносившая на своих собраниях резолюции протеста против разгона Учредительного Собрания и пытавшаяся своим саботажем поставить Советскую власть в положение полного бессилия. Меньшевики и эс-эры также, как говорили они, не желая разделять ответственности за „эксперименты социализации", не только не помогали наладить дело, но усилили свои нападения на Советскую власть, на нашу организацию, обвиняя ее в своей газете „Борьба" во всей царившей в Екатеринославе разрухе. Естественно, что организация бросила все свои силы (в то время не особенно многочисленные) на работу по налаживанию хозяйства, борьбу с бандитизмом, организацию боевых сил. Опытных работников у нас не было, ряды наши заполнялись по преимуществу рабочими; подпольщиков, имевших богатый опыт по борьбе с самодержавием, было тоже немного. Организация вышла из

[1]) Брянском.

этого положения с победой только потому, что рабочие своим классовым чутьем угадывали, кто является истинным выразителем интересов рабочего класса, и шли за нашей организацией.

К сожалению, в нашем распоряжении имеется очень мало материалов о партийной работе того времени, а по некоторым районам, как, например, Амур-Нижнеднепровску, их совсем нет. Ограничимся поэтому наиболее характерными моментами из деятельности нашей организации.

13-го января в помещении Научного О-ва на общем собрании членов партии после доклада тов. Гопнер и выступлений т. т. Аверина и Мирона Жуковского была принята резолюция:

1) Созыв учредительного собрания, выборы которого происходили в октябре 1917 года, исключает возможность правильного выражения воли революционного народа.

2) Большинство учредительного собрания выступило против Советской власти и тем самым оно выступило против воли рабочих, солдат и крестьян, выраженной Советами.

3) В таких условиях лозунг—„вся власть учредительному собранию“—стал лозунгом борьбы с Советами, за власть кадетов, право-эс-эровского блока.

4) Разрешение вопроса, поставленного революцией в интересах трудящихся, требует ряда быстрых, твердых и решительных мер во всех областях жизни, каковые может провести только Совет, как власть.

5) Исходя из этого, приветствуем и обещаем полную поддержку национальному конвенту, составленному из центрального исполнительного комитета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и революционной части учредительного собрания. К поддержке его мы призываем всех рабочих, солдат и крестьян.

Сознавая, что задачей пролетариата в настоящем положении является уничтожение остатка российского феодализма, экономического господства класса капиталистов, общее собрание считает необходимым в первую голову настаивать на немедленном осуществлении всех декретов Совета Народных Комиссаров в области борьбы с экономической разрухой и регулирования промышленности, для чего предлагает:

1) Немедленное осуществление государственного регулирования промышленности через экономические советы и рабочий контроль над производством.

2) Проведение в жизнь декрета о земле является насущнейшей задачей момента в целях освобождения деревни от всяких контр-революционных выступлений.

3) До тех пор, пока резервная армия безработных служит орудием против революции в руках господствующего класса, нельзя быть уверенным в завтрашнем дне, почему мы настаиваем на немедленном осуществлении декрета о страховании, о немедленной постановке на очередь во всей его широте вопроса о борьбе с безработицей.

4) Борьба с контр-революцией должна вестись на двух фронтах: каледино-буржуазно-украинском и борьба с обращенными к Каледину элементами.

5) Считая, что задачи, стоящие перед нашей партией и революционным пролетариатом, при преступном саботаже интеллигенции, не желающей своими знаниями служить пролетариату, огромны и сложны, общее собрание, обращаясь ко всем рабочим, солдатам и бедным

крестьянам, призывает их к мобилизации всех сил. Только широкая самодеятельность рабочих и всех трудящихся даст победу над саботажниками, над капиталистами, победу рабоче-крестьянской революции.

6) Развал в рабочей среде явился бы большой угрозой завоеваниям революции, тормозящей революционное творчество, почему общее собрание призывает всех рабочих к революционной дисциплине, к революционному порядку.

Эта резолюция была положена в основу работы наших фракций в Совете и в союзах. Совет целиком присоединился к ней на своем пленарном заседании, и она, таким образом, явилась исходной и для Советской деятельности.

В районе Кайдак и Чечелевки, где были уже организованы отдельные комитеты, из-за отвлечения сил на другие фронты также несколько ослабела агитационная и пропагандистская работа. Кайдакский Комитет на своем заседании 31-го января определил, что задачей Комитета является установление самой тесной связи с рабочими и распространение влияния партии на весь не только рабочий, но и прилегающий крестьянский район, установление, как теперь говорят, смычки между рабочим и его союзником—крестьянином. Для этого Комитет признал необходимым: организовать клуб и при нем библиотеку с соответствующим подбором литературы, устраивать лекции и разумные развлечения как в рабочем, так и в крестьянских районах. Большое внимание было обращено на работу среди женщин, на привлечение их к созидательной работе. Для создания кадра работников-пропагандистов решено было организовать агитационно-пропагандистские курсы.

8-го февраля Чечелевский район по докладу тов. Аверина принял резолюцию, которая наметила почти те же задачи, что и на Кайдаках. Так как рабочая тройка Комитета была сильно перегружена работой (в Комитете работали Шейнин-старший, Шейнин-младший и Амосов), Комитет был переизбран. В новый Комитет вошли тт. Войцехович, Чистяков, Недриг, Шейнин М., Амосов, Михелев, Казьмин, Щелканов и Морозов. На организационном собрании Комитет выделил председателем Амосова, секретарями — Чистякова и Михалева, представителями в общегородской Комитет: Войцеховича и Недрита; Амосову и Морозову предложено было привести в порядок все комитетские дела и дать отчет на Трубном и Брянском заводах; тов. Михалеву и Недрит — организовать библиотеку и заняться культурно-просветительной работой, как: постановка лекций, концертов и. т. д.

3-го февраля в театре „Модерн“ было общегородское собрание для обсуждения вопросов: 1) текущий момент, 2) выборы на Областной С'езд, 3) довыборы Общегородского Комитета и 4) о самоохране. Собрание было очень многолюдное.

Тов. Гопнер, докладчик по текущему моменту, обрисовав обстановку на Западе, подчеркнула, что равивающееся там движение носит ярко-политический характер, что в Германии и Австро-Венгрии организовались Советы Рабочих Депутатов, что борьба там, судя по началу, пойдет тем же путем, что и в России, что победа скоро будет на стороне трудящихся. Революция, говорила она, носит социалистический характер, и скоро мы будем иметь международный Совет Рабочих Депутатов. В содокладе тов. Эпштейн, дополняя докладчика, остановился, главным образом, на вопросе о необходимости организовать

Красную Социалистическую Армию и обрисовал задачи, которые она должна преследовать. Оживленные прения закончились приветствием начавшемуся восстанию европейского пролетариата, знаменующему собой начало мировой социальной революции, Советам Рабочих Депутатов и бесстрашному борцу за Интернационал — Карлу Либкнехту.

Учитывая всю трудность борьбы русского пролетариата с русской и международной буржуазией, которая вооруженной рукой пытается разбить русскую и международную революцию, общее собрание признало необходимым организацию Красной Армии на добровольных началах.

На Областной С'езд были избраны т. т. Квиринг и Эпштейн; в Общегородской Комитет — Амосов, Аборин, Равич-Черкасский, Фишкин, Захареев и Колюбаев.

Связь с селом и районом в смысле организации там партийных ячеек и руководства ими наладить, до отступления 4-го апреля, не удалось. Однако, во многих местах такие ячейки были организованы. Такая крестьянская организация была создана в местечке Петриковке под руководством тов. Афанасьева в конце января. 15-го февраля организовалась группа среди железнодорожников в г. Никополе, связавшаяся с Екатеринославским Комитетом. В Комитет были избраны тт. Богданов, Пастухов, Федоров, Кочеров, Куксин и Гребенюк. Собравшиеся обложили себя 8-рубл. взносами и приступили к организации Красной гвардии.

Такие же, менее оформленные, организации создавались и в других городах и сельских районах иногда по собственному почину, связываясь затем с Екатеринославским Комитетом.

20-го февраля Бюро общегородского Комитета признало необходимым, путем анкеты, выяснить количество членов в каждой деревенской организации в Екатеринославской губернии, чтобы установить размеры организации и наладить снабжение литературой, но наступление немцев сорвало эту работу.

Брестский мир.

Наиболее острым вопросом, по которому в организации было два мнения, был вопрос о Брестском мире. Кайдакский Комитет высказался против Брестского мира. 5-го марта на собрании общегородского актива этот вопрос был подвергнут обсуждению. Многие высказались против мира. С защитой решения Центрального Комитета выступила тов. Гопнер. После продолжительных прений активом была принята следующая резолюция: собрание Екатеринославского Комитета большевиков, фракции Совета, городских и заводских комитетов считает, что решение Центрального Комитета партии и Всероссийского Совета Народных Комисаров подписать империалистический насильственный мирный договор с Германией, при создавшемся положении, при данном соотношении сил, диктовалось необходимостью выиграть время для организации пролетарского восстания против империализма. Наступление на рабочую власть Украины украинской буржуазии, пытающейся с помощью гайдамаков и германских белогвардейцев, руководимых украинскими меньшевиками и правыми социалистами-революционерами, восстановить свое господство на Украине, лишает трудящиеся массы Украины даже этой отсрочки и вынуждает нашу партию и Советы взять

на себя организацию вооруженного отпора пролетариата и беднейших крестьян наступающему врагу.

В то же время собрание полагает, что наилучшим средством отпора наступающему капиталу является углубление, дальнейшее развитие и закрепление социалистической революции внутри страны.

Всем членам партии—членам Совета—было предложено записаться в Красную армию. Комитету было поручено предложить сделать то же всем членам партии. По вопросу о событиях последних дней решено было выпустить воззвание.

С этого времени все члены нашей партии выступали на собраниях в защиту Брестского мира, как временной передышки для организации мощной Красной армии, чтобы в определенное время, соединившись с рабочими Германии, опрокинуть кабальный Брестский мир.

Когда уже немцы занимали Украину и была непосредственная угроза Екатеринославу, на общегородском партийном собрании 25-го марта было постановлено: „В грозный для революции момент в нашу задачу входит: защита революции от внешнего врага, организация Красной армии, восстановление революционного порядка, беспощадная борьба с бандитизмом, содействие Совету Рабочих и Крестьянских Депутатов в его работе, которая требует напряжения всех сил членов нашей организации. С этого времени все члены партии должны записаться в боевой коммунистический отряд, который должен охранять город. Наряду с этим партия усиливает свою работу, профсоюзов, заводских комитетов и других рабочих организаций“.

Не обходилось и без ошибок. Такая ошибка была совершена Городским Советом. 20-го февраля Бюро Общегородского Комитета по вопросу о праздновании годовщины Февральской революции постановило войти в контакт с Советом Рабочих Депутатов и предложить устроить демонстрацию. Президиум Совета, по каким-то соображениям, постановил не прекращать работ на заводах и предприятиях в день годовщины Февральской революции. Настроение же среди рабочих было за празднование.

Этим воспользовались наши противники — меньшевики и эс-эры — и повели кампанию за празднование. В результате, несмотря на постановление Совета, не работали все типографии, завод Ботте, Старр, железнодорожные мастерские, завод Сириус, Гантке. Амур-нижнеднепровцы устроили демонстрацию, которая прошла по Проспекту до Городской Управы. Брянцы и Трубцы выполнили постановление Совета. Вечером почти во всех местах были митинги. Постановление Совета не было проведено в жизнь полностью не потому, что имели влияние меньшевики и эс-эры, а потому, что постановление недостаточно учитывало настроения рабочих в первую годовщину Февральской революции, которую рабочие хотели отметить, как день свержения самодержавия.

Борьба за профсоюзы.

Материальное положение рабочих к концу 1917 г. было чрезвычайно тяжелым. Часть заводов остановилась за отсутствием топлива, некоторые заводы были закрыты или оставлены в виду Октябрьской революции, в надежде, что голод и холод заставят рабочих отказаться от Советской власти. Жизнь с каждым днем дорожала, а безработица увеличивалась.

Профсоюзы, кроме союза металлистов и кожевников, находились в руках меньшевиков, бундовцев, серповцев и т. д. Центр профсоюзной жизни—Совпроф—был также в руках этих партий. В то время, как президиуму Совета приходилось налаживать управление городом и губернией, организовывать промышленность, заниматься организацией обороны, Совет профессиональных союзов стоял на резко отрицательной точке зрения по отношению к Советской власти. 16-го февраля на заседании Совета профессиональных союзов, в связи с обсуждением вопроса о текущем моменте, хозяйственной разрухе и т. д., Совпрофом было признано, что Советская власть не сможет справиться с экономической разрухой и что единственным выходом является созыв учредительного собрания и передача ему всей власти.

Исходя из этого, Совпроф вел свою политику. 1-го февраля им было принято постановление участвовать на С'езде, созываемом в Киеве.

Металлисты на этом заседании не участвовали. В это время они были на фракции Совета, правлений союзов и заводских комитетов. Узнав о заседании Совпрофа, фракция металлистов и правлений других союзов, заявили заседанию, что так как на собрании не представлено большинство организованных союзов, как металлистов, деревообделочников, кожевников, строителей и т. д., то решения этого совещания не могут считаться законными, как вынесенные неправомочным собранием.

Сделав это заявление, они демонстративно покинули собрание. Принятое Совпрофом постановление требовало решительных мер против представителей союза металлистов. Центральное правление Союза Металлистов 2-го февраля на своем заседании, после доклада своих представителей, признало правильным уход их из Центрального Совета профессиональных союзов.

„Украинский с'езд рабочих депутатов,—говорилось в постановлении Правления,—созываемый помимо профессиональных союзов и Советов Рабочих Депутатов, является попыткой дезорганизации революционного движения рабочих, что является в настоящее время крайне вредным. Считая невозможным для себя, как ответственной рабочей организации, дальнейшее участие в Центральном Совете Профсоюзов, при данной его конструкции, Ц. П. С. Р. М., в интересах сохранения единства рабочего профессионального движения, берет на себя инициативу созыва конференции профессиональных союзов для решения вопроса об отношении к Центральному Совету".

Так как в Центральном Совете представительство было от союзов и этим самым большие союзы имели почти такое же представительство, как и малые, правление постановило предложить производить голосование на конференции путем подсчета голосов организованных в союзах рабочих.

3-го февраля на совместном совещании фракций правлений профсоюзов металлистов, кожевников, деревообделочников, лесопильщиков, архитектурно-строительных рабочих, табачников, Иглы и прачешников, вопрос, поднятый правлением союза металлистов, был подвергнут продолжительному обсуждению. Совещание признало необходимым присоединиться к революции правления союза металлистов. Для руководства работой большевиков в союзах при комитете был выделен специальный секретариат из трех человек в лице тт. Гуринштейна, Левенко и Брегмана. Меньшевиками это было отмечено тогда, как раскол профдвижения.

4-го февраля состоялось совещание всех правлений союзов. Выступления на этом совещании большевиков сводились к одному: необходимо изгнать из профсоюза правую часть, т.-е. меньшевиков, бундовцев и эс-эров, т. к. от этого профдвижение только выиграет. Окончательное решение вопроса было перенесено на конференцию профессиональных союзов 5-го февраля. Кожевники, так же, как и металлисты, на своем заседании 5-го февраля постановили отозвать своего представителя из Ц. С. П. С. по тем же мотивам, что и металлисты.

К сожалению, у нас нет материалов о назначавшейся на 5-е февраля конференции, почему мы ограничимся здесь только указанием на то, что в союзах было сильно среднее крыло, которое влияло и на меньшевиков, заставляя их отказаться от фрондерства против Советской власти, и на большевиков, так как имело за собою многих рабочих. Меньшевики и другие правые остались как в Совете Профсоюзов, так и в союзах, но борьба с ними продолжалась.

Положение рабочих продолжало ухудшаться. Во всех союзах, в том числе и в нашем союзе металлистов, велись кампании за повышение заработной платы, за заключение коллективного договора. Так как предприниматели всячески оттягивали заключение договоров, а меньшевики всячески старались побудить их к добровольному соглашению, т.-е. фактически также оттягивали заключение договоров, то вполне понятна была постановка большевиков относительно необходимости исключения меньшевиков из правлений союзов. Это же положение вынудило большевиков предложить на конференции представителей союза металлистов и служащих фабрик и заводов, контрольных комиссий и заводских комитетов, состоявшейся 30-го января 1918 года, резолюцию о признании необходимости немедленного проведения в жизнь коллективного тарифного договора, с упорядочением рабочего контроля над производством, об'единения контрольных комиссий в контрольные центры и осуществления регулирования промышленности через Экономические Советы Народного Хозяйства, с констатированием того, что проведение коллективного договора путем соглашения с организациями предпринимателей (заинтересованными в восстановлении своего политического и экономического господства и в поражении рабочих) невозможно, почему проведение колдоговора должно быть осуществлено распоряжением комиссара Труда, после рассмотрения и утверждения его заводскими комитетами, контрольными комиссиями и общезаводскими собраниями рабочих.

Рассмотрение договора сильно затянулось; только 21-го февраля закончилось обсуждение его на Брянском заводе по всем цехам завода. 28-го февраля этот договор был утвержден конференцией союза металлистов в Харькове. Рассчитывать на проведение его в Екатеринославе путем переговоров с заводчиками и фабрикантами, на чем настаивали меньшевики, означало сорвать его, так как под влиянием слухов о наступлении немцев, заводчики, конечно, не согласились бы его принять, а попросту оттянули бы переговоры. Металлисты решили провести его через комиссара Труда. 11-го марта комиссар труда опубликовал обязательное постановление. Приводим его полностью:

„В виду затянувшихся переговоров с промышленниками и все возрастающей дороговизной, ухудшающей положение рабочих, согласно постановления центрального правления Екатеринославского Отделения Всероссийского Союза Металлистов, настоящим постановляю: 1) Впредь

до проведения коллективного тарифного договора по всей области, немедленно ввести в районе г. Екатеринослава и его окрестностей тарифные ставки, принятые на конференции Союза „металлистов“ в Харькове 28-го февраля, на всех металлургических и металлообрабатывающих предприятиях, распространив их на всех рабочих, работающих в вышеуказанных производствах. 2) Вводимыми ставками устанавливается для чернорабочих минимум 8 р., чернорабочих на горячих работах—8 р. 80 к., для женщин на легких работах — 7 р. 20 коп.; в остальном ставки остаются согласно договору. 3) Все заводоуправления после опубликования настоящего постановления в „Известиях Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“ обязаны очередную получку выплатить по новым тарифным ставкам. 4) Тарифные ставки вводятся с 1-го января с. г.“.

Учитывая далее возможность задержки в выплате заработной платы, из-за отсутствия денежных знаков и под всякими другими предлогами, в особенности в виду наступления немцев, Совет предложил всем предприятиям выплатить рабочим и служащим в течение марта и за апрель месяц, чтобы этим не поставить рабочих при отступлении в тяжелое положение. В тех же предприятиях, которые находились уже в руках Советской власти, всем управляющим было предложено озаботиться составлением ведомостей для выплаты. Деньги были получены для многих в самые последние дни перед отступлением и выплачены, когда уже были слышны взрывы немецких снарядов.

Против учредиловки.

Главной политической силой, имевшей влияние на рабочих, с которой приходилось вести борьбу в первый период Советской власти на Екатеринославщине, были меньшевики и эс-эры. Ими, после роспуска Учредительного Собрания, почти на всех заводах и предприятиях были организованы ячейки защиты Учредительного Собрания, которые вели довольно сильную кампанию против власти Советов, за созыв Учредительного Собрания. В качестве аргумента у них была разруха, якобы созданная Советской властью. В первые дни эти идеи не пользовались большим авторитетом, и почти везде, кроме служащих и рабочих железной дороги и завода Шодуар (на Амуре), на митингах проводились большевистские резолюции, было большевистское настроение. Рабочие в большинстве приветствовали Всероссийский С'езд Советов и одобряли роспуск Учредительного Собрания.

После заключения Брестского мира меньшевики и эс-эры решили развязать себе руки для борьбы с Советской властью и вышли из президиума Совета и всех исполнительных органов. Ими была созвана конференция защитников Учредительного Собрания и был выделен специальный Комитет для агитации за Учредительное Собрание. От его имени они созывали митинги на заводах. 24-го февраля на заводе „Старр“ большинством 74-х против 38 была принята резолюция меньшевиков о передаче власти Учредительному Собранию. В тот же день на ж. д., после выступления меньшевиков Зандера и Фушмана, была принята резолюция с резкой критикой по адресу большевиков. 25-го февраля на Трубном заводе „А“ выступали меньшевик Непомнящий и эс-эр Любарский. Возражал им тов. Копьев. Настроение было такое, что защитники учредилки не осмелились предложить своей резолюции.

26-го железнодорожники (около 4-х тысяч) приняли меньшевистскую резолюцию, с протестом против действий Совнаркома и местных большевиков и с требованием передачи власти Учредительному собранию.

В тот же час пленарное заседание совета Рабочих и солдатских Депутатов совместно с заводскими комитетами и правлениями профессиональных союзов обсуждало вопросы, связанные с Брестским миром. Железнодорожники решили устроить демонстрацию перед зданием, где заседал совет. С красными и желто-блакитными знаменами, с лозунгами „вся власть Учредительному собранию" направились они по Проспекту, привлекая в свои ряды все мещанство, обывателей и прямых контрреволюционеров.

Газета меньшевиков „Борьба" повела бешеную травлю большевиков и советской власти, используя для этого всякий повод и разруху— и остановку заводов, и все растущую дороговизну, и грабежи и т. д. По постановлению Совета, газета была закрыта, редактор ее арестован, но вскоре освобожден.

Почти в то же время состоялась конференция защитников Учредительного Собрания, решившая усилить свою пропаганду на заводах. Нельзя сказать, чтобы эта пропаганда не была успешной. 1-го марта на заводе „Стелла" после горячих выступлений была принята резолюция с выражением доверия Совету. Советской власти обещалась поддержка. В тот же день на заводе „Старр" был переизбран заводской комитет, и завод, на котором были все время большевистские настроения, избрал новый завком, в который вошел только один большевик. 2-го марта учредиловцы созвали митинг на Трубном заводе „А". Вместо резолюции было поручено Завкому, совместно с социалистическими партиями, произвести референдум среди рабочих завода для установления, сколько рабочих выскажутся за Советскую власть и сколько за Учредительное Собрание; однако, настроение на этом заводе было настолько за большевиков, что референдума не производилось. В этот же день на общем собрании в мастерских телеграфа и на собрании Городского водопровода были вынесены резолюции с протестом против Брестского мира и требованием созыва Учредительного Собрания. 3-го марта на митинге, на заводе Шодуар, выступал против Брестского мира и политики большевиков вообще видный меньшевик Вейнгер. Речь его была настолько агрессивна, что присутствовавшие на митинге красногвардейцы решили его арестовать и доставить в Штаб, но он успел скрыться.

5-го марта на заводе Гантке была принята меньшевистская резолюция. По требованию большевиков на заводе был произведен референдум. Из тысячи ста поданных голосов шестьсот десять подало свои голоса за власть Советов. Вскоре на том же заводе опять был митинг, собравший более двух тысяч рабочих. Подавляющим большинством была принята большевистская резолюция, клеймившая предательство меньшевиков и эс-эров, перешедших на сторону буржуазии.

Такое разное настроение на одних и тех же заводах об'яснялось только исключительно слабой постановкой партийной работы и наличием влиятельных меньшевиков на заводах. Когда появлялись сильные большевики, которые могли ответить на все остро-наболевшие у рабочих вопросы, осветить их с классовой точки зрения, рабочие всегда были на стороне большевиков и только игра меньшевиков на темноте, на нуждах сегодняшнего дня вводила иногда их в заблуждение.

На Брянском заводе агитация учредиловцев не находила отклика, несмотря на то, что рабочие находились в очень тяжелом экономическом положении и что меньшевики всячески старались на этой почве возбудить недовольство рабочих. 14-го марта на митинге, в присутствии до четырех тысяч рабочих, обсуждались вопросы: о выдаче рабочим в счет тарифного договора, доклад бюро союза металлистов и об ограблении Брянского кооператива. Докладчиком от Юж. Бюро был Рыбин, называвший себя анархистом, но уживавшийся вместе с меньшевиками в областном бюро. Его речь сводилась к тому, что Советская власть неспособна справиться с хозяйством страны, неспособна управлять. Советская власть, — говорил он, — гибнет и туда ей дорога. Собрание было чрезвычайно бурное. Меньшевики, однако, не осмелились выступить со своими лозунгами. 20-го марта пятитысячный митинг в Мостовом цеху по докладу главнокомандующего Знаменским фронтом т. Егорова принял следующую резолюцию: „Буржуазная банда, как русских, так и германских империалистов, в союзе с шайкой лакеев, также и гайдамаков и иных предателей народа, стремятся задушить рабоче-крестьянскую власть — Советы, и тем самым лишить всех трудящихся их завоеваний, а революцию — ее жизненной силы. Постановили: до последней крайности защищать своих избранников — Совет Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов, и если Совет призовет, то немедленно приостановить завод, всем вооружиться и выступить на фронт против разбойников. А также просить Совет принять все меры к обеспечению остающихся семейств. Пусть знают насильники, что торжествовать победу они не будут, что близок час, когда пролетариат всего мира об'единится и дружным усилием сметет всю свору насильников-кровопийц. К оружию! Да здравствуют Советы! Да здравствует Революция!“

Заводы Брянского района за исключением завода „старр“, несмотря на все ухищрения и учредиловцев и анархистов всех рангов, все время были вместе с большевиками за Советскую власть.

За революционный порядок.

Одним из самых трудных, пожалуй, наиболее трудным вопросом первых дней Советской власти в Екатеринославе была борьба с бандитизмом. Милиция, организованная во времена Временного Правительства, не отвечала своим заданиям. Во главе ее стояли элементы, на которых положиться, в смысле их сочувствия Советской власти, было совершенно невозможно; кроме того, в ней, как и в уголовном розыске, было не мало разных темных лиц, как самих грабителей, так и укрывателей их. Поэтому Революционный Штаб, на котором, естественно, лежала борьба и с бандитизмом, 20-го января признал необходимым расформировать милицию. Вопрос был передан на рассмотрение высшего органа, т.-е. президиума Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. До решения вопроса начальнику милиции, прапорщику Попову, было предложено сделать распоряжение по наружной милиции о немедленной сдаче всего оружия комиссарам частей под их ответственность. Насколько я помню, по этому поводу было общее собрание в милиции, на котором выступал т. Аверин с указанием на серьезность положения, необходимость коренной реорганизации милиции и т. д. Собрание было чрезвычайно бурным, тов. Аверина засыпали репликами, устраивали шум, не

давали говорить. Это было, понятно, организовано элементами, имевшими причины быть недовольными реорганизацией милиции.

Вопрос был перенесен и на Брянский завод. На митинге, на котором было тысяч до четырех, тов. Аверин сделал доклад. Во время обсуждения вопроса на митинг ввалились 5 вооруженных милиционеров, с винтовками и револьверами, а некоторые и с бомбами. Появление их вызвало большое недоумение. На вопрос некоторых из товарищей, зачем они пришли, один из них ответил, что их уполномочило собрание народа арестовать Аверина. Очевидно, явившиеся рассчитывали, что митинг безоружен и что им удастся запугать рабочих бомбами и револьверами, но они ошиблись. У нас еще весной в 1917 г. партийный Комитет принял постановление, чтобы члены партии собирались на митингах вокруг трибуны, где выступали большевики, на случай нападения. Не успели явившиеся сделать свое заявление, как без всякой команды со стороны кого бы то ни было все 5 были разоружены и отправлены в Штаб Брянского завода.

Президиум Совета постановил милицию реорганизовать и уполномочил для этого комиссара общественной безопасности тов. Хавского. Наряду с этим президиуму пришлось распустить Центральный Штаб самоохраны, организованный в начале января по постановлению думы при содействии Совета, так как в него входили крупные домовладельцы и назначить в каждый из районных штабов самоохраны своего комиссара, которым было поручено взять на учет все оружие и контролировать его выдачу, чтобы оно не попало в руки бандитов, начавших уже примазываться и к самоохране, в целях грабежей. Главная роль в этой борьбе с бандитизмом принадлежала, конечно, революционному штабу, во главе которого находился тов. Аверин, почему и все силы бандитов из милиции и анархистов были направлены против него. Не раз автомобиль, в котором раз'езжал т. Аверин, подвергался обстрелу.

Один раз к нам в завком Брянского завода прибежал брат т. Аверина, живший вместе с ним, и сообщил, что ночью к их дому приезжал автомобиль. Два человека постучали в окно и на вопрос, что им нужно, ответили, что они приехали из штаба за Авериным. Аверин сказал жене, чтобы она ответила, что он еще не приезжал из Штаба, а сам тихонько оделся и ушел в соседний двор. Автомобиль уехал. Оказалось, что из Штаба его не вызывали. А сам Аверин куда-то исчез и домой не являлся. Заслушав это сообщение, рабочие бросились к телефонам звонить в Губком, в президиум Совета, в Революционный Штаб и отовсюду получили ответ, что Аверина там не было. Почти во всех цехах рабочие частью побросали работу. Раздалось предложение сейчас же отправиться в город и потрусить буржуазию, потому что исчезновение Аверина—дело рук буржуазии. Не мало усилий пришлось употребить членам партии, чтобы уговорить рабочих разойтись по местам и работать до смены. На 4 часа решено было собраться всем в мостовом цеху, а завкому предложено было за это время все подробно выяснить и доложить на собрании. В 4 часа на собрание приехал сам Аверин и заявил, что ему нужно было быть в Каменском, где он и переночевал.

Эту историю исчезновения Аверина меньшевики выставили в комическом свете в фельетоне за подписью Вейнгера „Курилка жив".

Грабежи все же не прекращались и требовали более решительных мер. Революционный Штаб решил прибегнуть к расстрелам грабителей.

Постановление это скоро пришлось провести в жизнь. Четверо красногвардейцев, рабочих нашего завода, среди них один из членов нашей партии, рабочий рельсо-прокатного цеха Шалахов, исполняя поручение Революцпонного Штаба, совершили ограбление.

Арестовавшие их, зная постановление Штаба, расстреляли их, как грабителей. Воспользовавшись этим случаем, анархисты запаслись фотографическими карточками расстрелянных и повели кампанию дискредитации т. Аверина перед рабочими вообще и Брянского завода, где были сочувствующие анархистам, в частности. Большевики, — говорили они, — с тех пор, как стали у власти, начали защищать буржуазию и расстреливать рабочих. 25-го января, в четверг, на Брянском заводе состоялся огромный митинг, привлекший к себе не менее 7-ми тысяч человек. Настроение, созданное агитацией анархистов и других противников большевиков, было далеко не в нашу пользу.

Тов. Аверин выступил с информацией о положении дела, указал, что он лично никого не расстреливал, а приказал всех грабителей сажать в тюрьму для расследования и передавать их дела следственным властям. Кто является виновником расстрела — ему неизвестно.

На него обрушились сильнейшие из анархо-бандитов: Буков, Сорокин с Брянского завода, Литвинов—с Трубного, Шамкий с Рудзского, призывая рабочих осудить Аверина, подписавшего приговор о расстреле рабочих.

От Революционного Штаба выступал тов. Валявка, который обрисовал положение штаба, милиции и губрозыска, картину все более и более развивающихся грабежей, ответственность, падающую и на рабочих, так как в их ряды, в ряды красногвардейцев, влились темные элементы и проделывают свои грязные делишки, прикрываясь званием рабочих, и призывал к борьбе с этими элементами.

В противовес анархистам Буково-Сорокинского типа, к чести анархистов-синдикалистов, выступил их председатель (кажется, Белковский) с резкой критикой действий отдельных темных лиц, примазавшихся к красногвардейцам, и резко отмежевался от анархизма Букова и Сорокина, заявляя, что он всецело одобряет постановление Одесской Федерации анархистов-синдикалистов—расстреливать всех без всякого суда, кто примазывается к ним в целях совершать грабежи. После выступления представителя Брянского Революционного Штаба пытался выступить Буков и его приятели, но им говорить не дали. Тов. Квиринг, бывший в то время председателем Совета, сообщил, что дело передано в следственную Комиссию, что он лично резко отрицательно относится к этому расстрелу. Митинг принял предложенную тов. Квирингом резолюцию, предлагавшую революционному штабу помочь семьям расстрелянных рабочих; кроме того, было принято предложение просить о допущении в следственную комиссию представителей рабочих Брянского и Трубного заводов. Попытка буковцев дискредитировать большевиков сорвалась. Идейные анархисты почувствовали, что они должны резко отмежеваться от бандитов, заполнивших ряды их боевой дружины, и потому в последних числах января вынесли постановление о ликвидации дружины и об аннулировании всех выданных ею мандатов.

Революционный Штаб начал вводить суровую дисциплину среди красногвардейцев, исключая всех замеченных в пьянстве и плохом поведении; так, 24-го февраля об'явлено было об исключении из рядов Красной Гвардии более 12 человек.

Анархо-бандиты, потерпев поражение на Брянском заводе, об'единили вокруг себя все темно-уголовные элементы и, вооружившись с ног до головы, заняли гостиницу „Пальмира" и дом Бабушкина (на углу Первозвановской) и начали организованные грабежи по всему городу. Местами к этому времени уже была организована сильная самоохрана, согласованная с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. В некоторые районы, как, например, на Чечелевку, где были рабочие, анархисты боялись проникать; в городе же между ними и самоохраной были частые столкновения. Так, 2-го марта была сильная перестрелка и много убитых с обеих сторон.

Вопрос о бандитизме был поднят на заседании Совета. Меньшевики и этот вопрос связали с Учредительным собранием. С трудом удалось провести большевистскую резолюцию. Идейные анархисты на своем собрании 9-го марта попытались провести реорганизацию в своих рядах, но ничего из этого не вышло. Грабежи усилились. Был ограблен ряд учреждений и общественных и рабочих организаций (городской трамвай, кооператив Брянского завода, Продовольственный Комитет и т. д.). Магазины на Проспекте стали закрываться. Ясно вырисовалась необходимость принятия срочных решительных мер против разгула анархо-бандитов.

Президиум Совета с революционным штабом, милицией и боевыми дружинами серповцев и бундовцев в ночь на 30-е марта окружили гостиницу „Пальмира" и дом Бабушкина и после некоторого сопротивления разоружил и арестовал засевших там анархистов. Во время перестрелки было несколько человек убито и ранено. В помещениях было найдено много оружия и взрывчатых веществ.

Документально было установлено, что анархист Буков участвовал в ограблении Продовольственного Комитета он был арестован и доставлен в Революционный Штаб, но, как тогда сообщали, бежал и больше в Екатеринослав не возвращался. Бандитизм, благодаря принятым мерам, значительно сократился.

Эвакуация из Екатеринослава.

В 20-х числах марта, после упорных боев, была сдана немцам станция Знаменка. Для обороны от наступающей хорошо вооруженной и обученной немецкой армии сил у Екатеринослава не было. Приходилось думать об эвакуации. Близость немцев и быстрота их продвижения не позволяла эвакуировать много, нужно было захватить с собою только самое необходимое, чем могли бы воспользоваться немцы и вывезти из Украины. Таковыми были цветные металлы, военное имущество, паровозы, вагоны и аннулированные Советским правительством всякого рода акции, облигации и пр. денежные документы. Об эвакуации вагонов и паровозов, собственно говоря, говорить почти не приходилось, так как все станции были забиты, почему главное внимание было обращено на эвакуацию снарядов и цветных металлов, необходимых принадлежностей для телефонов и т. п.

Все сторонники Учредительного Собрания, мелкие буржуа, обыватели, во главе с меньшевиками и эс-эрами, бросились на заводы и подняли там крик: большевики, мол, повезли заводы в Москву и обрекают рабочих иа безработицу и голод, большевики вывозят деньги из банка и не оставляют ничего для расплаты с рабочими.

Первое собрание по поводу эвакуации было созвано ими на железной дороге 20—21-го марта. Они добились постановления не допускать какой бы то ни было эвакуации имущества. 21-го марта был созван митинг на Брянском заводе. На митинг явилось много железнодорожников и трубцев, всего, как сообщалось в „Борьбе", около 8.000 человек. Доклад сделал представитель железнодорожников и предложил резолюцию:

„Заслушав доклад представителей от рабочих и служащих железнодорожного узла об эвакуации наиболее ценного имущества из Екатеринослава, постановили: решение железнодорожных рабочих и служащих признать правильным и обратиться к железнодорожникам с призывом не допускать эвакуации какого бы то ни было имущества, нужного для производства заводов и других предприятий".

При голосовании подняло руки за резолюцию около 3000 чел. Председатель, не считая, заявил, что что резолюция принята большинством, и закрыл собрание. Раздались крики протеста: „считайте „против", но председатель, меньшевик Будник, сошел с трибуны и вместе с пришельцами оставил собрание. Вновь поднялись крики: „брянцы, не уходите!" Осталось на месте не менее 5000 человек. Снова было открыто собрание, председателем которого был избран тов. Левенштейн (Луговой). Тов. Левенштейн в своем вступительном слове указал, что на данное собрание противники Советской власти мобилизовали против брянцев железнодорожных служащих и рабочих, рабочих трубцев, которые голосовали за резолюцию, брянцев же голосовало очень мало. Требование проголосовать „против" удовлетворено не было; поэтому он предлагает считать принятую резолюцию недействительной, обсудить этот вопрос и принять свою резолюцию, более отвечающую действительному отношению брянцев и к Советской власти и к эвакуации. Резолюция, принятая митингом, гласила: „Общее собрание рабочих Брянского завода, обсудив грозное положение момента, принимая во внимание, что с победой немецких полчищ уничтожаются все завоевания рабочих и крестьян и накладывается новое ярмо произвола на все трудящиеся массы, постанавливает немедленно стать в ряды Красной армии и общими усилиями отстоять наши завоевания. По вопросу об эвакуации собрание принятые меры Президиумом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов об эвакуации всех цветных металлов, военного имущества и ценных бумаг, которые пойдут в будущем на пользу рабочих и крестьян, одобряет".

Затем внесена и принята была следующая поправка: „в случае при эвакуации вышеуказанных материалов железнодорожные служащие и рабочие начнут оказывать сопротивление, то рабочие Брянского завода все, как один, будут защищать эвакуацию".

В тот же день на Трубном заводе „А" был митинг, на нем присутствовало около 3000 ч. Митингом было решено никакой эвакуации не производить, всю защиту принадлежащего рабочим имущества взять в свои руки и организовать для его охраны рабочие дружины. Митинг высказался за Учредительное Собрание, за аннулирование Брестского мира и прекращение гражданской войны внутри демократии.

Такие же резолюции были приняты на многих других заводах. В Амур-Нижнеднепровских мастерских 22-го марта было решено, в связи с эвакуацией, отозвать всех своих делегатов из железнодорожного Исполнительного Комитета и переизбрать Комитет внутреннего распо-

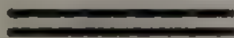
рядка, состоявший в большинстве из большевиков. В новый Комитет вошли: Авилов, Середа, Панин, Маликов, Норинко, Андронов, Поляков, Иванов, Гордин, Ушник, Позаненко и ряд других.

Президиум Совета в противовес поднявшейся кампании выпустил обращение к рабочим с раз'яснением, что, пользуясь тяжелым моментом, переживаемым революцией, все враги Советской власти для дискредитирования ее, с целью услужить буржуазии и контр-революции, распространяют ложные слухи, что Советом эвакуируется все необходимое для производства. Совет считает такую эвакуацию ненужной и вредной для рабочего класса, вывозу подлежат только те материалы, которые ценны германским империалистам для вооружения и борьбы против рабочих и крестьян. Совет уверен, что господство немцев и украинской буржуазии будет кратковременным. Слухи о вывозе из банков необходимых для производства денег также ни на чем не основаны. Денег в банках нет, вывозятся только разного рода акции, аннулированные Советским правительством, чтобы буржуазия не взыскивала по ним разного рода долгов и процентов. Совет же, с своей стороны, принял все меры к тому, чтобы добыть деньги для расчета с рабочими, и народный секретариат, учитывая тяжелое положение рабочих Трубного завода, отпустил им миллион рублей из пяти, забронированных на военные нужды. Обращение это заканчивалось уверенностью, что екатеринославские рабочие дадут должный отпор всем провокаторам и спекулянтам, распространяющим ложные слухи.

Вместе с Советом из города эвакуировалось и много беспартийных рабочих, с семьями; некоторые эвакуировали только семьи. Почти треть рабочих Брянского завода выехала. Президиум Совета оказывал содействие всем, кто не желал оставаться во власти немцев. К охране Совета были приняты все меры. Он охранялся членами партии, в большинстве из Брянского завода, как тт. Карташев, Лукашенко, Рухман, Рыков, Шалухин, Ермолин и другие. Во избежание налета на ближайших улицах растягивались веревки, чтобы воспрепятствовать быстрой езде на лошадях.

Совет эвакуировался за несколько часов до вступления немцев в Екатеринослав. Для выезда его был приготовлен паровоз и вагоны. Когда уже немцы были на станции Горяиново, тт. Квиринг, Гопнер и Аверин погружались. Оказалось, что железнодорожники загнали паровозы в депо и на кругу забурили паровоз, чтобы никаким образом нельзя было вывезти ни одного паровоза,— все машинисты скрылись. Тов. Ермолин Ф., будучи помощником машиниста, бросился по запасным путям и разыскал полуразбитый маневровый паровоз. На нем кое-как и отправились с несколькими вагонами. Тт. Рухман и старик Ермолин были кочегарами. Кое-как добрались до станции Чаплино и Авдеевки.

И. Амосов.

Как мы отступали.

(4 апреля 1918 года).

Предательская Центральная Рада потерпела окончательное поражение и заключила позорный для ее истории и всей украинской революции договор с правительством Вильгельма.

По этому договору Украина была отдана на разграбление немцам и за эту „милость“ изголодавшаяся во время империалистической войны Германия обязалась очистить Украину от Советской власти и большевиков.

Этот договор поставил Советскую власть перед лицом необходимости непосильной борьбы молодой Красной гвардии с организованными и закаленными в боях германцами, Корниловым и т. д., и ясно было, что мы не могли устоять против напора немцев и гайдамаков. Единственным выходом из положения для нас было решение о временном отступлении на север, так как предстоящая борьба слабо организованной и малочисленной армии Советов была не под силу.

Буржуазия, учитывая непосильную борьбу Советов с немцами, торжествовала, и это торжество разделялось украинскими соц.-шовинистами. Рабочие же массы и бедняцкая часть крестьянства Украины понимали, что отступление Советов на север есть явление временное и что так или иначе контр-революция будет разбита, и Красная Армия снова возвратится обратно на Украину вместе с Советской властью.

Период существования Центральной Рады был крайне тяжелым моментом в жизни рабочих и крестьян. Мелко-буржуазные партии: меньшевики, эс-эры и украинские социал-шовинисты срывали работу, злорадствовали над каждой нашей небольшой неудачей, и всякая заминка в продовольственном деле сейчас же ставилась в большую вину Советской власти и ее руководителям.

Противники Советской власти не брезгали никакими средствами, ездили в деревни и уговаривали кулаков-крестьян не давать хлеб городу; в городах буржуазия и обыватели искусственно создавали панику, устраивали очереди в лавках, излишки товаров прятали и всем этим возбуждали население против Советской власти.

Наша малочисленность не позволяла нам в те дни оказывать противодействие мелко-буржуазным партиям, охватившим своей агентурой и города и деревни. В силу этих условий осложнения были неизбежны.

В момент всеобщего продовольственного кризиса, встречая противодействие со стороны деревенских кулаков, мы, опираясь на бедняцкую часть крестьянства, получали от нее хлеб, муку, скот и проч., что требовалось рабочим и городу, и этим ослабляли кризис продовольствия.

В тяжелые дни всеобщего продовольственного кризиса мне, как члену президиума Горсовета, пришлось работать в уездном продоволь-

ственном Комитете, и я хорошо помню и теперь, как тяжело было регулировать снабжение.

Чуть ли не ежедневно губернскому комиссару продовольствия т. Кринову приходилось делать доклады президиуму Горсовета о положении снабжения губернии и города Екатеринослава, а мне, как работающему в уездном Продкомитете, всякий раз выступать с содокладами.

Как ни трудно было нам, но все же мы выходили из положения с честью и давали городу и деревне все необходимое и в достаточном количестве.

Числа 25 марта, если мне не изменяет память, гайдамаки продвинулись к Кременчугу, и в это время началась паника в городе Екатеринославе.

По постановлению президиума Горсовета из Екатеринослава были отправлены на север, по направлению Синельниково, ценности из банка и вместе с ними без разрешения президиума Горсовета выехало несколько членов президиума, человек 3—4, которые вскоре, дня через 3—4, вернулись обратно. Фамилии дезертировавших я не помню.

Как только стало известно президиуму Горсовета о самовольном от'езде нескольких товарищей, членов президиума, то тотчас же был обсужден вопрос в президиуме об их действиях и было постановлено предложить выехавшим немедленно вернуться обратно и считать их действия неправильными. В целом президиум никакой паники не поднимал.

В связи с этим было решено направить всех членов Горсовета к своим избирателям на заводы, обязав их сделать отчет о деятельности Горсовета и рассеять панику, которая создалась среди населения и рабочих города Екатеринослава, в связи с вывозом ценностей из банка в приближением немцев и гайдамаков к Кременчугу. Кроме того, членам Горсовета поручено было сказать рабочим всю правду и посоветовать им, не ожидая благ от немцев и гайдамаков, вступить в ряды Красной Гвардии для того, чтобы поскорее дать отпор контр-революционерам в лице Центральной Рады.

Помню, что когда я с тт. Черноусовыми В. Новиковым, выполняя постановление президиума Горсовета, вернулся на свой родной завод „Гантке", то в это время собравшиеся рабочие ждали нас и не начинали собрания, так как были предупреждены, что мы будем делать доклад о деятельности Горсовета и о текущем моменте.

Меня тотчас же избрали председателем общего собрания, и первое слово было дано большевикам: покойному тов. Черноусову, а потом тов. В. Новикову. От эс-эров выступали: Шеляхин, Боборыкин, от меньшевиков: Блехер, Степаненко, Рысин и др.

На этом собрании меньшевики и эс-эры пытались доказать, что большевики врут, что нет никакой опасности для рабочего класса и революции. При таких условиях собрание проходило настолько напряженно, что мне с трудом приходилось сдерживать разгоравшиеся страсти и дать возможность закончить слово противникам. Собрание затянулось до четырех часов, и было принято решение о том, чтобы рабочие вступили в ряды Красной Гвардии и готовились к обороне. После окончания собрания в штаб заводской Красной Гвардии прибыло несколько сот человеков рабочих-добровольцев, и они записались

в ряды бойцов. Это было не по душе меньшевикам и эс-эрам, которые совсем не рассчитывали на такой успех большевиков.

Я никогда не забуду этого собрания, когда рабочий своим классовым чутьем почувствовал опасность для революции и когла для сцасения своей власти рабочие дали от себя несколько сот бойцов, лучших рабочих.

Ночью в Горсовете состоялось ночное собрание президиума, и нам вместе с другими товарищами, делавшими доклады на своих заводах, пришлось делать доклад о наших успехах на заводе „Гантке", куда нас послал президиум Горсовета.

События в это время развивались с каждым днем, и все больше и больше надвигалась опасность приближения врага.

3-го апреля утром уже послышались близкие выстрелы из орудий. Выстрелы раздавались со станции Верховцево и Запорожья, и в это время началось отступление наших лишних эшелонов. Беспрерывно тянулись отступающие эшелоны наших войск, и все двигались по направлению станции Нижнеднепровск.

Несмотря на опасность, я по поручению президиума весь день продолжал вести работу в Продовольственном Комитете. Мне нужно было во что мы то ни стало обеспечить рабочих заводов хлебом, которого требовалось 40 вагонов в сутки. Между тем, в моем распоряжении имелось не более 15—16 вагонов. В конечном итоге задача была разрешена частично, так как имеющееся продовольствие было решено перебросить в Нижнеднепровск отступающим эшелонам.

В 3 часа дня 3-го апреля раздалась стрельба из трамвайного депо, но это была, видимо, провокационная стрельба. Кто и почему стрелял, так и не удалось выяснить, но все упорно говорили, что стреляли бундовцы.

Враг приближался все ближе и ближе и, по данным разведки, уже находился на станции Сухачевка в 17 верстах от Екатеринослава. Хотя выстрелы бундовцев из трамвайного депо и не имели значения, но тем не менее они усилили панику в городе. Разнесся слух о том, что неприятель, якобы, уже в городе, но это было неверно.

В 3 с пол. часа того же 3-го апреля отступил и президиум Горсовета на другую сторону Днепра, на ст. Нижнеднепровск. Во время отступления президиума Горсовета я находился в Продовольственном Комитете. Около 4-х часов упал недалеко от нас снаряд. Было несколько случайных жертв, и мы решили временно прекратить нашу работу.

Я пришел в Совет, но там уже наших не было и вместо них стояла группа обывателей, радовавшаяся отступлению Совета. Увидя меня, они со смехом ненависти высказали соболезнование, что я еще не убит и нахожусь здесь.

Я их иронию и злобу обошел молчанием.

В здании Горсовета я встретил старика-сторожа. Увидев меня, он искренне обрадовался, и от него я узнал о том, что президиум Горсовета во главе с тов. Квирингом отступил на ст. Нижнеднепровск, и что туда же должен направляться и я,—так сказал, якобы, товарищ Квиринг.

Поблагодарив старика за сообщенные сведения, я и он кинулись в об'ятья один другого и расцеловались. У старика полились слезы

из глаз. Прощаясь со стариком, я успокаивал его и говорил, что мы скоро вернемся вместе с Советской властью и будем строить мирную жизнь.

Распростившись с ним, я направился на ст. Екатеринослав.

Проходя по Екатерининскому проспекту, я попал под огонь. Чья была стрельба — определить было трудно. Стрельба шла без перерыва. Публика металась с одной стороны на другую. На улице лежали раненые. Я кое-как прорвался на станцию Екатеринослав, где увидел целое столпотворение. Эшелон донбассовских рабочих, спускаясь со станции Горяиново, получил крушение. Несколько вагонов было разбито в щепки, убитых и раненых было несколько сот человек. Другой эшелон был свален на входной стрелке по направлению к мосту и в этом сходе и крушении немалое участие принимали служащие ст. Екатеринослав, явные сторонники рады и гайдамаков.

В 6 часов вечера Днепровский мост был оцеплен гайдамаками со стороны Екатеринослава. Я думал как-либо прорваться через цепь неприятеля, но мне это не удавалось никак. На мое счастье откуда-то вырвался броневик, и я узнал, что это был наш броневик; на нем, как оказалось, ехал тов. Аверин. Меня взяли на броневик, и я таким образом проехал через мост.

Когда мы прибыли на станцию Нижнеднепровск, то там находился эшелон городского и губернского Исполкомов и с ними находились: часть членов президиума, члены Горсовета, канцелярия и часть служащих, которым нельзя было оставаться в Екатеринославе.

На станции Нижнеднепровск при эвакуации произошло большое скопление эшелонов: войска, продовольствия и снаряжения. В первую очередь эвакуировали воинские запасы, лишние части войск и оружие и только после их эвакуации в 11 часов вечера тронулся эшелон Горсовета. Для проезда Горсовета был дан старый паровоз, так как других не было — все были заняты, и он нас едва дотащил до ст. Синельниково к 6 часам утра.

Станция Синельниково оказалась забитой, но нас здесь задержали недолго, и мы направились на ст. Раздоры.

На станции Раздоры была наша первая остановка, во время которой состоялось совещание президиума и было решено часть товарищей членов Горсовета направить на фронт, а часть — с эшелоном по направлению на Дебальцево, где было Управление Екатерининской железной дороги. Там должен быть Екатеринославский центр. Едучи на станцию Дебальцево, по пути, не доезжая станции Чаплино, мы встретили застрявшие эшелоны. Они стояли из-за отсутствия машинистов. Я, будучи сам машинистом, взялся вместе с другими товарищами вытаскивать застрявшие эшелоны.

На станцию Дебальцево мы прибыли вечером. Здесь состоялось об'единенное заседание президиума Горсовета с Губисполкомом; на этом заседании был избран об'единенный президиум Губисполкома. В него были избраны следующие товарищи: Квиринг, Жуковский, Кошелев, Черноусов, Аверин, Татько Арсений и другие товарищи, которых теперь уже не помню.

Согласно принятому решению, часть членов президиума должна была выехать в Таганрог, часть—на фронт и часть—остаться в Дебальцево. Мне же совместно с товарищами Цимериновым, Куроковым и Чеблиным было дано два вагона с паровозом и отряд охраны в 10 чело-

век и поручено продвинуться к фронту для окончания эвакуации прифронтовых уездов Новомосковского и Павлоградского.

При эвакуации Павлограда ценности были сданы в Губисполком, причем нам пришлось столкнуться на станции с гайдамаками, которые в момент нашего отхода со станции начали занимать ее.

Из Павлограда мы направились через Лозовую, Славянск, Никитовку в Дебальцево, где находился президиум Совета.

Через все станции приходилось пробиваться с трудом. Станция Лозовая была забита эшелонами, но здесь мы не задержались, так как администрация станции, узнав, кто я и с каким поручением еду, меня не задержала, и мы почти беспрепятственно выбрались со станции. На станции Славянск была та же картина. Когда я с эвакуированным из Павлограда и Новомосковска имуществом прибыл на станцию Славянск, то администрация, узнав, что я — член Президиума Екатеринославского Совета, обратилась ко мне с просьбой оградить ее от насилий, чинимых прибывшими на станцию анархистами.

Узнав, где стоит вагон анархистов, я без всякого оружия пошел к ним. Охрана меня пыталась задержать, но я отбросил ее и вошел в вагон, где представилась мне жуткая картина. Вместо одесских анархистов-террористов как они себя именовали, я узнал, что это были анархисты Екатеринослава во главе с тов. Крипштейном. Пробрав их за непристойное поведение, заключавшееся в пьянстве и вмешательстве в действия станционной администрации, я пригрозил им, что если они не успокоятся, то я их вывезу в Никитовку и сдам в штаб тов. Антонова. В ответ на мои угрозы посыпалась площадная брань, упреки в продаже революции, кричали, что им не дают работать здесь, как не давали работать в Екатеринославе, и т. д. — одним словом, было наговорено столько, что всего не припомнишь.

Учитывая то, что разгулявшаяся кампания анархистов может причинить своими безответственными действиями непоправимый ущерб эвакуации, я приказал начальнику станции их вагон прицепить к моему поезду. Приказание было исполнено, вагон анархистов, несмотря на их сопротивление и стрельбу, был прицеплен к моему составу, и мы выехали со ст. Славянск в Никитовку. В пути наши пленники беспорядочно стреляли, не причинив нам ущерба. В Никитовке я сдал их в штаб тов. Антонова и просил его расправиться с бунтарями, называвшими себя анархистами-террористами гор. Одессы, и освободить только старика Крипштейна.

Из Никитовки я без задержки доехал до Дебальцево. В Дебальцево, по распоряжению Губкома, мне и т. Татько и Черноусову было предложено отправиться в Москву для сдачи всех дел Екатеринославского Городского и Губ. Советов.

Дела мы все сдали в целости и сохранности по описи и актам Центральному Исполнительному Комитету Советов.

Заканчивая свои воспоминания, я подчеркиваю, что наше отступление 4 апреля 1918 года произошло не потому, что мы не могли бороться или струсили, а потому, что так исторически слагались условия борьбы рабочего класса с капиталистами на всей Украине. Молодому поколению будут понятны неравные условия борьбы пролетариата, заставившие его временно отступить с Екатеринославщины 4 апреля 1918 г.

С. Кошелев.

Отклики на Брестский мир и последние дни Советов в Екатеринославе.

На 4-ом Чрезвычайном С'езде Советов стоял важный вопрос о заключении Брестского мира. Делегация на с'езде состояла из меня и трех екатеринославских рабочих. На с'езде нам пришлось вести борьбу не только с эс-эрами и меньшевиками,но и со своими, потому что часть товарищей была против Брестского мира, во главе с Бухариным. Наша делегация состояла вся из большевиков. Мы не получили императивного мандата, но мы присоединились к той части партии, которая подписала Брестский мир. По предложению Мартова, это было голосование поименное, для того, чтобы история знала имена тех „изменников и предателей", которые „продали" Россию. Голосование продолжалось два дня.

По дороге домой, в Харькове мы узнали о том, что Екатеринослав накануне эвакуации — так близко были немцы; нас уговаривали даже не ехать в Екатеринослав, так как мы не застанем Совета. Но тем не менее мы поехали.

Нужно сказать, что, действительно, путаница была большая. Когда мы приехали в Екатеринослав, то увидали, что даже видные члены партии находились в большой растерянности. Екатеринослав был накануне полнейшей сдачи. Встречая нас, екатеринославские работники говорили: „Зачем вы приехали?"

Мне, как редактору „Звезды", к своим обязанностям вернуться уже не пришлось. Меня послали на заводы делать доклады о С'езде. Особенно яркое впечатление осталось у меня от доклада на Брянском заводе. Физиономии двух заводов, Брянского и Трубного, выяснилась именно в этот грозный момент. Мы и раньше знали, что самый революционный завод — это Брянский, на котором большинство рабочих представляли собою приезжий элемент, истинных пролетариев.

Совершенно другую картину представлял собою Трубный завод, где были, главным образом, местные рабочие, имеющие свое хозяйство, свои домики, и я знала, что доклад на Трубном заводе для меня будет моментом пытки, в то время как на Брянском заводе он должен был пройти хорошо. Как я могла сказать, что мы подписали Брестский мир, по которому вот этот завод, на котором они работают, завтра же перейдет к немцам?

Перед моим от'ездом со с'езда в Екатеринослав я решила обратиться к тов. Ленину за советом по этому вопросу. Я подошла к Ленину (он часто во время с'езда вызывал наших товарищей и интересовался тем, что делается на Украине). „Товарищ Ленин,—сказала я,— наша делегация из Екатеринослава присоединилась к той части партии, которая стоит за Брестский мир, и мы прекрасно понимаем те доводы, которые вы привели за него. Но когда мы вернемся на Украину, которая после этого должна быть нами оставлена,—что мы должны сказать

рабочим в массе? Ведь у них совершенно другое положение, чем у московских рабочих". Он помолчал минуточку, по своему обыкновению, и сказал в двух словах.

Первое, что он сказал, было вот что: „Скажите им, что в Германии революция неизбежна и что эта революция совершенно уничтожит Брестский мир". После небольшой паузы он сказал другое, что еще до сих пор не осуществилось, или, вернее, осуществляется частично. Он сказал: „Победоносная революция в Германии сделает нас вместе с ними совершенно непобедимыми".

Во время докладов на заводах о с'езде эти слова тов. Ленина мне служили руководящей нитью, но все-таки мое положение было чрезвычайно тяжело, и особенно на Трубном заводе. На Трубный завод бросились все виднейшие меньшевики; против меня выступало 12 ораторов, выступали решительно все вожди. На этом докладе в самой массе я увидела рабочих, которых я не видала никогда прежде, во все время революции. В этот раз я увидела черносотенные хулиганские элементы. Атмосфера была ужасная, нас срамили и ругали невероятно. Слышны были такие слова, как: „продали", „предатели", „немецкие агенты". Эти слова разносились по аудитории все время. По отношению аудитории к этим выкрикам мы видели, что большинства у нас не будет. Мы кончили наше собрание без резолюции, и в этом мы видели успех.

На Брянском заводе положение было иное: на этом заводе говорилось о том, что мы вывезем части завода и что оставляем очень немного в распоряжение немцев. На заводе был большевистский элемент; рабочие поняли, что совершившееся есть событие исторически неизбежное. Они не дали меньшевикам выступать, да и сами меньшевики не явились сюда в таком количестве, как на Трубный завод. Здесь все прошло благополучно. Других моментов я не помню, но знаю, что было еще несколько таких собраний.

Теперь относительно общей обстановки, в которой мы работали. Общая обстановка была такова: в городе началась страшная дезорганизация. За неделю до нашего ухода из города было выпущено 500 человек уголовных из тюрьмы. Военной силы у нас не было, остатки старой армии были совершенно разложены, вооружения мы не имели. Всякие Гузарские и другие комиссары давали совершенно неправильные сведения и советы.

Я помню, когда товарищи на Военном Совете, во главе с Кавериным и другими, рассматривали наше военное положение, то они были в полном отчаянии: ни одного сведения не было правильного, их систематически обманывали. Дезорганизация сказалась, например, в том, что на окраинах начали резать. Была расставлена охрана, и одна из наших обязанностей заключалась в том, чтобы ночью об'езжать окраины и проверять, стоит ли на местах стража. Меньшинство членов Совета,— самые лучшие работники, но в очень небольшом числе,—оставались до последних моментов в Совете. Разложение было действительно не только среди меньшевиков и беспартийных масс, но и среди части коммунистов, среди которых были беглецы и дезертиры.

Центр тяжести был перенесен в два места: в штаб Каверина и к железнодорожникам, потому что здесь была хоть какая-нибудь организация. Эта организация была похожа на такую, которая хоть за пять минут могла сказать, когда войдут немцы. Мы проявляли некоторую

работу, чтобы организовать и оставить после себя хоть какую-нибудь подпольную организацию. Должна была издаваться газета „Молот", и мы поставили редактором ее Бушуева. У нас была определенная директива ни в каком случае не говорить о том, что мы уходим, и указывать на то, что если мы уйдем, то уйдем временно. Это мы и говорили на собраниях. Но тем не менее все видели, что мы уходим.

Теперь относительно штаба. Штаб у нас был, но положение его было неприятное. Один раз, возвращаясь с собрания, я зашла в штаб, где была сосредоточена вся жизнь. И что же я застала? Я застала в штабе такую картину: сидит Каверин, весь кабинет заполнен попами, которые изливали перед ним свою душу и рассказывали о том, как ночью бандиты напали на них, душили, издевались и т. д. Выходило так, что штаб должен был заниматься борьбой с грабежами. У меня было такое впечатление, что товарищи, которые должны были быть ближе к делам обороны, на самом деле вынуждены были больше бороться с уголовщиной.

Еще я помню такой инцидент: однажды утром, когда мы подходили к Совету, то увидели, что вся площадь заполнена инвалидами на костылях, без костылей и т. д. Оказывается, что они узнали о том, что у нас есть какие-то деньги: они знали; что мы взяли контрибуцию, и не хотели нас выпустить, не получив от нас эти денежки. Иногда пройти к Совету нельзя было, приходилось приезжать на извозчике, но тем не менее все знали нас; когда мы приходили, раздавались крики из толпы: „Вот они пришли". Настроение было очень нехорошее. У нас в организации произошел еще один замечательный инцидент, характерный для того времени. К нам приехал однажды товарищ, который пред'явил московский мандат и заявил при этом, что у него юридическое образование и что он — политический каторжанин. У нас в то время не было комиссара юстиции, и мы назначили его на эту должность. Несколько ночей он ночевал у нас, потому что у него не было квартиры, Когда я ездила в Москву, то привезла ему материал, как поставить дело. А через несколько времени оказалось, что он вовсе не юрист, а на каторге был не как политический, а как уголовный каторжанин. И вот, когда уголовные начали хозяйничать у нас в Екатеринославе, то этот „товарищ", по фамилии Садовский, пропал. Оказалось, что уголовные захватили его с собой.

Теперь я хочу рассказать о нескольких последних днях нашего пребывания в городе. Последние дни мы не ночевали у себя на квартире, так как трудно было знать, в какой час мы уедем. Я помню, что последние две ночи мы ночевали в Совете, откуда мы просто не выходили. В последний день, часам к 12-ти, к нам пришли и сказали, что немцы в Горяиново. Еще раньше говорили, что происходит бой на Брестском базаре, что там разогнали баб и т. п. В общем положение было скверное. В 5 часов вечера выехала машина, на которой сидели: Розен, Эпштейн, я и другие, а в 7 часов была дана другая машина, на которой выехали Квиринг и Каверин, причем, пока они не приехали к нам, мы были уверены в том, что они уже не приедут, потому что нужно было проехать мост. А когда он и большой вокзал в руках немцев, то каждый екатеринославец знает, что это не так-то легко и просто. Эти два часа мы провели в страшном волнении. Когда я услышала их голоса, то я проснулась. Они говорили о том, что на них напала

вся прицепившаяся братия, говорили, что кто-то был расстрелян, потом кто-то куда-то исчез. Вошел Квиринг и сказал, что паровоза нет. К нашему эшелону, который состоял из тех, кто до последней минуты оставался в городе, присоединились еще несколько человек. Эшелон предполагался человек на двести, но вскоре около него образовался огромный хвост, для которого потребовался бы большой состав.

Когда узнали о том, что паровоза нет, здесь началась пытка. Говорили, что меня пересаживают в вагон Гузарского (Богушевского), но этого вагона не нашли, потому что оказалось, что он уже ушел. Эти знаменитые войска, которые защищали Екатеринослав, были действительно „авангардом" и ушли первые.

Затем нам сказали, что нет паровоза; начали упрекать Квиринга и Аверина за то, что они не позаботились о паровозе, но в конце концов отыскали какой-то паровоз. Оказалось, что он не годится и ехать на нем нельзя, но кто-то из железнодорожников взялся довезти нас до Синельниково.

Только после Синельниково нам дали другой паровоз.

Эти подробности можно было бы не повторять для истории, если бы не появились такие сведения, как, например, в немецкой книжке, где было сказано, что Екатеринославский Совет бежал первым. Или такие сведения, как рассказывает Евгения Бош, что Екатеринославский Совет бежал за две недели до прихода немцев. Вот поэтому я и считаю важным все это подчеркнуть. Нельзя же оставлять без внимания эти места, когда нам преподносят подобные комплименты в печати, и, вообще, такие вещи не могут оставаться без опровержений. Меньшевики, несмотря на всю свою ненависть к большевикам, писали о мужестве нашего Совета; ряд меньшевиков предлагал нам приют и говорили, что „если вы не успеете уехать на машине, то мы вас спрячем". Мы добрались до Синельниково, переменили паровоз и поехали дальше. До Синельниково было ощутительно, что мы бежим от немцев, но потом публика успокоилась. Так с большими приключениями мы оставили Екатеринослав.

С. Гопнер.

В дни подполья.

Апрель—декабрь 1918 г. в Екатеринославе.

(Из воспоминаний железнодорожника).

В ночь с 4-го на 5-е апреля 1918 года, под сильным напором наступавших с запада организованных австро-германско-гайдамацких войск на Екатеринослав, Советская власть эвакуировалась со всеми учреждениями; в последнюю очередь были эвакуированы Управление Екатерининской жел. дор., Исполнительный Комитет и Военно-Революционный Штаб Ек. ж. д.

На другой день, т.-е. 5-го апреля утром, на площади около вокзала лежала большая гора расстрелянных гайдамаками подозреваемых в принадлежности к большевикам рабочих и служащих. Помимо массовых расстрелов рабочих, гайдамаки, под предводительством австро-германского военного командования, продолжали арестовывать рабочих, подозреваемых в большевизме, к которым применяли самые грубые и варварские пытки, били шомполами и колючей проволокой, отсчитывали от 10 до 50 ударов.

Австро германско-гайдамацкие деяния настолько раскрыли глаза рабочим и служащим, что по истечении нескольких дней настроение определенно было за Советскую власть.

Несмотря на разгул бело-желто-блакитного террора, на Екатеринославщине стали создаваться партийные организации из тех товарищей, которые были оставлены для подпольной работы из случайно оставшихся в тылу.

Когда была устроена Горсоветом демонстрация 1-го мая, то у нас был сборный пункт на первой Чечелевке, около дома научного общества. Сбор был назначен в 9 час. утра, но собирались очень туго, и только к 12 часам, демонстрация двинулась по направлению к Соборной площади. Я участия в этом шествии не принимал, а отправился обозревать, какие имеются военные силы австро-германско-гайдамацких войск.

Когда я пришел через Александро-Невскую площадь к вокзальной площади, то увидел, что после ушедшей последней колонны демонстрантов стали выходить с вокзала в полной боевой готовности австро-германские войска, которые расположились около вокзала, ж.-д. больницы и Управления дороги, повидимому, ожидая со стороны демонстрантов каких-нибудь эксцессов. Но, к счастью, в среде демонстрантов не оказалось ни одного, который смог бы вызвать эксцесс и натравить австро-германские войска на демонстрантов. Демонстрация прошла спокойно и в результате масса ясно увидела наличие сил противников и отдавала себе отчет о том, что недалек тот час, когда их банды будут выбиты из Екатеринослава.

Не то в мае, не то в июне в Екатеринослав приехал тов. Сиволап Поликарп (Полик), который был послан Всеукраинским Организационным Бюро по созыву 1-го Всеукраинского С'езда большевиков.

Тов. Сиволап явился на квартиру к т. Шевченко И., который передал тов. Сиволапа мне; последний сообщил мне о цели своего приезда в Екатеринослав, после чего я решил его связать с фракцией большевиков Екатеринославского Горсовета, который в то время существовал полулегально и устраивал свои заседания в доме научного общества на 1-й Чечелевке. После одного заседания Горсовета я предложил остаться всем членам Горсовета большевикам и заслушать коротенькую информацию т. Сиволапа. На этом совещании присутствовало 5 товарищей: Нектов, Быченко, Сиволап, я и одного не помню; тов. Сиволап проинформировал нас о назначенном в Москве 1-м Всеукраинском С'езде большевиков, вручил тов. Нектову брошюру „Извещение о созыве 1-го Всеукраинского С'езда большевиков" и сообщил пароль т. Скрыпника, после чего было решено широко оповестить членов организации и произвести выборы делегатов по модусу одного делегата от 25 членов организации.

Когда я с т. Шевченко начали выяснять наличие членов большевистской организации жел.-дор. района, то таковых насчитывалось 18 чел., от коих решили послать одного делегата на 1-й Всеукраинский С'езд большевиков. На С'езд пришлось ехать мне. Мне никогда в жизни не приходилось переезжать неприятельскую границу. В Москве на с'езде был поставлен целый ряд вопросов. Но во время работы с'езда, в Москве произошел террористический акт на консула Мирбаха, и Советская власть в этот момент была на волосок от войны с Германией. Но правительству удалось убедить германское правительство в том, что этот акт произошел не по вине Советского правительства, а по вине английского правительства, которое имели своих агентов на территории РСФСР. Войны удалось избежать.

После убийства немецкого консула Мирбаха, через короткое время левые эс-эры в Москве подняли вооруженное восстание против Советской власти. Наш с'езд был вынужден прервать свою работу, и все делегаты были призваны под ружье. Восставшие левые эс-эры, под напором вооруженных московских рабочих, вынуждены были отступать и ушли по направлению к Курскому вокзалу. Вскоре их восстание было ликвидировано.

Наш с'езд снова приступил к работам, но во время проработки последних вопросов мы получили извещение о том, что на Украине вспыхнула общая железнодорожная забастовка. Все делегаты были в возбужденном состоянии, так как каждый из нас рвался скорее поехать на Украину и принять участие в стачке.

После закрытия с'езда делегаты стали раз'езжаться на места, причем часть поехала через Белгород, а часть через Брянск на хутор Михайловское. Я поехал через Брянск на хутор Михайловское, Конотоп, Бахмач, Черкассы, а в Черкассах сел на пароход и встретился с некоторыми железнодорожниками, которые возвращались с пути застигнутыми забастовкой. На пароходе железнодорожники чуть ли не пальцами тыкали в меня, одновременно произнося громогласно: „большевик". Я в целях предупреждения стал шопотом просить этих железнодорожников, чтобы они на пароходе вовсе не говорили о политических убеждениях, так как мы окружены шпиками и агентами Скоропадского, которые могут нас арестовать и посадить в тюрьму. Железнодорожники приняли во внимание мое предостережение, и все мы приехали в Екатеринослав благополучно.

Не успел я показаться на Чечелевке с тюком московской литературы, как меня окружили железнодорожники и стали расспрашивать о политическом и экономическом положении РСФСР, что я и сделал.

На другой день после приезда в Екатеринослав я стал искать связи с железнодорожным стачечным комитетом. Связь удалось установить с тов. Коломойцем Ив., через которого я стал получать кой-какую информацию о состоянии стачки, руководстве Дорожным Стачечным Комитетом, о политическом влиянии разных партий и о перспективах стачки.

Когда возвратились в Екатеринослав все наши делегаты I-го Всеукраинского с'езда большевиков, было созвано партсобрание, на котором присутствовали т. т. Амосов, Кузнецов, Дербасов, Таранущенко, Золотов и ряд других, фамилий коих не помню. На этом партсобрании т. Амосов сделал отчетный доклад о работе с'езда, а в текущих делах мне было поручено связаться с Дорожным Стачечным Комитетом. Попутно с этой работой ко мне на квартиру приехал из Одессы член партии левых с.-р. тов. Василевский, по словам которого я узнал, что ему мой адрес дал коммунар т. Петр Ланин. Я к т. Василевскому отнесся с подозрением, полагая, что он шпик, который добивается от меня связи с Дорожным Стачечным Комитетом. Я несколько дней водил его за нос и одновременно выпытывал у него, с какими целями он приехал в Екатеринослав и какую работу хотел осуществить. Он мне подробно рассказал о существовании всеукраинской финансовой комиссии по оказанию помощи железнодорожникам, пострадавшим за стачку и политические убеждения, и одновременно жаловался мне на тех членов левых с.-р., у которых были установлены явочные квартиры, но явок он — т. Василевский, ни одной не нашел. После всего этого я предложил ему, чтобы он дал условную телеграмму в гор. Одессу члену финансовой комиссии о немедленном приезде в гор. Екатеринослав.

До приезда члена финансовой комиссии т. Гродова-Матвеева мною была создана из членов компартии тт. Борисова (Богдан), Апокина П., меня и л. с.-р. тов. Василевского инициативная тройка Екатерининской железной дороги по оказанию помощи пострадавшим железнодорожникам. Когда приехал т. Гродов-Матвеев, я созвал в своей квартире совещание инициативной группы, на каковой Гродов-Матвеев сделал информацию о финансовой комиссии (она состояла из тт. Гродова-Матвеева, Чухманенко и Реут Михаила) и перспективах работы. Инициативная группа была переименована в Дорожный Революционный Стачечный Комитет. Я связал т. Василевского с т. Коломойцевым, который ввел его представителем от л. с.-р. партии в Дорожный Стачком, находившийся под полным руководством меньшевистско-эс-эровской партии. Когда т. Василевский стал работать в меньшевистско-эс-эровском Стачкоме, он завязал связь с т. Колосом Григорием, который тогда состоял членом партии лев. с.-р. Через т. Василевского я познакомился с т. Колосом. Последний из'явил свое согласие влиться для работы в наш Дорожный Революционный Стачком по оказанию помощи железнодорожникам. Наряду с проводимой нашим Ревстачкомом работой, финансовая комиссия в сентябре созвала в гор. Харькове Всеукраинскую Конференцию Дорожных Ревстачкомов, на которую приехали представители г. г. Одессы, Харькова, Екатеринослава и Киева. В общем, на нелегальной конференции присутствовали 27 делегатов, которые частью принадлежали к меньшевикам и большевикам и один — к левым с.-р. Конференция закончила

свою работу и избрала Всеукраинское Бюро нелегального ж.-д. союза в лице т. т. Гродова-Матвеева, Савченко и Таранущенко, которое решило устроить свою постоянную резиденцию в гор. Екатеринославе и оттуда развернуть работу по созыву 4-х окружных жел.-дор. с'ездов: Екатеринославского, Одесского, Киевского и Харьковского.

До конференции на одном из заседаний Екатеринославского Комитета большевиков было решено выпустить листовку ко всем рабочим и беднейшим крестьянам с призывом о вооруженном восстании и восстановлении Соввласти. На следующем заседании Екатеринославского Комитета был поставлен вопрос, в целях конспирации, о реорганизации и создании троек и пятерок. Но этот вопрос был снят с обсуждения и обсуждался один вопрос — об арестованных гетманскими властями тт. Сиволапе и Варлене.

По окончании прений стали расходиться по домам, но тут на нас в степи напала облава варты. Мы бросились кто куда. Варта открыла стрельбу. Я решил живым не сдаться и пустился бежать. По Павлоградской улице в одном дворе я спрятался в кустах сирени. По мне стреляли вартовые из винтовки и шпик из револьвера. В результате было дано по мне около двадцати выстрелов, но ни одна пуля меня не задела. Шпик вскочил в тот двор, где я спрятался, и арестовал совершенно непричастного рабочего. Минут через 25 я вышел из того двора и сбежал на Амур, где укрывался у знакомых 4 дня. По истечении 4-х дней я вернулся в Екатеринослав, встретил т. Мирошниченко А., которого послал к себе на квартиру сделать разведку, и когда он возвратился из разведки и сообщил мне о благополучном состоянии моей квартиры, я пришел и, очистив ее от литературы, снова принялся за работу.

На созванном заседании Дорожного Ревстачкома было решено заслушать информацию возвратившихся из поездки в Москву т. т. Шалюпы и Полторацкого. Они явились на следующее наше заседание и проинформировали нас, после чего согласились работать в нашем Дорожном Ревстачкоме.

В октябре месяце ЦК КП(б)У была созвана в г. Орле партконференция Донецкого-Криворожского бассейна, на которую я был делегирован от Дорожного Революционного Стачечного Комитета. По возвращении с конференции было созвано совещание членов Дорожного Ревстачкома, на котором присутствовали тт. Борисов, Апокин и Таранущенко.

После моей информации мы единодушно решили реорганизоваться из Стачкома в Дорпартком КП(б)У и втянуть в партию т. т. Колоса, Шалюпу и Полторацкого. До от'езда в г. Орел на конференцию мне т. Амосов передал тт. Година и Орделяна, которые в момент реорганизации и создания Дорпарткома выехали из Екатеринослава для работы в жел.-дорожном районе. Когда тт. Колос, Шалюпа и Полторацкий были нами приняты в компартию, то Дорпартком расширился и состоял из следующих тт.: Таранущенко, Апокина, Борисова, Колоса, Година, Орделяна, Шалюпы и Полторацкого. Дорпартком из своей среды выделил Дорожный Военно-Революционный Штаб в составе т. т. Колоса, Борисова и Орделяна. Связь с железнодорожным сектором ЦК КП(б)У была установлена. Явкой была моя квартира, по шестой Чечелевке, д. № 1. Постоянным курьером был т. Бовзей, который чуть ли не ежедневно привозил директивы шифрованными письмами.

С. Таранущенко.

Из истории борьбы за Совvласть на Екатеринославщине.

1918 год.

8-го сентября 1918 г. я и тт. Орделян Федор (Антон) и Орделян Илья (два брата) прибыли, согласно директив ЦК КП(б) Украины, в Екатеринослав для подпольной работы среди железнодорожников Екатерининской ж. д.

Положение пролетарских организаций, а равно и отдельных революционеров, после разгрома всеукраинской железнодорожной забастовки было весьма тяжелым.

Целыми группами выкидывались рабочие за борт мастерских, участков, депо и станций. Реакция „скоропадщины", укрепленная австро-немецкой оккупацией, торжествовала во всю и творила свое черное дело. Лучшие транспортники арестовывались и угонялись куда-то на принудительные работы, а организации хирели и уходили в подполье.

Такое положение мы застали по своем приезде на Екатерининской ж. д. Наша задача, согласно инструкции транспортного отдела ЦК КП(б), заключалась, в общем, в подготовке вооруженного восстания, для чего нужно было организовать военно-революционные комитеты и партийные организации.

Около 10 дней было затрачено на отыскание связей с подпольными организациями и на связь с железнодорожным партийным комитетом Екатерининской дороги[1]). Разработав план действий, мы в срочном порядке приступили к его выполнению.

Раз'ехавшись в разных направлениях по дороге, мы с трудом отыскивали надежных товарищей, с которыми устанавливали связь и оставляли им инструкции по организации ревкомов и партийных ячеек, и уже в конце октября мы имели 13 районных ревкомов и 21 подрайонных и столько же парт'ячеек.

Районы были организованы так: 1) Екатеринослав, 2) Нижнеднепровск, 3) Александровск, 4) Пологи, 5) Гришино, 6) Юзово, 7) Авдеевка, 8) Мариуполь, 9) Горловка, 10) Таганрог, 11) Попасная, 12) Луганск, 13) Долгинцево. Кроме того, мы связались с Николаевом и Крюковом Южных дорог, а главное — мы связались с харьковским транспортным комитетом через т. Иванова Павла.

Работа по организации боевых ячеек двигалась быстро. Установленная письменная связь мест с дорожным комитетом перестала удовлетворять как местные, так и дорожные организации. Возникла необходимость установить живую связь с помощью особого штата курьеров, беспрерывно курсирующих по районам. Такая связь обеспечивала нам

---

[1]) Дорожный партийный комитет состоял тогда из тт.: Таранущенко (Тараточка), Апокина, Шалюпы, Полторацкого, Борисова (Богданова).

возможность, на основании точных информаций, кои мы получали почти ежедневно, руководить нашими местными ячейками и районами, учитывая их особенности.

В момент организации наблюдалось и провоцирование нас со всех сторон. Один из таких моментов остался в моей памяти. Как-то утром т. Шалюпа в нашем Ревкоме доложил, что какой-то австрийский офицер ищет большевиков для сообщения им какой-то особенно важной новости, и что если желательно, то можно через одного рабочего повести с ним переговоры. Ревком, подозревая возможность провокации, на это не соглашался. Тогда я решил повести с ним переговоры от своего имени. Свидание состоялось возле управления дороги на Проспекте. Чтобы избежать возможных недоразумений и провокаций, я попросил т. Орделяна установить за нами негласное наблюдение. Переговоры велись на польском языке. Офицер предлагал, в связи со своим от'ездом на родину, сдать нам оружие двух своих рот, размещенных в районе Орехово, близ Александровска (Запорожье). Переговоры длились около часу, после чего он предложил мне отправиться с ним на вокзал. Поняв, что меня хотят поймать на удочку, я указал на стоявшего неподалеку т. Орделяна и заявил, что я если ступлю одной ногой на ступеньку вокзала, то мы оба будем мертвы. Видя неудачу в попытке меня арестовать, офицер сочно выругался по моему адресу и, не слушая моего ответа, быстро скрылся на вокзал.

Так протекал наш организационный период вплоть до нашего выступления, которое совершилось при следующих обстоятельствах. В Губревкоме 16 ноября 1918 г. состоялось очередное совещание, где я принимал активное участие, как один из членов его, в качестве представителя дорожного комитета[1]). Там встал вопрос о предстоящем собрании безработных железнодорожников, которое созывается по инициативе меньшевиков. Было внесено предложение об его использовании, что и было поручено мне.

После этого заседания я и т. Колосов (Снегов) в нашей конспиративной квартире (Пушкинская, 40) вели подготовительную работу к предстоящему собранию. Были составлены две листовки, и мы отпечатали их на протяжении ночи на шапирографе в количестве около 400 экземпляров.

Утром 17 ноября, в воскресенье, было созвано экстренное совещание дорожного партийного комитета и дорревкома, на котором был детально обсужден порядок использования предстоящего собрания.

На своем совещании мы распределили между собою роли. Мне поручено было выступить с речью,

В 11—12 часов утра 17 ноября в театре б. „Трезвости" при паровозных мастерских, правый с.-р. Юрченко открыл собрание. Чтобы создать благоприятную обстановку для разбрасывания приготовленных нами листовок, я предложил собранию почтить вставанием память павших во время демонстрации в Киеве студентов. Я предлагаю спеть похоронный марш. Председатель колеблется, но собравшиеся уже поют, и в этот момент со всех углов в массу полетели листовки.

Доклад о положении безработных железнодорожников, уволенных за забастовку, делал меньшевик, предлагая просить управление Ека-

---

[1]) Членами Губревкома были тт.: Золотов Ф., Кузнецов Я., Миронов, Донцов, Годин, Макаров.

терининской ж. д. и немецкое командование дать им работу. Под именем Юрченко я взял себе слово, которое получил сейчас же после доклада.

— Товарищи! Вам предлагают меры борьбы с безработицей, которые не могут разрешить ни в какой степени этот больной вопрос. Меньшевики неспособны вести решительную борьбу...

— Опять раскол? — спросил меня кто-то из первых рядов.

— Да, раскол,— ответил я.—Таганрогский меньшевистский комитет принял резолюцию поддерживать добровольческую армию [1]), ту армию, благодаря которой мы с вами не имеем работы.

— Долой добровольцев! — крикнул кто-то в партере.

Поднялась суматоха. Кого-то пытались вывести из театра. Образовалась толпа. Председатель растерянно призывает к порядку.

— Долой его, — раздался голос.

— Просим! Просим!— загудела толпа.

10—15 минут беспорядка. Наконец, собрание успокоилось. Рассказав о большевистской тактике, о мерах борьбы, я закончил свою почти часовую речь лозунгом: „Да здравствует Советская власть!"

Дружными аплодисментами была встречена моя речь. Взволнованный происшедшим, усталый от бессонно проведенной ночи, я быстро сбежал по рампе и спрыгнул в зал.

Открывшиеся прения пошли совершенно не по тому пути, по которому предполагали меньшевики. Обсуждали предложения, которые выдвинул я в своей речи.

В зале рабочие предупреждали меня о том, чтобы я ушел, ибо я могу быть арестован. С трудом отделался я от шпиков, затеряв их в толпе Озерного базара. Вечером комитет предложил мне не показываться в городе.

18—19 ноября ко мне на квартиру пришли тт. Полторацкий и Орделян и сообщили, что в Харькове произошел петлюровский переворот и образована Директория в лице Петлюры, Винниченко и Балбачана.

Боясь опоздать с выступлением и потерять массу, я выдвинул проект об образовании на Екатерининской ж. д. директории и выдвинул туда кандидатов тт. Полторацкого, Шалюпу и Колосова с тем, чтобы использовать момент и об‘явить по дороге восстание.

Создание этой директория было проведено через Совет профессиональных союзов [2]) железнодорожников. На другой день к нам присоединились левые соц.-рев., и тройку расширили до пяти (3 большевика и 2 левых эс-эра).

20—21 ноября в директории встретились затруднения. Нужно было составить телеграмму для оглашения по линии о директории и ее задачах, а равно и обращение к железнодорожникам. Меня пригласили в нашу штаб-квартиру [3]), где я приступил к редактированию вышеуказанных документов. Во время обсуждения их к нам вошел руководитель вольных казаков (петлюровец) Домбровский с просьбой оказать им со-

[1]) Такая заметка была в меньшевистской газете „Рабочее Дело", издававшейся в Екатеринославе.

[2]) Союзы были ленточные, т.-е. по профессии; на транспорте их было около 15.

[3]) Штаб-квартира помещалась в союзе стрелочников, сторожей, составителей и сцепщиков в доме Управления Екат. ж. д.

действие в борьбе с добровольцами, которые, по их сведениям, предполагали в ту ночь их разоружить.

— Дайте нам ваших людей,— обратился он к нам.

— Люди в нас знайдуться, але в нас бракує рушниць та пістолів,— ответил я.

— Рушниці ми вам дамо.

— А куди треба звертатись нашим людям та який ваш пропуск?— спросил я.

— В штаб. Перепуски ми вам зараз видамо. Прошу вас до штабу.

Желая использовать случай для получения нужного нам для выступления оружия, я, не медля ни минуты, отправился с ним в штаб, помещавшийся по Провиантской ул., д. № 10. Получив 10 пропусков, я возвратился к себе и срочно командировал т. Орделяна в район Фабрики и Кайдак с тем, чтобы поднять на ноги всех, кого можно, вручить им пропуска и отправлять их за получением оружия.

На Фабрике удалось найти тт. Кузнецова и Апокина, и втроем мы отправились в Кайдаки. На Кайдаках присоединился к нам т. Золотов с братом, и эта пятерка товарищей, разоружив Кайдакскую варту, отправилась разоружать их в Брянскую колонию. Получив довольно приличное количество оружия от разоружения варты, в ту же ночь Кайдакская организация об'явила себя легальной, и на одном из домов был выброшен красный флаг: „Да здравствует Советская власть!“ Утром об'явили мобилизацию всех коммунистов, которых набралось около 300 товарищей. Так совершилось первое наше выступление.

Оставшись в штабе, я закончил составление документов и отправил их на телеграф. Там их отправить не удалось, так как петлюровские власти, господствовашие в районе вокзала, усмотрели в них контр-выступление против них. Произошел обмен нотами. Я стал угрожать отказом в помощи, которую им обещал.

Меня вновь пригласили в петлюровский штаб. Полковник, пан Божко, меня спросил.

— Кто вы?

— Я большевик.

— За что вы боретесь?

— За рабочий класс, — ответил я.— А вы?

— За крестьянство.

— Возвратите нам пропуска,— потребовал Божко.

— У меня их нет. — Они в отрядах.

С криком накинулся Божко на выдавших пропуска, стараясь сохранить внешнее спокойствие и продолжая вести со мной политический спор.

Желая поскорее отделаться от ненужного разговора, я, сделав разочарованный вид, высказал неудовлетворение по существу случившегося, раскланялся и вышел.

Так в Екатеринославе добавилась к трем существовавшим тогда властям — немцев, добровольцев и петлюровцев — еще и власть большевиков.

Железнодорожная организация приступила к организации восстания в Нижнеднепровске. В столовой мастерских производился набор красноармейцев. Правда, это проходило слишком медленно. Лишь через неделю был выброшен на ст. Нижнеднепровск советский флаг. Наш

ревком немедленно приступил к реквизиции всех грузов, находящихся на станции. Реквизиция производилась по строгому плану. Была составлена инструкция, по которой реквизиции подлежали грузы: идущие в адреса военных частей, идущие в адреса органов властей, имеющие общественное значение, а также все продовольственные грузы, необходимые для питания Красной армии. Таким образом, под реквизицию подходили почти все грузы, без исключения.

С легализацией Нижнеднепровского восстания был переведен в Нижнеднепровск Дорожный Ревком, а вскоре и Губревком.

Дорожный штаб, в составе председателя Година, секретаря Костючка [1]), помощника нач. штаба Орделяна, командующего Колосова и других, поместился в вагоне-микст 1/2 класса, который стоял у вокзала на запасном пути. Губревком поместился в помещении завода „Гантке".

Закипела лихорадочная работа всех властей по мобилизации сил. Все готовились к предстоящим боям.

В одно прекрасное утро мне доложили, что в Нижнеднепровск прибыли немцы и на перроне выставили свои пулеметы. Нужно было отправиться к ним на переговоры. На вокзале у нас с немецким комендантом, через переводчика, состоялось об'яснение. Немцы обвиняли нас в том, что мы не пропускаем их грузы, а равно и воинские немецкие части. Мы извинились за возможные наши ошибки, просили считать их недоразумением, предложили им назначить своего коменданта, с которым бы мы контактировали свою работу.

Они согласились, и пулеметы моментально были сняты, а их вагоны (7 вагонов) были поставлены рядом с нашим штабом на запасный путь. Дальнейшая их работа была ограничена охраною своих вагонов.

Петлюровцы об'явили мобилизацию, и в дачных поездах [2]) доставляли мобилизованных в Екатеринослав в виде пассажиров. Узнав об этом, мы приступили к распропагандированию мобилизованных крестьян. Встречая по утрам дачный поезд, проходя по вагонам, просили мобилизованных выйти из вагона и, отправив поезд, устраивали им митинг с раз'яснением задач петлюровцев и большевиков. Предложение наше было либо присоединиться к нам, либо отправиться по домам. Последнее нам очень удавалось.

Видя слабый приток пополнений, петлюровцы решили переправлять через нашу территорию свои войска специальными воинскими поездами при полном вооружении.

Однажды, когда я сидел в Екатеринославе, в редакции „Донецкий Коммунист", из Нижнеднепровска один из товарищей, работавший в нашем штабе, сообщил мне, что из Синельникова к нам просится какой-то воинский поезд. Было немедленно отдано распоряжение о задержании поезда в Синельникове. Прибыв в Нижнеднепровск, мы по прямому проводу завязали с ним переговоры. Они настоятельно требовали, чтобы их пропустили. Мы настойчиво им в этом отказывали. Они угрожали проездом без нашей санкции, а мы угрожали им, что взорвем их на воздух. В конце концов согласились на парламентерские переговоры. Эта мера дипломатического характера была вызвана тем обстоятельством, что у нас не было достаточно вооруженных сил для

---

[1]) В дни восстания погиб без вести.

[2]) Движение поездов между Екатеринославом и Синельниково не прекращалось.

того, чтобы воспрепятствовать их продвижению. Около 9-ти часов вечера наши парламентеры вышли навстречу движущимся войскам, приняв меры к возможному разоружению. Застигнутые врасплох петлюровские части в числе 352 штыков были обезоружены и доставлены в штаб. Младший персонал — „вольные казаки“ — на другой день из'явили свое согласие дальше служить у нас, а старший комсостав был арестован.

Таким образом, мы совершенно неожиданно для себя получили довольно солидное подкрепление.

В первых числах декабря мы созвали дорожную партийную конференцию, на которую прибыло с мест около 20 товарищей. Конференция разрешала вопросы: 1) организации выступления по всей дороге, 2) подготовки дорожного с'езда профсоюзов, 3) выборов дорожного партийного комитета.

К сожалению, не помню решения по первому вопросу; второй вопрос был разрешен в положительном смысле, и с'езд профсоюзов был назначен на 20—26 декабря. Дорожный комитет был избран в составе тт. Година, Апокина, Борисова, Колосова Гр., Шалюпы, Полторацкого, Таранущенко, Орделяна и двух линейных товарищей, фамилий которых не помню.

Между дорожной конференцией и дорожным с'ездом возвратился из центра левый эс-эр т. Стамо (ныне коммунист), который пользовался большим авторитетом среди железнодорожников. На одном собрании железнодорожников т. Стамо делал информацию о действиях большевиков в Москве, связывая их, главным образом, с арестом Марии Спиридоновой за лево-эс-эровское восстание в 1918 году. Как появление т. Стамо на трибуне, так и его речь были встречены бурными аплодисментами. Настроение у большевиков первое время было под знаком вопроса. Сможем ли мы сегодня овладеть собранием?

В прениях, по поручению дорожного комитета, пришлось выступить и мне. Доказывая контр-революционность выступления левых эс-эров, мне одновременно нужно было доказать рабочим и лживость тех выводов, какие делал т. Стамо в отношении большевиков, оттеняя их, как узурпаторов, насильников и т. д. Мое выступление было встречено не менее сочувственно, и в результате собранию были предложены 2 резолюции: одна — составленная т. Стамо, другая — мною, которая и была принята. Видя свое поражение, т. Стамо обратился ко мне с предложением, чтобы ни мы, ни они не выступали больше на общих собраниях с осуждением тактики той и другой партии, а составить блок и действовать единым фронтом. Это было согласовано, и в дальнейшем противоречий у нас с левыми эс-эрами не было.

Была слабая попытка заключить с нами блок и со стороны петлюровцев, по крайней мере, разговор в таком направлении вел со мной один из деятелей петлюровской организации. На их попытку я ответил таким предложением, чтобы они разрешили нам выступить перед их войсками с нашей декларацией, а мы разрешаем им, и если наши войска или их войска согласятся с тем или иным предложением, то мы поступим согласно принятых решений, то-есть либо будем действовать как большевики, либо как украинские социал-демократы. Он на это не согласился, и дело на этом окончилось.

Дорожный делегатский с'езд был созван 24 декабря. В президиум с'езда были избраны следующие товарищи: Годин, Стамо, Борисов,

Шалюпа, Полторацкий, Пульман, (Перенский), Апокин, Таранущенко, Почта и друг. На с'езд прибыло около 40 делегатов с мест. Украинцы ухитрились послать двойное представительство — от союза и от своих партийных организаций. Главнейшая задача нашего левого крыла заключалась в том, чтобы выжить украинцев, чего мы достигли с некоторыми трудностями. В результате все украинцы на другой день оставили демонстративно наш с'езд. Меньшевики-интернационалисты плелись за нами. Обрабатывать их не представляло нам особого труда.

С'езд заседал в зале Управления Екатерининской ж. д. Получение залы было сопряжено с некоторыми затруднениями. Начальник дороги — инженер Гутовский — на наше требование ответил, что он залы предоставить не может, а кроме того, наш с'езд не согласован ни с какими существующими властями в Екатеринославе. В ответ на эти требования мы послали от с'езда специальную делегацию к Начдороги, где было заявлено, что приехали „хозяева" дороги, и если мы не получим добровольного согласия, то придется открыть дверь иным образом. Такое твердое заявление смутило начальника дороги, он попросил маленькой отсрочки, и, в конце концов, к вечеру нам был вручен ключ.

Порядок дня включал в себя основным вопросом организацию управления дороги с точки зрения политики Советской власти и второй вопрос—реорганизация профессионалных союзов. Из ленточных союзов необходимо было создать единый железнодорожный союз с производственным уклоном. Во фракции большевиков был обсужден вопрос о восстании на дороге, о мероприятиях отдельных районов. Так, например, Гришинскому Ревкому было дано задание отрезать возможность наступления со стороны Таганрога добровольческой армии.

По окончании первого дня работы с'езда я отправился на вокзал с тем, чтобы с дачным поездом отправиться в Нижнеднепровск. Поезда еще не было. В ожидании поезда в зале 4 класса я достал из кармана газету „Донецкий Коммунист" и стал просматривать. Увлекшись чтением, я совершенно не заметил, как ко мне подошли 2 вооруженных вольных казака.

— Ось він, більшовик! — воскликнул один из них.

— Да, більшовик,— подтвердил я. — А що вам треба?

— Бери його, — предложил другой.

Меня взяли в караульное помещение, которое помещалось там же, отделенное лишь барьером. Был учинен публичный обыск, но ничего предосудительного ие было найдено, хотя при мне был револьвер системы „Стеер", печать дорожного партийного комитета и целая куча разных инструкций.

После обыска, под конвоем двух вооруженных, я был отправлен в штаб, помещавшийся в гостинице „Астория".

В штабе меня сдали коменданту, который с места в карьер приступил к допросу. Я показал, что я — делегат дорожного с'езда, на что пред'явил свой мандат, как делегат от Екатеринославских паровозных мастерских, и добавил, что, если он желает обо мне узнать подробнее, пусть позвонит в „Спілку", и указал адрес и телефон. Не откладывая в долгий ящик, он взял трубку, вызвал указаный мною телефон и стал подробно допытываться, кто я такой. Он разговаривал с т. Пульманом, и когда узнал, что Пульман — большевик, бросил со злобой телефонную трубку, которая от его усердия разбилась вдребезги. Выйдя из себя от

того, что я его направил по адресу большевиков, он набросился на меня, пытаясь нанести удар. Выразив протест против грубого обращения, я потребовал немедленного доставления меня к комиссару Василько.

Моя просьба была удовлетворена, и я предстал перед комиссаром, который встретил меня ироническим возгласом:

— О, на віщо ви його привели, тут і так більшовиками пахне.

— Хай пахне,— возразил я, и тут же изложил ему, что комендант доложил большевикам о моем аресте.

Это сообщение вызвало у него большое недоумение. Как мог комендант докладывать большевикам? Комендант, смущенный, дал пояснение, как это случилось, во всем обвиняя меня. Но делать им было нечего, необходимо было искать выход для моего освобождения. В этом вопросе я иду им навстречу, и происходит следующий диалог:

— У вас заарештовано одного відомого контр-революціонера. Його треба розстріляти,— предложил комиссар Василько.

— А хто саме? Прізвище?

— Ви сами добре знаєте.

— Коли на вашу думку його треба розстріляти, то ми видамо його вам і ви це зробите.

— Ні, це зробите ви. А коли ні, то ми будемо розстрілювати вас десятками.

— Добре,— согласился я, хотя и знал, что никаких арестованных контр-революционеров у нас не было.

После этого, как бы официального, разговора Василько попытался получить от меня информацию о состоянии наших войск. Я ответил, что войск мы имеем около 25 тысяч [1]). Говоря об этом, я имел в виду общее количество организованных рабочих.

— Ого!— удивился комиссар.

Обеспокоенный поздним часом и тем, что я не смогу попасть в Нижнеднепровск, я потребовал, чтобы он меня освободил и выдал бы бумажку, которую я предполагал использовать, как пропуск через мост. Мост со стороны Екатеринослава был занят ими, а со стороны Нижнеднепровска нами. Освободить меня он согласился, а выдать бумажку отказался. Еще раз напомнив мне о необходимости расстрелять контрреволюционера, он распорядился коменданту вывести меня из штаба.

По выходе из штаба я направился в помещение „Спілки", где работал в Мандатной Комиссии С'езда тов. Пульман, и мы вместе направились в Нижнеднепровск, но на мосту нас не пропустили, мы возвратились на вокзал к коменданту станции Горобцу за пропуском. Трем из нас пропуск был выдан немедленно, а меня подвергли новому аресту.

Был учинен в присутствии толпы обыск. Меня раздели и стали шарить по всем карманам. Обнаружили „Стеер", печать и инструкции. Комендант отправил меня в соседнюю комнату. Я сообщил ему, что только-что освобожден из-под ареста Василько. Чтобы убедиться в правильности моих слов он начал звонить в свой штаб.

В помещении, куда я был посажен предварительно, оказалось 2 офицера и один „вольный козак", приставленный ко мне во избежание моего побега.

---

[1]) Через несколько дней мы наступали на Екатеринослав, у нас было войск около 1500 человек.

— Жид? — спросил меня один из офицеров.

— Нет. — ответил я. — А разве не все равно, кто я по национальности.

— У вас, у большевиков, все жиды. Ленин — жид, Троцкий — жид. Зиновьев — жид, — словом, вся власть жидовская.

— Ленин не жид, — возразил я, — а остальные, может, и жиды, но они лучшие борцы за рабочий класс, а у вас не созывается с'езд евреев богачей [1])? Вы с ними считаетесь, а рабочих и евреев, и русских вы топчете.

— Это не ваше дело.

— Я сам знаю, что пока это не мое дело...

— Пока и всегда.

Я завязал умышленно спор на политическую тему, подчеркивая рыль большевиков и измену петлюровцев с тем, чтобы слышал „вольной козак". Со стороны офицеров было несколько нетактичных, оскорбляющих выпадов по моему адресу, что убеждало меня в их бессильной злобе.

Наконец, появился комендант и приказал следовать за ним.

Под чрезвычайной охраной в количестве 4-х человек на легковом автомоболе меня и мои атрибуты, найденные при мне, вновь доставили в штаб в гост. „Астория".

Меня поставили в угол коридора, и через несколько минут я был окружен полсотней казаков. И опять укоры — жид и т. д. Я возражал.

— Какой губернии? — спросил меня один из козаков.

— Полтавской.

— Ще й земляк!..— воскликнул он и с особой злобой плюнул мне в лицо, послав в заключение мне хороший букет площадной ругани.

Издевательства вывели меня из равновесия, и я потребовал, громко крича, коменданта. Коменданта попросил отвести к Василько. Просьба была удовлетворена.

— Опять! — воскликнул Василько.

— Опять, я ж прохав папірця, то не дав, от і опять.

— Е! Так тоді ж у тебе не було пистоля й печатки. А оцих знаєш? — указывая на 4-х стоящих у стола товарищей.

— Нет.

— Це ж ваші комісари.

— А коли наші, то дозволь мені побалакати з ними.

— Можна.

Оказалось, что арестованные были работники нашей редакции „Донецкий Коммунист".

Меня это очень возмутило, и я стал громко протестовать.

— Вы делаете налет на действительно революционный орган, а под носом оставляете существовать „Приднепровский Край" [2]).

— Не хвилюйся...

— Я требую немедленного их и своего освобождения.

— Побачимо. Заспокойся.

Василько взял мой „Стеер", и видно было, что система ему незнакома, ибо он не мог ни зарядить, ни разрядить.

---

[1]) В Киеве созывался с'езд евреев—торгово-промышленников, в 1918 г.

[2]) „Приднепровский край"—монархическая газета, издававшаяся в Екатеринославе в 1918 году.

— Дай, я навчу тебе,— предложил я.

Он дал мне револьвер, и я, наведя на него дуло, стал заряжать. Он, сообразив, что сделал глупость, закричал:

— Ой! що ж я наробив?

— Не бойся, здесь не стану,— кладя на стол револьвер, успокоил я.

Часа в два ночи, после ряда новых требований ко мне о возврате им 252 винтовок, которые мы получили после разоружения их отрядов, мы были все освобождены.

Почти одновременно с моим арестом был арестован в полном составе Кайдакский штаб, возглавляемый тов. Золотовым. Но по требованию Нижнеднепровского штаба, они были освобождены.

Факты налета на штаб, арест редакции, разгон Совета Рабочих Депутатов, аресты отдельных революционеров, убийства из-за угла и т. п. заставили все наши организации серьезно призадуматься над методами дальнейшей борьбы. В результате нужно было стянуть все свои войска с Павлограда, Новомосковска и других пунктов и форсировать наступление. Пришлось также согласиться на помощь Махно.

Ревкомом был принят проект наступления, который состоял в общем в следующем: в Екатеринослав был пущен, без всякой прислуги и войск, из Нижнеднепровска поддельный броневик. Вслед за броневиком был пущен поезд с войсками, которые должны были занять воинскую платформу, на которой было сосредоточено около 16 трехдюймовых орудий. Этот план легко удался. 27-го декабря утром раздался первый орудийный выстрел. Этот выстрел бил по Петлюровскому штабу, на Провиантской, 10.

Наш с'езд прекратил свою работу. Значительная часть делегатов приняла активное участие в уличных боях, а часть занялась работой на захваченной нами станции.

Пять дней неравной борьбы и ожесточенных боев окончились для нас краткосрочной победой. Город полностью был освобожден от петлюровцев. Мы приступили к подготовке похорон жертв революции, павших в последних боях.

Еще раздавались отдельные раскаты пушечных выстрелов, когда наш дорожный с'езд заканчивал свою работу. На пятый день был избран исполком в числе 15 товарищей (списка товарищей персонально, к сожалению, не помню).

В тот же день, приблизительно около 12 часов, мы собрались для организационных мероприятий по ж.-д. исполкому. Часа через два нас предупредили, что город большевиками оставлен и станция находится под обстрелом.

Группа товарищей, в том числе и я, поспешили на вокзал, но перейти вокзальную площадь оказалось невозможным: она обстреливалась непрерывным огнем из пулеметов. Мелашко [1]) усердствовал во всю.

Надо было не опоздать на последний путь отступления — ж.-д. мост через Днепр. Мост также был уже под обстрелом, и нам пришлось местами ползти на четвереньках, чтобы избежать ранения.

Переправившись через мост, я зашел на станцию Пост-Амур. Там у блока аппарата стоял Махно и отдавал свои распоряжения, как командующий, коменданту ст. Нижнеднепровск начать эвакуацию.

[1]) Мелашко — петлюровский командующий.

Боясь возможных недоразумений, я срочно отправился на ст. Нижнеднепровск, и, пока я пешком пришел на станцию, Махно был уже там и требовал от коменданта отправки его поезда в первую очередь. Тот доложил ему, что он только-что отправил бронепоезд. Махно, конечно, ничего не понимая, настаивал. Моя попытка вмешаться в разрешение вопроса успехом не увенчалась. Махно отправился... В результате на выходных стрелках он столкнулся с бронепоездом. Ночь... Крушение... Пути завалены трупами вагонов и паровозов. Слышен стон раненых людей. Раздался тревожный сигнал стрелочного рожка, а затем паровоза... Над станцией пролетел петлюровский снаряд. Фейерверком разрывается другой. Паника... Наши и махновцы бегут... Вдоль полотна растянулась длинная цепь партизан, отступающих в беспорядке на Синельниково.

Маленькое здание станции Пост-Мост сплошь усеяно телами усталых людей. Это вчерашние герои, которым, благодаря неумелому анархическому командованию Махно[1]), сегодня пришлось бежать. Я требую поезда. Сообщают, что поезд затребован из Синельниково. Через 2 часа я в Игрени встречаю поезд, составленный из угольных вагонов, который и доставил остатки нашей партизанской армии в Синельниково.

Годин.

[1]) Большой ошибкой нашей нужно считать назначение Махно командующим.

Группа членов губкома 1917 г. до отступления

КВИРИНГ

ПЕТРОВСКИЙ

АВЕРИН

ГОПНЕР

КОПЫЛОВ

БОНДАРЕВ

ЛЕБЕДЬ

Борьба с гетманом и подполье.

Отступающими отрядами Красной Гвардии руководили революционные Комитеты, возглавляемые представителями нашей большевистской организации, как-то: Авериным, Квирингом, Лебедем, Баглеем, Клочко, Нейжмаком, Борисовым и другими. Мне пришлось отступать с первым сводным социалистическим отрядом, который был организован при революционном штабе Екатерининской жел. дор. и состоял, можно сказать, исключительно из большевиков и беспартийных, которые в результате влились в нашу организацию. В этом отряде были следующие товарищи: Владимир, Евгений, Антон, Степан и Юзеф—братья Клочко, А. Скворчевский, Булат Иван и Андрей, М. Живодер, Андрей и Михаил Харченко, Перемский В., Макаровы Иван и Григорий, А. Минаев, Шуклины—отец и сын, Волков, Гладкий и другие, всего свыше 50-ти чел., в большинстве были н.-днепровцы. Цель и задача сводного социалистического отряда связана была с защитой, с оружием в руках, соответствующих боевых пунктов железнодорожных узлов и станций. Отряд был вооружен винтовками, бомбами и пулеметами; имелся и броневик, который представлял собою оборудованный пульмановский вагон.

До ст. Гришино нам приходилось почти всегда быть окруженными враждебными австро-германскими отрядами. По прибытии на ст. Гришино, от Дорожного революционного штаба Екатерининской ж. д., возглавляемого товарищем Баглеем, Лебедем, было получено распоряжение выехать на ст. Дебальцево для формирования в более мощные боевые единицы совместно с военно-техническим отрядом дороги. На ст. Дебальцево технический отряд отправился в сторону Ростова с другими боевыми организациями, а большая часть сводного социалистического отряда, состоявшая из железнодорожников, по распоряжению Исполкома дороги была направлена в Москву.

В Москве часть товарищей была распределена по разным местам РСФСР для работы, другая часть сводного социалистического отряда, главным образом перечисленные выше товарищи, с санкции Викжелдора, отправилась на Урал. В числе последних был и я. Украина была занята австро-германскими войсками, за исключением некоторых губерний и уездов, прилегающих к губерниям РСФСР. Исполнительный Комитет и Революционный Штаб дороги находились в Москве.

С'ехавшиеся в Москву представители Екатеринославской организации связались с ЦК партии (Клочко, Воронцов П., Лебедь Д., Власенко С., Квиринг, Гопнер) и начали подготовлять посылку товарищей для подпольной работы на Украину. Получив сообщение о намеченных мероприятиях, связанных с посылкой на Украину для подпольной работы, мы немедленно возвратились в Москву и были представлены ЦК партии.

После получения соответствующих документов и явок, мы были лично инструктированы членом ЦК тов. Скрыпником, который детально давал указания каждому от'езжающему товарищу. Для нас маршрут

из Москвы был назначен через Курск, другая часть товарищей была направлена иными путями. В Курск явились на переправочный пункт для подпольных работников — в гостиницу „Бельвю", где имелся соответствующий аппарат, который регистрировал прибывающих товарищей и содействовал переправе через границу, по направлению к Белгороду. Переправа производилась как одиночным порядком, так и группами по 2—3 человека.

В Белгороде также имелись явочные квартиры для товарищей, которым необходимо было сделать остановку и переждать определенное время. По приезде в Екатеринослав, приблизительно, в мае месяце 1918 г., я связался с товарищами, которые оставались для подпольной работы. Это были товарищи: Апокин, Я. Кузнецов, Таранущенко. Вместе с нами приехали и тов. В. Клочко, П. Воронцов, А. Суханов, Перемский В., Булат Иван, Харченко, Борисов, Солонуха. Работа велась как по линии жел.-дор. подпольных организаций, так и по линии городских организаций, и проводилась по директивам ЦК и Областного парткома. Мне пришлось работать в Днепровском железнодорожном парке, исполняя обязанности председателя; членами паркома были т. т. Каракоз, Нюнькин, Куц Шелюк, Кормилицын. Приблизительно в 20-х числах июня 1918 г. на железных дорогах Украины вспыхнула экономическая забастовка, которая тянулась около месяца.

Реальных результатов забастовка не дала, лишь часть активных работников была выброшена за борт и некоторые из них были посланы на фронт для выполнения военно-полевых работ, но в то же время работа подпольных организаций возросла, ибо каждый на своей спине почувствовал и пришел к убеждению в необходимости скорейшего свержения гетманского владычества. Выявилась шовинистическая предательская физиономия украинской социал-демократии и работа меньшевиков. Это дало нашим подпольным организациям возможность вести широкую пропагандистскую и подготовительную работу среди рабочих и крестьян.

Крестьянство, благодаря варварским насилиям австро-германских военных властей и политике Скоропадского, было все минировано и лишь ждало подходящего момента для активного выступления.

После Всеукраинской забастовки часть товарищей уехала на партийный с'езд в Москву, который происходил, насколько мне помнится, на Малой Дмитриевке. От железнодорожной организации выехал я (от Н.-Днепровского узла). На с'езде обсуждались вопросы общей оценки положения и возможности восстания в связи с наступлением повстанческих отрядов, находящихся на нейтральной зоне в районе Богодухова, а также в других местностях Украины. Большая часть с'езда высказалась за то, чтобы воздержаться пока от наступления, вследствие недостаточной подготовки на местах, а также и потому, что этот период был связан с уборкой урожая. За наступление высказывались тт. Бубнов, Пятаков, Затонский, даже пришлось на этот с'езд приглашать т. Каменева и Радека, которые сделали общую оценку международного и внутреннего положения и этим самым отстояли линию большинства с'езда—не наступать.

По возвращении со с'езда, организации на местах все укреплялись и укреплялись. Дело подходило к осени. Крестьянские работы были закончены, хлеб был собран. Австро-германское командование приступило к выкачиванию хлеба от крестьян за услугу гетману, который

не мало требовал за то, чтобы подавить Октябрьскую революцию на Украине. Учитывая эту обстановку, наши партийные организации приступили к созданию Ревкомов, зная заранее, что украинская социал-демократическая партия тоже подготовляет почву в этом же направлении. Почувствовав под собою твердую базу, наши организации с ноября приступили к действию. Отрядами Н.-Днепровского Ревкома был занят Н.-Днепровск.

На колонии завода бывш. Гантке помещался Ревком города Амур-Н.-Днепровска, в котором работали следующие товарищи: Макаров И., Клочко А., Суханов, Перемский, Куксов, Чалый С. и другие. Был созван узловой железнодорожный Н.-Днепровский Ревком, который руководил железнодорожной организацией, где мне и пришлось работать в качестве председателя. Членами Ревкома были т. т. Куц, Каракоз, Кормилицын, Иванов, Шелюк. Местными петлюровцами был организован „курінь вільних козаків“ из местных крестьян и некоторых рабочих мастерских и других предприятий. Помещался он в саду бывш. Трезвости в Н.-Днепровске. Руководители этого куреня были некие Бондаренко и Сторублев. Указанный „курінь“ работал по директивам местных украинских эс-деков и имел связь с петлюровским штабом Горобца, который помещался в Екатеринославе, по Провиантской улице. При наличии куреня нашей организации пришлось применить некоторые практические мероприятия, для чего, якобы, в целях увязки взаимоотношений, была созвана паритетная комиссия из представителей нашей организации и указанного „куреня“. От нашей организации вошли И. Макаров и я, со стороны „куреня“—Бондаренко и Сторублев. В то время, когда мы вели с ними переговоры, наш отряд, по нашему заданию, разоружил „вільних казаків“ и распустил по домам. После такого финала нам с представителями „куреня“ Бондаренко и Сторублевым вести дальнейшие переговоры было незачем. При взятии Н.-Днепровска было захвачено много боевых припасов и продовольствия.

В тот момент Ревкомы располагали незначительным количеством бойцов. Однако, германское командование, хотя и расставило по всему узлу пулеметы, но к действиям не приступало. В Екатеринославе уже завязывалась перестрелка петлюровских частей с немцами. Все пулеметы на ст. Н.-Днепровск со всем остальным вооружением были сданы нашему железнодорожному Ревкому. Даже был момент, когда германские офицеры просили нас пойти им на выручку против петлюровцев, но мы на эту удочку не пошли.

После Н.-Днепровска были заняты Новомосковск и Павлоград, которые стали базой повстанческих отрядов. В Екатеринославе, после боя между петлюровскими и германскими частями, немцы были разоружены и отправлялись эшелонами на родину.

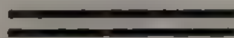
На основании директив Н.-Днепровский Ревком начал вести переговоры со штабом Махно, который находился в Гуляй-Поле, по вопросу о совместном наступлении на Екатеринослав. Для предварительных переговоров к Махно от нашей организации был командирован т. Гр. Колос. Махно согласился прислать своих представителей в Н.-Днепровск, где после продолжительного совещания было достигнуто соглашение. Представители Махно уехали в Гуляй-Поле за повстанческими отрядами, мы же начали подвозить свои отряды из Новомосковска и Павлограда, которые были организованы исключительно из селян, численностью до 7000 человек.

Разработав план, на второй день утром наши отряды совместно с Махно перешли в наступление, которое велось через Днепровский мост; план был составлен удачно, и станция Екатеринослав была занята. Захваченное вооружение было обращено против противника, и наши части постепенно начали занимать город.

В городе бой продолжался около 4-х суток, после чего петлюровцы отступили. Но к городу со стороны Верховцево подступили отряды полковника Самокиша, который, после боя, занял Екатеринослав; наши отряды отступили в Н.-Днепровск и далее на Новомосковск и Павлоград. Отступление было паническое и принесло много жертв. По прибытии в Павлоград, наши отряды уже не в состоянии были вести дальнейшее наступление так как отсутствовало достаточное снаряжение; к тому же создавалась большая паника среди повстанцев, даже пришлось в некоторых случаях митинговать. Махно отступил прямо в сторону Гуляй-Поля.

Вскоре подошли регулярные войска Красной армии, куда влились наши отряды и сообща перешли в наступление на Екатеринослав, который после небольшого боя был занят Красной армией; мы же приступили вторично к организации Ревкомов, как городского Амур-Н.-Днепровского, так и Н.-Днепровского узлового, где мне и пришлось вторично работать в качестве председателя; членами Ревкома были те же товарищи, которые входили в подпольный состав, кроме Кормилицина [1]). В марте, в качестве делегата от Екатерининской дороги, я выехал на Всеукраинский с'езд Ревкомов железных дорог Украины, который состоялся с 13 по 19 марта 1919 года. На с'езд вместе со мною выехали товарищи: А. Лебедь, Кормилицын и Драгунов. Работа с'езда целиком сводилась к обсуждению организационных вопросов и дальнейшей работы Ревкомов на транспорте. В результате работы с'езда был избран центральный железнодорожный революционный комитет Украины „Цукжелревком". Резиденцией Ревкома был город Киев, куда я и выехал, после доклада о с'езде, для работы.

И. Ризоль.

[1]) Должен добавить, что основной актив, который работал при гетмане в подпольи в Екатеринославе и его окрестностях, состоял из следующих товарищей: Колосов, Годин Д., Кузнецов Я., Таранущенко, Борисов И., Апокин П., Клочко В., Пермский В., Суханов А., Макаров И., Караков Г., Осыка, Куц, Кукса, Шелюк, Харченко, Кормилицин Г., Клочко А., Чалый С., Булат А., Золотов, Шалюпа, Полторацкий, Груслян, Кормилицин А., Нюнькин Э.

Под сапогом немецкой оккупации.

Приход „освободителей".

Наступление немцев на Украину останется не только в русско-украинской истории, но и в истории всего мира.

Наступали, как когда-то Наполеон, заставляя преклоняться перед собою все и вся, беспощадно расправляясь с рабочими и крестьянами, а отступали жалкие, зачастую беспощадно преследуемые рабочими и крестьянами, над которыми они во славу Вильгельма и немецкой буржуазии издевались.

Несмотря на отсутствие у нас в то время боеспособной, хорошо обученной армии, Екатеринослав немцам не легко достался. Рабочие Донецко-Криворожского района дали генеральный бой немцам на ст. Знаменка. Немецкой армии, первой по боеспособности во всем мире, пришлось считаться с рабочими отрядами Екатеринославщины. Недели три рабочие дружины геройски отбивали атаки немцев, руководимых превосходным военным командованием.

3-го апреля екатеринославские части отступили из Екатеринослава на левую сторону Днепра. На смену прибыл большой эшелон красногвардейцев из мариупольских рабочих. Президиум Екатеринославского Совета предлагал мариупольским красногвардейцам не вступать в бой с немцами, так как позиции, которые занимали наши красногвардейцы, были невыгодными. Неустрашимая рабочая гвардия все же дала бой на участках Трубных заводов-Кайдаках, но не смогла удержаться под напором немцев. Когда же красногвардейцы начали отступать, служащие ж. д. устроили крушение поезда отступавших; оставшиеся в живых бросились бежать на вокзал, до 500 чел. немцы взяли в плен. Украинским главнокомандующим, социал-демократом Воробьевым (Горобець), все пленные были выстроены в шеренгу у стен вокзала и из пулемета расстреляны, а затем догола раздеты. Этот расстрел пленных рабочих останется пятном в истории украинских социал-демократов. Скажем здесь же, что взятые в плен красногвардейцами во время боя под почтой в 1917 г. гайдамаки были отправлены в украинский сердюцкий полк под наблюдение, а затем были распущены по домам, кроме офицеров, которые были арестованы и отправлены во Всеукраинский Револ̓юционный Комитет, в Харьков.

Вечером 3-го апреля большевики оставили город. 4-го апреля на воротах Брянского завода было вывешено об'явление к рабочим с требованием сдачи всего имеющегося у них оружия в течение 24-х часов. Этого же числа за подписью атамана Горобца было опубликовано аналогичное об'явление в газете „Голос Робітника", с добавлением запрещения всяких уличных сборов. митингов, собраний и т. д.

В Кайдаках начались массовые обыски по заготовленным ранее спискам, но, благодаря классовой спаянности рабочих, обыски больших результатов не дали. Но все же несколько ни в чем невинных рабочих

были схвачены на станции Горяиново и на глазах у публики расстреляны. По всей линии от станции Диевки и до станции Екатеринослав валялись трупы расстрелянных рабочих.

В правлении союза металлистов было устроено небольшое совещание о положении в городе (Бляхер, Будник, Беловский и я). Решили пойти в Городскую Думу требовать созыва экстренного совещания для вынесения протеста против дикой расправы украинцев над рабочими.

День был ясный, солнечный. На Проспекте было небывалое количество народу. Все имущие классы вышли встречать своих избавителей и праздновать освобождение от большевиков, а обывательская масса вышла посмотреть, что за люди немцы, о которых до этого вся буржуазная печать писала, как о диких варварах. По Проспекту, в Земскую больницу или на Севастопольское кладбище везли нагруженные, как дрова, в несколько ярусов, без нижнего белья, на 4-х грузовых платформах, трупы расстрелянных на вокзале 3-го апреля красногвардейцев. Это была демонстрация украинских социалистов в верности буржуазии и на страх рабочим.

Буржуазия и попы были настроены очень торжественно. Во всех концах города звонили в колокола. В этот же день возобновили свою деятельность все организации, распущенные большевиками. Украинские социалисты свою победу праздновали на торжественном собрании 4-го апреля в помещении театра Колизей. Собрание было многолюдное, но не было видно на нем рабочих. Председатель собрания Беднов приветствовал собравшихся с историческим днем присоединения Екатеринославщины к Украине, благодаря славному „вільному казачеству" и его атаману Воробьеву. Воробьев рассказал о своих геройских подвигах и победах над большевиками. В этот же день была разгромлена типография газеты „Звезда".

Рабочие Брянского завода заявили, что они будут хоронить расстрелянных красногвардейдев с процессией, и занялись, особенно женщины, собиранием и обмыванием убитых красногвардейцев. Многие трупы оказались знакомыми. Похороны были организованы заводским комитетом Брянского завода. Процессия была грандиозная. На 12 телегах везли 81 гроб, было много венков. Шел оркестр Брянского завода, а позади гробов несколько тысяч рабочих с революционными песнями. Процессия прошла по Сквозной улице на Верхне-чечелевское кладбище.

Уже за эти два дня 3 и 4 апреля всякому беспристрастному человеку вообще, а рабочему в особенности, было видно, что напрасно социалисты, во главе с меньшевиками вообще, а украинские в особенности, торжествуют победу. Моральная победа осталась за большевиками, хотя они и отступили.

По вопросу о дикой расправе и расстреле рабочих украинскими войсками 5-го апреля меньшевиками собирались по всем заводам и фабрикам митинги для вынесения резолюции протеста против позорной расправы с рабочими и за созыв Учредительного Собрания. Такой митинг был созван и на Брянском заводе, в мостовом цеху, где собралось не больше полутора тысяч чел. (по утверждению украинского „Голоса Робітника" присутствовало 9.000 — 7.500 прибавили для внушительности, в то время на заводе было не больше 3000 рабочих). Большевики

на выступали. (В той же газете писалось, что большевики пытались выступить, но рабочие их не слушали).

6-го апреля о позорной расправе над рабочими был поднят вопрос и в Городской Думе, где также вынесли резолюцию протеста против мести над политическими противниками. Дума заявила, что она будет отстаивать абсолютную свободу политических убеждений, слова, печати, совести и т. д. и недопустимость смертной казни и считает необходимым проверку всех арестованных, для чего избирает специальную комиссию в 5-ть человек из представителей политических партий, входивших в Думу. Все это было гласом вопиющего в пустыне. Немцы и гайдамаки продолжали свое дело.

В виду опубликования протестов в газетах, 8-го апреля немецкая комендатура потребовала, через Городскую Думу, к 5-ти часам дня всех редакторов местных газет и заявила им, что немецкое командование не допустит противо-немецкой агитации в печати, за неисполнение чего будет карать по законам военного времени.

Город был разбит на участки, которые по очереди со всех сторон оцеплялись немецкими войсками для поголовных обысков. В рабочих районах во время обыска на пасху рабочие заявляли немцам: „Мы воевать бросили, зачем же вы к нам пришли, у вас дома жены и дети голодают, а вы здесь голодаете, защищая своих буржуев" и т. д.; немцы спешили кое-как произвести обыск и уйти. Во многих квартирах рабочие снабжали немецких солдат кто пирожками, кто яичками, кто сахаром и т. д. Некоторые отряды, где был, очевидно, хороший старший совершенно не производили обысков, ограничиваясь формальной стороной, бегло отворяли сундуки и гардеробы, почти не засматривая в них. Отдельные группы производили обыск, как ярые враги.

Штаб атамана Горобца, видя впечатление, созданное расстрелом рабочих, хотел его оправдать тем, что большевики еше больше расстреливали украинцев, для чего производил раскопки во дворе дома Урусова, где помещался Революционный Штаб, с участием представителей Городской Думы, думая найти там расстрелянных украинцев. В результате раскопок найдено было всего два трупа, и один из них украинский „вільний козак". По этому вопросу в редакцию меньшевистской газеты „Борьба" поступило письмо неизвестного с характеристикой обоих найденных, как расстрелянных за грабежи. Справка оказалась верной. Горобец и здесь потерпел поражение. Немцы продолжали свирепствовать, направляя удары на головы рабочих. 9-го апреля немецкий лейтенант с вооруженными солдатами явился в помещение безработных по Новодворянской улице и предложил в течение 15-ти минут очистить помещение, обещая в противном случае всех выбросить прикладами. Безработные были выброшены, помещение занято.

16-го апреля в Реальное училище во время занятий явилось несколько австрийских офицеров в сопровождении жандармов и солдат в полном вооружении, с пулеметами, и заняли здание. На заявление директора о том, что он без приказа Губернской Рады не может освободить помещение, старший офицер ответил, что ему нет дела ни до до какой Рады. В результате весь преподавательский персонал и учащиеся были выброшены прикладами. Немецкое командование ни перед кем не было ответственно и расправлялось с рабочими и всеми, кто противился их приказам и распоряжениям, беспощадно. Украинские

гайдамаки не отставали от них. Приведем характерный случай: немецкий патруль ртсстрелял рабочего, истопника вагонов железной дороги— Груздя безо всякой вины с его стороны, только потому, что хотелось выстрелить; таких расстрелов были сотни. На заводе „Шла“ вильными казаками были задержаны 4 рабочих по подозрению в принадлежности к Красной гвардии, отправлены в штаб вильных казаков, где их раздели догола и избили нагайками. Рабочие были возмущены. Вопрос о расправах обсуждался и на заседании Совета Рабочих Депутатов; вынесен был протест, но протесты не помогали. 18 апреля в Федосийские казармы вильными казаками было доставлено человек 50 рабочих. Всех их по очереди выстраивали в шеренгу и избивали нагайками. Во время избиения один из гайдамаков выстрелил из револьвера и ранил 3 рабочих.

Кланяющаяся немцам за предоставленную власть и опрадывающаяся перед рабочими Губ. Рада не могла удовлетворить немцев, и 18 апреля немецким командованием был назначен комендантом города Екатеринослава австрийский офицер, бригадир Ахациус-фон-Наги. Фактически Губернская Революционная Рада перестала существовать еще ранее и власть в городе принадлежала немцам. Это назначение было только оформлением. Репрессии и аресты усиливались, положение арестованных было никому не известно, родных и знакомых к ним не допускали. Красный Крест, организованный всеми социалистическими партиями, возглавляемый Городской Думой, с трудом пёредавая политическим заключенным пищу и другую помощь, узнать о судьбе арестованных также ничего не мог.

1-го мая мы узнали о том, что на Украине провозглашен гетман всея Украины в лице П. Скоропадского. Наша „храбрая“ Городская Дума на своем заседании в первых числах мая вынесла громкую резолюцию протеста против попытки помещиков и кулаков захватить власть на Украине путем государственного переворота, опираясь на иноземные штыки, что это грозит уничтожению всех завоеваний революции, что гетманство не будет признано страной и встретит решительное сопротивление со стороны широких масс, а сама, как страус в опасное время, спрятала голову под крылышко.

8-го мая приказом губернского коменданта были воспрещены всякие митинги, сходки, собрания, с‘езды, манифестации и т. д. В задачу гетманской власти на Екатеринославщине входило: уничтожить все демократические и рабочие организации, ликвидировать большевиков и ввести самодержавный порядок. „Демократическая“ Дума была разогнана, взамен ее была восстановлена Цензовая Дума. Такая же реорганизация произошла в губернских и уездных земских управах. Прекратило свое существование и бюро заводских комитетов. Профсоюзы были совершенно парализованы и еле влачили жалкое существование. При таком положении у рабочих никакого другого выхода не было, как итти за большевиками, ибо демократия сама себя заживо похоронила. Украинские социалисты очутились в самом дурацком положении. Рабочие и беспристрастное население иронически спрашивали их: „пригласили немцев, глаза видали, что покупали? Так вам и надо“. И они вынуждены были обращаться за помощью к тем рабочим, товарищей которых они расстреливали еще вчера. Еще 22-го апреля УСД, видя свои последние дни, на митинге Брянского завода призывали рабочих организовываться и вооружаться и помочь У. С. Д. выгнать немцев с Украины.

Представитель нашей организации тов. Быченко в своем слове ответил: „Смотрите, товарищи рабочие, сами пригласили к себе немцев, теперь нас просят помочь им их выгнать. Да, мы должны организоваться и выгнать не только немцев, но и тех, кто их приглашал, и восстановить советскую власть на Украине“. Сочувствие рабочих было на стороне Быченко. У. С. Д. с митинга ушли, как говорят, не солоно хлебавши. Такое отношение к украинским социалистам было почти на всех заводах.

Гетманская власть начала действовать во-всю. В последних числах мая в городе и в уездах появился приказ снять со всех учреждений универсалы Украинской Рады и заменить их грамотой гетмана. Далее об'являлось всем о том, что имущество, самовольно взятое и отобранное по постановлению земельных и других комитетов у собственников, должно быть немедленно возвращено, что отныне восстанавливается принцип частной собственности как на землю, так и на другое имущество и всякие насилия и анархия будут караться со строгостью военного времени. Вновь начали устраивать облавы на большевиков и повальные обыски. 24-го мая австрийские патрули заняли входы и выходы Брянского и Трубных заводов и произвели тщательный обыск в заводе. В первых числах июня производились повальные обыски в 4-й и 5-й частях города. Арестовывали социалистов всех мастей, без исключения. В такую-то безотрадную пору, 7-го июня, как светлый луч, появилась в меньшевистской газете „Вперед“ случайная телеграмма: „Шлем привет товарищам—друзьям и знакомым, большевики: Квиринг, Гопнер, Эпштейн, Ройзман, Аверин, Сегал, Каверин, Левенштейн, Кошелев, Черноусов, Новиков, Халявский, Фишкин и Ермак“. Это было насмешкой над гетманским бессилием ликвидировать большевиков.

В первых числах июля прокурор получил сведения о том, что в Екатеринославе застряли большевики, которых необходимо ликвидировать. По этому поводу 5-го июля происходила облава на большевиков в Потемкинском парке. Такие облавы стали в Екатеринославе почти ежедневным явлением, но это не помогало. Грозные приказы о сдаче оружия не исполнялись; оружие не сдавалось, а пускалось в ход против немцев. Повальные обыски и аресты и жестокая расправа продолжались до ноября месяца.

Положение рабочих.

Экономическое положение рабочих с отступлением большевиков из Екатеринослава, несмотря на предсказания социалистов всех марок о том, что буржуазия лучше справится с делом, все более и более ухудшалось. Положение заводов некоторое время было неопределенным,— новые хозяева еще не явились да и вступившая власть не знала еще, что с ними делать.

Рабочие организации — профсоюзы, завкомы — находились в большинстве случаев в руках меньшевиков и других социалистов, занявшихся укреплением за собой этих организаций, созывом делегатских собраний профсоюзов, конференций завкомов, на которых оформлялись полномочия правлений. На этих конференциях ставились и вопросы о народном хозяйстве и промышленности, но все мероприятия заканчивались посылкой делегатов в Центральную Раду за кредитами и выяснением положения заводов.

Получив заводы, старые хозяева сразу начали по всему фронту наступление на все завоевания рабочих — 8-часовый рабочий день, коллективный договор, заводские комитеты. Началось с расчета рабочих и об'явления об остановке заводов или цехов. Брянский завод об'явил о расчете рабочих с 15-го мая, в первую голову женщин и подростков до 18-ти лет.

Трубопрокатные заводы с момента вступления, (с 23 марта 1918 г.), в управление заводами уполномоченных общества были об'явлены закрытыми в виду отсутствия кокса, угля, руды и друг. сырых материалов и денежных средств, за исключением доменного цеха, электрической станции, водоснабжения; в остальных цехах работа была установлена „по мере возможности и необходимости“.

Заводоуправление „Сириус“ отказалось выплачивать заработок назначенным к расчету рабочим, отказалось признать коллективный договор, платить за простои, признать союзы представителями рабочих. Рабочие этого завода на общем собрании постановили расчета не брать и передать дело в союз.

Управления заводов „Ланге“ и „Эстампажный“ обратились в союз с предложением перейти на 10-час. рабочий день с тем, чтобы в принципе был 8-час. рабоч. день, а за два часа оплачивалось отдельно. Рабочие признали, что это есть скрытый поход на 8-час. рабочий день, и поручили союзу вести дальнейшие переговоры. На Днепровском заводе в Каменском 23-го апреля из 14.000 рабочих было оставлено 3.000.

Союзам вообще, и союзу металлистов в частности, при таком положении сделать удалось очень мало; с большим трудом заводы согласились рассчитывать рабочих по коллективному договору и обещали при новых наборах принимать на работу, в первую голову, рассчитанных рабочих. Представитель союза т. Митин был послан к комиссару труда, но ничего не добился. Комиссар заявил, что денег ни у промышленников, ни у государства нет.

Мелкие предприятия, входившие в союз печатников, кожевников, „Иглу“ и друг., находились в несколько иных условиях. Они продолжали работать. На нажим предпринимателей рабочие отвечали забастовками. В эту борьбу вмешивалась власть, всегда принимавшая сторону хозяев и громившая рабочих. Так, например, на парфюмерной фабрике „Зеноль“ за забастовку были подвергнуты аресту в тюрьме на 1 месяц семь рабочих, которым ставилось в вину нарушение приказов окружного комиссара, воспрещающих подстрекательства и принуждение к забастовке. Таких случаев, надо сказать, было довольно много.

И Совет Рабочих Депутатов, и правления профсоюзов на совместном заседании 4-го июля поставили вопрос о преследовании рабочих организаций и рабочей печати. Докладчик по этому вопросу, обрисовывая положение, указал, что законов, запрещающих профсоюзы, социалистические партии, стачки, нет, но фактически власти пользуются всяким случаем для пред'явления союзам обвинения в заговорах и подготовке к вооруженному восстанию, профсоюзы выбрасываются из помещений, бастующие рабочие арестовываются. Совет послал делегацию к губернскому старосте с протестом против этих гонений. Староста заявил, что делегация избрана на незаконном собрании, без разрешения властей, и потому отказывался их принять, а когда принял, то все дело свелось к дипломатической беседе. Была такая делегация и у немец

кого командования. В результате этих делегаций командующий австро-венгерской армией опубликовал в 20-х числах июля следующий приказ:

„Бессовестные и подкупленные подстрекатели пытаются склонить рабочих к забастовкам. Население должно, наконец, убедиться в том, что довольно крови пролито. Каждая забастовка производит беспорядок и беспокойство. Союзные австро-венгерские и германские войска, которые призваны в страну для восстановления порядка, не могут этого допустить. Они осуществят, если нужно будет, силою свою волю. Я приказываю:

1) Все собрания, скопления и шествия беспрекословно воспрещаются до дальнейшего распоряжения.

2) Каждая забастовка, которая касается общественных интересов, воспрещается.

3) Каждая попытка удерживать небастующих от работы и склонять их к забастовке, каждое оскорбление и насилие против виновников и рабочих будут приравнены к забастовке.

4) Те, которые словесно или письменно агитируют в пользу забастовки, будут считаться бастующими.

5) Все, которые желают работать, должны немедленно приступить к работе. Их будут защищать союзные войска.

6) Все, которые действуют против этого приказа, будут преданы военному суду".

Приказ этот, несмотря на резолюции и протесты со стороны Совета, всячески старавшегося доказать, что он не является органом власти, а только рабочим центром, осуществлялся полностью и сводил все мероприятия рабочих организаций к нулю, показав этим самым рабочим, что Совет только, как орган власти, может вывести их из этого положения.

В Совете Рабочих Депутатов.

После ухода из Екатеринослава большевистского Совета, меньшевики попытались козырнуть перед рабочими и создать Совет Рабочих Депутатов, не как власть, а как боевой орган, об'единяющий рабочих, указывая рабочим, что Совет будет бороться за демократические учреждения, городские думы, земства, отстаивая в них рабочие интересы.

Но на самом деле никакой деятельности не было. Было много заседаний, много выносилось громких резолюций и протестов против расправы гайдамаков с большевиками, ходили от имени Совета делегации с просьбой к губернскому старосте, немецкому командованию, но никто с ним не считался, и вся его работа оставалась пустым звуком.

По отношению к меньшевистскому Совету при немцах в нашей организации точных директив из центра не было; мы были поставлены перед фактом, что рабочие будут участвовать в выборах этого Совета, и решили участвовать в выборах, хотя бы для того, чтобы указать рабочим, что такой Совет ничего им не даст, что он по существу является ширмой для партий: меньшевиков, эс-эров, бундовцев, и нам важно было выявить отношение рабочих масс к большевикам.

Кампания по перевыборам началась с 10-го апреля. Проведение выборов на местах взяли на себя заводские комитеты. В Центральную избирательную комиссию от нашей организации были выделены: т. Григорьев и, кажется, Колтун. Комиссия выработала и опубликовала

инструкцию о перевыборах. Модус представительства был — один депутат от 300 человек. В Совет посылали своих представителей: крестьянский союз—3 человек, железнодорожный—5 чел., бюро профсоюзов—2 ч. и все социалистические партии — по одному. Срок полномочий Совета— 3 месяца.

Насколько мне помнится, наша партийная организация еще не успела оформиться и не было еще обще-городского комитета, а существовали большевистские группы в каждом районе. Каждая группа в выборах участвовала по своему усмотрению, и, по-моему, ни в городе, ни на Амур-Нижнеднепровске наши группы не выставляли самостоятельных списков в Совет, большевики проходили в других списках; рабочие, зная фамилии большевиков, охотно за них голосовали. Выборы происходили тайным голосованием на основе 4-хвостки, но без предварительной агитации со стороны какой бы то ни было партии или организации, в виде митингов, собраний, заседаний, листовок и т. д. Мы в Брянском районе выступили со своим списком самостоятельно. Мы выставили кандидатуры исключительно из своих рабочих Брянского завода и при выборах на Брянском заводе получили две трети всех поданных голосов, остальные партии: меньшевики, эс-эры и украинцы—получили одну треть. Помнится, на одном собрании Брянского завода украинский социал-демократ Тригубенко заявил, что на Брянском заводе голосовать политических вопросов не приходится, ибо выборы в Совет показали лицо брянских рабочих.

Собирался и заседал Совет много раз. На одном собрании в первых числах июня обсуждался вопрос об отношении Совета к существующей власти и к заключению мира России с Украиной. Затрагивался вопрос и о Брестском мире. Мы выступали со своей декларацией, в которой заявляли, что считаем как Брестский мир, так и мир с Украиной временной передышкой, что в Германии неизбежна революция, и тогда оба мира полетят к чертям. По отношению к форме власти мы остаемся на своей прежней позиции и уверены, что Учредительное Собрание не будет поддержано большинством пролетариата и бедняцкой частью крестьянства и будет безжизненно. Единственной прочной властью на Украине и в России могут быть только Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Участие наше в работе Совета и его Исполнительном Комитете продолжалось только до приезда наших делегатов со Всеукраинского партийного с'езда К. П. (б) У., состоявшегося в Москве в первых числах июля.

На селе.

Помещики и буржуазия, призывавшие в 1917 году к борьбе с немцами-варварами, с 9-го февраля 1918 года быстро переменили тон. Вместо варваров, переименовали немцев в культурно-цивилизованный народ и ждали их прихода в Екатеринослав, как мессию. Они встречали их с цветами, хлебом-солью, устраивали для них дикие оргии. Немецкое командование по своему классовому чутью также забыло свои прежние споры и отнеслось к помещикам и буржуазии очень сочувственно и по указанию помещиков и их прихлебателей начало жестокую расправу с крестьянами. Верившая в Украинскую Раду часть крестьян пыталась взывать о помощи к украинскому командованию, но скоро

убедилось в том, что помощи от последнего ждать не приходится; селянство также переменило фронт и начало искать помощи у большевиков, посылать специальных ходоков в Екатеринослав, в заводские комитеты и связываться через знакомых им рабочих с отдельными рабочими-большевиками. По этой линии они получали конкретные указания организовываться, вооружаться и ждать, пока время не укажет наиболее подходящий для общего наступления момент.

Документы ярко рисуют картину, которая имелась тогда в деревне.

В Екатеринославскую Земскую Управу явился представитель Сурско-Михайловского Земельного Комитета Илья Задорожный и заявил, что земельная работа в волости приостановлена, вследствие волнений крестьян, вызванных появлением немецких войск, действиями помещиков и немецких колонистов, опирающихся на немецкие войска. 13-го апреля немецкими войсками была окружена деревня Тритузная, помещики Фрейцен и Пейштат выехали в Тритузное, выбрали 7 человек из крестьян, вывезли их за деревню и своими руками расстреляли из револьверов.

17-го апреля немецкий штаб известил Раду о том, что немецким войскам отдан приказ о том, что лица, которые удерживают крестьян от обработки полей, должны арестовываться украинскими властями, в противном случае они будут арестовываться немецким командованием. В тот же день представители села Григорьевки и Новопавловки жаловались кошевому атаману, что немецкие солдаты в селе Григорьевке созвали сход, захватили пять человек по своему списку, привязали веревкой к телеге, и подгоняя нагайкой и угрожая расстрелом, повели их в Никополь. Судьба этих крестьян неизвестна.

18-го апреля в экономии Бергмана Солонянской волости местные крестьяне были созваны немцами во двор экономии и там, по указанию владельца имения, начальник немецкого отряда назначал порку розгами, кому 20, кому больше; часть же крестьян по указанию Бергмана была отведена за кухню и расстреляна. „В результате этого, — писала эсэровская газета „Мысль“,— много крестьян бежит к советским властям, захватывая с собой винтовки и патроны, а многие крестьяне просто разбегаются, опасаясь расправы, и никто не решается засевать землю“.

Новомосковская Волостная Земская Управа сообщила Губернской Революционной Раде о том, что в волости появился отряд немцев, к ним присоединились немецкие колонисты; вооружившись винтовками и пулеметами, они делают налеты на села, собирают поголовно всех крестьян, ставят их в ряды и по указанию местных землевладельцев безжалостно избивают нагайками, всячески издеваются и расстреливают.

Губернская Рада разослала по всем волостным земельным управам распоряжения, чтобы частновладельческие земли были засеяны, инвентарь же, розданный селянам, должен так и оставаться у селян. Прочитав такое распоряжение, немецкий старший унтер-офицер разорвал грамоту Рады и громко заявил: „В таком случае Рада существовать не будет. Все зерно, инвентарь и земля должны быть возвращены прежним землевладельцам“.

Все это происходило на глазах у Губернской Революционной Рады и украинского командования. 19-го апреля местный кошевой атаман уведомил немецкое командование о том, что, согласно подписанному договору Украины с Германией, немецкое командование не должно вме-

шиваться во внутренние дела Украины вообще, в земельные — в особенности, что он беседовал по этому вопросу с министром внутренних дел, который также это подтвердил. Это уведомление кошевого атамана на немцев не произвело никакого впечатления. 24-го апреля из Новопокровска поступила в губернскую управу за немецкой подписью телефонограмма с приказом Новопокровской волости, Екатеринославского уезда; в тот же день до часу дня доставить в Николайполе все уворованное имущество: скот, зерно, инвентарь и тому подобное. В случае недоставления будут производиться расстрелы, а деревни будут сожжены. Приказов вильных казаков не исполнять, кто же им будет подчиняться, тот будет расстрелян. В этих же числах собирался с‘езд хлеборобов в Киеве, и там же зарождался ясновельможный пан гетман, каковой к 1-му мая появился на свет и сейчас же провозгласил свою грамоту, дающую помещикам землю, а крестьянам смерть.

Украинские войска, т. н. синие жупаны, в Екатеринославе были разоружены немцами.

С появлением гетмана, Губернская Революционная Рада бросилась за помощью к крестьянам, но на их просьбу откликнулись только крестьянский союз, „просвиты“ и маленькие группки „вільних козаків“, которые выносили громкие резолюции с протестом против власти гетмана. А бедняцкая и середняцкая масса крестьян занялась организацией повстанческих отрядов и их вооружением. Приведем некоторые факты. 18-го мая в село Чаплино, Екатеринославского уезда, явился отряд австрийцев, в количестве до 300 человек, окружил село цепью и из пулеметов обстреливал село в течение 2-х часов, затем взяли несколько крестьян в качестве заложников, а селу пред‘явили требование о том, чтобы оно выдало большевиков. Не добившись никаких результатов, селу пред‘явили требование к двум часам снести все имеющееся там оружие; за неисполнение этого грозили село сжечь. Крестьянами было снесено всего 8 берданок. Немецкий лейтенант этим не удовлетворился и начал в селе повальные обыски и аресты.

В последних числах мая в селе Котовке в один день во время ярмарки многочисленная толпа крестьян напала на австрийских солдат и выгнала их из села. При столкновении были жертвы.

В Верхнеднепровском уезде крестьяне встретили немцев во всеоружии, с винтовками, и между немцами и крестьянами произошел бой, были убитые и раненые. В июне в Екатеринославском и Новомосковском уездах продолжались вооруженные выступления крестьян. Для усмирения уже недостаточно было карательных отрядов. В газете „Вперед“ от 26-го июня писалось, что в Екатеринославском, Верхнеднепроском, Александровском, Бахмутском уездах продолжаются вооруженные выступления; крестьяне, главным образом, нападают на карательные отряды. 12-го июля в той же газете писалось, что в Александровском уезде 50 вооруженных селян обезоружили варту.

Крестьяне, убедившись в том, что они, благодаря Украинской Раде, попали опять в кабалу к помещикам, оставили всякую веру в красивые сказки универсалов Украинской Рады и от обороны перешли к нападению. Немцы старались увеличить свои отряды и усилить репрессии.

В первых числах июня высланные против „большевистских банд, производивших убийства и грабежи“, австро-германские отряды подвергались в некоторых деревнях обстрелам. Деревни эти, как-то: Лозо-

ватка, Кудорота, Ильвинская, Привольная, Михайловка и Гуляй-Поле, за это были сожжены, а большевики, попавшие в руки войск, были расстреляны.

4-го июня в селе Каменке происходила облава. В результате было арестовано много крестьян и рабочих; всего за эту ночь арестовано было около 40 человек, в том числе и член Брянского Заводского Комитета тов. Антоненко. Немецкие отряды расклеили об'явление об уходе на несколько дней из Каменки в завод „Шодуар" с требованием, чтобы крестьяне в это время были спокойны, в противном случае Каменка понесет должную кару. „Мы взяли,— говорили они,— в залог шесть человек крестьян, у которых добились клятвы о том, что в Каменке все будет спокойно. Если крестьяне начнут своевольничать, эти 6 человек будут расстреляны". Этими же днями австрийцы арестовали вильных казаков человек 10 Судьба арестованных осталась неизвестна. В селе Перещепино, Новомосковского уезда, крестьяне начали сжигать помещичьи хлеба. Пожары не прекращались, и прибывшие туда отряды австрийцев ничего не могли сделать, ибо крестьяне организовались в отряды и, вооружившись, вступали в настоящую войну с австрийцами. В Березовке также были бои между крестьянами и австрийцами, в результате коих оказалось много убитых.

Почти в каждом селе производились расстрелы, истязания, порки розгами. В первых числах июля в Верхнеднепровском уезде в селе Саксагань, в средних числах в Криничеватках и в последних числах в Байдаковской и Лиховской волостях производились расправы и казни селян. Но чем больше усиливались репрессии, тем быстрее росло повстанческое движение. Новомосковский лес превратился в сплошной военный лагерь, там ютились тысячи повстанцев. Все чаще становились нападения крестьян на варту и на немецких патрулей. Немцы вынуждены были налеты на села прекратить и от наступления перейти к обороне. В сентябре они вынуждены были оставить села и уйти в уездные города и там сконцентрировать свои силы для восстановления порядка. В уездах такое положение существовало до октября месяца.

Партия большевиков в период подполья 1918 г.

Широкая рабоче-крестьянская масса, шедшая с большевиками в период октября и выборов в Учредительное Собрание, оставалась настроенной по-большевистски и после занятия немцами Екатеринослава.

Геройская борьба партии со всеми врагами беднейшего крестьянства и рабочего класса проходила на глазах у всех и сильно подействовала на настроение и тех, кто в первые дни шел за меньшевиками, эс-эрами, за шовинистическими украинскими партиями.

Кошмарные расстрелы украинскими социал-демократами рабочих, защищавших Советы от наступления оккупантов, еще более обозлили рабочую массу против произвола, усилили ее готовность к борьбе за Совласть. Этой массе нужно было только указать правильные пути этой борьбы, во-время давать ответы на практические, волнующие ее вопросы текущего дня.

Нашей подпольной организацией в 1918 г. этот путь был найден: она с первых же дней своего существования сумела об'единить вокруг себя не только рабочих, но и широкие слои бедняцко-середняцкого кре-

ствянства. В отношении настроения рабочих особенно показателен был Брянский завод. Он на выборах в Сов. Раб. Депутатов при немцах отдал 75% своих голосов большевикам, а при репрессиях и повальных обысках охранял большевиков буквально, как зеницу ока. В рабочих районах даже домовладельцы сочувствовали большевикам. Многие, находясь под влиянием квартирантов, оказывали им содействие. Когда был издан приказ всем домовладельцам представить сведения о благонадежности своих квартирантов, то и тогда большевики не были указаны.

Наша организация в этот период на девять десятых находилась на фабрике. Рабочие видели, где мы заседаем, и без всякой просьбы и агитации с нашей стороны связывались с нами.

Вся фабрика покрывалась цепью рабочих патрулей. Мы могли свободно разрешать все злободневные вопросы, как и в 1917 г., и ни разу не было случая провала. Один раз мы заседали в городе, и в результате были арестованы Наумчик и Сиволап. При таких условиях наша организация развила большую работу, перенеся ее, главным образом, на село, и восстановила связь с Донбассом [1]).

Числа 6-го апреля вышла большевистская газета „Молот".

На первой же странице в ней была статья от думской фракции большевиков о том, что сейчас положение изменилось, что большевики должны работать как в Городской Думе, так и в других общественных организациях. Собравшись в Брянском районе (Быченко, Степанов (Хлевной), Дербасов, Золотов, Кузнецов, Амосов), мы прочитали эту статью и пришли в недоумение. Решив раньше всего оформить свою районную группу, мы от ее имени заявили думской фракции о существующей группе Брянского района и решили созвать общегородское собрание для обсуждения вопроса о нашей тактике и о выборах Временного Общегородского Комитета.

Собрание состоялось, на обсуждение было поставлено: 1) доклад оставленной подпольной группы, 2) об отношении к Городской Думе и другим подобным организациям, 3) о газете, 4) о выборах обще-городского комитета, 5) о подпольной работе.

В своей информации тов. Воронцов сообщил, что при отступлении Губком оставил 3 человек в виде Бюро: Воронцова, Григорьеву, третьего не помню, снабдив их средствами для подпольной работы, что тройкой уже кое-что сделано и организована газета, имеется редактор (молодой студент Павлов). Доклад был принят к сведению, все средства, оставленные комитетом для подпольной работы, постановили передать вновь избранному комитету, газету „Молот" решили продолжать выпускать. В помощь Павлову был послан кто-то — или Колтун, или Карташев. К работе в Городской Думе отнеслись отрицательно, но в рабочих организациях решили принять самое активное участие (в заводских комитетах и в профсоюзах). Связь с ними у нас была тесная. В правление

---

[1]) Думаю, что захватить власть на Екатеринославщине мы могли еще в ноябре месяце; в это время нам уже приходилось сдерживать массу от преждевременных выступлений. Когда наш Ц. К. отдал распоряжение выступать и организованные на нейтральной зоне отряды Красной армии стали переходить нейтральную зону, по 1-й директиве Ц. К. власть на Екатеринославщине была нами захвачена. Но наша организация в соседних губерниях была слаба. В Киеве, в Полтаве петлюровцы крепко организовались и во главе с атаманом Самокишем были брошены на Екатеринослав и разгромили нас, на целый месяц заставив уйти в подполье.

металлистов входил Амосов, в Брянский заводской комитет—Быченко. Работали наши товарищи и в других союзах.

В комитет были избраны: Колтун, Наумчик и Донцов, кто-то еще из городского района; Быченко, Амосов, Золотов — с Брянского, Клочко, Воронцов — из Амур-Нижнеднепровска.

До этого оставленная тройка ютилась при фракции в Городской Думе в отведенной Осиповым специально для большевиков комнате, а после собрания перешла на фабрику.

В последних числах апреля по проспекту К. Маркса немцами были расставлены пушки на случай демонстрации 1-го мая. Этот вопрос обсуждался во всех рабочих организациях, а также в Совете Рабочих Депутатов. Всюду вынесены были протесты. От союза металлистов направлена была к немецкому командованию специальная делегация. Немцы пушки сняли, и демонстрация состоялась. День был ясный, солнечный. Народу было много. Немецкие солдаты были заперты. Им, кроме офицеров, запрещено было выходить на улицу. На крышах были расставлены патрули с пулеметами. Наша организация вышла очень организованно, правда, не в большом количестве, человек 300, с лозунгами „власть Советам", „международн. соц. революция", „мир". 1-го мая уже было известно, что на Украине существует гетман. Все социалистические партии были созваны на собрание в помещение союза металлистов, где хотели создать блок для борьбы с гетманщиной. От нашей организации присутствовали Быченко и Амосов. Первый взор был брошен на нас; нам задали вопрос: „что нам скажут по этому вопросу русские большевики?" Быченко ответил, что „мы вели и будем вести борьбу за восстановление Советской власти на Украине со всеми теми, кто будет против нее". Тогда нам сказали: „с вами нам делать нечего". Блок не был достигнут и между социалистическими партиями. Мы с собрания удалились.

В селах происходила беспощадная расправа помещиков с крестьянами. Вопросу о работе среди крестьян в Брянском районе было посвящено специальное заседание районного комитета в квартире тов. Серикова. Докладчик т. Сериков указал, что к нему на квартиру приходили две делегации крестьян Новомосковского уезда с жалобами на то, что помещики с немецкими войсками расстреливают крестьян, сжигают села, и спрашивали совета, что им делать и скоро ли придут опять большевики. Не помню сейчас всех принятых нами решений. Признав эту работу наиболее важной, мы для связи с крестьянами выделили тов. Золотова.

На 12-е мая в Киеве созывались петлюровцами и другими меньшевиками рабочий и крестьянский с'езды. Наша организация решила участвовать на рабочем с'езде и на нем официально выступить со своим отношением к рабочему с'езду. Выступавший на предвыборном собрании рабочих Брянского завода от нашей организации тов. Степанов (Хлевной) в своей речи указал, „что рабочий с'езд, созываемый меньшевиками, рабочим ничего не даст, и если даже он и состоится, то мы уверены в том, что его разгонят. Но мы все же на с'езд поедем и там свою позицию выявим". Речь т. Степанова была встречена очень сочувственно. Меньшевики, боясь, чтобы не предложили голосования списками, и что у большевиков будет большинство, поспешили вынести предложение выбрать на с'езд по 2 человека от каждой партии. Мы не возражали

против этого, от нашей организации были избраны Степанов и Амосов.

Заседание рабочего с'езда происходило в каком-то Коммерческом банке. Не успели еще как следует собраться, как уже было сообщено, что немцы идут разгонять, и с'езд разошелся. В Киеве мы связались с киевскими большевиками и узнали, что украинское организационное бюро в Москве подготовляет созыв Всеукраинского С'езда большевиков. Мы дали им свои явки. В первых числах июня к нам приехали из ЦК товарищи: Сиволап, Маеров и Лаврентьев для проведения предвыборной кампании по выборам на с'езд КПБУ, созываемый на 1-е июля в Москве. В квартире Дербасова состоялось расширенное заседание общегородского Комитета нашей организации. Доклад о предстоящем с'езде и его задачах сделал тов. Маеров. Екатеринославский район был разбит на участки и в каждый участок был послан специальный человек. В Александровск ездил Сиволап, в Гришино — Степанов, в Бахмут — кажется, Маеров, в Юзовку, Макеевку, Мариуполь — я. Поехал я без всякой явки к кому бы то ни было. Будучи членом правления союза металлистов, я получил от президиума союза удостоверение о том, что меня командируют по обследованию союза. По приезде в Юзовку я разыскал правление союза металлистов, которое находилось в помещении бюро союзов. Обратился к секретарю со своим удостоверением, и начали разговаривать о деятельности союза. Из беседы я выяснил, что говорю со старым честным социал-демократом—интернационалистом (Литвинов). Я об'яснил ему цель своей поездки и попросил связать меня с большевиками. Он мне указал одного большевика, к сожалению, забыл его фамилию. Мы отправились к нему на квартиру. Узнав, кто является их гостем, его жена начала ругаться во-всю, что вас, мол, обоих арестуют и т. д. Во избежание дальнейших пререканий, я попросил отвести меня к Литвинову, где и переночевал. На завтра он меня представил члену Правления — большевику. Это был молодой парень лет 20-ти, фамилии точно не помню, кажется — Мишин, довольно развитой.

На третий день моего пребывания в Юзовке было созвано общее собрание большевиков и избран представитель на с'езд. Вместе с Мишиным мы поехали в Мариуполь, где я встретился с екатеринославским социал-демократом, который меня связал с председателем союза металлистов, большевиком. Кличка его была Седов. Там также было созвано общее собрание, и на с'езд выбрали Седова. Выборы в Макеевке я поручил произвести юзовскому большевику и этим свою миссию выполнил.

В Екатеринославе общее собрание для выборов на С'езд состоялось в помещении союза деревообделочников. Доклад сделал представитель Оргбюро — Лаврентьев (Лев). Организация по целому ряду вопросов не соглашалась с ним, прения были бурные.

На с'езд были избраны 4 человека: Лаврентий, Амосов, Быченко и Квиринг. На собрании было постановлено об'явить о существовании нашей организации, выпустить к рабочим и крестьянам воззвание, выяснить широким массам наше отношение к существующему положению и нашу конечную цель. Меньшевики отозвались на это воззвание в своей газете „Вперед" заметкой, в которой предостерегали рабочих не доверяться безответственным призывам к вооруженному восстанию, исходящим от большевиков, и воздерживаться от каких бы то ни было выступлений.

Вскоре к нам приехал тов. Рязанов со специальной миссией от Екатеринославской группы: Квиринга, Аверина и других — раз'яснить нам сущность Таганрогского совещания и поведение левых. Собрание нашей организации признало поведение Екатеринославской группы правильным и делегатам, едущим на с'езд, дало наказ поддерживать Екатеринославскую группу.

На с'езд мы приехали первого июля, но так как многие делегаты своевременно прибыть не могли, то с'езд был отложен на 5-е. Екатеринославская губерния по количеству занимала около 50% всего с'езда. Делегаты были в большинстве рабочие с большим стажем политической борьбы, принимавшие самое активное участие в вооруженной борьбе на Украине и занимавшие влиятельные посты в рабочих организациях.

Из екатеринославских один делегат был член Губкома, председатель Брянского районного комитета, член Рев. комитета того же района, член президиума союза металлистов, 2-й — член президиума Брянского заводского комитета за весь период 1917 г. юзовский член президиума союза металлистов, мариупольский председатель союза металлистов. Этих-то делегатов большинством всего на 2 голоса с'езд и окрестил „правыми". Мы не знали о Таганрогском совещании, но знали, что крестьянство, особенно середняцкая часть, восстало против помещиков, заставлявших его возвращать то, что оно забрало у помещиков во время Октября, что его порют розгами и расстреливают, что оно в любое время могут пойти за национально-шовинистическими лозунгами украинских с.-р. и других. Мы видели, что в немецких войсках первое время дух был очень силен, что нужно было их разложить. Парторганизации на Украине были совершенно разгромлены; поэтому мы считали, что нам необходимо в определенный период собрать все остатки партийных сил на Украине, оформить их, как в губернских городах, так и на периферии, а затем из парторганизации выделить ревкомы и при помощи этих организаций развить максимальную работу среди крестьянства: печать, с'езды и т. д.; вначале установить тесную связь с периферией, затем говорить о выступлении.

Левые, по-нашему, понимали и признавали, что на Украине идет восстание не только против помещиков, но что оно уже перешагнуло все мелко-буржуазные тенденции и идет под лозунгом Советской власти; посему они нам рекомендовали отправляться домой, брать винтовки и вливаться в крестьянскую стихию и т. д. С этим мы в корне не согласились. Оба проекта резолюции были представлены в ЦК РКП. Наша резолюция была одобрена и подписана Лениным, но наши левые герои и Ленина засчитали в правые. Некоторые предложения правых получили большинство (ликвидация секретариата). Сильные прения были при выборах ЦК. Левые, имея на 2 голоса больше, дали меньшинству в ЦК из 15-ти 5-6 мест (Квиринг, Лутовинов, Амосов, Шварц, Грузман и, кажется, Тарский из Одессы) и нарушили этим всякие демократические принципы. Настроение на с'езде было скверное. В свободное время и во время перерыва между отдельными лицами и группами происходили страшные дебаты. В конце с'езда меньшинство огласило свое заявление о том, что считает решения с'езда по основным вопросам неправильными; тем не менее, будет его проводить в жизнь и требует созыва второго с'езда в ближайшее время.

После окончания с'езда делегаты Донецко-Криворожского бассейна собрались отдельно и выделили Временный Областной Комитет, которому было поручено в ближайшее время созвать Областной С'езд. От Екатеринослава в Комитет вошел т. Быченко. Затем делегаты Екатеринославской губернии, едущие в подполье на Украину, распределили работу по участкам: мне была поручена работа в г. Екатеринославе и в Каменском. Доклад о с'езде был заслушан на большом собрании, на косе, на Днепре против Фабрики. Наша организация целиком одобрила поведение меньшинства с'езда. Из членов Губкома выделили для организации Ревкома т. Золотова (он же был председателем Губревкома). В Ревком входили по одному человеку от райпаркомов: Брянского — Кузнецов, Амур-Нижнеднепровского — Иванченко (Макаров), от городского — кажется, Донцов.

С этого времени мы занялись установлением связи с уездами, организацией паркомов, выделением из них ревкомов. Я поехал в Каменское вместе с Сиволапом. Явка у нас была к Потураеву в больничную кассу, но мы его не нашли, и нам пришлось ночевать на берегу Днепра в кустарниках. Второй раз я поехал один и через Потураева связался с т. Касьяновым, у которого в тот же вечер было созвано общее собрание членов партии Каменского. Я сделал доклад о с'езде. После обсуждения доклада решено было начать более активно работу в Каменской организации. Между Екатеринославом и Каменским была установлена теснейшая связь через т. Васильева и другого такого же молодого товарища. Курьер из Каменского в Екатеринослав был еженедельно, а иногда и 2 раза в неделю. Насколько помню, мне пришлось проводить в Каменском еще одно большое собрание на другой стороне Днепра, на песке. В общем Каменская организация была крепкой. Как и в других местах, в Каменском организовался самостоятельный Ревком. Тесная связь была у нас также с железнодорожной парт-организацией. Еще до с'езда к нам ходил тов. Таранущенко, каковой присутствовал на с'езде от екатеринославской железнодорожной организации с совещательным голосом. После с'езда, вместо уехавшего из-за преследований Таранущенко, в наш комитет входил т. Апокин. На ж. д. была тройка, нечто в роде бюро, из трех человек: Апокин, Борисов и Шалюпа, существовал свой Ревком и были на периферии свои железнодорожные ячейки.

Помню, как мне пришлось проводить одно собрание ж.-д. в Нижнеднепровске в квартире т. Ухова. Там также была выделена группа или ячейка.

Газета „Молот" по каким-то причинам была закрыта, и мы некоторое время были без газеты, но в скорости организовали свою типографию с ручным станком на Нижнеднепровске и начали выпускать свою газету. Редактором ее был Берг [1]), студент-математик из Александровска, который также входил и в Комитет.

В первых числах июля началась Всеукраинская железнодорожная забастовка. Желание меньшевиков и всей, т. н., демократии вести ее по экономическому пути не увенчалось успехом; условия толкали ее в сторону политическую, ибо немцы отрядами приходили на квартиру машинистов и кондукторов и под угрозой расстрела приводили к составу поездов.

---

[1]) Погиб вместе с тов. Клочко и Александром в 1918 году.

На паровозе и на поезде стоял вооруженный немец, и таким путем движение продолжалось. Этим самым озлоблялись железнодорожники.

В нашей организации вопрос о железнодорожной забастовке обсуждался несколько раз. Мы выпустили два специальных воззвания к железнодорожникам. Руководители забастовки изо всех сил старались доказать, что эти листовки являются провокационными. Низовая масса с каждым днем убеждалась в правильности большевистской линии; вся рабоче-крестьянская масса, прочитав наши воззвания, относилась к нам сочувственно, и только поэтому гетманцы не могли отыскать нашу организацию и типографию.

Мы в это время очень широко развили работу. Нами была куплена большая лодка, которая возила до 15 человек, и у нас еженедельно 2-3 раза происходило заседание на лодке. Всегда брали с собой несколько небольших камней на случай обыска, чтобы своевременно можно было обкрутить камень документами и протоколами и бросить на дно Днепра. Иногда заседания происходили на косе. Настроение партийцев было бодрое. Только т. Воронцов однажды прислал нам через т. Клочко заявление о том, что он больше с нами работать не может, что нисколько не отразилось на нашей работе, да и он на Областном с'езде в Орле из'явил свое желание опять работать.

Мне на квартиру привезли на полотне напечатанный приказ № 1 о выступлении и на другом полотне сводку городов, взятых повстанцами Черниговской губернии. В этот же вечер мы созвали широкое собрание на косе для обсуждения вопроса о немедленном выступлении. Я, как член ЦК, предложил приступить к подготовке к восстанию. Большинство из нашей организации осуждали приказ. Тов. Быченко, как член Областного Комитета, предложил, в виду важности вопроса, так как приказ очень необоснованный, — обсудить этот вопрос срочно на Областном Комитете. Его предложение было принято, но на третий день мы получили официальные сведения, что Киевский Комитет левых признал невозможным выполнить приказ. И только тогда мы смело постановили приказа не выполнять, так как для этого еще не созрели условия. Действительность была такова: на селах гетманская расправа переходила всякие границы. Села горели, вся бедняцкая часть крестьянства в домах не жила, а ютилась по балкам группами, вооруженная кто оружием, кто дрючками. Новомосковский лес был заполнен разного рода повстанцами. Наши ячейки и ревкомы на селах уже были оформлены, но слабо вооружены и к выступлению еще не были готовы. Немцы в это время были сильными и очень усиленно работал германский шпионаж. Повидимому, кто-то даже из примыкавших к нашей организации работал в охранке.

В первых числах сентября в Орле созывался пленум нашего ЦК. Я получил приглашение и должен был поехать в Орел, но на вокзале ко мне вплотную подсел и не отставал хорошо мне знакомый рабочий Брянского завода листокровельного привода; до отступления Советской власти он примыкал к нашей организации и теперь почему-то знал о том, что я еду в Москву. Он предложил мне ехать с ним во втором классе, я ему ответил, что у меня билет 3-го класса. Тогда он согласился ехать со мной в третьем классе. У меня зародилось сильное подозрение. Я заявил, что у меня вытащили деньги, и вернулся домой. На второй день я не мог достать билета и поэтому не присутствовал

на пленуме. О том, как проходил пленум, меня информировал т. Квиринг. Он сообщил мне, что член Комитета т. Буценко выбыл из организации и неизвестно где находится.

Вспоминаю одно большое собрание Екатеринославского Комитета с представителями от Областного комитета и Ревкомов на берегу Днепра со стороны Каменки. Основным вопросом были доклады ревкомов. От ж.-д. ревкома доклад делал, кажется, Суханов, от Областного — Пульман. С этого времени оба они начали принимать горячее участие в нашей работе.

Вскоре после пленума в Орле был созван Областной с'езд Донецко-Криворожского районам, куда вызвали и меня. Присутствовало более 30 человек. Доклад о деятельности ЦК сделал Бубнов, содоклад — Квиринг. На этом с'езде сторонников Бубнова было очень мало, человека 2-3, и работа ЦК была признана неправильной. О деятельности Екатеринославского комитета доклад делал Колтун. Работа комитета была признана удовлетворительной.

На этом же с'езде был разработан план. вооруженного восстания в Донбассе и избран областной комитет. В президиум входили: Пульман, Клочко и Евдокимов (Егоров). Нами в Орле было приобретено несколько печатей, как для парторганизации, так и для Ревкома. Едучи обратно, мы разбились на две группы: Нижнеднепровская и Екатеринославская. В последней были Колтун, Амосов, Егоров и еще кто-то. На Украину и на Дон ехало много народу из России: офицеры, помещики и т. д. На границе Белгорода был карантин от холеры, и немцы всех, кого могли, задерживали. Кто, по их мнению, оказывался подозрительным в большевизме, того направляли в свой штаб и расстреливали, а остальных дней на 8 — 10 оставляли в бараках на карантине. Наша группа была задержана, и каждый из нас думал, что мы доживаем последние часы, но, благодаря тому, что на пункте мы увидели задержанных раньше нас нескольких знакомых рабочих из Екатеринослава, которые уже были обысканы, нам удалось все секретные документы, как печати, паспортные книжки, резолюции с'езда и инструкции для ревкомов и т. д., передать этим рабочим. Когда очередь дошла до нашего обыска, у нас ничего не нашли. Отбыв карантин, мы благополучно возвратились в Екатеринослав, где нас считали уже расстрелянными.

Крестьянская масса поголовно восставала, и нашим ячейкам на местах еле-еле удавалось сдерживать разбушевавшуюся волну. Немцы и варта из некоторых сельских мест были изгнаны и сосредотачивали свои силы в уездных городах. Нам не давали покоя делегации из уездов, райпаркомов и ревкомов, которые требовали скорейшего выступления.

По этому вопросу, насколько мне помнится, состоялось большое собрание на 3-й Фабричной улице в кв. т. Лагутенко. Присутствовали представители Областкома, Екат. Комитета, представители крупнейших Ревкомов. Решено было издать приказ по всей области добывать оружие всеми средствами, вооружаться и готовиться в ближайшее время к выступлению. Этим немного оттянули время. Об этом собрании как-то узнали немцы, и тов. Лагутенко был арестован. Немцы в это время начали разлагаться, и наш Ревком у них покупал винтовки. Познакомившиеся с немцами Дербасов и Алдошин добивались, чтобы они продали несколько пулеметов, но этого достичь не удалось. Вместо пулеметов немцы предлагали пушку и несколько снарядов к ней, но от пушки мы отка-

зались. Левые эс-эры, считавшие себя крестьянской партией, в это время популярностью среди крестьян не пользовались и всячески стремились к блоку с нами. Однажды нам докладывал тов. Клочко о желании эс-эров с нами блокироваться в вопросе о совместном выступлении. На заседании Комитета это предложение было отвергнуто, но по настоянию тов. Клочко была допущена взаимная информация. От нашей организации был выделен Амосов, от эс-эров — Власов. Мы наметили себе пунктом свидания Пушкинский проспект возле технического железнодорожного училища.

Революционное движение росло быстро, и нам нужно было вложить его в организованные рамки, поэтому мы решили созвать уездные конференции партячеек, исключительно сельских. Мне пришлось быть на такой конференции в Павлоградском уезде, состоявшейся в первых числах ноября, В Павлограде работал специально посланный нашим комитетом тов. Бахам (Миронов). Работа в Павлограде была поставлена хорошо, и вечером мы с Мироновым навязали две связки, фунтов по 10, большевистской литературы, газеты, инструкции и отправились на указанное место, куда за нами должен был приехать ученик Павлоградского сельско-хозяйственного училища со своим отцом [1]). Когда мы вышли на улицу, по другой стороне этой же улицы шел пристав и человек пять городовых. Не показывая вида, мы направились к бане и сели на лавочку, маскируясь, будто мы пришли в баню, а когда пристав скрылся, мы дождались подводы в указанном месте и отправились в с. Межиречье в 7 верстах от Павлограда, где должна была состояться конференция. Признаюсь, я был удивлен крестьянской организованностью. Нас втроем: меня, Миронова и ученика, оставили на кладбище. а подвода уехала в 7 часов; в 9-ть за нами пришло трое с винтовками и провели нас в квартиру, которая вся была завешена иконами. В такую квартиру нарочно собрались, чтоб не было подозрений. На наш вопрос о том, как обстоит дело с патрулями, нам ответили, что в 3-х верстах по всем пунктам, откуда можно подойти, стоят патрули с винтовками по одному человеку, а всего пять. А двое стоят здесь. При тревоге будет выстрел. Конференция открылась в присутствии 13 человек, от 9 волостей.

Председателем был избран т. Амосов, секретарем — Миронов, Доклад о текущем моменте и задачах крестьян делал — Амосов, а о вооруженном востании — Миронов. Резолюции были приняты нами заранее заготовленные. Интересно отметить, что в прениях указывалось на то, что мы знаем большевистскую программу, что „економії палить не треба", но все же несколько экономий мы спалили, только потому, что там создавалась выгодная позиция для немцев; мы также растреляли несколько вартовых, и теперь уже по селам их нет, только днем проезжают конные вартовые и немцы, да и то редко.

Затем сами крестьяне поставили вопрос о праздновании годовщины Октябрьской революции. Я сказал им, что мы в этом вопросе предлагаем им самим решить, чтобы это предложение не исходило сверху. Они все единогласно решили праздновать годовщину Октября и вывесить красные флаги с лозунгами „Власть Советам". Конференция закончилась благополучно, и к утру я был уже на вокзале.

---

[1]) Фамилии не помню, был членом Комитета, убит случайным выстрелом своих-же в 1917 г.

Такие конференции происходили во всех уездах, и на каждое посылался представитель комитета.

В этих же числах состоялось большое собрание парткомов и крупных ревкомов на 1-й Фабричной ублице (Брянской), в кв. тов. Прима; решался вопрос о плане восстания. Из докладов вияснилось, что у повстанцев чрезвычайно напряженное состояние, что удерживать их далее нет никакой воможности. Из центра конкретных указаний нет, а боевое настроение наших повстанцев стараются использовать эс-эры. В дни годовщины Октябрьской революции ими было спровоцировано несколько Ревкомов. Они обманным путем от имени Губревкома большевиков издали приказ о выступлении, но нашим удалось их удержать от этого. После всестороннего обсуждения было решено издать приказ о том, чтобы занимать все уездные города и обложить со всех сторон Екатеринослав, помешать получению подкреплений людьми и оружием и не давать гетманцам производить мобилизацию.

Падение гетманщины.

Гетманская власть, опираясь на помещиков и буржуазию, пыталась поркой и расстрелами заставить рабочих и крестьян подчиниться, но она оказалась бессильной против разбушевавшегося революционного движения. Волна подымалась выше и выше и, как щепки, смыла представителей этой власти на местах. В Екатеринославе в последних числах октября приказ губернского старосты сейчас же после расклейки со смехом срывался на глазах у варты. Вартовые были бессильны и вскоре стали разбегаться.

Большевистская организация развивала работу. Нам уже были известны отчасти германские события, кроме того мы готовились к празднованию годовщины Октября. Заготовлены были на русском, немецком и украинском языках прокламации. Часть из них была уже выпущена. Находившаяся при последнем издыхании гетманская власть сделала еще одну попытку бороться с большевизмом и производила повсюду облавы. Одна такая облава забрела на Кайдаках к тов. Серикову и захватила у него прокламации. Сериков с братьями был арестован. Захватили и тов. Золотова, но ему удалось как-то бежать.

В день Октябрьской революции, 7-го ноября, рабочие Брянского завода на одной из высоких труб завода вывесили красный флаг с лозунгом: „Власть Советам". Это была платформа завода.

8-го ноября получились сведения о том, что в Германии происходит долгожданная революция. Вечером было созвано многолюдное собрание всех социалистических партий и рабочих организаций для обсуждения текущего момента. Представители всех социалистических партий приходили к выводу о том, что сложившееся как внешнее, так и внутреннее положение необходимо использовать для воссоединения государственного единства России, на основе самоопределения и созыва Учредительного Собрания.

Представитель нашей организации заявил, что большевики ведут вооруженную борьбу за восстановление власти советов, а посему решениями, какие будут внесены на этом собрании, связать себя не могут и отстаивать свою точку зрения здесь считают бесполезным.

После прений был избран Временный Рабочий Комитет, который по существу являлся временной властью „меньшевистского толка".

Он должен был восстановить законную власть на Екатеринославщине в лице городского самоуправлония и земских управ и вести подготовку к Учредительному Собранию. Такие же рабочие комитеты были организованы в Каменском и во всех промышленных центрах Екатеринославщины.

10-го ноября Рабочий Комитет призвал рабочих к 2-дневной политической забастовке. Гетманская власть на Екатеринославщине фактически рухнула уже в эти дни. Но восстановить демократическую власть оказалось не так-то легко. Думцы упирались. Одни на основании решения киевского с'езда земцев, ориентируясь на уфимскую директорию, ждали решения в украинском масштабе, не желая выступать сепаратно. А многие просто стеснялись. Уже более года, как была собрана Дума. Большевики ушли, кадеты были гетманцами, многих видных меньшеви- уже нет. На кого же Дума будет опираться? Вопрос был разрешен украинским командованием.

1-го декабря взамен цензовой Думы приступила к своим обязанностям „демократическая" дума. Украинские власти взялись быть ее опорой и приказали городским и земским самоуправлениям приступить к исполнению своих обязанностей, обещая им всякое содействие. Этим дума подчеркнула свою оторванность не только от рабочих масс, но и от рабочего комитета, представлявшего, как-никак, все же рабочую организацию.

Дума выдвинула Губернского Комиссара: А. Пыжова — русского эс-эра и заместителя его — Г. Ященко (украинца).

Избрав комиссара, Дума призвала все вооруженные силы впредь подчиняться только Губернскому Комиссару. Гетманская власть была похоронена уже и формально.

Смена власти происходила и по всей периферии. Но она развивалась по двум направлениям: Каменское, Новомосковск, Павлоград, Славяносербский уезд и некоторые другие города шли под большевистским руководством; Александровск, Верхнеднепровск, Юзовка некоторое время шли под руководством Рабочего Комитета.

Большевиками еще в средине ноября был отдан по всем районам губернии приказ захватытать власть.

Город Новомосковск 21, 22-го ноября был взят большевистскими отрядами; меньшевисткая газета „Рабочее Дело" 1-го декабря писала о положении в Новомосковске: „Власть находится в руках Революционного Комитета КП(б)У. В городе относительно спокойно, нет грабежей и реквизиций имущества обывателей. Об'явлено военное положение, изданы 4 приказа, призывающие к спокойствию, сдаче оружия; охрана города поручена начальнику милиции, выделенному штабом, демократическая дума призвана приступить к своим обязанностям, отрядам на местах строго запрещено расправляться с политическими противниками. Оставленные помещичьи имущества, леса и т. д. приказано взять под охрану. Соответствующие организации должны приступить к учету всего имущества, оставленного помещиками; обыски и аресты производятся только с 5-ти часов утра до 7-ми вечера, строго по ордерам, подписанным штабом; все арестованные направляются в Ревком для следствия".

По информации Бюро Военно-Революционного Штаба положение обрисовывалось так: „В Александровске настроение рабочих и крестьян

стьян бодрое, в уезде действуют большевистские отряды до 1000 человек. Нами захвачены все важнейшие пункты, город не взят по политическим соображениям, но обложен со всех сторон, контролируется транспорт. В городе существует отряд в 200 красноармейцев. Махно предлагает нам свои услуги, но мы не связываемся с этой личностью в виду его популярности среди бандитского элемента. Налажена аккуратная связь с железнодорожным завкомом, а также с Павлоградским.

В Павлоградском уезде также все важные пункты заняты нашими отрядами. Город обложен со всех сторон и ничего не пропускается в город.

В Новомосковском уезде дела очень хорошие, порядок образцовый; во многих волостях уже организованы Советы, в остальных спешно организуются, работает демократическая дума, последняя отпустила Ревкому субсидию в сумме 100.000 рублей. Происходит самобилизация добровольцев в ряды большевистских отрядов. 1-го декабря была устроена крупная манифестация. На митинге выносились постановления о захвате Екатеринослава в ближайшее время. В Петриковке действует отряд Лантуха в количестве 400 человек.

В Верхнеднепровском уезде город занят петлюровцами, в окрестности города существуют отряды по 100 человек и более сильные отряды организованы в селах: Аксаповка, Алферово-Ордо-Васильевка.

В районе Кайдак власть находится в руках большевиков.

В Нижнеднепровске усиленно организовываются боевые отряды, задерживаются поезда по направлению в Екатеринослав, как с военными, так и продовольственными припасами, разоружаются петлюровские эшелоны как со стороны Нижнеднепровска, так и со стороны Кайдак, согласно постановлению парторганизации".

12-го декабря регулярными повстанцами был занят Амур-Нижнеднепровск, сюда же переместился и Областной Комитет К. П. (б) У. Была провозглашена Советская власть, выделен Военно-Революционный Комитет.

Многовластие в Ек-ве. Борьба за влияние.

1-го декабря вечером петлюровцы заняли станцию Екатеринослав и свой штаб поместили на Провиантской ул., дом № 6, недалеко от моста через Днепр.

В тот же вечер наш Кайдакский штаб разоружил Кайдакскую варту и захватил участок при Брянском заводе. На Кайдаках была провозглашена Советская власть — временной властью был революционный штаб, к рабочим заводов было выпущено воззвание об организации Совета.

Город таким образом разбился на сферы влияния. На Кайдаках и Чечелевке была власть Советов. От Чечелевки до Садовой—петлюровцы. От Садовой до Управы — резиденция немцев. Соборная гора до дач была в руках 8 корпуса. Этот корпус был организован по приказу гетмана, но с явной ориентацией на Дон и „великую неделимую". Городская Управа, сама не представлявшая никакой власти, сидела между двух властей и стремилась всячески поселить мир между петлюровцами и 8-м корпусом.

Естественно, что такое положение никем не считалось нормальным и каждая из 4-х властей стремилась подготовить почву к разоружению остальных и стать властью во всем городе. Для осуществления этой

цели каждая собирала свои силы и стремилась завоевать доверие у населения. Основательно могли претендовать на Екатеринослав только две группы: петлюровцы и большевики. В план обеих этих групп входило раньше обезоружить 8-й корпус и немцев.

Так называемая демократия, во главе с меньшевиками, стояла на стороне петлюровцев. Шла усиленная борьба за влияние на рабочих. Петлюровцы, опираясь на сельских кулаков, понимали хорошо, что решающим фактором будет то, на чьей стороне будут рабочие.

Рабочие Екатеринославщины с первых дней оккупации были настроены против петлюровцев и немцев, и все старания демократии, во главе с меньшевиками, в течение 6-ти месяцев повести за собой рабочих ни к чему не привели.

Отношение рабочих ярко выявилось с получением сведений о германской революции. Приведем несколько примеров по сохранившимся печатным документам (надо отметить, что в этот период рабочие ж.-д. шли впереди остальных рабочих, в ногу с брянцами). В 20-х числах ноября рабочие Нижнеднепровских вагонных мастерских на своем общем собрании постановили: „В момент активного строительства трудящихся— власти Советов, которая является выразителем трудящихся масс,—украинская буржуазия стремится опираться на союзные войска, а нам об'явила классовый террор. Наши политические авантюристы с помощью культурно-просветительной спилки все время ведут соглашательскую политику с буржуазией и тем самым оттягивают быстрое разрешение самого насущного вопроса о советах.

„Об'явить бойкот предательской спилке. Все уволенные, как за стачки, так и административно, с первых дней апреля 18 г.—должны занять свои места в 3-дневный срок. Немедленные перевыборы комитетов внутреннего распорядка. Немедленные перевыборы комиссаров. Восстановление профессиональных союзов. Немедленный созыв железнодорожного делегатского с'езда. Вся власть Запорожской ж. д. должна принадлежать Революционному Комитету ж. д., избранному из социалистических партий, стоящих на платформе Советской власти. Поручить Комитету Внутреннего Распорядка немедленно приступить к подготовке выборов в Совет Рабочих Депутатов".

В средних числах ноября на Брянском заводе состоялось общее собрание, под председательством Примаченко. Обсуждались вопросы чисто заводского характера. На этом собрании от нашей организации присутствовали Амосов и Берг (редактор нашей газеты). Получив с трудом в конце собрания слово, я заявил: „Сегодня обсуждались повседневные бытовые вопросы, их разрешили и готовы уже разойтись. Я думаю, небезынтересно обсудить и те события, которые происходят на Украине вообще, а на Екатеринославщине — в особенности. В Екатеринославе в данное время существуют 4 власти, а в общем безвластие. При таком положении наш завод не сможет долго работать нормально, а посему нам нужна одна, но твердая власть, которая восстановила бы нормальную жизнь в городе. Кому вы из 4-х властей доверите управление губернией, тот победит". При голосовании предложения обсудить этот вопрос, абсолютное большинство высказалось за него и, в виду позднего времени, постановило поручить Завкому в ближайшие дни созвать общее собрание рабочих и обсудить данный вопрос.

9—10 декабря был переизбран Завком Брянского завода. Избранными оказались подавляющим большинством сторонники большевиков. Председателем был избран Быченко (б.) товарищами — Былинин и Мелихов (сочувств.), секретарем — Примаченко (м-к).

В средних числах ноября состоялось общее собрание на заводе Ланге. Приняли большевистсткую резолюцию:

„Мы, рабочие завода Ланге, обсудив вопрос об отведении помещения для Красной армии на территории нашего завода и принимая во внимание, что для обеспечения власти советов, власти рабочего класса и беднейшего крестьянства необходима реальная сила, а такой является рабоче-крестьянская Красная армия, и принимая во внимание то, что Красная армия борется за наши интересы, следовательно, мы им должны всеми силами помогать,-- постановили: помещение отвести".

После такой резолюции меньшевистский завком вынужден был сложить свои полномочия. 27-го ноября он был переизбран. В результате из 19-ти избранных в завком прошло только два меньшевика.

Правление Союза металлистов занимало меньшевистскую позицию. Очутившись перед фактом, когда рабочие, члены союза металлистов, на своих заводах выносят большевистские резолюции и переизбирают завкомы не только без санкции, но и вопреки правлению, оно вынуждено было 3-го декабря выпустить воззвание к рабочим под лозунгом: „Рабочие, не допускайте захвата предприятий вооруженными кучками, оберегайте целость и неприкосновенность места вашей работы".

Несмотря на воззвание, в этих же числах рабочие завода Старр также приняли большевистскую резолюцию и переизбрали завком. Екатеринославские металлургические и металлообрабатывающие заводы в большинстве были настроены по-большевистски [1]).

Почти так же обстояло дело в Каменском. „Рабочее Дело" (№ 2 от 10 декабря) жаловалось на то, что „не успела еще окрепнуть демократическая Земская Управа, как большевики заявили, что власть в Каменском переходит к Революционному Комитету. Управа решила созвать цеховое собрание на заводе для выяснения вопроса о том, кому должна принадлежать власть. Тем временем большевики разослали всем местным организациям приглашение на созываемые ими собрания для рассмотрения вопроса о способах образования Совета рабочих депутатов.

Рабочий Комитет Каменского решил не участвовать в этом собрании. Большевики устроили манифестацию. Затем по цехам производились выборы в Совет рабочих депутатов".

Таким образом, в Каменском власть перешла к Совету Рабочих Депутатов. Такие революции принимались в ж.-д. паровозных мастерских и депо.

Организация Совета.

По постановлению партийной конференции, состоявшейся 1-го декабря, мы приступили к организации Советов рабочих депутатов на Екатеринославщине. При городском партийном комитете была органи-

[1]) На этих заводах при выборах в Совет участвовало подавляющее большинство, и выбрали в Совет сторонников Советской власти.

зована комиссия из представителей от фракции профсоюзов, которая руководила выборами в Совет. Модус представительства был установлен: один делегат на 100 человек; такие же комиссии были организованы по всем крупным заводам и проф. союзам из представителей от социалистических партий, стоящих на платформе Советской власти. Из других партий принимали участие в выборах только левые эс-эры; все остальные были против Советской власти; являясь на все предвыборные собрания, они всячески старались их сорвать, но подавляющее большинство рабочих было за Советскую власть, и выборы происходили нормально.

На Брянском заводе 5-го декабря состоялось общее собрание рабочих по вопросу о выборах в Совет рабочих депутатов; присутствовало более 2000 человек. Это собрание как для нас, так и для меньшевиков было решающим, и поэтому меньшевики сюда делегировали лучших своих представителей из членов правления союза металлистов — Будника и Бяловского. Докладчиком по текущему моменту от нашей партии был тов. Воронцов. Доклад его был не совсем удачен, но настроение рабочих было в нашу пользу. С возражением ему выступал Будник, но ему почти все время не давали говорить, и свою речь ему закончить не удалось. Резолюция была принята большевистская, требующая роспуска рабочего комитета, выборов Совета рабочих депутатов и передачи ему всей власти на Екатеринославщине. Для проведения выборов избрана была комиссия.

Одновременно на ряде рабочих собраний в заводах и в профсоюзах были вынесены резолюции о том, что рабочий комитет в данном его составе не отражает воли рабочих.

Организация выпустила специальную листовку к рабочим о роли рабочего комитета. Решения рабочих собраний заставили бюро рабочего комитета на совещании социалистических партий сложить свои полномочия. Совещание решило созвать экстренное заседание пленума рабочего комитета для обсуждения создавшегося положения и дальнейшей тактики рабочего комитета.

Организационная комиссия по созыву Сов. раб. депутатов на своем заседании от 6-го декабря по вопросу о рабочем комитете постановила: „1) Органом рабочего класса г. Екатеринослава может быть орган, избранный самими рабочими массами. 2) Создание организаций из представителей правлений профессиональных союзов и заводских комитетов, давно избранных и не отражающих настроения рабочих, имеет своей целью расколоть пролетариат на два враждебных лагеря. 3) Предложить рабочему комитету распустить себя".

Передать постановление было поручено мне с одним товарищем из городского района. Явившись в бюро профсоюзов по Пушкинской, № 17, где помещался рабочий комитет, мы вручили заявление секретарю бюро тов. Щапу. Прочитав его, он сказал: „Ну вот, а мы только-что думали, как быть с рабочим комитетом".

По большинству предприятий выборы производились вопреки правым партиям. В большинстве проходили большевики.

Видело это правление союза металлистов и опубликовало в „Рабочем Деле", № 32 от 9 декабря, следующее обращение: „Правление союза металлистов ставит в известность членов союза городского района, что к созыву членов союза на собрание по выборам представителей в совет рабочих депутатов правление союза не имеет никакого отношения. Пра-

вление союза, стоящее на почве всеобщего участия в выборах членов совета рабочих депутатов, рекомендует членам союза городского района воздержаться от участия в подобных собраниях и выборах до того момента, пока организационная комиссия по выборам в Совет рабочих депутатов, создаваемая по решению конференции рабочих организаций 18-декабря (они заранее знали решение. Прим. автора), не приступит к выборам".

В подавляющем большинстве профсоюзов выборы прошли в нашу пользу.

18-го декабря, действительно, состоялась такая конференция из всех социалистических партий, настроенных против Совета и за Учредительное Собрание. Доклад делал Лейканд, указывая на то, что рабочий комитет свое дело сделал. В данное время чувствуется его оторванность от масс, почему он и сложил с себя полномочия; городское самоуправление не совсем отвечает задачам момента; данная конференция должна решить вопрос о создании рабочего центра. В таком же духе выступали представители всех партий.

Затем выступил представитель от большевиков. Большевики, заявил он, твердо стоят на позиции Советской власти, и с правыми эс-эрами и плехановцами разговаривать считают лишним. Украинцы раньше пригласили немцев, а сейчас сами проводят реакционную политику и издают приказы, которые даже „Рабочее Дело" называет не социалистическими, а монархическими. На Дону оперируют монархисты. Поэтому в данное время надо создать твердую власть. Таковой может быть только диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства в лице Советов раб. и кр. депутатов. Такой Совет уже создан самым законным демократическим образом, и никакого другого центра организовывать не нужно. После прений была вынесена следующая резолюция: „Конференция считает необходимым выявить волю пролетариата путем референдума по вопросу о Советской власти и о признании органа Советской власти, созданного большевиками; вместе с тем конференция считает необходимым создать центр рабочего движения, об'единяющий весь пролетариат в лице Совета рабочих депутатов на основах всеобщих выборов от заводов и рабочих организаций. Для проведения этой работы конференция выбирает Организационную комиссию.

Организационная комиссия должна войти в соглашение с существующей организационной большевистской комиссией для производства выборов там, где выборы еще не состоялись, и для отмены выборов и назначения новых там, где выборы уже состоялись. Комиссия составляется из представителей всех заводских комитетов, правлений профессиональных союзов и социалистических партий по одному от каждой организации. Созвать организационную комиссию поручается президиуму конференции".

Первое заседание Совета.

21-го декабря, в субботу, после фракционных совещаний левых эс-эров и большевиков, в 6 часов вечера открылось первое заседание созданного большевиками Совета раб. и кр. депутатов. Президиум был избран из 5-ти лиц, в почетные председатели были избраны Ленин и Либкнехт, предложенная левыми эс-эрами Спиридонова не прошла. Председателем был избран тов. Быченко. Заседание открылось почтением

памяти погибших борцов за власть Советов в период гайдамацко-немецкой и гетманской реакции. В порядке дня обсуждались следующие вопросы: 1) доклад организационной комиссии, 2) текущий момент и 3) организация Красной армии.

После приветствий разных организаций приступили к обсуждению порядка дня. Заслушали доклад организационной комиссии, в котором указывалось, что „по инициативе большевиков была создана организационная комиссия из состава профсоюзов; также были приглашены и все социалистические партии. Но в выборах приняли участие только левые эс-эры, все же остальные от этого отказались, потому что они не признали Советской власти. Несмотря на это, выборы прошли нормально. Нами всего зарегистрировано членов Совета 101 чел.; после окончания выборов организационная комиссия считала своим долгом уведомить (так. наз. рабочий комитет) о том, что уже создан рабочий центр в лице Совета, выражающий волю рабочих, рабочему комитету, созданному из правления профсоюзов и верхушек социалистических партий, не выражающих воли рабочих, нами предложено распуститься. Но несмотря на это, социалистичесие партии созвали свою конференцию и выбрали свою комиссию из такого же представительства по выборам в Совет и сейчас занимаются саботажем“.

После прений заседание решило считать себя правомочным потому что совет избран самими рабочими. По текущему моменту выступал т. Крейсберг (Исаак), затем левый с.-р.

Во время выступления эс-эра в зал заседания явились человек 10 вооруженных петлюровцев и заявили, что именем украинской народной республики Совет об'является незаконным, и предложили разойтись; председатель Совета потребовал официального ордера. В ответ было заявлено, что им дано устное распоряжение. Заседание этим неудовлетворилось и выбрало комиссию из трех человек для выяснения этого вопроса. Заседание было об'явлено продолжающимся. По требованию было предоставлено слово председателю штаба, который указал, „что Совет не рабочий, а составлен из городских трутней, крестьяне трудятся, как пчелки. Эти труды пожирают городские трутни, вот почему мы не признаем совета, а только крестьянский с'езд, а совет разгоним.

Возвратившись из штаба комиссия принесла официальные сведения. Председатель их огласил и об'явил, что вооруженной силе нужно подчиниться. Заседание закрылось пением „Интернационала“.

На завтра, в воскресенье был созван расширенный пленум общегородского комитета нашей организации в союзе табачников, кажется, по Харьковской улице. Решили выпустить воззвание к петлюровским солдатам, чтобы они об'единились вокруг Совета и прислали в него своих представителей и к рабочим с призывом протестовать против насилия штаба над рабочим парламентом, против провоцирования гражданской войны, и об'явить политическую забастовку. На всех предприятиях было решено устроить общие собрания рабочих и послать на каждое собрание своих докладчиков. Здесь же и было распределено, кому куда отправиться проводить собрания.

23-го декабря в 8 часов утра загудел гудок Брянского завода. Рабочие собирались в мостовой цех на митинг. Призыв председателя Совета рабочих депутатов тов. Быченко (он же был и председателем Брянского завкома) об'явить политическую забастовку протеста против

насилия над Советом нашел дружный отклик. Предложение приняли единогласно и избрали комиссию по проведению забастовки. Железнодорожные мастерские и депо также об'явили двухдневную политическую забастовку, а за ними последовали все крупные и мелкие заводы, кроме Трубных „А“ и „С“ (там было сильно еще влияние меньшевиков).

Бастовала также электрическая станция, водопровод и все хлебопекарни, в городе наступила мертвая тишина, не было ни света, ни хлеба, ни воды. При таком положении, пожалуй, можно было свергнуть республиканский штаб и на его месте водрузить власть Советов на Екатеринославщине.

Как мы тогда и полагали, на выручку штабу пришли все правые социалистические партии. Ими была созвана по этому вопросу специальная конференция; в принятой на ней резолюции указывалось, что они протестуют против ограничения свободы, в том числе и большевистского Совета; вместе с тем они обрушились на большевиков за все их смертные грехи перед демократией и призывали рабочих к прекращению забастовки, как не достигающей цели.

В тот же день представители вышеуказанных партий, работавшие в профсоюзах, созвали экстренное заседание Совпрофа по вопросу о забастовке и постановили, что Совпроф протестует как против разгона совета так и против забастовки, организованной большевиками, вопреки демократии и призывали рабочих прекратить забастовку.

На предприятиях имеющих большое значени для жизни города: как электрическая станция, водопровод и хлебопекарни, были посланы представители для срыва забастовки.

Делегация, явившись в завком электрической станции, где дежурили два члена завкома: Кравченко и Пальцев и для обслуживания станции работало 15 человек, изложила свои мотивы по всем правилам марксизма о врѐдности политической забастовки в данное время и предлагала ее прекратить. Представители завкома ответили, что есть постановление общего собрания рабочих и что они ни в коем случае не пустят станцию, что она может быть пущена только применением насилия над ними и над теми рабочими,которые обслуживали станцию („Рабочее Дело“ № 34, 12/25 декабря). Такие же ответы делегация получила и на остальных предприятиях.

Получив подкрепление со стороны „демократии“, республиканский штаб опубликовал заявление к населению о том, что он стоит на стороне всех завоеваний революции и разгонять совет больше не собирается, а, наоборот, окажет ему всяческое содействие, но будет решительно бороться с попытками захвата власти на Екатеринославщине кем бы то ни было.

Вечером 23-го декабря от нашего комитета была послана делегация с заявлением о том, что, получив заверение штаба о гарантиях свободы рабочим организациям, в том числе и советам, мы согласны прекратить забастовку, но требуем освободить помещение Совета для его работы. Ответ получили удовлетворительный.

24-го утром наш комитет совместно с президиумом Совета, заслушав сообщение штаба о гарантии свободы рабочим организациям и Совету, постановил признать цель забастовки достигнутой и призвать рабочих к возобновлению работ.

ПОДПОЛЬЩИКИ 1918 г.

ГОРОДСКОЙ РАЙОН

ДОНЦОВ

КОЛТУН

ВАРЛЕН

АМУР-НИЖНЕДНЕПРОВСК

ГОДИН

ИВАЩЕНКО

ТАРАНУЩЕНКО

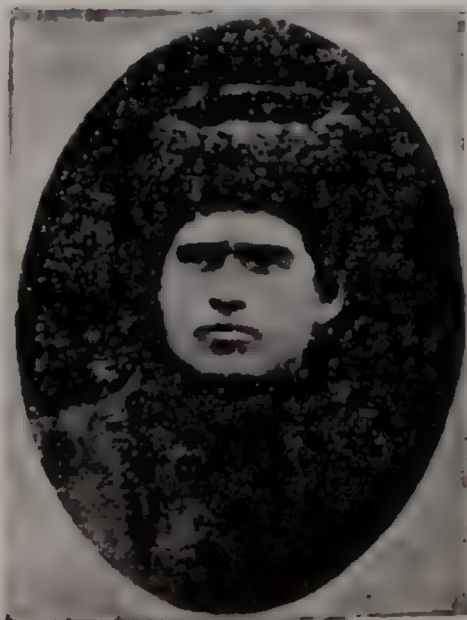
ВОРОНЦОВ

КЛОЧКО

СУХАНОВ

АПОКИН

БОРИСОВ

После падения гетманщины Екатеринославская организация решила легализоваться. Осуществить это было нелегко, так как для нашей организации трудно было найти квартиру. Подыскать квартиру было поручено мне. После долгих поисков, с большим трудом, удалось устроиться на 2-й Чечелевке, на углу Бойкой, в доме № 60, у знакомого домовладельца, у которого мы раньше занимали комнату под районное правление союза металлистов.

Собрание, на котором решался вопрос о легализации было собранием общегородского актива нашей организации и состоялось в союзе кожевников по Херсонской улице. На этом собрании присутствовал тов. Борис, посланный ЦК для работы в Екатеринослав. Обсуждался вопрос о нашей тактике в данное время. Докладчиком был т. Воронцов. Свой доклад он свел кратко к положению: борются два класса — буржуазия и рабочие, третья группа представляет из себя интеллигенцию; победит тот класс, за кем пойдет интелигенция. Из доклада можно было притти к выводу, что мы должны устроить с интеллигенцией какой-то блок. Такая постановка вопроса была отвергнута. Решено было вести решительную борьбу за восстановление власти Советов—диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства со всеми, кто будет против нее, и развить широкую агитационную и военную работу.

Работа была очень тяжелая, нужно было завоевать популярность среди рабочих, добиться большинства в завкомах, руководить выборами Совета Раб. Депутатов и вести активную работу в профсоюзах.

Против нас выступала вся демократия, во главе с меньшевиками, направив на нас свою тяжелую артиллерию. Наши агитационные силы были весьма невелики. Нам нужно было усилить печатную агитацию, издание газет, воззваний и т. п.

До этого у нас была одна подпольная газета „Пролетарий“, об‘единявшая Областной и Губ. Комитет. С переходом на легальное положение мы организовали „Звезду“, орган губ. Комитета. Первый ее № вышел 1 декабря. В нем было помещено обращение к членам нашей партии следующего содержания:

„В трагический момент революционного восстания вы должны быть все на своих постах впереди красных повстанцев, на баррикадах у коммунистических знамен. Губернский Комитет партии призывает вас быть организованными, иметь оружие, обучиться владеть им, подчиняться партийной дисциплине и точно выполнять все постановления партийных центров. На вас лежит глубокая ответственность перед лицом всемирного пролетариата, перед историей социалистического движения. За работу!“

За этот период были выпущены воззвания к рабочим и крестьянам по вопросу о мобилизации, „до вільних козаків“, о роли рабочего комитета и много других.

Для координации работы всех районов 1-го декабря в Кайдаках состоялась обще-городская партконференция. На разрешение конференции были поставлены вопросы: 1) текущий момент, 2) организационный вопрос и 3) выборы Комитета. Решения ее были таковы: по текущему моменту: 1) политический момент для захвата власти на Украине назрел. Органами этой власти будут являться Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов. К организации последних необходимо приступить немедленно; 2) организованное рабоче-крестьянское правительство

является революционным боевым центром, который координирует повстанческие усилия рабоче-крестьянского люда Украины; 3) германская революция приобретает характер гражданской войны под лозунгами диктатуры пролетариата, и вопросом дней является создание единого красного фронта „Россия — Германия"; 4) революция в странах Антанты уже начинает подтачивать тот сук, на котором до сих пор держалась аннексионная политика держав согласия, и оккупация Украины „союзниками" не является столь сугубой опасностью, на которой можно было бы строить поражение повстанческого фронта; 5) необходимо укрепить позиции, строить революционные окопы и принимать на себя первый удар зарвавшегося международного капитала; 6) необходимо вооружиться, организовать Красную армию и вести беспощадную гражданскую войну с украинской черной кликой и представителями Центральной Рады.

По второму вопросу был принят ряд предложений по укреплению партийных организаций. Был выбран тайным голосованием общегородской Екатеринославский Комитет, которому поручено было в ближайшее время созвать губернскую партийную конференцию.

2-го декабря была созвана конференция железнодорожных большевистских организаций, которая после доклада представителя Губкома признала, что „международное положение Украины ставит пролетариат перед фактом возможности оккупирования англо-французскими империалистами страны, для борьбы с рабочими и беднейшим крестьянством Украины, для ведения войны с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой. Власть гетмана и Краснова делает последнюю ставку на восстановление единой реакционной России.

Рабочие комитеты, создаваемые авантюристами из лагеря меньшевиков и правых с.-р., восстание Петлюры и об'явление „воскресшего" Учредительного Собрания есть не что иное, как предательство рабочего класса и беднейшего крестьянства. В столь тяжелый момент, когда на пролетариат Украины движутся силы оккупантов, производятся кошмарные издевательстза казаков, у рабочих не может быть и речи о каком-либо Учредительном Собрании. Только восстание с оружием в руках против всех врагов за восстановление Советской власти даст трудящимся право на существование, а посему конференция ж.-д. призывает всех т.т. стать на защиту с оружием в руках за власть пролетариата и беднейшего крестьянства; главной задачей ж.-д. пролетариата являются выборы Комитетов Внутреннего Распорядка, Советов Рабочих Депутатов, Военно-Рев. Комитетов, как органов боевых рабочих дружин, для оказания поддержки Совввласти".

Постановления этих конференций явились основанием для всей нашей работы. Наша легализация и выпуск нами листовки были очень сочувственно встречены массой рабочих и крестьян.

Петлюровцы сразу увидели в этом угрозу своему существованию. 2 — 3 декабря на улицах Екатеринослава разгоняли толпы, читающие большевистские газеты, отнимали их у газетчиков и на улице разорвали несколько сот экземпляров. Губернский Комиссар Ященко официально предложил комиссару охраны города принять меры к прекращению продажи в киосках и газетчиками большевистской газеты „Звезды", призывающей народные массы к беспорядкам и выступлениям против организованной демократии. Но предпринять какие-либо агрессивные

меры не решались, боясь еще больше подорвать свой авторитет среди рабочих,

Германская революция поставила перед нами задачу установления связи с германским Советом Солдатских Депутатов, находившимся в Екатеринославе.

По нашей просьбе 2-го декабря германским Советом было созвано специальное заседание для заслушания доклада нашего представителя. На это заседание нашим комитетом были посланы тт. Борис и Воронцов. После длинной обоснованной речи т. Бориса на заседании Совета германских солдатских депутатов была предложена следующая резолюция:

1) „Необходимо единение и братская связь всех угнетенных и эксплоатируемых под интернациональным лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

2) Организация диктатуры пролетариата — переходной стадии от капиталистического строя к социализму.

2) Прекращение всех об'явленных буржуазными правительствами войн, расторжение союзов, контактов и соглашений, где за счет трудящихся под разными дипломатическими соусами капиталисты набивают себе карманы и утолщают империалистическую бронь насилия, гнета и эксплоатации

4) Создание единого красного фронта трудящихся против капитала“.

Немцы с резолюцией принципиально согласились, но заявили, что они ни в какие официальные сношения с какой бы то ни было партией вступать не могут, потому что это может вызвать недоразумение среди солдат, у которых есть одно стремление скорей возвратиться на родину, и поэтому они будут соблюдать строгий нейтралитет. Что же касается солдат, которые дезертировали из немецкой армии и пошли на службу к капиталистическим организациям, Совет считает их дезертирами и за них не отвечает.

Вооруженные столкновения.

Положение становилось все более и более напряженным. Наши выступления били по самому больному месту и петлюровцев, и 8-го корпуса, и всех иже с ними. Влияние наше росло, т. к. ни рабочие, ни крестьяне не получали разрешения своих вопросов от власти, а мы в свей критике, и в городе, и в селе, указывали на полную неспособность этой власти разрешить наболевшие вопросы.

4-го декабря Губернским Комиссаром Ященко в Городской Управе было созвано специальное совещание гражданских организаций и военных частей, на котором была сделана попытка об'единить их для борьбы с большевиками.

По сообщению „Рабочей Борьбы“, № 19 от 6 декабря, единства достигнуто не было, т. к. представители украинского штаба заявили, что они не могут об'единиться с 8-м корпусом, „ибо казаки не пойдут против большевиков в то время, когда на горе офицеры, думающие о востановлении власти помещиков; мы сами будем вести борьбу с большевиками. 8-му же корпусу предлагаем разоружиться и сдать оружие украинскому штабу. Мы можем бороться только за директорию, а 8-й корпус ведет борьбу за единую неделимую, Настроение казаков сорвало единый фронт для борьбы с нами“.

Наши военные руководители в лице Золотова, Кузнецова и Панченко в это время были настроены по-боевому и тоже мечтали разоружить сначала 8-й корпус, затем немцев и петлюровцев. Они начали действовать в этом направлении, несмотря на то, что 8-й корпус преобладал над нашими повстанцами и количественно и качественно и был во много раз лучше вооружен, а также несмотря на сомнительный нейтралитет немцев, который мог быть ими нарушен в случае наших успехов.

По этому вопросу у нас в помещении Комитета, на 2-й Чечелевке, состоялось заседание общегородского партактива. Были большие прения, мнения разделились почти поровну. За выступление стоял Крейсберг, присланный из ЦК, Золотов, Кузнецов, всего человек 12. Против выступления: Клочко, Амосов, Борис, человек 15—16, и небольшим большинством наступление было отвергнуто.

5-го декабря петлюровцы пред'явили 8-му корпусу и немцам ультиматум сдать оружие украинскому штабу под угрозой прибегнуть к вооруженной силе.

Как мы и полагали, в этот вопрос вмешались немцы и заявили, что они не допустят кровопролития на улице города; но петлюровцы, учитывая, что в этой борьбе они найдут поддержку, после истечения срока ультиматума начали обстреливать из артиллерии казармы, где находился 8-й корпус. В результате 8-й корпус, боясь вступать в бой с петлюровцами, оставил Екатеринослав.

Украинцы почувствовали себя крепче. Они задумали разоружить немцев. 19-го декабря ими был пред'явлен немцам ультиматум сдать оружие. Немцы не соглашались, и после указанного срока петлюровцы повели вооруженное наступление по всем пунктам, где находились немцы. Немцы, в свою очередь, приготовились к защите и в городе открылась страшная орудийная и пулеметная стрельба, продолжавшаяся часа 4. В результате немцы сдались. Со стороны немцев убито было до 15 человек, со стороны петлюровцев — человек до 10.

Разоружив немцев, республиканский штаб опубликовал обращение к своим солдатам под угрозой военно-полевого суда не производить агрессивных действий против немецких солдат.

Мы в это время держали строгий нейтралитет, ни на минуту не теряя из виду того, что у петлюровцев на очереди стоим мы. Наши повстанческие отряды значительно окрепли. В Кайдаки прибыл Новомосковский полк, наш штаб с Кайдак передвинулся на Фабрику и занял главную контору закрытого завода Рудзского.

Агитация большевиков сильно влияла на повстанцев петлюровских отрядов (т. н. вильных казаков). Украинский штаб стрался всячески натравить эту часть на большевиков, пуская в ход все, вплоть до провокации. Мы реагировали обращениями к массам. Привожу одно такое обращение, опубликованное в газете „Донецкий Коммунист“ от 18 декабря.

„Вчера вечером в городе Екатеринославе стали распространяться слухи о том, что Военно-Революционный Комитет пред'явил штабу „республиканских войск“ ультиматум с требованием сдачи оружия к 12 часам ночи. В то же время у вокзала и у моста через Днепр стали концентрироваться силы „петлюровцев“ с орудиями и броневиками. К 10-ти часам вечера в военно-революционный штаб Кайдакско-Фабрич-

ного района явился делегат от Н-ой сотни „вільних козаків“ с просьбой не выступать, заявляя, что они не хотят выступать против большевиков. Из расспроса задержанных штабом разведчиков „петлюровцев“ выяснилось, что начальство об‘явило им о пред‘явленном большевикам ультиматуме и этим заставило их начать наступление. Через час после первой делегации в военно-революционный штаб явилась новая делагация от нескольких сотен, подтвердившая заявление разведчиков и заявившая, что они наступать против большевиков не будут.

Получив от начальника военно-революционного штаба категорическое заверение, что никакого ультиматума большевики не пред‘являли, делегаты, снабженные революционной литературой, ушли из штаба. Пришедший со второй делегацией сотник был в штабе разоружен“.

Экономическое положение города было тяжелое: не было средств, нечем было содержать больницы и школы. Обращения к республиканскому штабу оставались без удовлетворения. Заводы работали крайне ненормально. Город в военном отношении был обложен со всех сторон; отчасти поэтому, отчасти и под влиянием агитации большевиков, началось брожение среди петлюровских войск. Видя все это, городская дума толкала петлюровский штаб на более решительные действия. Штаб, учитывая настроение рабочих Екатеринославщины, не имел твердой почвы под собой, ему нужна была сильная опора. Городская дума не могла быть для него такой. Штаб решил опереться на крестьян и созвал на 23-е декабря т. н. „Селянский Губернский С‘езд“ из представителей просвит, спилок, кооперации.

На с‘езде представители штаба и городские деятели, обрисовывая положение города, винили во всем большевиков, разоружающих казаков, едущих в Екатеринослав, не пропускающих военных материалов захватывающих хлеб и скот и т. д.

Но и на созванном с‘езде, несмотря на то, что он состоял по преимуществу из кулаческого элемента, не все обстояло благополучно. На с‘езд явились и большевики в лице посланного от нас представителя тов. Воронцова. Некоторые делегаты, увидев большевика, после частных бесед, организовали большевистскую группировку, которая работала на с‘езде под руководством нашего комитета в лице тов. Чубина Дмитрия (бывш. председателем Брянского Парткомитета), выбранного от Лошкаревской волости. К нашей группе примкнул видный член республиканского штаба атаман артиллерийской части т. Мартыненко, пользовавшийся среди вильных казаков большим авторитетом: почти по всем вопросам он выступал по заданиям нашего комитета, предупреждая казаков о том, что „директория начала сворачивать с революционного пути и становится на национально-шовинистически-буржуазный путь, откладывает разрешение больных вопросов до созыва Учредительного Собрания, что только передача власти на местах Радам Солдатских, Рабочих и Селянских Депутатов сможет разрешить все волнующие казаков вопросы“, и призывая казаков посылать своих депутатов в Совет Рабочих Депутатов для совместного действия. Речь Мартыненко встретила большое сочувствие среди значительной части с‘езда.

Когда на с‘езде выступил прокурор полевого суда и обратился к с‘езду с просьбой указать ему, как бороться с бандитизмом, часто прикрывающимся идейными лозунгами, с‘езд большинством с возмущением отверг предложение прокурора. Сотни голосов кричали во время

заявления прокурора: „знаем — гетманская власть всех крестьян называла бандитами".

В конце с'езда были предложены две основных резолюции: официальная украинская и тов. Мартыненко.

Штабная резолюция искусно маскировала от крестьян свою сущность. В ней было приветствие директории, как единой авторитетной власти, требование скорейшего созыва Учредительного Собрания, немедленного созыва Всеукр. с'езда селян, казаков и рабочих, предпарламента, освобожденния укр. республики, и наряду с этим, строки, развязывающие руки для борьбы с большевиками.

„С'езд категорически высказывается против того, чтобы на Украине организовались какие-нибудь иные войска, кроме революционной армии Украинской Народной Республики. С'езд селян Екатеринославской губернии поддерживает мобилизацию казаков для обороны добытой народом свободы. С'езд высказывается против анархии и беспорядков, обещая всею силой бороться с теми, кто внесет раскол между селянами Екатеринославской губернии".

Мартыненко рекомендовал контакт с Советской властью в борьбе с надвигающимся империализмом и выбор Советов казачьих и крестьянских депутатов[1]).

Резолюция Мартыненко встретила сочувствие у многих делегатов с'езда. Но атаман всех республиканских войск на Екатеринославщине— Горобец прибег в последний момент к демагогии, заявив, что с большевиками вчера ночью была перестрелка, есть взятые в плен и в числе их капитан Орлов из 8-го корпуса. С такими войсками нельзя об'единяться, потому что такие могут подать руку гетману. Это выступление имело успех: за резолюцию Мартыненко голосовало 30 делегатов, против 181 и 20 воздержалось.

Получив санкции с'езда, петлюровцы повели борьбу против большевиков и левых с.-р. Нужно было представить дело так, что выступление начали большевики с левыми с.-р., но так как последние избегали его, то петлюровцы попытались выступление вызвать сами. 21-го декабря на станции Екатеринослав были арестованы с газетой „Знамя Борьбы" двое рядовых члена организации левых эс-эров, брат и сестра; они были отведены в комендатуру и расстреляны, а газеты сожжены. Расстрел вызвал сильное возмущение среди рабочих Екатеринослава и укрепил большевистские позиции. Почти на всех заводах произошли собрания с протестом против зверств штаба. Убитым были устроены торжественные похороны, превратившиеся в демонстрацию против украинского штаба. Начав действовать, штаб продолжал свою линию, не смущаясь этими протестами.

23-го декабря посреди дня отряд петлюровцев в 29 человек разгромил большевистский комитет и экспедицию на 2-й Чечелевке. Находившиеся там 4 сотрудника, в том числе и экспедитор тов. Михалев, были арестованы. Вся литература была конфискована. Организацией была послана в республиканский штаб делегация по вопросу о разгроме. Представители штаба ответили, что „штабу ничего неизвестно, что это сделано самочинно, будет произведено расследование и арестованных освободят". Арестованные вскоре были освобождены.

[1]) К сожалению, у нас нет этой резолюции т. Мартыненко.

25-го декабря украинцы повели открытое наступление на большевиков на фабрике и Горяиново. Первым был разгромлен большевистский штаб на Фабрике в заводе Рудзского, а затем на Горяиново. Несколько лиц из большевиков было убито, среди них и старый партиец с 1905 г. тов. Карпушин, несколько было взято в плен.

От большевистского Ревкома в Республиканский штаб была опять послана делегация, во главе с тов. Золотовым. Она была арестована, но вскоре освобождена.

Наши части вынуждены были отступить по направлению к Каменскому, перебраться через Днепр и присоединиться к большевистским отрядам в Нижнеднепровске.

Утром 26 го декабря по вопросу о том, как реагировать на действия республиканского штаба, на колонии завода Гантке в Нижнеднепровске созвано было общегородское собрание парт'актива. Многие высказались было за немедленное наступление на Екатеринослав, разоружение петлюровцев и захват власти и вступление для этой цели в блок с Махно[1]), указывая, что от ЦК на этот счет есть директива. Тов. Клочко и я высказались против блока, считая, что при таком экономическом положении петлюровцы долго не продержатся, не сумеют наладить нормальную жизнь в городе. Наша задача сейчас—разоблачить на заводах их несостоятельность. Если мы захватим город, то все служащие и рабочие обратятся к нам же с требованием выплаты зарплаты; без связи с нашим центром мы не сможем удовлетворить их и этим подорвем свой авторитет; кроме того, мы не выдержим до прихода наших войск. Мы защищали и старую тактику по отношению к Махно.

Предлагали наши отряды двинуть по направлению на Харьков, чтобы ударить петлюровцам с тыла и помочь нашим войскам, стоявшим уже перед Харьковом. После прений, небольшим большинством голосов в пять-шесть человек, наше предложение провалилось. Заседание закончилось часа в 4 вечера. Надо было итти в город. Мост со стороны города охранялся петлюровцами, с Амура — большевиками, свободный проход был только до 5-ти часов вечера. Шли, разбившись на группы. Тов. Клочко, Берг и Александр что-то забыли из своих документов и вернулись, в город; по мосту они шли последними и были задержаны петлюровцами. Какой смертью они умерли—до сегодняшнего дня никому неизвестно.

27-го декабря утром началось наступление. На нашу сторону перешел тов. Мартыненко со всей артиллерией. В результате 4-дневного боя город был взят.

Но не успели мы еще закончить первого заседания по вопросу об организации ревкома, как налетели петлюровцы со стороны Полтавы. Пришлось беспорядочно отступить. Наша организация ушла в подполье, газета „Звезда“ была конфискована и целый месяц не выходила.

И. Амосов.

---

[1]) До этого времени организация ничего общего с Махно не имела и на предложения со стороны Махно о совместном выступлении отвечала отрицательно, называя его в газете бандитом. На вопрос Махно, за что мы его оскорбляем, был опубликован в „Звезде“ № 4 ответ:

„Мы называли вас „бандитом“ постольку, поскольку вы не приобщили вашу деятельность к общему революционному движению. Далее, в газете сказано, лишь о „бандитской популярности“, но не прямо о вас, как о бандите. Считаем, что извиняться нам не в чем“.

Восемнадцатый год в Екатеринославе.

I. Два с'езда.

В течение периода, примерно, от января 1918 г. до начала апреля, т.-е. до момента нашего ухода из Екатеринослава, можно отметить два Крестьянских С'езда, которые произошли в Екатеринославской губ.

Первый с'езд был созван Центральной или Губернской Екатеринославской Радой. Он происходил от 13 по 15/I-1918 г., причем этот с'езд целиком проходил под руководством и под влиянием украинских самостийников, социал-демократов. Главным воротилой на С'езде был Воробьев, достаточно известный нашим екатеринославцам, которые, вероятно, знают его под сокращенным именем Горобец. В состав делегатов с'езда входили кулаки, кооператоры и селянская интеллигенция, и в результате резолюция, которая была принята на этом С'езде, созванном Губернской Радой, по своему содержанию сводится к следующему:

„С момента захвата власти правительство Совета Народных Комиссаров, как по всей России, так и особенно на Украине, проводит политику насилия над органами демократических революционных местных городских и земских самоуправлений. Народные комиссары пошли войною против Украинской Народной Республики, против воли Украинской революционной демократии, для чего создают в Харькове Украинскую Центральную власть. Они не останавливаются перед самыми жестокими расправами над теми, кого они побеждают и кто иначе думает. С'езд признает единственным заступником и оборонцем Украины Украинскую Центральную Раду, избранную на с'езде селян в Киеве". („Народная Жизнь", № 24 от 4-17/V—1918). Этой резолюции предшествовало выступление целого ряда ораторов петлюровского направления. Атаман Воробьев указывал в своей речи, что политика СНК ничем не отличается от политики, которую проводило царское правительство в отношении Украины. Наигрывая на национальных чувствах делегатов С'езда, которые представляли кулаков, кооператоров и сельскую интеллигенцию, Воробьев заострял внимание С'езда на том, что, в противовес Украинской Центральной Раде, большевики создают в Харькове вторую центральную власть, разгоняют городские и земские самоуправления и тем самым сводят на-нет завоевания „демократии", которая украинскими, мелко-буржуазными шовинистами называлась не иначе, как революционной. „О революционности" „демократических" самоуправлений речь будет ниже.

Воробьев обвинял большевиков в варварской расправе над офицерами, взятыми нами в плен в их штабе (почта) 28-го декабря 1917 г. Оголтелые мелко-буржуазные шовинисты задали председателю Совета Г. Э. Квирингу вопрос: „Что вы сделали с офицерами, которых взяли в плен?" Об'яснения Квиринга сводились, примерно, к следующему:

он официально сообщал, что они отправлены в распоряжение Харьковского штаба, а что там с ними произошло — мы не знаем. Повидимому их отправили на рудники в качестве шахтеров, забойщиков и т. д.

Разумеется, это не удовлетворило С'езд. Один из делегатов С'езда заявил о том, что он был очевидцем того, как под самым окном расстреливали офицеров. В результате всех этих разговоров С'езд избрал комиссию по расследованию декабрьских событий, причем я имею в виду конец декабря по старому стилю, когда произошла наша первая вооруженная борьба с куренями и, следовательно, с Центральной Радой.

Соотношение сил резко изменилось в нашу сторону. Фактически Совет находился в наших руках. Меньшевики и с.-р. вышли из состава Исполкома, заявив, что поскольку они не согласны с политикой, проводимой большевистской партией, вообще, и в частности Совнаркомом, они оставаться больше в Исполкоме не желают и из состава его выходят. Таким образом, Совет, — а Исполком и подавно, — целиком был в руках большевиков.

Далее следует остановиться на втором с'езде, который происходил 29 I-1918 г. ст. ст. С'езд этот также происходил чрезвычайно бурно и созван он был Губисполкомом Совета Крестьянских Депутатов, председателем которого был наш товарищ Татьков. Фактическое влияние в этом органе было большевистское. На этом с'езде можно было наблюдать положение прямо противоположное первому с'езду, который был созван по инициативе Губернской Рады. На этом втором с'езде председателем был Квиринг, а почетными членами Президиума С'езда дружно были избраны Ленин и Троцкий, причем следует отметить, что часть делегатов этого с'езда, украинцев, в количестве, примерно 250 человек, покинула С'езд. Первый с'езд по своему составу, в огромном большинстве, был кулацким с'ездом, а второй с'езд, в огромном большинстве, состоял из бедняков. После того, как делегация оставила заседание С'езда, — она послала в Президиум с'езда письменное заявление на украинском языке, которое сводилось, примерно, к тому же, о чем шла речь в резолюции первого С'езда. Это заявление осуждало Октябрьский переворот и политику Совнаркома, называя их узурпаторской и рядом других терминов в таком же роде. Они указывали, что единственной властью признают Центральную Раду. Таким образом, когда они с'езд покинули, последний все же продолжался, т. к. на с'езде осталось более 1000 делегатов. Настроение делегатов было почти целиком на нашей стороне, и резолюции большевиков принимались единодушно.

Вот содержание принятой с'ездом резолюции:

I. Октябрьская рабочая и крестьянская революция против власти буржуазии и помещиков обозначает полный разрыв с капиталистами и помещиками как российскими, так и международными.

Эта революция, обозначая уничтожение власти капитала, власти угнетателей, устанавливает власть угнетенных масс.

Рабочие, крестьяне и солдаты, в тесном братском союзе, взяли в свои руки решение собственной судьбы, закрепляя власть своих революционных организаций — Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Правые социалисты-революционеры и меньшевики, составляющие большинство в Учредительном собрании, не захотели признать самого

основного завоевания Октябрьской революции—власти Советов Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В таких условиях переход власти к Учредительному Собранию, созванному по спискам, составленным еще до Октябрьской революции, означал бы переход власти к той партии правых соц.-рев., которая предала рабочих и крестьян, благодаря политике смертной казни для солдат, политике наступления на фронте, политике соглашения с капиталистами и помещиками за счет трудового народа.

Исходя из этого, С'езд Селянских Советов Екатеринославской губ. одобряет и присоединяется к решению Центр. Исполн. Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов, подтвержденному 3-м С'ездом Советов о роспуске Учредительного собрания, присоединяется к декларации прав трудящихся и эксплоатируемого народа, устанавливающей федеративную социалистическую республику Советов Крестьянских Раб. и С. Д.

II. Исходя из всего этого и, принимая во внимание, что свергнутый в Киеве Генеральный Секретариат вел политику соглашения с капиталистами и помещиками, разорвав с рабоче-крестьянским правительством Советов, борясь против Советов на местах, заключая союз с контр-революцией российской в лице Каледина и с контр-революцией европейской в лице германского империализма, заключая с Германией сепаратный мир за счет рабочих, солдат и крестьян всей остальной России, принимая во внимание, что такая политика Рады является предательской и вредной по отношению к российской и международной революции, что политика Рады подорвала доверие к ней подавляющего большинства украинского народа, С'езд приветствует свержение буржуазного Генерального Секретириата и провозглашает славу всем крестьянам, рабочим и солдатам, погибшим в борьбе за пролетарско-крестьянскую власть против ига капиталистов и помещиков.

III. С победой рабоче-крестьянской революции на Украине очередной задачей является организация Центральной власти Украинской Республики Советов.

Для этого должен быть созван в кратчайший срок Всеукраинский С'езд Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов, который и выделит Правительство нашей Украины.

Впредь до этого с'езда призываем всех крестьян сплотиться вокруг Центрального Исполнительного Комитета Советов на Украине, Совета Народных Секретарей, которые были выбраны на декабрьском и январском с'ездах Советов Раб. Крест. и Солд. Депутатов Украины.

Для представительства в центральном, исполнит. комитете Советов Украины селянства Екатеринославской губернии с'езд делегирует в Центральный Исполнит. Комитет Советов до его переизбрания на Всеукраинском С'езде пять своих представителей.

IV. В Екатеринославской губернии губернская власть организуется путем слияния избираемого на данном с'езде Исполнительного Комитета, Губернского Комитета Советов Кр. Депутатов на равных началах в Исполнительном комитете Губ. Совета Солдатских и Рабочих Депутатов.

Во всех уездах уездная власть немедленно организуется путем слияния уездных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с уездными Советами Крестьянских депутатов.

В волостях и селах власть принадлежит волостным и сельским советам крест., рабоч. и солд. депутатов.

(За резолюцию голосовало 1000 при 14 голосах воздержавшихся).

Этот второй с'езд крестьянских депутатов Екатеринославской губернии, в отличие от первого, о котором шла речь выше, являлся с'ездом представителей деревенской бедноты и середняков, проходил под руководством нашей большевистской организации.

Если над первым с'ездом витал кулацко-петлюровский дух, то на втором с'езде — дух революции, пролетарской диктатуры. Этот с'езд совершенно правильно понял дух Октябрьской революции. Он дал совершенно правильную оценку Центральной Раде Украины, которая тогда уже продала украинский народ австро-немецкому империализму. Он совершенно правильно также оценил мелко-буржуазные партии, которые продолжали неустанно твердить об Учредительном собрании, сметенном пролетарской революцией.

Екатеринославский уездный с'езд Советов Крест. Депутатов, состоявшийся 17-18/II — 1918 г. проходил под руководством нашей большевистской организации. Он также в резолюции отметил, „что Центральная Рада, ради сохранения своего господства на Украине предала революцию и призывала себе на помощь германских юнкеров, белогвардейцев; не считать Раду органом народа и об'явить ей непримиримую борьбу во имя власти Советов“.

Попутно с этим следует отметить и отношение С'езда к Брестско-Литовскому миру.

С'езд отмечал, что органы Советской власти, по необходимости, должны будут пойти на этот мир и что это является, таким образом, вынужденной уступкой со стороны Совнаркома (а стало-быть нашей партии). С'езд целиком разделял эту точку зрения и считал, что мир этот будет миром кратковременным, будет небольшой передышкой, которая даст возможность накопиться рабоче-крестьянским революционным силам для окончательной схватки с империализмом.

Вот то, что можно сказать о С'ездах.

По фабрикам и заводам.

Нельзя не отметить того, что к моменту первого периода Советской власти, т.-е. к моменту, когда происходила смена властей в Екатеринославе, имело место изменение настроений среди рабочих, а также среди остальных слоев населения. Настроение стало меняться под влиянием целого ряда причин. Во-первых, железнодорожники правой стороны Днепра на одном из своих больших митингов, когда речь зашла относительно подготовки к эвакуации целого ряда материалов, металлов и т. д., постановили всемерно препятствовать эвакуации, не обслуживать поезда, станции и т. д., причем это постановление рабочих железнодорожников далее перешло на общее собрание рабочих Брянского завода. По нашим газетам того времени можно проследить, что рабочие паровозных мастерских Екатерининской жел. дор., о которых идет речь, от февральской революции и до начала апреля месяца 1918 г. все время находились под влиянием мелко-буржуазных партий. В этих мастерских меньшевики, эс-эры и украинские соц.-дем. всегда находили более, чем достаточную поддержку.

Сторонники Центральной Рады в последние дни существования Советской власти первого периода на железнодорожников правой стороны Днепра обращали особенное внимание. Они были уверены, что мы не сумеем сдержать напора австро-немецких варягов, призванных Центральной Радой, и потому-то они убеждали робочих в том, чтобы оказать нам всяческие препятствия в эвакуации. Ведь они обещали заплатить варягам австро-немецкого империализма железом, углем, рудой и хлебом.

Следует отметить, что решение железнодорожников правой стороны Днепра не нашло поддержки среди рабочих фабрично-заводских предприятий Екатеринослава и железнодорожников левобережья. Приведем решение рабочих Брянского завода.

27/III-1918 г. на Брянском заводе состоялся митинг (5000 человек), на котором обсуждался текущий момент и решение железнодорожников о препятствии эвакуации. В резолюции рабочие отмечали, что с победой немцев, уннчтожаются все завоевания рабочего класса и крестьянства, что эта победа означает еще больший гнет и произвол, чем он был до революции и потому рабочие Брянского завода в своем постановлении призывали всех товарищей рабочих немедленно стать (не позже сегодняшнего дня) в ряды революционных войск и общими усилиями отстоять революцию.

Собрание одобрило все мероприятия президиума Исполкома по эвакуации и в резолюции постановило, что если железнодорожники будут оказывать сопротивление эвакуации, то рабочие Брянского завода оружием заставят их выполнить распоряжение Совета („Звезда" № 56 от 28/III-1918 г.). Резолюция принята почти единогласно, только 20 чел. голосовало против.

Наша большевистская организация Екатеринослава после декабрьского захвата нами власти имела среди рабочих фабрично-заводских предприятий и железнодорожников левой стороны Днепра огромное влияние. Это влияние она сохранила до самых последних дней существования Советской власти первого периода. Правда, в руководящих верхушках профсоюзов, в том числе и в Губернском Совете, имели значительное влияние меньшевики, а в последнем особенно. Достаточно упомянуть о заседании Совета Профсоюзов в первой половине января 1918 г. На этом заседании под председательством Мейтина обсуждался вопрос об отношении к екатеринославским событиям, т.-е. к декабрьскому перевороту. Это заседание приняло следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что развитие производительных сил и роль рабочего класса не дает предпосылок к диктатуре пролетариата и к социалистической революции, что дезорганизация промышленности, транспорта, продовольственного дела несет неисчислимые беды рабочему классу и движению, что гражданская война разрушает единство революционного фронта и способствует реакции в колеблющихся слоях российского населения, что разрушающийся государственный аппарат бессилен противостоять хищным вожделениям Гинденбургов, Клемансо, Ллойд-Джорджев, что растет пропасть между рабочим классом и крестьянством, что более всего отзывается на профсоюзах, усиливая безработицу и разрушая производительные силы страны,—Совет Профсоюзов г. Екатеринослава находит, что только дружным усилием рабочего класса можно изжить анархию, переживаемую страной, и могучим фактором

борьбы за спасение революции и рабочего движения в России может послужить полномочный орган народной воли—Учредительное Собрание. К борьбе за немедленный созыв его, за его независимость Совет Профсоюзов призывает всех рабочих и тружеников г. Екатеринослава".

(Из 28 делег. от 20 союзов 19 голосов. за, 7 против, 2 воздержалось). (Извест. С., № 223 от 5/I 1918 г.).

Мы уже указали, что в Совете Профсоюзов влияние меньшевиков было велико на протяжении всего периода, но зато, в противоположность Совету Профсоюзов, наша большевистская организация имела опорную базу в фабрично-заводских, полковых комитетах и общезаводском Брянском комитете. Заводские Комитеты сохраняли верность нашей партии и революции до самых последних дней существования Советской власти первого периода.

Следует отметить, что наша организация уделяла далеко недостаточное внимание своей работе по завоеванию командных позиций в профсоюзах. Только этим, главным образом, и об'ясняется такое большое влияние меньшевиков. Не подлежит сомнению, что решения Совета Профсоюзов имело некоторое влияние на известные слои рабочих. Этот орган продолжал вселять неверие в силы пролетариата в известную часть рабочих. Это недоверие особенно отчетливо проявлено в резолюции, приведенной нами выше.

Март месяц 1918 г. был месяцем, когда в условиях нашей украинской действительности мы имели кроме Калединского фронта, куда мы посылали красноармейцев, еще новый — австро-немецкий и Радовский фронт. Обстановка была сугубо тяжелая. В промышленности и транспорте был полный застой и огромные продовольственные и финансовые затруднения; все это вместе взятое создавало неимоверно тяжелую обстановку и в условиях этой обстановки мелко-буржуазные партии, спекулируя на трудностях, развивали свою контр-революционную агитацию.

Ими использовывались не только эти затруднения, но они очень сильно спекулировали на мире с Германией. Нашей организации много раз приходилось свое отношение к миру с Германией определять в резолюциях комитета, общих собраний организации и Совета. Так, 5/III—1918 г. Екатеринославский Комитет, совместно с фракцией Совета, городских и заводских комитетов по отношению к войне постановил признать линию ЦК в вопросе о мире.

Продвигавшиеся в глубь Украины австро-немецкие полчища призванные Центральной Радой для борьбы с большевиками, с Советской властью, обязывали нашу организацию напречь все свои силы в деле организации рабочих отрядов. Чем больше революционных рабочих и членов нашей организации становилось под ружье, тем, само собою понятно, наше влияние несколько ослабевало среди рабочих фабрично-заводских предприятий.

В последние дни марта месяца 1918 года, когда австро-немецкие полчища с дикими бандами Радовских гайдамаков приближались к Екатеринославу, когда шла не только усиленная организация отрядов, но когда приходилось заниматься и эвакуацией рабочих, мелко-буржуазные партии всячески старались овладеть рабочими массами. Накануне нашего оставления города 2/IV—18 г. состоялась конференция представителей заводских комитетов и представителей железных дорог. Эта конференция обсуждала вопрос об эвакуации. Вот ее содержание:

Резолюция конференции представителей заводских комитетов и жел.-дор. узлов.

„Заслушав в заседании 2-го апреля доклад о текущем моменте и в частности об эвакуации необходимых для производства материалов и подвижного состава Ек. ж. д., конференция представителей заводских комитетов: Брянского, Трубного „А“ и „С“, Шодуар, Сириус, Гантке, Эстампажного, Днепровского, Гвоздильного и железно-дорожных узлов, Екатеринославского и Нижнеднепровского, — находит:

1) Что осуществление такой эвакуации поставит рабочих и население города Екатеринослава перед лицом ужасной безработицы и голода.

2) Что в своем об'явлении от 23-го марта Президиум Екатеринославского Совета Раб. Деп. обещал не эвакуировать материалы, необходимые для продолжения производства, а слухи о такой эвакуации об'явил провокационными.

3) Что в настоящее время Президиум Совета, действуя от имени рабочих, отдал распоряжение об эвакуации против воли рабочих, выраженной в резолюциях, принятых 21-го марта всеми крупными заводами Екатеринослава и его окрестностей и вопреки своему обещанию.

4) Что во исполнение этого распоряжения президиумом Совета теперь эвакуируются не только металлы, нужные для производства, но и весь подвижной состав (паровозы и вагоны), что отрежет 300000-й город от питающих его хлебом, углем и сырьем районов и вызовет полное прекращение работ всех заводов.

В виду всего этого конференция находит: а) что такая политика Президиума Сов. Раб. Деп. явно направлена против интересов рабочих, б) что только передача местной власти городскому самоуправлению, избранному всем населением города, может обеспечить в будущем от повторения такой гибельной политики, в) что тягостное положение наших рабочих, приведенных на край гибели, есть последствие проявления политики Совета Народных Комиссаров, приведших к гибели революцию и отдавших всю Россию и Украину во власть австро-германского капитала, г) что потому только Учредительные собрания Украинское и Всероссийское смогут взять в свои руки спасение завоеваний революции, восстановление братской связи России и Украины и борьбу с кабалой австро-германского капитала“.

Настоящую резолюцию постановлено через особые делегации довести до сведения Президиума Совета и Городской Думы.

Конференция поручает своей делегации требовать от Президиума Совета ограничения вышеуказанной эвакуации, имея в виду интересы рабочего населения, а также настаивать на том, чтобы городское самоуправление приняло все зависящие от него меры к недопущению эвакуации, а также устранению взрыва железнодорожного моста через Днепр.

Конференция поручает всем своим членам созвать общие собрания всех заводов для доклада этой резолюции („Рабочая Борьба“, № 6, 3/21 апреля 1918 года).

Эта резолюция, принятая накануне нашего ухода, когда все наиболее революционное было под ружьем и много рабочих эвакуировалось, разумеется, не может служить показателем истинного настроения рабочих. На этой конференции меньшевики отвели свою мелко-буржуазную

душу вдоволь. Они протестовали против эвакуации, а тогда уже об эвакуации не могло быть и речи, т. к. это был предпоследний день нашего пребывания в Екатеринославе.

Когда нависла реальная угроза оккупации,— особенно в последние дни марта месяца,— то, естественно, у оставшихся рабочих на местах стало наблюдаться колебание, и они стали перестраиваться на демократический лад. Они стали отдавать свои голоса меньшевикам; они стали голосовать за поддержку Учред. Собрания, т. к. нашей организации некогда было заниматься дискуссией с меньшевиками. У нашей организации были более боевые задачи, и она их выполняла до последнего момента так, как надлежало их выполнять организации большевиков.

Организация боевых сил.

Наша организация пережила большую волну демобилизации воинских частей Румынского фронта. Эта волна нас буквально захлестывала, Если разоружение пехотных и иных частей проходило сравнительно гладко, то разоружение казачьих частей проходило не всегда гладко. Их командиры стремились провести свои части с полным вооружением на Дон, и нам много приходилось тратить времени и сил на разоружение казачьих полков.

Наши попытки использовать воинские части, идущие с Румынского фронта для организации обороны Екатеринослава от наступающих австро-немецких, дисциплинированных и хорошо вооруженных войск, успеха не имели, если не считать маленького отряда Гузарского, который дальше территории салон-вагонов своих операций не развивал. Наши же рабочие отряды были не обучены и, разумеется, о серьезном сопротивлении мы не могли и думать. Все же для обороны мы делали все, что могли.

Если мы справились с петлюровскими частями, если мы побили гайдамаков, то с регулярными австро-немецкими войсками дело было уже другое. Главковерх тов. Антонов-Овсиенко приказал нам назначить комендантом Екатеринославского района Гузарского. Мы, разумеется, этому приказу подчинились, но этот новый командующий отрядами нашего района ничем себя не проявил. Вслед за назначением Гузарского, на следующий день Исполком Совета выделил Чрезвычайный Военно-Революционный Штаб в числе 4-х лиц: Аверина, Волкова, Каверина и Васильева.

Этому чрезвычайному штабу Исполком Совета и поручил организовать оборону Екатеринослава. Исполком поручил ЧВРШ вести самую решительную борьбу с контр-революцией и бандитами. Следует отметить, что бандитизм в последние недели нашего пребывания очень сильно развился. Все эти банды прикрывались очень сильными названиями, как, напр., отряд максималистов, анархистов и проч. Они захватили самые лучшие гостиницы и туда стаскивали все награбленное добро. С этими бандами нелегко было бороться, т. к. наши отряды не хотели вести с ними вооруженной борьбы. Для ликвидации этих банд приходилось использовывать Серповскую дружину и дружину евреев-воинов.

Встал вопрос о том, как можно разоружить эту группу? У нас были латыши при военно-революционном штабе, часть местных латышей и отряд с Румынского фронта. Эта публика была настроена более или

менее воинственно. Решили при помощи этих латышей разоружить это гнездо. Сделали попытку, но неудачно. Публика стала говорить, что со своими братьями драться не хочет. За что? „За то, что они буржуазию грабят? И за это мы будем стрелять друг в друга?" Таким образом, с этими отрядами дело провести не удалось.

Опять встал вопрос о том, как быть? Решили собрать чужие силы для ликвидации этих банд, занимавшихся грабежами. Серповская дружина, Союз евреев-воинов, организации, правда, буржуазные, никакого отношения к революции и ко всему революционному не имеющие, все-таки в отношении ликвидации бандитского гнезда могли быть полезными. Вообще, против нас они выступать не смели, да и не могли, но свои силы для ликвидации банд предоставили охотно, потому что они страдали от грабежей и для ликвидации всего этого готовы были пойти вместе с кем угодно. При наличии Серповской дружины и евреев-воинов мы в один прекрасный день подошли к „Пальмире" и „Франции". Всю эту публику удалось разоружить и отправить в тюрьму. Тов. Волин тогда много ходатайствовал перед Серафимой Ильинишной за некоторых из арестованных и многих освобождали, даже часто тех, кого не следовало бы. Тов. Гопнер тоже настроена была очень мягко; таким образом, в результате просьб большинство из арестованных было освобождено. В этом случае связь между ними и нами осуществлял тов. Волин, в отношении которого ни у кого из нас и, в частности, у меня не было сомнений по части его идейности и порядочности.

Последние дни Советов.

Таким образом, этот период был крайне осложнен бандитизмом, а затем, когда все это было ликвидировано, наступило некоторое успокоение, если можно так выразиться.

Помимо этого, надо сказать, что к этому моменту, во время первого периода Соввласти в Екатеринославе, еще продолжала существовать Городская Дума, Губернское Земское Самоуправление, затем Уездная Земская Управа и другие „демократические" органы. Конечно, они существовали с известными ограничениями. В частности, на деньги, лежавшие на текущем счету, было наложено „вето" со стороны Исполкома, но все же им на необходимое и вообще на расходы давали, хотя и был прикомандирован к ним наш комиссар, который подписывал их чеки. Все эти организации существовали все-таки сами по себе и в смысле влияния на окружающее большого значения не имели. В частности на рабочие массы они, безусловно не имели никакого влияния, но на деревенскую среду и особенно на кулацко-настроенные группы они имели довольно значительное влияние, потому что под влиянием их работы и, может быть, исключительно благодаря им, выносились эти похабные контр-революционные резолюции по части клеймения большевиков званием „узурпаторов", „захватчиков" и т. д. Выпускались целые воззвания, обращенные к населению города и деревни с изложением их отношения к историческому перевороту и событиям, а также вообще к той политике, которую проводил Совнарком в отношении целого ряда социальных реформ. Наряду с этим продолжала существовать и пресса, не только меньшевистская, но еще более правая, как „Приднепровский

Край", хотя первая нам была более опасна, потому, что, называя себя социалистической, она всегда выступала с открытым забралом, в то время, как „Приднепровский Край" был гораздо более скромен. Что же касается меньшевистской газеты „Борьба", то в одном из номеров она перешла всякие границы. Была написана передовица под названием „Измена", в которой автор излагал свое мнение и отношение партии меньшевиков к Октябрьскому перевороту, в особенности к переговорам нашего правительства с немцами, относительно заключения мира. Говорилось о том, что правительство предает интересы рабочего класса и крестьянства, предает интересы революции, что оно превращает Россию в полуколонию и т. д. В конце концов наш Исполком набрался храбрости и сделал то, что давно следовало бы сделать — дал мандат на право разгрома этой редакции. Выпущенную газету отобрали, редакторов подвергли аресту. Редакторами были: Вейнгер, а затем Лейканд. Вейнгер был арестован, как редактор. Затем наш Исполком, который был тогда очень либерально настроен, весьма скоро их из-под ареста освободил, но газета была закрыта. „Приднепровский Край" в конце концов тоже был закрыт, причем, несмотря на то, что было дано распоряжение о том, чтобы „Борьба" дальше ни под каким новым названием не выходила, все-таки через некоторое время такие попытки имели место. „Приднепровский Край" окончательно был ликвидирован, и мы перенесли туда редакцию нашего печатного органа.

Надо сказать, что профсоюз печатников опротестовал не только постановление о закрытии меньшевистской газеты, но и закрытие „Приднепровского Края". Этот союз тогда не был нашим, и это явление не только екатеринославского порядка, но и общероссийского масштаба, потому что союз печатников всегда в смысле своей линии примыкал к правому крылу в рабочем движении у нас в России. Поэтому он и вынес соответствующий протест против действий Исполкома, а стало быть партийной организации Екатеринослава. Союз печатников, находившийся под влиянием меньшевиков, был за свободу печати всех направлений, кроме большевиков. Он не протестовал, когда в июле 1917 года по приказу их министров громили наши большевистские органы печати. Но он не мог примириться с закрытием газеты Мины Семеновича Копылова.

Обстоятельства последнего времени обязывали нашу организацию действовать более решительно. Наша организация дала директиву Совету обложить буржуазию. Совет сделал обложение в размере 5 мил. руб. Пока взиманием контрибуции занимался сам Исполком Совета, буржуазия не весьма охотно выполняла требование Совета, но когда к этому делу был привлечен Урусовский дом, дело пошло куда быстрее по взиманию контрибуции. Мина Семенович Копылов охотно помогал нам в выявлении более денежных лиц, надеясь этим самым заслужить снисхождение к себе. Однако, его также растрясли.

Собранные средства помогли оказать помощь рабочим и отрядам Красной Гвардии. Эти меры со стороны нашей организации вызвали бешеную агитацию со стороны мелкобуржуазных партий. Эти демократы не могли мириться с большевистскими методами революционной борьбы с буржуазией. Они не переставали твердить об Учред. Собрании, о единстве фронта демократии, о передаче на местах всей полноты власти местным органам самоуправления.

Следует отметить, что в рядах Екатеринославской организации большевиков в последние дни перед занятием оккупантами города, среди отдельных членов, наблюдалось некоторое упадочное настроение. Но большинство проявляло удивительное личное мужество. Стоит лишь сказать, что некоторыми товарищами помещение Совета было оставлено в самые последние минуты занятия города оккупационными войсками.

Мы уже отметили, что наша Екатеринославская организация большевиков в последние недели действовала более решительно, но эта решительность не была доведена до конца. Она не набралась достаточной смелости, чтобы ликвидировать и вырвать с корнем контр-революционные „демократические“ органы самоуправления. А они не только жили, но и продолжали вести самую бешеную агитацию против нашей партии и Советской власти. Они выпускали воззвания к населению гнуснейшего по содержанию пошиба. Эти органы надеялись, что с приходом Центральной Рады деятельность этих органов расцветет пышным цветом, что Центральная Рада на штыке австро-немецких войск несет им самую широкую демократию. Однако, этого не случилось и этого не могло случиться.

Первый период, обнимавший собою 3 месяца существования Советской власти в Екатеринославе окончился вечером 3 IV—1918 г.

Немцы в Екатеринославе.

Теперь мы перейдем к первым дням пребывания оккупационных войск в Екатеринославе. Хозяевами положения были немцы, хотя украинские башибузики под командованием атамана Воробьева усердствовали по части искоренения большевизма на первых порах более усердно, чем немцы.

Небезынтересно будет привести разговор немецкого генерала фон-Арна с представителями городского самоуправления и Губернской Земской Управы, которых он пригласил к себе на вокзал. Выйдя из вагона он произнес приветственную речь:

„Приветствую вас, представителей города, от имени немецкого командования и от имени немецких солдат.

„Мы пришли сюда не как ваши враги, а как ваши двузья, чтобы избавить вас от большевистского ига.

„Передайте населению, что в бою под Екатеринославом за вашу свободу мы потеряли 8 славных немецких солдат, они умерли; 18 было тяжело раненых.

„Мы заявляем, что не будем вмешиваться в ваши внутренние дела. Мы сюда пришли по приглашению Украинского Правительства, чтобы установить мир и порядок на Украине и дать возможность Украинскому Правительству выполнить условия мирного договора“. (Для выполнения этого договора потребовалось не только вмешательство, но и передача власти от Центральной Рады к гетману Скоропадскому. Однако, германская буржуазия вместо хлеба, руды, угля и железа вывезла в Германию революцию).

Фон-Арн продолжал:

„Мы здесь ведем войну только с большевиками и их властью.

„Среди наших солдат имеются люди, хорошо знающие русский язык, и мне передавали, что часть вашей печати сеет вражду и возбу-

ждает население против немецких солдат. Примите меры, чтобы этого не было. Кроме того, у вас много вооруженных людей, что может привести к нападению на немецких солдат, и мы вынуждены будем принимать крайне радикальные меры".

Городской Голова ответил, что „по законам Временного Правительства и по универсалам Центр. Рады—Городские и Земские самоуправления являются единственными представителями власти на местах, что как те, так и другие органы ведут линию чисто нейтральную и в этой гражданской войне в борьбу не вмешиваются. Что касается печати, то мы заявляем, что у нас свобода печати, у нас нет цензуры и мы не вправе вообще доказывать линию поведения печати".

Фон-Арн заметил, что „если все-таки печать будет сеять ненависть к немецким войскам, которые прибыли с мирными целями и в качестве друзей, то я вынужден буду закрывать газеты".

Городской голова напомнил о расстрелах, имевших место в Диевке, на Чечелевке и т. д. На это фон-Арн ответил: Мы крайне возмущены поведением вильных казаков. Это они совершают".

В заключение фон-Арн сказал: „Я все-таки от вас не получил исчерпывающего ответа на приветствия. Скажите, признаете Вы Украинскую власть?" — „Да признаем, но мы считаем, что все вопросы и законы вправе разрешать Укр. Учред. Собрание".

По вопросу о нейтралитете фон-Арн возмущенно заявил: „Как можете держать нейтралитет в войне между нами и большевиками?" „Нет, между большевиками и украинцами", ответили представители Городского Земского Самоуправления.

Ответы давал Городской Голова Осипов.

По смыслу ответа Осипова,—а мы этот разговор привели по протоколу засед. Гор. Думы,—выходит, что представители не украинских мелко-буржуазных партий стояли за поддержку немцев „освободителей".

После нашего ухода и занятия немцами Екатеринослава Екатеринославский Совет, под предводительством меньшевиков и правых эс-эров, продолжал существовать. Правда, его выгнали из губернаторского дома, он приютился в комнатушке гостиницы и продолжал собираться. Перед 1-м мая на заседании Совета меньшевистские воротилы: Фушман, Будник и Духонина призывали рабочих не поддаваться провокационным призывам к вооруженной борьбе с австро-немецкими войсками. На запрос Берещанского, против кого готовят пушки, расставленные по городу,—Фушман ответил, что „в Губернской Раде имеются документы от австрийских военных властей о том, что пушки не направлены против выступления рабочих в день первого мая а готовятся на случай выступления темных элементов".

На этом заседании было много внимания уделено вопросу об избиении рабочих завода „Шла" „вильными казаками". Совет постановил: „Считая, что позорные насилия последних дней имеют массовый характер и имеют корни в терроре предшествующего режима, которым пытаются оправдать или об'яснить последние дикие расправы, Екатеринославский Совет решительно отвергает методы устрашения и физической расправы".

Меньшевистские прохвосты, протестуя против расправы над рабочими демократических Радовских озверелых опричников, в то же время

косвенно оправдывали эти расправы ссылкой на предшествовавший режим террора периода Советской власти.

Мы уже привели несколько случаев из кровавой хроники немецкой демократии, и после этого командование оккупационными войсками продолжало твердить о своей неизменной дружбе. Приведем содержание обращения к населению Императорского Королевского Австро-Венгерского командования XII корпуса от 12/IV — 1918 г. (25/IV).

„Уполномоченные представители Украины заключили мир с Австро-Венгерским, Германским, Болгарским и Турецким Правительствами.

„Вслед затем центральные государства заключили мир с Россией и Румынией.

„Украина стремилась возможно скорее достигнуть добрососедских отношений с пограничными государствами и завязать с ними торговые отношения, чтобы этим положить основу своего прочного государственного существования. Но бродячие большевистские и другие банды мешали этому. Они отменили право собственности для горожан и крестьян, привели в расстройство пути сообщения и ввели режим ужасов, каких мир не видел.

„Таким образом, мы явились сюда, как друзья народа, с которым мы в будущем желаем состоять в наилучших отношениях". В этом обращении королевское командование призывало крестьян засевать поля, а рабочих возобновлять работу на заводах. Даже не преминуло королевское командование пообещать оставить неприкосновенными завоеванные свободы. Однако, практика показала совершенно противоположное. Да иначе и быть не могло. Этому могли верить только либо набитые дураки, либо прожженные продажные политиканы.

Падение гетмана, Петлюры и немцев.

Теперь перейдем к позднейшему периоду, к сентябрю месяцу. Я уже говорил о том конфликте, который имел место в Юзовке; затем к несколько позднему периоду относится и то, что в этот промежуток времени была железнодорожная забастовка, затем были забастовки на целом ряде предприятий, были выпущены листовки с призывами к забастовке. Стачечное движение росло и ширилось. Им руководила наша большевистская организация. Меньшевики отзвонили в свои соглашательские „демократические" колокола,— они, в ходе нарастающей революционной борьбы рабочих, были оттиснуты на задворки рабочим движением.

К декабрю месяцу 1918 г. относятся и выборы Совета, сначала Совета Рабочих Депутатов.

Меньшевики уклонились от участия в первом заседании Совета. Повидимому, меньшевики бойкотировали этот Совет и относились к нему отрицательно, как, вообще к идее Советской власти. Есть еще сведения о том, что на заседании Брянского обще-заводского Комитета обсуждался вопрос о том, как прошли выборы, и представитель меньшевиков Примаченко (теперь он большевик) на этом собрании доказывал, что выборы произведены неправильно и что надо произвести перевыборы. Со стороны большевиков, судя по протоколу, выступал тов. Быченко, который доказывал, что все произведено правильно, и заседание завкома закончилось тем, что была избрана комиссия, а дальше

следы теряются, так как, очевидно, все протоколы, резолюции и постановления этой комиссии носили революционный характер и не фиксировались.

Этот Совет выпустил воззвание. Я его приводить все не буду, но надо сказать, что это воззвание первого Совета второго периода не носит большевистского характера, несмотря на то, что первый Совет был под влиянием большевиков, а меньшевики вовсе уклонились от участия в нем.

Вначале в нем идет речь об украинцах, германском и гетманском управлении, а заканчивается воззвание очень демократическими лозунгами о том, что рабочий класс будет настаивать на свободе собраний, печати, свободе стачек, на открытии своей газеты, что он будет протестовать против всяческих насилий над демократическими организациями, укреплять и сплачивать свои силы, свои ряды для того, чтобы в нужный момент по призыву своей организации выступить на решительный бой с поработителями завода.

Дата здесь относится к концу декабря. Заканчивается это воззвание таким лозунгом: „Да здравствует всеобщее избирательное право!“, „Да здравствует 8-час. раб. день!“, „Да здравствует передача всей земли трудовому народу!“, „Да здравствует учредительное собрание!“, „Да здравствует демократическая республика!“, „Да здравствуют рабочие города Екатеринослава!“.

С начала декабря 1918 г. революционное движение на Екатеринославщине с выходом „Звезды“ освещалось в достаточной мере полно. Перечислим хронику событий только за первую половину декабря:

Александровск. Весь уезд организуется в отряды Красной Гвардии под лозунгами Советской власти.

Каменское. Власть перешла в руки Воен. Револ. Комитета Коммунистов.

Новомосковск. Происходит самомобилизация. Власть в руках ВРК. „Звезда“, № 1 от 1/XII—1918 г.

Павлоград. Восстание в уезде началось. В городе 800 немецких солдат, при 10 орудиях и 15 пулеметах. Наши посты находятся в 800 шагах от города. Из черты города нами вывезено: кухня, шинели, шаровары, лошади, винтовки и патроны. По дополнительным сведениям город взять нами, („Звезда“, № 3 от 11/XII—1918 года.)

Бахмут. Состоялся С‘езд представителей заводских комитетов и крестьянских комитетов. Избран Центр. С‘езд высказался за Советскую власть. В городе находится вооруженный офицерский отряд, („Звезда“, № 7 от 15/XII—1918 года).

Игрень. Состоялось собрание населения, которое высказалось за Советскую власть.

Екатеринослав. По предприятиям происходят выборы в Совет.

Луганск. Эвакуировано казначейство. Сожжен мост.

Павлоград. Наши войска начали наступление на город с 4-х сторон. (Все эти сведенияпо „Звезде“, № 7 от 15/XII—1918 года).

Краматоровская. Митинг рабочих завода (3000 ч.) принял резолюцию большевиков при 15 воздержавшихся. („Донецк. Ком.“, № 2 от 18/XII—1918 года).

Александровск. В уезде поголовное восстание под лозунгами за Советскую власть. Организован повстанческий отряд в 600 чел. („Донецкий Коммунист“, № 2 18/XII—1918 года).

Екатеринослав. Состоялся крестьянский (кулацкий) с'езд, на 3-м заседании которого т. прокурора республиканских войск сообщил, что в деревнях сильно развит бандитизм,— читай, повстанческое движение,— руководимое большевиками, и просил с'езд указать на меры борьбы с этим бандитизмом. С'езд признал необходимым предавать бандитов военно-полевому суду. За — 142 голоса, против — 70. С'езд приветствует директорию, как единственную власть на Украине. С'езд решительно протестует против организации на Украине других войск. („Придн. Край“, № 6626 от 14/XII).

Эту хронику можно было бы удлинить до бесконечности, но и этого достаточно.

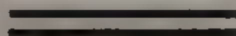
События не заставили себя долго ждать. В конце декабря наши отряды в соединении с отрядами Махно изгнали петлюровцев из города. В приказе Губернского В.-Р. Штаба, за подписью командующего войсками Махно, извещалось о восстановлении полностью Советской власти; однако, для махновской бандитской вольницы Советская власть была не по нутру.

Очень скоро махновцы начали выявлять свою бандитскую природу, и дальнейший наш союз с махновцами стал невозможен. Печать Махно развивала усиленную агитацию; она обвиняла большевиков в том, что они стремятся овладеть движением, что они терпят в своих рядах офицера (речь шла об Орлове).

Махновцы хозяйничали в городе, грабя не только буржуазию, но и население, проще говоря, грабили того, кто попадался под руку пьяным разнузданным бандитам. Их моралью было не только „грабь награбленное“, но и то, что приобретено честным трудом труженика, что являлось предметом каждодневной необходимости. В их рядах сильно был развит антисемитизм. В их глазах каждый еврей являлся об'ектом, достойным насилия и грабежа. Эти художества махновцев очень скоро сделали невозможным сотрудничество с ними наших.

Наши военные операции на Украине очень быстро развивались, и красные войска чрезвычайно быстро продвигались вперед. Директория все свои главные силы сосредоточила в Харькове, но и там войска Директории, под командой Балабачана, еще до прихода Советских войск были выгнаны восставшими рабочими.

Аверин.

Работа Екатеринославского Ревкома в 1918 г.

Для руководства работой по организации партизанских отрядов и ведения всей военной работой, под общим руководством Губернского Комитета партии, летом 1918 года был выделен Военно-Революционный Комитет, в составе тт. Золотова, меня, Хлевнова-Степанова и представителей от Амур-Нижнеднепровска — Макарова-Иванченко, и от городского района — Ривкина, а потом Донцова; от Екатеринославского Дорожного Комитета — тов. Година, от Новомосковского уезда — т. Пархуна. Одновременно на этих т. т. возлагалось ведение военной работы по районам. В задачи Ревкома входило выявление имеющегося на руках у членов партии и беспартийных рабочих оружия, приобретение его от военных частей через своих представителей и концентрация в нескольких пунктах: организация из рабочих масс отрядов и подготовка их к умению владеть оружием, организация партизанских отрядов на селе, руководство партизанскими отрядами и вообще руководство всей военной работой. Оружие, имевшееся на руках у товарищей, не представляло большой трудности выявить; значительно труднее приходилось приобретать его от воинских частей, расположенных в городе; все же мы некоторое количество получили и от них. Иначе дело обстояло на селе. Там крестьянство оружие доставало революционным порядком и зачастую обезоруживало целые отдельные войсковые единицы, шедшие в села за продовольствием или для усмирения крестьянскогс движения.

Работа по организации отрядов в городе была проведена очень скоро, ибо из всех товарищей, находившихся в районе, мы организовывали самостоятельный отряд. Так, на Фабрике был организован отряд под руководством т. Дербасова, в который входили все партийцы и рабочие, жившие в этом районе, на Чечелевке — под руководством т. Сухоновского Володи[1]), и т. д.

После того, как была закончена организация по районам партизанских отрядов, Губернский Ревком перенес центр тяжести работы на уезды, связываясь, в первую очередь, с теми местами, где имелись наши партийные организации; таковыми были: Павлоградский уезд, позднее туда были посланы от нас тт. Миронов, Хуторок. В очень короткий срок там охватили села Межирич, Булаховку и других девять волостей, организовали Ревкомы. В Ново-Московском уезде, в селах: Голубовке, Афанасьевке, Панасной, Всесвятской, Васильевке, Андреевке др. крестьянское движение принимало большие размеры, и нам приходилось его только направлять в общее революционное русло. Установилась связь с Луганском и др. уездами. Уезды покрылись сетью Ревкомов; они были организованы почти во всех волостях. Указания давались через представителей этих ревкомов, часто приезжавших к нам за директивами; иногда приходилось писать и направлять инструкции в Ревкомы, и давать практические указания, как должны проводить работу,

[1]) Убит на фронте.

не спеша с отдельными выступлениями, не выявляя тем самым себя, ибо после случаев отдельных выступлений направлялись большие карательные отряды, которые производили поголовное истребление восставших крестьян, а это разбивало силы. Выезжали и наши представители для инструктирования работы и направления деятельности ревкомов. Тов. Золотов выезжал в ряд сел Новомосковского уезда, тов. Амосов — в Павлоградский уезд, я — в село Елизаветовку, Новомосковского уезда и ряд других тт. в другие села нашей губернии.

Обстановка создалась в общем такая: после перехода власти к гетману, а в связи с этим — с возвращением помещиков в свои владения, кулачье начало вооружаться, начались разгромы бедняцких хозяйств, усилились экзекуции со стороны карательных отрядов, руководимых офицерами и помещиками. Эти жестокости невмоготу было выносить крестьянству, и многие направлялись в город, где часть оставалась для комплектования местных отрядов, а часть направлялась в Курск для укомплектования формировавшейся там украинской Красной Армии; во многих местах были самостоятельные выступления.

На одном из заседаний Ревкома в кв. тов. Лагутенко мы написали приказ всем Ревкомам не поддаваться на провокацию, не делать одиночных неорганизованных выступлений и ждать общего приказа о выступлении от Губревкома.

В августе месяце прибыл совершенно неожиданно для нас приказ за подписью тов. Бубнова о немедленном выступлении с указанием, что революционные повстанцы Черниговщины, под руководством тов. Крапивянского, заняли губернию и необходимо выступить решительно и всем остальным губерниям. Долго обсуждали этот приказ на Днепре, совместно с представителем Областкома и, в результате всестороннего обсуждения, взвесив наши силы и силы противника, пришли к выводу, что приказ несвоевременный и выступать нельзя. Впоследствии линия наша была одобрена и центром. В сентябре получили приказ вооружить каждого повстанца и быть наготове. От ходоков из сел не было никакого покоя. Каждый день являлись по несколько человек с требованием немедленного выступления и сообщениями, что крестьянство дальше не может терпеть. С трудом приходилось убеждать, доказывая несвоевременность выступления, предлагать крепиться и ждать приказа.

Наступили Октябрьские торжества. В подпольи все были уверены, что в эти дни мы получим приказ о выступлении и таким порядком сумеем отпраздновать годовщину завоевания власти в Екатеринославе. Но приказа мы не получили, и вынуждены были ограничиться проведением партийных собраний, на заводах вывесили флаги и распространили летучки о значении Октября.

В ноябре город начал переживать тревожные дни. Среди австрогерманцев началось разложение. Рабочие все в большей мере революционизировались и начали требовать вмешательства в дела городской власти. Не дождавшись приказа, рискуя выпустить инициативу из своих рук, мы решили выступить в ночь с 18 на 19 ноября.

Первым выступил Кайдакский район, одновременно послав извещения и нам, в Фабрично-Чечелевский район, о необходимости подкрепления. В Кайдаках с несколькими партизанами тов. Золотов обезоружил часть вартовых и направился к проходным завода, где помещалась Брянская часть. Здесь встретились отряды наш и тов. Золотова, обез-

оружили вартовых и, получив подкрепление из-за Днепра, начали наступление на казармы вартовых Брянской части. Командование над всеми партизанами было поручено мне. Вооружены были отряды винтовками, обрезами, револьверами, бомбами. Отпора не встретили; бросились к казармам, на „ура" никто не ответил. Здание было закрыто. Стучим, требуем открыть от имени восставшего пролетариата. Открыл старший по команде. Взяли 250 винтовок и до 40 маузеров и на двуколках отправили в Кайдаки, где был центр. По возвращении с трофеями установили в Кайдаках Советскую власть, выбросили флаг и об'явили прием в армию, ибо у нас был излишек оружия. Дали знать Амур-Нижнеднепровску, Новомосковску и Павлограду о необходимости выступления. Вскорости в Нижнеднепровске также была захвачена варта врасплох, обезоружена и об'явлена власть Советов. То же последовало в Новомосковске и Павлограде. Кайдакская республика постепенно расширялась за счет рабочих районов Фабрики и Чечелевки, приближаясь, таким образом, к вокзалу и городу. Штаб перевели в завод Рудзского на Фабрику. Станция Горяиново была занята нами, и мы не давали возможности пропускать продовольствие петлюровской армии с запада, а Амур-Нижнеднепровск, куда я вскоре был переброшен, не пропускал его со стороны востока. Город был блокирован.

В это время в городе было четыре власти: рабочие районы, Кайдаки Фабрика, Чечелевка, ст. Горяиново — с одной стороны, Амур-Нижднепровск, Султановка, Поповка — с другой стороны, были в наших руках; вокзал, мост и привокзальная часть — в руках петлюровцев; центр города и почта—в руках немцев, нагорная часть города и казарменные участки—у 8-го корпуса. Так продолжалось около месяца. Петлюровцы все время старались спровоцировать своих солдат на столкновение с нами, стремились обезоружить нас и занять станцию Горяиново. Неоднократно под'езжали на броневике к ст. Горяиново, но после наших митингов, и разоблачений авантюристической деятельности Петлюры и его сподвижников, солдаты отказывались выполнять распоряжения своих командиров.

Перед нами стояла сложная задача — как занять город. Неоднократно обсуждался этот вопрос в Губкоме. Итти своими силами на захват города мы не решались, хотя у нас было большое количество вооруженных рабочих и крестьян и можно было еще затребовать несколько сот партизан из двух уездов.

Петлюровцы не оставляли мысли обезоружить наши силы, находившиеся в штабе на Фабрике. Отобрав надежные силы и воспользовавшись тем, что наши две роты направились в Каменское для обезоруживания немцев, они напали на наш штаб на Фабрике, разгромили его и часть повстанцев обезоружили. Незахваченные переправились через Днепр и явились в штаб, расположенный в заводе Гантке в Нижнеднепровске.

После разоружения нашего штаба решено было вступить в военный контакт с Махно и договориться с ним относительно об'единенного наступления на город. Мы условились с ним обменяться представителями в штабах. К махновцам был послан т. Колос, к нам в штаб от Махно приехал Шевченко-Марченко, который пробыл несколько дней и выехал с докладом к Махно. Состоялось формальное соглашение о наступлении.

Перед наступлением на последнем заседании Губкома в Нижнеднепровске, на котором присутствовали, кроме членов Губкома, член ЦК'а тов. Александр, член Областкома тов. Клочко Володя и ряд других

товарищей, обсуждался вопрос о захвате власти и следует ли это сейчас делать; развернулись горячие прения; ряд товарищей находил, что выступление еще преждевременно, в том числе и тов. Клочко; я и Григорий (Крейсберг) были за то, чтобы немедля повести наступление на город. Абсолютным большинством было решено наступать немедленно и войти в контакт с Махно.

Сконструировался Ревком в новом составе; я был назначен начальником штаба, Махно — командующим всеми войсками. Подошли несколько эшелонов Махновской армии во главе с Махно на ст. Нижнеднепровск и ждали приказания о наступлении на город.

Наш план наступления был таков: по пешеходной части моста отправляются несколько партизан под видом рабочих, идущих в завод. Как только они дойдут до постов петлюровцев, пускается через мост паровоз и прочищает путь. Если бы петлюровцы задумали загородить выходной путь с моста, этот паровоз своим толчком дал бы гул, означавший для нас невозможность продвижения эшелонов. Вслед за группами рабочих отправляются две роты в пешем порядке по мосту. Внизу по ж.-д. пути двигается эшелон, который должен выгрузиться в Екатеринославе и начать общее наступление, присоединившись к остальным ротам, ушедшим раньше. Этот план был осуществлен полностью. Задача была выполнена целиком, и вокзал с прилегающими улицами был занят нами. При занятии вокзала мы взяли два орудия, которые сейчас же обратили против противника. Бои за овладение Екатеринославом продолжались четверо суток. Город был очищен от петлюровских войск. В первые дни нашего наступления петлюровцы хотели создать панику в наших рядах и пустили бронированный автомобиль от почты по направлению к вокзалу, который на своем пути все время строчил из пулемета, и, когда он стал подходить к вокзалу, получилась сумятица среди партизан, но у вокзала стояла трехдюймовка. Метким прицелом с одного выстрела автомобиль был сбит и тем самым паника ликвидирована.

Махновские части, вступив в город, принялись за грабежи магазинов. Несмотря на мои указания Махно на недопустимость таких действий и его заверения о прекращении, грабежи не прекратились.

Заняв город, мы приступили к формированию временной власти. Появились на сцену эс-эры и вступили в соглашение с Махно о создании Ревкома на паритетных началах, — 5 человек большевиков, 5 махновцев и 5 эс-эров. Мы ни в коем случае не могли согласиться с этим. Завязалась сильная борьба. Махно стоял за эс-эров, зная, что они будут поддерживать его во всех отношениях. Мы считали, что с партией, которая не пользуется доверием рабочего класса и не стоит на революционном пути, итти в блок нельзя. Пока мы вели споры, петлюровцы получили подкрепление со стороны Верховцево и повели наступление на город, под командой Мелашко. Несмотря на то, что за эти дни мы получили подкрепление партизан из Павлоградского и Новомосковского уездов и наша армия представляла довольно внушительную силу, противник, благодаря разложению части партизан, занявшихся грабежами, сбил наши части с оборонительных позиций и заставил нас стремительно отступить на Амур-Нижнеднепровск. Мы не успели даже сообщить ничего Губкому, заседавшему в городе, на Проспекте, в доме бывш. Урусова, и не смогли дать знать об отступлении нашим двум ротам, оставшимся в нагорной части в казармах. Они вынуждены были в бес-

порядке отступать через Днепр по льду. Большая часть погибла там, под артиллерийским обстрелом со стороны противника. Махно удрал раньше всех, не отдав никаких распоряжений. В Амуре я встретился с Махно и предложил не отходить дальше, но он был сам панически настроен, начал говорить, что на него было покушение, почему он покидает территорию Амур-Нижнеднепровска и направляется в Гуляй-Поле. „Как хотите, так и защищайтесь", закончил он. Я распорядился поставить караул у моста с бомбометами, а всем остальным приказал отправиться в Нижнеднепровск. Противник усилил обстрел Амура и Нижнеднепровска. Наступали сумерки, караул пришлось снять и отойти к Нижнеднепровску. Среди наших войск началась паника; партизаны Новомосковского и Павлоградского уездов отправились пешком на Новомосковск, несмотря на все наши уговоры. Положение безвыходное. Решили имеющееся имущество отправить эшелонами на Павлоград, где власть была в руках восставших рабочих и крестья Но отправить эшелон не удалось: железнодорожники устроили ему крушение, завалив оба пути вагонами. Это было сделано с целью не дать возможности вывезти орудия. Я с товарищами отправился пешком в Новомосковск, дав указания остаткам партизан отходить туда же, а оттуда направиться в Павлоград. Ночью вспомнили, что оставили на платформах орудия, которые с успехом можно было вывезти в Новомосковск, выслали разведку для выяснения, занят ли Нижнеднепровск петлюровцами и послали паровоз для спасения оставшихся орудий. Противник артиллерийским огнем не подпустил близко к вокзалу. Через несколько дней отступили в Павлоград.

В Павлограде я был назначен командовать группой по прорыву на Харьков; задача было соединиться с нашей наступавшей регулярной Красной армией. За очень короткое время мы сумели оттиснуть противника к Лозовой, на которую повели ожесточенное наступление, однако не хватило патронов, и мы вынуждены были отступить обратно к Павлограду.

Проработав некоторое время в Павлограде, группа товарищей, я, Золотов, Дербасов возвратились опять в Екатеринослав для подпольной работы, где приступили к работе по собиранию оружия и организации отряда из оставшихся товарищей, чтобы помешать отступлению частей петлюровской армии. Наша Красная армия была уже в Лозовой и быстро продвигались к Екатеринославу. Петлюровцы отступали. В последние дни их пребывания группа товарищей, я, Золотов, Дербасов и др., откопав оружие, решили обезоружить начальника варты Кайдакской части. Несколько человек с револьверами и бомбами окружили его дом и начали бросать бомбы, но они не разрывались. У него же оказался пулемет, из которого он открыл стрельбу—одного убил, ранил тов. Золотова в руку, заставил нас отступить, сел на тачанку и удрал с Кайдак.

На следующий день началось отступление петлюровцев. Нам надо было взорвать котлован, но среди нас не нашлось подрывников, и мы вынуждены были ограничиться только обезоруживанием отступающих солдат, что особенно энергично делали рабочие Брянского завода.

В январе в город вступила Красная Армия.

Я. Кузнецов.

Полоса партизанщины.

Пробыв недолго в Москве, по совету некоторых товарищей из ЦК КПБУ, я уехал на Украину для подпольной работы в Екатеринославской губ., Новомосковском уезде; пробыв и здесь некоторое время и нащупав почву для подпольной работы в районе Петриковки, Елисаветовки, я направился обратно через границу. На ст. Белинихино я узнал, что в Орле создан ЦК КПБУ во главе с Петровским, Квирингом, Затонским, Пятаковым, Бубновым, Гопнер С., куда я прибыл и получил письмо за подписью т. Квиринга и Затонского на ст. Зернова (возле Брянска) к тов. Аксентьеву, который по этому письму вручил мне 800 руб. и письмо для получения одного пуда динамита и пироксилина в г. Курске, в военном Украинском Бюро, у тов. Иванова Андрея. Получив полпуда динамита и столько же пироксилина я отправился к месту назначения, в Новомосковский уезд Екатеринославской губ.

Со мною ехал мой отец, которому надоели немецкие шомпола и гайдамацкие нагайки. Дорога была тяжелая; с минуты на минуту я ожидал у себя обыска. Но дорога прошла благополучно.

Прибыв в Екатеринослав, я пошел разыскивать указанную мне ЦК явку, но она была провалена, и за этой квартирой было установлено наблюдение сыскной полиции и гетманщины. Так как больше ничего не оставалось делать, я отправился со своей ношей в район Петриковка-Елисаветовка-Поповобаловка для подпольной работы и организации революционных отрядов. Здесь я связался с беспартийными товарищами и независимо от их партийности совместно с ними устроил совещание на одном из островов, где находился маленький домик Федора Данченко. Повестка дня была следующая:

1) Организационная работа среди крестьянства и подпольная вербовка красных партизан.

2) Избрание руководящего Ревкома, в состав которого вошли: старик Литвин Платон, тов. Барабаш, т. Куприй, старик Повор, т. Кремень, т. Невстакай, т. Скачко А. Т., т. Гаража и т. Данченко.

Организация работала довольно активно, распространяла листовки, воззвания, изданные Областным Комитетом Донецко-Криворожского бассейна.

Не помню точно, какого числа и месяца, под осень 1918 г. нами было поднято восстание. Первым был захвачен пристанский участок: Елисаветовка, Паньковка, Петриковка, Чаплинка. Часть захваченной варты была расстреляна, и оружие отобрано для вооружения красных повстанцев. При разоружении в Поповобаловке был убит знаменитый пристав Ерошенко и расстрелян урядник Козин, которые зверски расправлялись с крестьянством за службу в Красной армии и даже за сочувствие к большевикам и Совласти. Торжествовали красные повстанцы недолго, так как на них наступал хорошо вооруженный контр-революционный отряд Чернова; мы не выдержали натиска и должны были отойти,

потеряв несколько убитых, а двух товарищей из нашего Штаба Чернов захватил и повесил. Мы отступали на Елисаветовку, Николаевку с таким расчетом, чтобы здесь связаться с революционными рабочими и подпольным Ревкомом для захвата Каменского. Но Каменская организация была не совсем готова к этому, в виду чего мы сложили оружие и разошлись с уговором по первому сигналу снова сорганизоваться.

Когда каменские рабочие решили подняться по тревожному гудку Днепровского завода, красные повстанцы, как один, снова взялись за оружие. С первым же нашим наступлением, вторично ночью были захвачены Елисаветовка, Новоселовка и Поповобаловка; банды контрреволюционера отходили на восток, по направлению Новомосковска. Мы были заняты работой по разоружению остатка варты. Штаб наш был основан в местечке Петриковка. В это время кое-где уже начала процветать петлюровщина. Вочероватая, Спасская и много др. пунктов были заняты ими. Нашей задачей было разоружать петлюровские отряды Сторублевых, Кондратенко и многих других. При посылке нашей делегации в Каменское делегатами были: Кругляк К. и Невстакай, которые по возвращению сообщили, что там находятся еще немцы и что немцами взяты в заложники каменские коммунисты. Мы немедленно двинули на Каменское весь свой отряд для освобождения рабочих. Днепр чуть замерз, но мы не унывали и перебрались через Днепр, переводя с собой и кавалерию. Перед входом наших в Каменское нас встретили рабочие и вооруженные повстанцы с. Кайдак с духовым оркестром музыки; помню, из командного состава встречали нас: тт. Панченко, Степанов, С. Безпалов. Красные повстанцы встречались криками „ура". Помню, как некоторые рабочие кричали: „да здравствуют Красные орлы, освободители рабочего класса и крестьянства!" Наша часть прибыла в Каменское совместно с другими; там было военное совещание, на котором присутствовали тт. Лихоманов, Беспалов, Цурик и много др. Было решено взорвать полотно железной дороги на линии Воскобойни, дабы этим не дать возможности удирать немецким частям, находившимся в это время на ст. Запорожье (ныне Баглей). Туда была направлена наша кавалерия. Мы начали наступать. Поднялась стрельба, трескотня пулеметов; в ответ подходящими немецкими эшелонами также была открыта стрельба (наша кавалерия не успела взорвать линии в районе Воскобойни). Немецкий эшелон, сильно потрепанный, ушел, некоторые немцы на ходу спрыгивали, боясь смерти на поезде. Мы взяли Запорожье (ныне Баглей).

Немцы с поднятыми руками бежали к нам с криками: „сдаемся", „не бей". От них мы узнали о том, что часть оружия, находившегося у немцев, отобрана петлюровцами. Незначительную часть взяли мы. Нами было захвачено два эшелона с большим в то время для нас кладом, как-то: сбруей, одеялами, обмундированием и разным продовольствием. Когда мы вернулись, к нам прибыли гости из Кайдак — т. Курочкин и Черевишный с указанием от тов. Золотова об оказании им помощи в захвате Екатеринослава, так как их отряду, стоявшему на Кайдаках, угрожала опасность со стороны петлюровских банд Горобца.

Мы двинулись в Екатеринослав.

В Н.-Днепровске наш отряд встретился с Махно и его отрядом, который нам тогда помогал в борьбе с петлюровцами. Штаб находился в заводе Гантке, куда я и направился. После переговоров я поехал с Махно

поездом на ст. Екатеринослав, где стоял боевой Штаб. Там я встретил тов. Денисенко, Мартыненко, Колоса и много других. В Екатеринославе шел бой, и наш отряд также выступал против петлюровцев.

Прошло три дня беспрерывных уличных боев Петлюровцы были выбиты на четвертый день, но Махно с эс-эрами стал готовиться к какой-то авантюре. На наши требования об отпуске патронов стали присылать в насмешку записки: „если винтовки русские, то пришлем патроны австрийские“ и т. д. Махно стал спешно вывозить все военное снабжение в Гуляйполе. Махновцы занялись грабежом. Когда началось контр-наступление петлюровцев, то наши силы были дезорганизованы, и должного сопротивления дать мы не могли. Напрасны были наши попытки восстановить фронт при наступлении атамана Самокиша. Им можно было бы дать отпор, если-б Махно не дезорганизовал тыла паническим бегством своей кавалерии. К тому же Махно снял свой отряд с правого фланга. Петлюровцы хотели было захватить Днепровский мост и, таким образом, отрезать нас, но наш бронепоезд удерживал станцию, прикрывая нам отступление через мост. Часть повстанцев, которая была около Федоссийских казарм, была отрезана и стала перебираться через Днепр. Лед был тонкий и много бойцов потонуло.

Так мы отступили из Екатеринослава. Далее, я со своим отрядом пошел на Петриковку, где держал связь с Новомосковским полком, продолжая вести борьбу с петлюровцами до прихода Красной армии.

Красная армия пришла с севера, во главе с тов. Дыбенко. Помню одно из воззваний, выпущенное штабом тов. Дыбенко. В нем было обращение к петлюровцам: „Сдавайтесь, иначе дуло тяжелых орудий смотрит на вас“.

Город был взят, и часть наших повстанцев была передана в первый Екатеринославский полк.

Лантух.

Каменское в 1918 году.

В конце декабря месяца 1917 года Штабу Красной Гвардии стало известно, что в г. Верхнеднепровске из водочного завода раздают спирт населению. Выяснилась следующая картина: Совет Рабочих Депутатов в г. Верхнеднепровске вынужден был санкционировать выдачу водки населению, так как каждый день за этим приезжали из ближайших сел до 5-ти тысяч человек крестьян, а также и местное население. Можно себе представить, какой мог выйти ужас, если пьяные толпами стали бы появляться на улицах. Нашлись, конечно, предпримчивые люди, которые и здесь хотели воспользоваться отсталостью крестьян. Начали распространяться самые различные провокационные слухи. Контр-революционеры хотели натравить темную и пьяную толпу на евреев, дабы устроить погром. Такое положение не могло быть терпимым, и Революционный Комитет командировал 400—500 человек красногвардейцев с пулеметами. Приближаясь к станции Запорожье, мы узнали о том, что гайдамаки из села Саксагань на 3-й версте возле ст. Верхнеднепровск разобрали железнодорожный путь и тем самым нарушили нормальное движение.

По приезде на ст. Верхнеднепровск мы обратились к администрации и персоналу станции с вопросом: известно ли им то, что путь разобран и что поезда из Пятихаток уже нет 3 суток. На станции заявили, что ничего не знают. Мы послали разведку по путям, обнаружены были разобранные рельсы, из которых действительно на 3-й версте 6 штук были увезены. Тут нам стала понятна политика петлюровской администрации станции, которая, отговариваясь незнанием, думала пустить нас под откос.

Нами было предложено немедленно восстановить путь. После этого мы в походном порядке, пешком направились в Верхнеднепровск. Мы шли ночью. Перед рассветом мы пришли в Верхнеднепровск на водочный завод, вокруг которого был расставлен усиленный караул и пулеметы. Эти меры мы приняли, так как не без оснований ожидали нападения контр-революционеров, руководимых офицерством, так называемого Союза „георгиевских кавалеров“,— с одной стороны, и с другой — нападения тысячной толпы крестьян — демобилизованных солдат царской армии. На заседании в штабе Красной Гвардии совместно с организациями г. Верхнеднепровска решено было всю водку в количестве 12-ти тысяч ведер и 80 тис. ведер спирта выпустить в канаву через канализацию, что и было нами проделано. Только около 3-х тысяч ведер спирта удалось вывезти для технических надобностей и для лазаретов.

Снова за разоружение.

Почти все части, проходившие в 1917 году через Запорожье (Баглей), разоружались Красной Гвардией. С января же месяца 1918 года разоружались лишь те части, которые не были настроены

революционно; те же которые примкнули к нашей партии большевиков и стояли за власть Советов, проходили на родину с оружием.

О настроениях в эшелонах, возвращающихся на родину, мы узнавали через нашу разведку, которая была организована по железнодорожной линии в сторону Киева на 150—200 верст.

Был однажды очень интересный момент. В январе месяце 1918 г. нам стало известно о том, что с Юго-Западного фронта направляется через Екатеринослав одна из дивизий. Собрав отряд красногвардейцев из 70-80 пехотинцев и, захватив с собою пулеметы и трехдюймовки, мы направились к станции Баглей и остановились, не доезжая 3-х верст до станции.

По приезде на станцию солдаты в эшелонах начали просыпаться и, увидя, что нас мало, подстрекаемые офицерством, начали всячески стараться не сдавать оружие. Видя, что дело может кончиться кровопролитием, мы устроили митинг, на котором выступали и наши и их ораторы. Они жаловались на то, что не получают жалованья уже три месяца и на многое другое. Мы предложили одному из них поехать на нашем автомобиле в Екатеринослав и получить в Военно-Революционном Комитете деньги. От нас поехал Миша Арсеничев и еще кто-то. К вечеру того же дня были привезены деньги. До приезда посланных мы предложили солдатам пойти в заводскую баню. Они охотно согласились. Таким образом рассеялась раскаленная атмосфера и они мало-по-малу начали сдавать нам оружие. Наш арсенал значительно увеличился. Мы получили более полсотни пулеметов, несколько 3 и 6-дюймовых орудий, несколько тысяч винтовок, револьверов и много патронов.

Борьба под Елисаветградом и Знаменкой.

В феврале и в начале марта 1918 года штабу Красной Гвардии стало известно о том, что в гор. Елисаветграде (ныне Зиновьевск) засели гайдамаки и что их необходимо во что бы то ни стало оттуда изгнать.

Дело в том, что Одесской и Николаевской группе красногвардейцев, под напором наступающих интервентов, нужно было отступать через Елисаветград, по направлению на Ростов. Это обстоятельство возлагало определенную ответственность на группу красных войск, действовавших в районах Екатеринослав, Запорожье, Пятихатка, Знаменка и Елисаветград. С другой стороны, наши части, группа войск Муравьева, под давлением австро-германских войск, отступала с Юго-Западного фронта по направлению к Знаменке. Под станцией Бобринская эти части стойко держались, не давая возможности немцам быстро продвигаться по направлению к станции Знаменке. Станция Знаменка является важным узлом. Кто ею владеет, тот будет занимать доминирующее положение по направлению с Киева на Екатеринослав через Знаменку и через Елисаветград на Одессу-Николаев.

До захвата власти гайдамаками, эс-эрами и кадетами власть в Елисаветграде находилась в руках Совета, но он реальной военной силы не имел, поэтому твердой линии проводить не мог.

В Елисаветграде, в бытность в нем анархистки Маруси Никифоровой, была наложена контрибуция на местную буржуазию. Маруся Никифорова наложила свою руку на деньги, предназначенные для вы-

ПОДПОЛЬЩИКИ 1918 г.

БРЯНСКИЙ РАЙОН

ЗОЛОТОВ

БЫЧЕНКО

АМОСОВ

СТЕПАНОВ

В тот же день к вечеру мы взяли обратно г. Елисаветград, трофеи нам достались большие: большое количество обмундирования, с'естные припасы, военные припасы, артиллерия и 3 аэроплана.

Освободили мы всех наших попавшихся и уцелевших пленных, а также арестованных коммунистов. Советская власть в Елисаветграде была восстановлена.

Брестский мир и борьба с немцами.

По вопросу о Брестском мире в Каменской организации большевиков не было единства. Были по этому вопросу три точки зрения: одна, которую выдвигал тов. Троцкий, — не мир и не война — имела у нас некоторых сторонников. Вторая точка зрения—продолжение войны, имела также некоторый успех в нашей организации. И третья самая сильная, это признание правильности Брестского мира, формулировка, известная всем, как выдвигал в свое время Ленин.

Когда австро-германцы повели наступление на Украину, эс-эры повели бешеную агитацию среди масс за войну во что бы то ни стало; так как рабочим вовсе не хотелось подчиниться австро-германскому режиму, то понятно, что настроение было воинственное. События застали Каменскую организацию большевиков врасплох.

Первые наши схватки с австро-германцами были под Знаменкой и далее по направлению Киева, а также под станцией Пятихатки, Верховцево и т. д. На нас надвигалась грозная, хорошо вооруженная и организованная австро-германская армия, развернутым фронтом в несколько десятков верст по обе стороны железной дороги. Наши красногвардейские отряды действовали разрозненно, без строгого выработанного плана действия, а также отсутствия квалифицированного командного состава. Поэтому, несмотря на революционный энтузиазм и боевое настроение рабочих, все же мы имели большие потери.

Примерно в начале апреля 1918 года мы получили приказ от Губернского Военно-Революционного Комитета города Екатеринослава собрать все вооруженные силы, а также произвести эвакуацию советских и других учреждений, двигаться на ст. Запорожье и ждать дальнейших распоряжений. По приезде на ст. Запорожье мы вооруженными силами предполагали двинуться на ст. Верховцево, но получили приказ немедленно ехать на ст. Н.-Днепровск. По приезде на ст. Н.-Днепровск группа товарищей направилась на совещание в Совет Рабочих Депутатов, где решался вопрос о создавшемся положении, в связи с быстрым наступлением австро-германцев, и вопрос о том, как быть с Екатеринославом: защищать его или же без боя отступить.

После некоторого обмена мнений было решено отступить без боя из Екатеринослава, а все отступающие красногвардейские отряды оттянуть в глубокий тыл, реорганизовать их и создать постоянную армию, после чего можно и нужно начать позиционную войну. Когда с совещания группа наших товарищей вернулась, сообщив результаты совещания, мы собирались направиться на ст. Синельниково, а оттуда в Таганрог. В это время на Екатеринослав двигалось из Мариуполя несколько эшелонов, несколько тысяч человек рабочих-красногвардейцев, хорошо вооруженных, при 105 пулеметах и 12 орудиях. Внешний вид у этих красногвардейцев был боевой, но это только по внешнему

виду, а на самом деле в серьезных боях они еще не были и боевого опыта не имели, что впоследствии и подтвердилось. Когда приехали в Н.-Днепровск несколько эшелонов красногвардейцев из Мариуполя, пошел сильный ропот и недовольство, начали упрекать нас в трусости, чуть ли не в измене. Такой образ действия мариупольцев, горевших энтузиазмом, но не учитывавших общего положения, взбудоражил нашу почти двухтысячную красногвардейскую массу. Воинственный дух мариупольцев заразил днепровцев, которые потребовали от штаба Красной Гвардии и Исполкома Совета Р. Д. немедленной отправки в Екатеринослав, а оттуда на ст. Запорожье с тем, чтобы принять бой с австро-германцами.

Командный состав Красной Гвардии отговаривал массы от ненужного боя, но ничего не помогло. И под давлением категорического требования, вопреки постановлению Совещания, эшелоны были направлены на ст. Горяиново: под Диевкой шел бой и отчетливо были слышны не только артиллерийские но и ружейные и пулеметные выстрелы. Немедленно были высажены на ст. Горяиново наши части, и в походном порядке мы двинулись по направлению к скотобойне, к полю, откуда двигались австро-германцы. Правее нас были мариупольцы. Не успели мы занять позиции, как нас артиллерийским огнем уже обстреливали немцы. Бой продолжался несколько часов; правый наш фланг, где находились мариупольцы, не выдержал. Началось беспорядочное отступление мариупольцев; вся их артиллерия с пулеметами была захвачена немцами. Многие из них попали в плен, многие были убиты во время боя, только несколько сот человек уцелело. Так поплатились мариупольцы, благодаря своей неопытности и отсутствию боевого закала.

Позиция, занятая красногвардейцами-днепровцами, была удачная: мы лежали в канаве для водостока, который служил нам окопом. Несколько раз на нас направлялся немецкий броневик, но нам удавалось его отгонять бронебойными пулями. Когда мы узнали о том, что наш правый фланг оголен и что мы с темнотой рискуем быть отрезанными, погибнуть или попасть все в плен, мы в полном порядке, длинной цепочкой, с винтовками на перевес, начали отступать через Чечелевку к железнодорожному мосту. Пройдя мост в Н.-Днепровске, мы сели в свои вагоны и направились на ст. Синельниково. С нашей стороны потери были незначительные; погибло несколько десятков человек.

Из Синельниково мы направились в Таганрог, где наш отряд реорганизовали и создали полк под командой т. Каски, присвоив полку его имя, добавили к нему несколько сот человек из других отрядов и перевели на казарменное положение. Началось военное обучение. Часть днепровцев влилась в так навываемый черноморский отряд, к морякам. Когда немцы подходили под Таганрог, полк им. Каски выступал в бой и защищал подступы к Таганрогу. Немцам не легко было взять Таганрог. Потери были чрезвычайно большие. Многие лушие пролетарии положили там свои головы за дело революции.

В. Тржасковский

ОГЛАВЛЕНИЕ